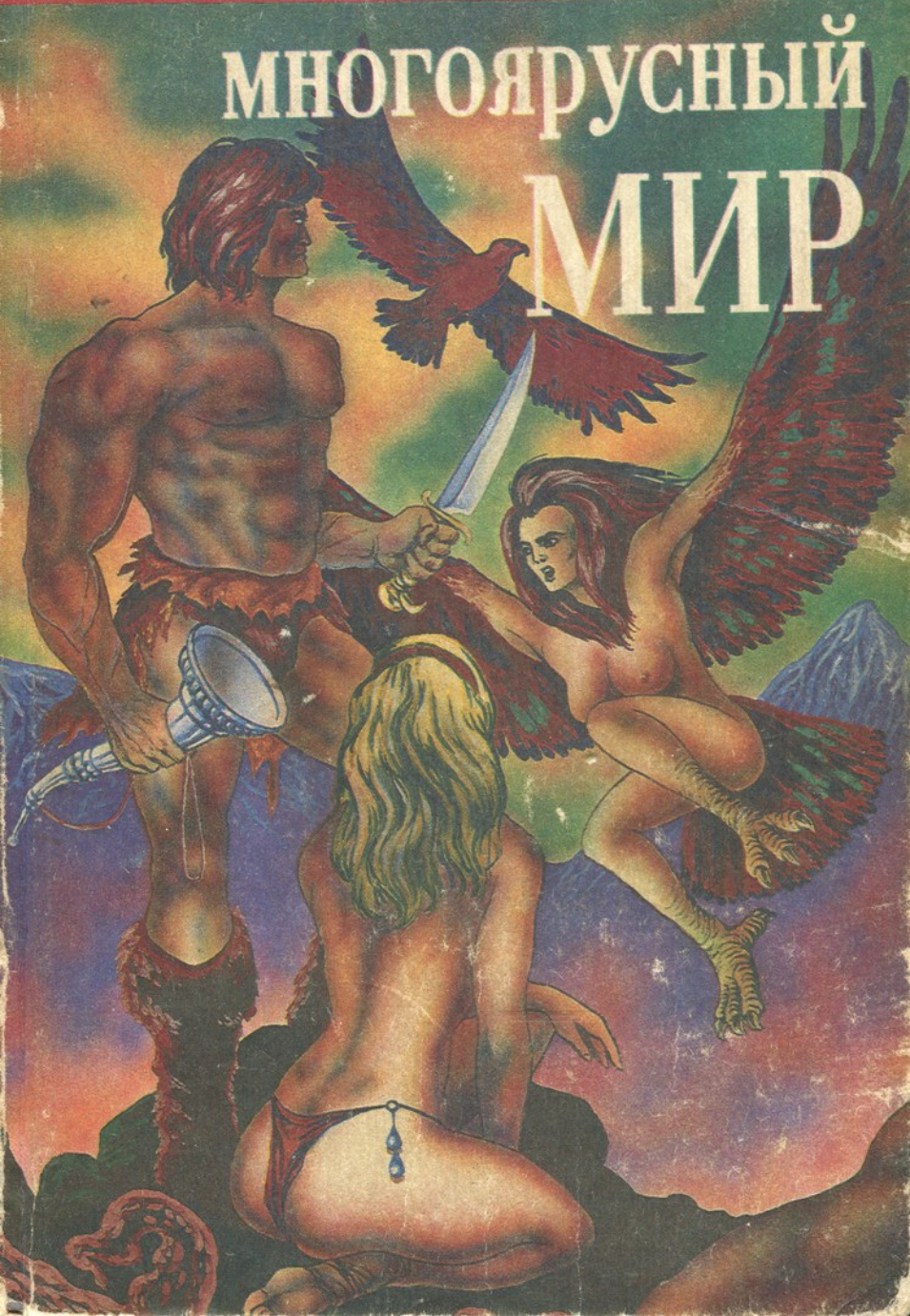

ФИЛИПП ФАРМЕР

МНОГОЯРУСНЫЙ
МИР

АССОЦИАЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВ

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

ФИЛИПП ЖОЗЕ ФАРМЕР

МНОГОЯРУСНЫЙ МИР

КРИМ-ПРЕСС
«Асмадей»
1992

ББК 84.7 США
Ф24

Филипп Ж. Фармер
МНОГОЯРУСНЫЙ МИР
Фантастические романы

Подготовка серии

К. Андронкин
Н. Демидов
К. Орленко

Редактор

Ю. Омелянюк

Технический редактор

А. Решетова

Корректор

Г. Шаровка

Художник

С. Атрошенко

Ф $\frac{4703040100}{86558-92}$ без объявл.

ISBN 5-86558-006-X

© Крим-Пресс, Асмадей, 1992

© Л.Моргун. Перевод. 1992

© С. Атрошенко. Худ. оформление. 1992

При участии ТИПЦ СП "ИнТоАлРо"

ФИЛИПП ФАРМЕР

СОЗДАТЕЛЬ ВСЕЛЕННОЙ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

PHILIP JOSE FARMER

THE MAKER OF UNIVERSE

Глава 1

Отзвук трубы донесся из-за дверей. Эти звуки были слабыми и отдаленными, словно неземное свечение серебряного фантома, но из этих звуков могли бы формироваться тени.

Роберт Вольф твердо знал, что за раздвижными дверцами стенового шкафа не может быть никакого рога и уж тем более — трубача. Ведь минуту назад он заглядывал туда и не обнаружил ничего, кроме цементного пола, белых оштукатуренных стен, вешалок и крючков для одежды, полки и лампочки.

И все же он слышал эти неясные, таинственные звуки трубы, слабые, будто доносившиеся из какого-то потустороннего мира. Он был один, так что ему не с кем было свериться относительно реальности того, что, насколько он знал, не могло быть реальным.

Было маловероятным, что для такого опыта изберут комнату, где он пребывал в состоянии транса. Но отнюдь не маловероятно, что именно его изберут для испытания.

В последнее время его беспокоили странные сны. А днем посещали такие же странные мысли и возникали мимолетные образы, живые и поразительные. Они не были желанными, но всегда неожиданными и неотразимыми.

Его наполнила тревога. Казалось нечестным — готовиться уйти на покой, и вдруг пострадать от нервного срыва. Однако и такое могло случиться, как случалось и с другими. Наверное, выход оставался один: показаться врачу. Но трудно было заставить себя действовать разум-

но. И он продолжал ждать, никому ничего не говоря, особенно жене.

Он находился в комнате для отдыха только что отстроенного дома в районе новостроек "Хохокам Хоумс", устремив взгляд на дверцы стенного шкафа. Если вновь протрубит рог, он отодвинет дверцы и докажет себе, что за ними ничего нет. И тогда, зная, что звуки рождаются в его собственном мозгу, он не будет связывать свое состояние с покупкой этого дома. Он проигнорирует истерические протесты жены и увидится сначала с доктором, а потом и с психотерапевтом.

— Роберт! — послышался голос его жены. — Тебе там не надоело? Поднимайся к нам. Мы должны кое-что обсудить с мистером Брессоном!

— Минутку, дорогая, — отозвался он.

Она окликнула его опять, на этот раз так близко, что он обернулся.

Бренда Вольф стояла на площадке лестницы. Они были одного возраста — шестьдесят шесть. Былая красота ее теперь оказалась погребенной под слоем жира, под густо нарумяненными и напудренными складками морщин, толстыми стеклами очков и седыми голубовато-стальными волосами. Он вздрогнул при виде ее, как вздрагивал всякий раз, когда видел в зеркале собственную плешивую голову, глубокие складки, пролегшие от носа до рта, и морщины, расходящиеся лучами от уголков глаз. Не в этом ли его беда? Может быть он не в состоянии приспособиться к тому, что неизбежно, что приходит ко всем, нравится им это или нет? Или просто нереализованные мечты юности вызывали у него такую неприязнь к жене и к себе самому. Время оставило следы на теле, но оказало милость, позволив жить так долго. Мир нельзя было винить в том, чем он стал. Ответственным за все был он и только он. По крайней мере, у него имелось достаточно мужества, чтобы смотреть этому факту в лицо. Он ни в чем не упрекал Вселенную или ту ее часть, которая являлась его женой. А кроме того, он не причитал, и не хныкал, как Бренда.

Бывали времена, когда хотелось и поскулить, и поплакать. Многие ли из вас не помнят себя, свою жизнь до двадцатилетнего возраста? Он думал именно о цифре двадцать, так как Вольфы, усыновившие его, сказали, что тогда он выглядел именно двадцатилетним. Он был обнаружен стариком Вольфом, бродившим в горах Кентукки, неподалеку от границы с Индианой.

Он не знал, ни кто он такой, ни как попал в Кентукки, да и само название страны — Соединенные Штаты Америки, ничего для него не значило, впрочем, как и английский язык был ему совершенно незнаком.

Вольфы взяли его к себе, о чем поставили в известность шерифа.

Проведенное властями расследование не дало никаких результатов, установить его личность не удалось. В другое время эта история могла бы привлечь внимание прессы, однако страна воевала с кайзером и думала о более важных вещах. Роберт, названный так в честь умершего сына Вольфов, сразу же включился в работу на ферме.

Полная потеря памяти не помешала ему пойти в школу. Но хуже отсутствия формальных знаний являлось его абсолютное неведение относительно того, как следует себя вести в окружающей действительности. Он то и дело смущал или оскорблял людей, часто сам страдая от презрения, а порой и жестокой насмешки окружающих, но быстро учился, а его готовность упорно трудиться, плюс способность к самозащите быстро завоевывали ему уважение.

В удивительно короткий срок, словно повторяя усвоенное, он закончил начальную, а затем среднюю школу. Сдав экстерном вступительные экзамены, он начал обучение в университете. Здесь у него появилась, сохранившись на всю жизнь, тяга к классическим языкам.

Наибольшее предпочтение он отдавал древнегреческому. Ему казалось, что звуки этого языка странным образом волнуют его. Он чувствовал древнегреческий лучше других языков.

Получив диплом доктора философии Чикагского университета, Вольф преподавал в различных университетах как Восточных, так и Средне-Западных, потом женился на Бренде, чудной девушке с замечательной душой. Или так ему казалось вначале. Позже иллюзии рассеялись, но какая-то дымка былого счастья все еще витала в атмосфере их дома. Но чаще и чаще беспокоила его тайна амнезии и его происхождения. Долгое время он старался об этом не думать, но теперь, с уходом на покой...

— Роберт! — громко произнесла Бренда. — Сейчас же поднимайся сюда! У мистера Брессона очень мало времени!

— Я уверен, что мы не первые клиенты мистера Брессона, желающие осмотреть дом не торопясь, — мягко ответил он. — Или ты уже решила не покупать этот дом?

Бренда обожгла его взглядом, а затем удалилась с видом оскорбленного достоинства. Он тяжело вздохнул, предчувствуя ее обвинения в том, что он выставил ее в глупом виде перед агентом по продаже недвижимости.

Он снова повернулся к стенному шкафу.

Решится ли он открыть его? Нелепо было стоять так, терзаясь сомнениями. Но он не шевелился и только вздрогнул, когда рожок за дверцами снова издал семь нот, но звуки на этот раз были громче.

Сердце снова скнуло к груди. Он заставил себя медленно подойти к шкафу и слегка надавить на створку, отодвигая дверь в сторону. Легкий шум открываемой двери на мгновение заглушил рог.

Белая стена исчезла. Вместо нее перед взором Вольфа предстала удивительная сцена. В отверстие, достаточное, чтобы он прошел через него, струились лучи солнца. Растительность на открывшейся ему картинке отдаленно напоминала земные деревья. Сквозь причудливые ветви и стволы он увидел небо ярко-зеленого цвета. А внизу, под деревьями кто-то шевелился. У подножия гигантского валуна топталось шесть-семь безобразных существ с черными мохнатыми уродливыми телами. Они стояли спиной к Вольфу, и только профиль одного он смог рассмотреть на фоне зеленого неба.

Форма его головы мало походила на человеческую, выражение лица было злобным. На всем теле ясно виднелись какие-то выпуклости, неровности. Складывалось впечатление, что Создатель не успел завершить это творение. Две короткие ноги больше походили на собачьи лапы. Это существо протягивало длинные руки к молодому человеку, стоявшему на вершине валуна. На нем виднелась только набедренная повязка из оленьей кожи и мокасины. Юноша был высокого роста, мускулистым и широкоплечим. Ровный загар красиво покрывал его обнаженное тело.

Лицо дышало внутренней силой и решительностью. На нем резко выделялась длинная верхняя губа. В руках он держал инструмент, который, скорее всего, и издавал слышанные Вольфом звуки.

Этот человек резко отбросил ударом ноги одно из уродливых существ, подползавшее к нему, цепляясь за выступ валуна. Он снова поднес к губам серебряный рог, но вдруг увидел стоявшего в отверстии Вольфа. Широкая улыбка осветила его лицо, обнажив ряд белых зубов.

— Так значит, ты наконец явился! — выкрикнул он.

Вольф не шевельнулся и не ответил. Он только подумал: "Теперь уж я действительно сошел с ума! Не просто слуховые галлюцинации, но и зрительные! Что дальше? Следует ли мне бежать или тихо уйти и заявить Бренде, что я должен немедленно увидаться с доктором?"

Он сделал шаг назад. Отверстие начало закрываться, белые стены вновь обретали свою материальность. Или, скорее, он начал обретать реальность.

— Вот! — крикнул юноша на вершине валуна. — Лови!

И он бросил Вольфу рог. Переворачиваясь в воздухе и блестя в солнечных лучах, рог полетел прямо к отверстию и, пройдя сквозь него, попал Вольфу прямо в колено.

Боль от этого удара была так сильна, что в материальности предмета, причинившего ее, сомневаться не приходилось. Он увидел сквозь медленно закрывавшееся отверстие, как юноша поднял руку, сложил в кольцо большой и указательный пальцы, улыбнулся и крикнул:

— Желаю удачи! Надеюсь, мы скоро увидимся. Я — Кикаха!

Свет постепенно мерк, и предметы странного мира начали терять четкость очертаний. Но он еще видел достаточно хорошо и, бросив последний взгляд на уходящий от него загадочный мир, вдруг заметил девушку, выглянувшую из-за дерева.

У нее были огромные глаза, чем-то напоминающие кошачьи, четко очерченные алые губы, золотисто-коричневая кожа. Густые волнистые волосы струились по плечам, почти касаясь земли.

Затем стены вдруг стали белыми, чем-то напоминая закатившийся зрачок. Все вокруг приобрело прежний свой вид. И только боль в колене и рог, лежавший на полу, убеждали Вольфа в том, что это был не сон.

Он поднял рог и внимательно осмотрел его. Он больше не считал себя сумасшедшим, хотя и был несколько ошеломлен этим происшествием. Заглянув в другую Вселенную, он получил оттуда сувенир — зачем и для чего, он еще не знал.

Рог был около двух с половиной футов длиной и весил меньше четверти фунта. Формой он напоминал рог африканского буйвола, с сильно расширяющимся концом. На узкий конец был насажен мундштук из незнакомого Вольфу мягкого золотистого материала. Сам рог был сделан из серебра или посеребренного металла. Покрутив его в руках, Вольф обнаружил семь маленьких кнопок, расположенных в ряд. Внутри мундштука находилось переплете-

ние из серебристых нитей. Если держать рог под углом к свету, то казалось, что эта паутинка расположена глубоко в основании.

Именно сейчас свет падал на странный предмет так, что Вольф смог разглядеть то, что пропустил во время первого беглого изучения. Между мундштуком и раструбом рога виднелся иероглиф. Вольф был экспертом по многим типам алфавитной письменности, иероглифам и пиктограммам, но подобное начертание видел впервые.

— Роберт! — окликнула его жена.

— Сейчас иду, дорогая!

Он положил рог в правый угол стенного шкафа и закрыл дверь. Теперь ему надо как-то вынести этот предмет из дома, и вынести незаметно. Ведь он вошел в дом без него, и, следовательно, Брессон вполне может объявить инструмент собственностью фирмы, сдающей это помещение.

Вольф пребывал в мучительной неуверенности.

Как ему вынести рог из этого дома? Что может помешать Брессону привести сюда новых клиентов, возможно даже сегодня? И они непременно увидят рог, как только откроют дверь стенного шкафа.

Вольф поднялся по лестнице в большую гостиную.

Бренда все еще была рассержена. Брессон, круглолицый человек в очках, лет тридцати пяти, похоже, чувствовал себя неуютно, хоть и вымучивал нечто подобное улыбке.

— Ну, и как вам тут понравилось? — спросил он.

— Очень, — сказал Вольф. — Это напоминает мне мой родной дом.

— Мне он тоже нравится, — заявил Брессон. — Я ведь родом со Среднего Запада.

Вольф подошел к окну и выглянул наружу. Полуденное майское солнце ярко светило с голубых небес Аризоны. Лужайка была покрыта изумрудной бермудской травой, посаженной, наверное, недели три назад, новой, как и сами дома в этом только что выстроенном районе.

— Почти все дома одноэтажные, — говорил в этот момент Брессон. — В почве преобладает твердая селитра, и все земляные работы стоят немалых средств, но, несмотря на это, дома здесь все-таки недороги.

“Если бы эту селитру не выкопали, — подумал Вольф, — в том месте, под комнатой отдыха, что бы тогда смог увидеть человек с другой стороны, когда появилось

отверстие? Только землю. И рог навсегда остался бы у него.”

— Может быть, вы читали о том, в связи с чем было задержано открытие этого района,— сказал Брессон.— Во время работ здесь обнаружили старое поселение хохокамов.

— Хохокамов? — переспросила миссис Вольф.— А кто это?

— Многие, приезжающие в Аризону, тоже никогда не слышали о них,— ответил Брессон.— Но долго прожив в районе Феникса, сложно не наткнуться на упоминания об этом племени. Это — индейцы, жившие давным-давно в Солнечной Долине. Они могли появиться здесь, по меньшей мере, 1200 лет назад. Хохокамы рыли мощные оросительные каналы, создали многочисленные поселения и были достаточно цивилизованы. Но потом с ними что-то произошло, никто не знает, что именно. Они исчезли несколько сот лет назад. Некоторые археологи утверждают, что индейцы папаго и пима — их потомки.

— Видела я их,— фыркнула миссис Вольф,— вряд ли они способны построить что-либо, кроме тех жалких глинобитных хижин в резервации.

Вольф обернулся к ней и с раздражением сказал:

— Про современных майя тоже не скажешь, что они могли когда-нибудь построить свои храмы или изобрести понятие нуля. Но однако они это сделали.

Бренда разинула рот. Улыбка Брессона стала еще более натянутой.

— Так или иначе,— продолжил он,— нам пришлось отложить выемку грунта, пока не поработали археологи. Строительство пришлось задерживать примерно на три месяца, но мы ничего не могли поделать, так как штат связывает нам руки. Для вас, однако, это может быть удачей. Если бы нас не задержали, все эти дома могли быть уже проданы. Так что все оборачивается к лучшему, не так ли?

Он широко улыбнулся и перевел взгляд с одного на другую.

Вольф помолчал, глубоко вздохнул, представляя, что услышит сейчас от Бренды, и сказал:

— Мы его берем. И подпишем необходимые документы немедленно.

— Роберт! — взвизгнула Бренда.— Ты даже не спрашиваешь меня?!

— Сожалею, дорогая, но я уже принял решение.

— Ну, а я — нет!

— Уважаемые, не нужно так торопиться, — вмешался Брессон с отчаянной улыбкой. — Не спешите, обговорите все. Если кто-то и купит этот конкретный дом раньше вас — возможно, и сегодня, ведь строения здесь продаются, как горячие пирожки, — имеется еще множество других домов, точь-в-точь похожих на этот.

— Я хочу именно э т о т дом.

— Роберт, ты с ума сошел? — застонала Бренда. — Я никогда не видела, чтобы ты вел себя подобным образом.

— Всю жизнь я уступал тебе, — бросил он. — Я хотел, чтобы ты была счастлива. А теперь ты уступи мне. Просьба не так уж велика. Тем более, утром ты сказала, что хотела бы дом именно такого типа, а “Хохокам Хоумс” — единственный район, где мы можем себе позволить подобное приобретение. Давай подпишем сейчас предварительные документы. Я могу выписать чек в качестве задатка.

— Я не подпишу этого, Роберт.

— Почему бы вам не поехать домой и не обсудить эту проблему? — предложил Брессон. — Я в вашем распоряжении, как только вы придете к обоюдному решению.

— Разве мой подписи не достаточно? — настаивал Вольф.

Сохраняя напряженную улыбку, Брессон сказал:

— Сожалею, но миссис Вольф тоже должна подписать этот документ.

Бренда победоносно улыбнулась.

— Тогда обещайте мне, что вы не будете его больше никому показывать, — попросил Вольф. — Во всяком случае, хотя бы до завтра. Если вам нужны гарантии, я могу выписать вам любой задаток.

— О, в этом нет необходимости.

Брессон двинулся к двери с поспешностью, выдававшей его желание поскорее выбраться из этой нелегкой ситуации.

— Я не буду его никому показывать, пока не услышу от вас окончательного ответа утром.

На обратном пути в Телив, где они жили в мотеле под названием “Сэндс”, оба хранили молчание. Бренда сидела, как каменное изваяние, глядя вперед на убегающее под колеса шоссе. Вольф иногда поглядывал на нее, отмечая про себя, что с годами черты ее лица все больше напоминают ему профиль попугая. А когда она наконец заговорит и плотина раздражения прорвется, то даже ее голос

будет похож на клекот этой птицы. В ход пойдет старый, затасканный, но не убывающий со временем поток упреков и угроз. Она будет бранить его, что он все эти годы пренебрегал ею, напомнит ему напоследок, Бог знает в который раз, что он вечно сидел, уткнувшись носом в свои книги, обожал стрелять из лука и фехтовать, увлекался альпинизмом. А эти спортивные увлечения она не могла с ним разделять из-за своего артрита. Она раскрутит долгие годы своего несчастья, или якобы несчастья, и закончит горькими рыданиями.

Почему он с ней до сих пор не расстался? Наверное, потому что он очень сильно любил ее в молодости, а также потому, что обвинения ее были не лишены основания. Более того, саму мысль о расставании он находил болезненной, даже более болезненной, чем мысль о том, чтобы остаться с ней.

И все же сейчас, в качестве профессора английского и классических языков, он имел полное право пожинать плоды своего труда. Теперь у него было достаточно денег и свободного времени, чтобы он мог заняться исследованиями, которым мешали его прежние обязанности.

А ведь имелся такой аризонский дом в качестве базы, он мог бы даже путешествовать. Или не мог? Бренда не откажется поехать с ним, фактически она настаивает на том, чтобы сопровождать его. Но ей будет настолько скучно, что его собственное существование станет пыткой. Он не мог винить ее в этом, поскольку интересы у них были разные. Но следует ли ему в таком случае бросать занятия, обогатившие его жизнь, просто ради того, чтобы сделать жену счастливой? Тем более, что она все равно не будет счастлива.

Как он и ожидал, ее притихший было язык стал гораздо активнее после ужина. Вначале он слушал, пытаясь спокойно увещевать ее, указывать на отсутствие у нее логики, а также на несправедливость и безосновательность этих обвинений. Все было бесполезно. Финальная сцена была не нова: слезы, угрозы оставить его или покончить с собой.

Но на этот раз он не уступил.

— Я хочу купить этот дом и жить так, как мне хочется, — твердо заявил он. — И все тут! — Затем он надел куртку и направился к выходу. — Я вернусь позже. Может быть.

Она завизжала и запустила в него пепельницей.

Вольф пригнулся, и пепельница, отскочив от двери, отщепила кусок дерева. К счастью, Бренда не кинулась за ним и не стала устраивать сцен в коридоре, как делала это раньше.

Уже стемнело, луна еще не взошла, но было достаточно светло от сияющих окон мотеля, фонарей вдоль улиц и многочисленных фар автомобилей на улице Апачей.

Вырулив на бульвар, он повел машину на восток, а затем свернул на юг. Через несколько минут он был уже на пути в "Хохокам Хоумс". Неожиданно принятое решение заставило его сердце биться быстрее, а по спине пробежал холодок. Впервые в его жизни он решился на преступление.

"Хохокам Хоумс" был ярко освещен, из громкоговорителей звучала музыка, перекликались дети, игравшие на улице, пока их родители осматривали дома.

Он поехал дальше, проехал через Месу, вернулся обратно через Темпе и доехал до Ван Бюрена в центре Феникса. Срезав угол на север, а потом на восток, он оказался в городке Скоттсдейл.

Тут он остановился на полчаса в маленькой таверне. После двух рюмок "Вэт-69" он посидел немного, ничего больше не заказывая, так как исполнение им задуманного требовало ясности мыслей и четкой координации движений.

Когда он вернулся в "Хохокам Хоумс", свет уже не горел, и в пустыню вернулось безмолвие. Он припарковал машину за домом, в котором побывал в полдень. Одетым в перчатку правым кулаком он разбил стекло и проник в комнату отдыха.

Когда он оказался внутри, дыхание его участилось и сердце билось так, словно он пробежал несколько кварталов. Хоть и испуганный, он вынужден был улыбнуться про себя. Человек, которому присуще богатое воображение, он часто представлял себя взломщиком — не заурядным, конечно, а Раффлзом. Теперь он понял, как сильно было в нем уважение к закону. Вряд ли он смог стать когда-нибудь преступником. Уже сейчас совесть мучила его из-за этого крохотного акта, справедливость которого он считал для себя целиком оправданной. Но мысль о том, что его могут здесь поймать, чуть не заставила его повернуть. Прожив тихую, спокойную и респектабельную жизнь, он пропадет, если его заметят. Стоит ли какой-то рог всего этого?

Он решил, что да. Отступив сейчас, он всю оставшуюся жизнь будет жалеть об этом.

Ведь его ждало невероятнейшее из всех возможных приключений. Если он сейчас струсит, то это будет равносильно самоубийству, он не сможет вынести потерю последнего шанса, который дарит ему судьба.

В комнате было так темно, что он с трудом нащупывал путь к стенному шкафу вытянутыми руками. Обнаружив раздвигающиеся двери, он толкнул левую, которую отодвигал в полдень. Он осторожно подталкивал ее локтем, опасаясь шума.

Как только дверь полностью открылась, он схватил рог и отступил на несколько шагов. Поднеся мундштук рога к губам, он тихо дунул. Раздавшийся в тишине звук так потряс его, что он выронил инструмент. Пошарив вслепую, он обнаружил его наконец в углу комнаты.

Во второй раз он дунул сильнее. Послышалась еще одна громкая нота, но не громче, чем первая. Какое-то устройство в роге, наверное, серебристая паутина за мундштуком, регулировала уровень звука. Некоторое время он стоял в нерешительности с поднесенным ко рту рогом, пытаясь мысленно восстановить точную последовательность семи слышанных им нот.

Семь маленьких кнопок на нижней стороне рога явно определяли различные гармонические волны. Но он не мог воспроизвести ту мелодию, которую слышал раньше, не экспериментируя и не привлекая к себе внимания.

Он пожал плечами и пробормотал:

— Какого черта...

Затем он снова затрубил, но теперь уже нажимал на кнопки, задействовав сначала ближайшую. Раздалось семь громких нот. Их протяженность была именно такой, как он помнил, но последовательность несколько иной.

Когда замер последний звук, издав далеко вдруг донесся крик. Вольф едва не запаниковал. Он выругался, снова поднес рог к губам и нажал на кнопки в таком порядке, который, как он надеялся, станет музыкальным ключом к другому миру.

И в это мгновение луч фонарика пробежал по разбитому окну комнаты и проник внутрь.

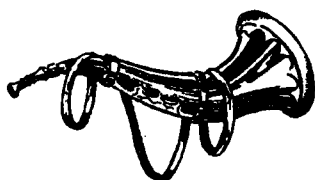
Вольф снова затрубил. Свет вернулся к окну. Поднялись новые крики. В отчаянии Вольф попробовал разные комбинации кнопок. И третья попытка увенчалась успехом. Это было именно то, что воспроизвел юноша на вершине огромного валуна.

Фонарик просунули в разбитое окно, и глухой голос прорычал:

— Эй, ты, выходи, или я стреляю!

Вдруг на стене появился зеленоватый просвет, прорвался и выплавил дыру, сквозь которую светила луна. Деревья и валун силуэтами виднелись на фоне зеленовато-серебряного излучения огромного шара.

Он не стал задерживаться. Для колебания уже не было оснований, так как путь к отступлению был отрезан. Другой мир, открывшийся ему, предлагал опасности, неуверенность в будущем, но в этом его ждали неизбежные тюрьма и позор. И пока сторож повторял свои требования, Вольф оставил его и свой мир позади. Ему пришлось нагнуться и высоко шагнуть, пробираясь сквозь начавшую съеживаться дыру. Когда он обернулся, чтобы бросить последний взгляд в уходящее настоящее, то отверстие уже было меньше корабельного иллюминатора. Через несколько секунд исчезло и оно.

Глава 2

Вольф присел на траву, его сердце, казалось, готово было выскочить из груди. Какой иронией судьбы было бы, если бы волнение оказалось слишком сильным для его шестидесятилетнего старого сердца! “Умер, без всякой врачебной помощи...”

И местные обитатели — кто бы они ни были — вынуждены были бы похоронить его и написать на могиле: “Неизвестный землянин”.

Вскоре он почувствовал себя лучше. Он даже засмеялся, поднимаясь на ноги. Смело и уверенно огляделся вокруг. Воздух был достаточно теплым. Ветер приносил странные и очень приятные, какие-то фруктовые ароматы. Кричали птицы — он надеялся, что это были именно они — их песни лились отовсюду. Где-то далеко он услышал тихий рев, но не испугался. Была в нем уверенность, без всякого на то основания, что это был звук приглушенного расстоянием рокота прибоя. Светила огромная, круглая луна, почти в два раза превышающая своими размерами земную.

Небо потеряло дневной ярко-зеленый цвет, став почти черным, напоминавшим ночное небо покинутого им мира. Множество больших звезд перемещалось в небе в разных направлениях, что вызывало у него головокружение и замешательство. Одна из звезд вдруг упала к его ногам, спикировав почти над его головой. В оранжево-желтом свечении позади нее он увидел четыре громадных эллипсоидных крыла, болтавшиеся тощие ноги и силуэт головы с усиками антенн.

Это оказался светляк неизвестной разновидности с размахом крыльев по меньшей мере в десять футов. Вольф наблюдал за смещением, расширением и сокращением живых скоплений, пока не привык к ним.

Некоторое время он гадал, в каком направлении тронуться, пока, наконец, звук прибора не заставил его решиться. Это служило ему ориентиром. Продвигался он медленно и осторожно, с частыми остановками, прислушиваясь и изучая тени.

Поблизости кто-то хрюкнул. Вольф распластался на траве в тени большого куста и затаил дыхание. Послышался шорох, треснула ветка. Вольф поднял голову и взглянул на залитую лунным светом поляну. Огромная фигура, длинная, двуногая, темная и полосатая прошлепала в нескольких шагах от него.

Вдруг она остановилась, и сердце Вольфа замерло на секунду. Странное существо повернулось к Вольфу в профиль, обнаружив удивительное сходство с гориллой. Но это сходство было все-таки не полным.

Во-первых, шерсть незнакомца не была полностью черной. Чередование широких черных и узких белых полос шло зигзагами по его ногам и всему телу. Во-вторых, руки его были намного короче, чем у земных горилл, а ноги — не только длиннее, но и прямее. И, в-третьих, лоб, хоть и с сильно выдающейся надбровной костью, был более высоким и гладким, чем у обезьяны.

Но все же это был не человек. Он что-то пробормотал, не животный крик или стон, а последовательность четко модулированных слогов. Горилла была не одна. Зеленоватая луна освещала блеск голой кожи сбоку от Вольфа. Рядом со зверем шла женщина, и ее плечо обнимала огромная лапа.

Вольф не увидел ее лица, но ясно различил длинные стройные ноги, выпуклые ягодицы, изящные руки и длинные черные волосы. Она заговорила с гориллообразным существом голосом, напоминавшим звук серебряных колокольчиков. Горилла ей что-то ответила.

Затем парочка удалилась со светлой поляны в темноту джунглей.

Вольф поднялся не сразу, поскольку был слишком взволнован.

Постепенно он успокоился и продолжил свой путь дальше через подлесок, который был значительно реже земных джунглей. Кусты и деревья росли вольготно, не мешая и не задевая друг друга. Не будь окружающая при-

рода столь экзотической, ему никогда бы и не пришло в голову сравнить ее с джунглями. Эта местность больше походила на парк, включая мягкую траву, столь ровную и короткую, что она напоминала недавно подстриженный городской газон.

Вскоре он вынужден был опять остановиться: какое-то животное фыркнуло, а затем пробежало прямо перед ним. Он мельком увидел красноватые панты, белый нос, огромные глаза и пятнистое тело. Животное, треща ветками, проскочило мимо него и исчезло, но спустя несколько минут он вновь услышал позади себя шорох. Обернувшись, Вольф увидел в нескольких шагах того же оленеподобного. Увидев, что его заметили, животное медленно приблизилось и ткнулось мокрым носом в вытянутую руку Вольфа. Потом оленеподобное создание замурлыкало и попыталось потереться боком о человека.

Поскольку странное животное весило, наверное, с четверть тонны, это действие возымело характер толчка.

Поэтому Вольф предпочел привалиться к нему сам, почесав его за большими чашеобразными ушами, потом погладил ему нос и слегка похлопал по бокам.

Оленеподобный несколько раз лизнул его длинным мокрым языком, таким же шершавым, как у кошки. Надежда Вольфа на то, что зверь скоро устанет выражать свою нежность, быстро осуществилась. Одним прыжком оленеподобный исчез из поля зрения.

После этого Вольф почувствовал себя более уверенно: животное не могло быть таким дружелюбным с совершенно незнакомым человеком, если бы здесь ему приходилось опасаться плотоядных или охотников.

Рокот прибоя стал громче. Через десять минут Вольф увидел перед собой пляж. Он встал в тени широкой и высокой скалы и начал изучать открывшуюся перед ним, залитую лунным светом, удивительную картину.

Сам пляж состоял из белого и очень мелкого песка. Тянулся он в обе стороны, насколько хватало глаз, и ширина его между лесом и морем была около двухсот ярдов. Вдали с обеих сторон виднелись костры, вокруг которых плясали фигурки мужчин и женщин.

Их крики и смех, хоть и слегка приглушенные расстоянием, укрепляли его впечатление, что это, видимо, были люди.

Затем его взгляд прошелся обратно по пляжу. Наискок, примерно в трехстах ярдах, почти у самой воды, возились двое. При виде их у Вольфа перехватило дыхание.

Его потрясло не то, чем они занимались, а строение их тел. Выше талии мужчина и женщина были такими же людьми, как и он, но в том месте, где у человека начинаются ноги, их тела сужались в хвосты с плавниками.

Любопытство победило осторожность, и он, спрятав рог в пушистую траву, прокрался вдоль края джунглей поближе к этой экзотической парочке. Он остановился как раз напротив них. Поскольку самец и самка после приятного для обоих занятия лежали теперь бок о бок и разговаривали, их поза позволяла Вольфу изучить их более подробно. Убедившись, что они практически безопасны, так как не могут передвигаться по суше, он подошел к ним еще ближе и снова стал приглядываться к этим странным существам.

Если это и были русалки, то очень своеобразные. Плавники на концах их длинных хвостов располагались, в отличие от рыбьих, горизонтально, а хвост, кажется, не имел чешуи. Тело их сверху донизу покрывала гладкая коричневая кожа.

Он кашлянул. Странная пара оглянулась, самец издал крик, а самка пронзительно завизжала. Одним мгновенным движением они оттолкнулись хвостами от песка и плавно скользнули в воду. Свет луны блеснул по темным головам и засеребрился на вскинутых вверх хвостах, затем все исчезло.

Волны накатывались и с шумом разбивались о белый песок. Светила огромная зеленая луна. Налетавший с моря бриз приятно остужал разгоряченное лицо Вольфа. Вдруг позади него из темноты послышались странные крики, а с пляжа донеслись звуки человеческого смеха.

Вольф совершенно ничего не понимал. В речи "русалий" было что-то знакомое, так же, как и в речи зебриллы — новое слово, созданное им для этой помеси зебры и гориллы, — и женщины. Смысла слов он не понимал, но звуки и интонация, с которой они произносились, определенный звуковой ряд разворошили что-то знакомое в его памяти. Но что? Они, безусловно, разговаривали на языке, ранее никогда им не слышанном. Существовал ли этот язык в том мире, который он оставил? Не попадался ли он в записи или кино?

Рука опустилась на его плечо и резко повернула его. Готическая морда и пещерные глаза зебриллы возникли перед ним, и в нос ударил запах перегара. Зебрилла что-то сказал, и из кустов вышла женщина. Она медленно приблизилась. В любое другое время у Вольфа перехватило

бы дыхание при виде ее великолепного тела и прекрасного лица. К сожалению, сейчас он с трудом дышал совсем по другой причине.

Гигантская обезьяна могла швырнуть его в море даже с большей легкостью и скоростью, чем та, на которую были способны недавно русалии. А огромная лапища, еще чуть сжав его, способна была раздробить ему шейные позвонки.

Женщина что-то сказала, зебрилла отвечал ей. И вдруг Вольф понял несколько слов. Их язык был родственен догомеровскому греческому, микенскому.

Он не стал сразу же заверять их в том, что он безопасен и что намерения у него хорошие, хотя бы потому, что был слишком ошарашен, чтобы изложить все это достаточно ясно. К тому же его знание греческого языка того периода было ограничено.

Наконец, слепив несколько простейших фраз, он дал им понять, что он не собирается причинять никакого вреда. Зебрилла крикнул, сказал что-то девушке и отпустил Вольфа. Тот с облегчением вздохнул, поморщившись от боли в плече. Огромная ручища монстра обладала невероятной силой. Если не брать в расчет ее величину и чрезмерную волосатость, рука явно напоминала человеческую.

Женщина дернула Вольфа за рубашку. На ее лице было написано легкое отвращение; только позже он понял, что именно отталкивало ее: она никогда еще не видела такого толстого, старого мужчину. Более того, ее озадачивала его одежда. Она продолжала стягивать с него рубашку. Чтобы не ждать, пока она попросит об этом зебриллу, Вольф сделал это сам. Она с любопытством разглядывала ее, потом понюхала и сказала: "Уй!", — а затем сделала неопределенный жест, который Вольф понял однозначно и решил ему подчиниться. Он сбросил одежду и стоял, ожидая новых приказаний. Женщина визгливо рассмеялась, зебрилла ответил лающим смехом и шлепнул себя по бедру огромной ручищей. При этом раздался звук словно от рубящего дерево топора. Затем они обвинили друг друга руками за талии и, громко смеясь, пошли, пошатываясь, дальше по пляжу.

Взбешенный, униженный, опозоренный, но вместе с тем и обрадованный тем, что остался цел, Вольф снова нацепил брюки, подобрал нижнее белье, носки и ботинки и поплелся по песку назад в джунгли. Достав рог из потай-

ного места, он долгое время сидел, гадая, что же делать дальше. Наконец, он заснул.

Утро застало его с затекшими мускулами, голодным и жаждущим.

Пляж уже бурлил своей жизнью. Вдобавок к виденным им ночью русалиям появились несколько больших тюленей с ярко-оранжевыми шкурами, плюхавшихся взад и вперед по песку в погоне за янтарными шарами, которые метали русалии, а мужчина с выступавшими из лба бараньими рогами, мохнатыми ногами и коротким козлиным хвостом, преследовал женщину, во многом походившую на ту, что была вчера с зебриллой. Она убегала, пока рогатый человек не прыгнул на нее и, смеясь, не повалил на песок. То, что произошло потом, убедило Вольфа в том, что у этих существ полностью отсутствуют понятия греха и стыдливости.

Картина была достаточно забавной, но зрелище затрававшей русалки напомнило о том, что и ему не мешает подкрепиться. Русалка держала в одной руке овальный желтый плод, а в другой — нечто напоминавшее кокосовый орех.

Женщина, точная копия мужчины с бараньими рогами, сидела на корточках у костра всего лишь в нескольких шагах от Вольфа и жарила на конце палки рыбу. Аромат, поднимающийся от костра, вызвал у него слюнки и урчание в пустом желудке.

Но жажда мучила его сильнее, чем голод. Поскольку единственным водоемом в поле зрения был океан, он вышел на пляж и направился к воде.

Его появление на берегу было воспринято именно так, как он и ожидал: удивление, отступление, опасливые взгляды. Все прекратили свои занятия, какими бы интересными они не были, и уставились на него. При его приближении многие предпочли отступить. Некоторые из лиц мужского пола остались на месте, но вид у них был такой, словно они готовы тут же бежать, стоит ему только шикнуть на них. Но он не испытывал желания бросать им вызов, поскольку даже самый слабый из них обладал мускулами, способными легко одолеть его отяжелевшее старое тело.

Он вошел по пояс в воду и попробовал ее на вкус. Вольф видел, что другие спокойно пили ее, и надеялся найти ее пригодной для питья. Он не ошибся: вода оказалась чистой и свежей и обладала сильным, незнакомым ему при-

вкусом. Вдоволь напившись, он почувствовал себя значительно лучше. Выйдя из воды, он пошел по пляжу обратно в джунгли. Пляжные жители вернулись к своим занятиям и развлечениям, хоть и не переставали следить за ним.

Он улыбнулся было им, но, увидев, что это как бы испугало местных обитателей, решил быстрее удалиться.

В джунглях он поискал и нашел те же плоды и орехи, которыми питалась русалка. Желтый плод напоминал по вкусу грушевый пирог, а мякоть внутри псевдококосового ореха была похожа на нежное мясо, приготовленное с грецким орехом. Поев, он почувствовал себя вполне удовлетворенным, за исключением одного: он жаждал выкурить трубку. Отсутствие табака было единственным, чего не хватало в этом райском местечке.

Следующие несколько дней он жил в джунглях и проводил время в океане или на берегу. "Пляжники" постепенно привыкли к нему и даже приветствовали дружным смехом его появление по утрам на берегу.

Однажды несколько мужчин и женщин набросились на него и, дико хохоча, стащили с него одежду. Он кинулся за женщиной, убежавшей с его брюками, но она ускользнула от него в джунгли. Вновь она появилась уже с пустыми руками. Теперь Вольф мог уже достаточно хорошо объясняться, чтобы его поняли. Только фразы нужно было произносить медленно.

Он обладал достаточно большим словарным запасом древнегреческого языка, и ему оставалось только овладеть некоторыми интонациями и словами.

— Зачем ты это сделала? — спросил он прекрасную черноглазую нимфу.

— Я хотела посмотреть, что ты прячешь под этими уродливыми тряпками. Голый ты уродлив, но эти лохмотья делают тебя еще уродливей.

— Непристойно? — осведомился он.

Она не поняла этого слова.

Он пожал плечами и подумал: "В чужой монастырь..." Только это больше походило на Сад Эдема. Температура воздуха днем и ночью была комфортной и отличалась примерно на семь градусов. Не возникало никаких проблем с разнообразной пищей, не существовало никакой работы, не было арендной платы, никакой политики, никакого напряжения, за исключением легко снимаемого сексуального, никакой национальной или расовой вражды. Не нужно было оплачивать никаких счетов. Или нужно? Основным принципом оставленной им в прошлой жизни яв-

лялось положение, что за просто так — ты не получишь ничего. Был ли он здесь тем же самым? Кому-то полагалось ведь платить по счетам.

Ночью он спал на куче травы в дупле большого дерева. В этом месте росла масса таких деревьев, огромные дупла которых представляли собой естественное пристанище. Вольф редко оставался в своей постели по утрам. Часто он вставал перед рассветом и наблюдал, как прибывает солнце.

“Прибывает” было более подходящим словом, чем “восходит”, так как здешнее солнце, в земном понимании, не восходило. По другую сторону моря находился огромный кряж, настолько пространный, что не видно было ему конца. Солнце всегда выходило из-за горы и в это время стояло уже высоко. Оно следовало прямо через зеленое небо, но не тонуло, а исчезало, только когда уходило за другую сторону кряжа.

Час спустя появлялась луна. Она тоже выходила из-за горы, плыла на том же уровне по небесам и уходила за другую гору. Каждую вторую ночь в течение часа шел сильный дождь. Вольф тогда обычно просыпался, потому что воздух становился немного холоднее, он зарывался в листья и дрожал, пытаясь вновь заснуть.

С каждой последующей ночью он чувствовал, что сделать это становится все трудней. Он постоянно думал о своем собственном мире, об оставшихся там друзьях, работе и развлечениях, в том числе и о жене. Чем занималась теперь Бренда? Она, несомненно, горевала по нему. Хоть и бывала она порой злой, скверной и скулящей, она все-таки любила его. И это исчезновение наверняка явилось для нее ударом. О ней, однако, он не сомневался, позаботятся. Бренда всегда настаивала на том, чтобы он вносил на страховку больше, чем мог себе позволить. Это не раз приводило к семейным ссорам. Затем ему пришлось в голову, что она долгое время не получит ни цента из страховки, потому что придется представить доказательства его смерти. И все же, если ей придется подождать до того, как его по закону объявят умершим, она могла существовать на соцобеспечение. Конечно, это резко понизит ее уровень жизни, но будет вполне достаточным для того, чтобы поддержать ее какое-то время.

Вольф не имел ни малейшего желания возвращаться. Он вновь обретал молодость. Хотя он и хорошо питался, но терял в весе, а его мускулы становились объемней и тверже. У него появилась пружинистость в ногах. А какое-

то необъяснимое чувство радости, утраченное еще в молодости, постоянно переполняло его.

На седьмое утро своего пребывания он потерял лысину и обнаружил, что она покрыта легкой щетиной. На десятое утро он проснулся с болью в деснах и, пощупав распухшую челюсть, решил, что заболевает. Он и забыл, что существовало такое понятие, как болезнь, потому что чувствовал себя здесь абсолютно здоровым, и никто из "пляжников", как он их звал, казалось, никогда не болел.

Боль в деснах продолжала изводить Вольфа всю неделю, и ему пришлось пить естественно перебродившую жидкость в пунш-орехе. Этот орех рос в большом количестве на вершине стройного дерева с короткими, хрупкими лиловыми ветвями и табачнообразными желтыми листьями. Когда его скорлупу вскрывали острым камнем, то вокруг него распространялся запах винного пунша. На вкус сок его напоминал джин с тоником, если его смешать с вишневой настойкой, и действовал, как стаканчик текилы.

Это лекарство сработало отлично, успокаивая боль в деснах и вызываемое ею раздражение.

Спустя девять дней после того, как у него впервые возникли осложнения с деснами, Вольф обнаружил, что у него начали резаться десять крошечных белых твердых зубов. Более того, золотые пломбы в других вытаскивались возвращенным естественным материалом. А проплешины на голове постепенно покрывались густым слоем волос.

И это было еще не все. Плавание, бег и лазанье по деревьям помогли ему избавиться от лишних жировых отложений на теле. Выступающие старческие вены на ногах практически исчезли. Теперь он мог пробежать довольно длинное расстояние, не запыхавшись и не чувствуя себя так, словно его сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Все это вместе взятое приводило его в неописуемый восторг, хоть и наводило на размышление о том, почему и как это происходит.

Он спрашивал у нескольких пляжников об их кажущейся всеобщей молодости. Ответ был один: "Такова воля Господа".

Сначала ему казалось, что они говорят о Творце, что было довольно странным. Насколько он мог судить, у этих созданий не существовало никаких религий и, естественно, никаких специфических ритуалов и таинств.

— Кто такой Господь? — спрашивал он, решив, что, наверное, неправильно понял их слово “ванакс”; возможно, оно могло иметь какое-то иное значение, чем у Гомера.

Ипсевас, зебрилла, самый интеллигентный из всех, кого он до сих пор встретил на берегу, ответил так:

— Он живет на вершине мира за пределами Океаноса.

Он показал вверх и через море, на горный кряж по другую сторону.

— Господь живет в прекрасном и неприступном дворце на вершине мира. Именно он — тот, кто создал этот мир, и создал нас. Бывало, раньше он часто спускался повеселиться с нами. Мы поступаем, как велит нам Господь, и играем с ним. Но мы всегда испытываем страх перед ним. Если он рассердится или будет недоволен, то, вероятно, убьет нас. Или еще чего похуже.

Вольф с улыбкой кивнул. Так значит, Ипсевас и другие имели почти такое же объяснение происхождения или функционирования своего мира, как и народы его Земли. Но у пляжников была одна черта, отсутствующая в оставленном мире Вольфа. У них имелось по этому поводу одно мнение. Все, кого бы он ни спрашивал, давали ему точно такой же ответ, что и зебрилла.

— Такова воля Господа. Он создал мир, создал нас.

— Откуда ты знаешь? — спросил Вольф, не ожидая чего-либо большего, чем слышал в таких случаях на Земле, но ему вдруг преподнесли сюрприз.

— О, так нам рассказывал Господь, — ответила русалка Пайява. — Об этом говорят все. Кроме того, мать мне тоже рассказывала. А уж кому знать, как не ей? Господь создал ее тело, она помнит, когда он делал это, хотя это было давным-давно.

— В самом деле? — переспросил Вольф, гадая, не морочит ли она ему голову. — И где же твоя мать? — настойчиво продолжал выяснять он. — Я хотел бы с ней поговорить.

— Где-то там. — Пайява махнула рукой на запад.

“Где-то” здесь могло означать тысячи миль, потому что он понятия не имел, насколько далеко простирается пляж.

— И как давно это было? — поинтересовался он.

Пайява наморщила свой прекрасный лоб и поджала губы. “Очень сексапильные, — подумал Вольф. — И что за тело!”

Возвращение молодости несло с собой и возвращение всех желаний, присущих крепкому и здоровому мужскому телу.

Пайява улыбнулась ему в ответ и сказала:

— Ты проявляешь интерес ко мне, не так ли?

Он покраснел и ушел бы прочь, если бы не хотел получить ответ на поставленный вопрос.

— Сколько лет прошло с тех пор, как ты видела свою мать? — снова спросил он ее.

Но на это Пайява не могла ответить. Слова “год” в ее словаре не было.

Он пожал плечами и быстро ушел, исчезнув за дикой буйной листвой у пляжа. Она что-то закричала ему вслед, сначала насмешливо, а потом сердито. Увидев, что он не собирается возвращаться, она отпустила несколько едких замечаний по поводу его мужских достоинств. Вольф и не спорил. Во-первых, это было ниже его достоинства, а, во-вторых, определенная доля правды здесь была. Хотя его тело быстро возвращало утраченную молодость, оно пока еще не шло в сравнение с окружавшими его, почти совершенными, образцами.

Он перестал развивать эту тему и задумался над рассказом Пайявы. Если бы он смог увидеть ее мать или ее ровесниц, он, возможно, сумел бы побольше узнать об их Господе. Он не подвергал сомнению рассказ Пайявы, который на Земле казался бы невероятным. Эти люди просто-напросто не умели лгать, а любой вымысел был им чужд. Такая наивность имела для него свои преимущества, хоть и указывала, насколько ограниченным воображением и отсутствием чувства юмора они обладали. Смеялись они довольно часто, но только по совершенно очевидным и мелким поводам. Их комедии не поднимались выше фарса или грубых розыгрышей.

Он выругался, так как мысли начали разбегаться в разные стороны. Ему все труднее с каждым днем становилось сосредоточиться. Итак, о чем он думал пока не отвлекся? Ах, да, о матери Пайявы.

Некоторые из старейшин могли бы, наверное, что-то рассказать ему, если бы он только смог их найти. Но ведь все пляжное население казалось одного возраста?

Было очень немного юнцов, наверное, трое на несколько сот встреченных им здесь существ. Более того, среди многих здешних животных и птиц — причем, довольно странной наружности — от силы десять-двенадцать не были взрослыми.

При таком малом количестве рождений, жизненный баланс удерживался отсутствием смертей. Вольф за все это время видел трех мертвых животных: двух, погибших в результате несчастного случая, и один скончался после поединка с противником из-за самки. Но и эта смерть явилась именно несчастным случаем, так как потерпевший поражение самец антилопы лимонного цвета с четырьмя изогнутыми в виде восьмерки рогами, убегая, сломал себе шею, неудачно перепрыгнув через бревно.

Труп животного даже не успел разложиться, так как несколько вездесущих существ, похожих на маленьких двуногих лисиц с белыми носами, отвисшими, как у такс, ушами и обезьяньими лапами, обглодали его за какой-то час.

Лисы рыскали по джунглям и подбирали все — плоды, орехи, ягоды, трупы. У них было явное пристрастие ко всему гниющему. Они игнорировали свежие плоды ради битых и гнилых. Но эти создания не являлись грустными нотами в общей радостной симфонии красоты и жизни. Даже в Саду Эдема необходимы мусорщики.

Временами Вольф смотрел через голубой, с белыми барашками волн, Океанос, на горный кряж, называвшийся Тайя-Файявозд. Наверное, Господь жил там. Может быть, стоило пересечь море и подняться на грозную кручу, чтобы раскрыть какую-нибудь тайну этой вселенной.

Но чем больше он пытался прикинуть высоту Тайя-Файявозда, тем меньше ему нравилась эта идея. Черные скалы устремлялись так высоко, что вершин их не было видно, и даже крылья фантазии не могли донести туда. Никто не смог бы жить на такой высоте, так как там явно отсутствовал кислород.

Глава 3

В один прекрасный день Вольф достал серебряный рог из потайного места в дупле дерева. Пробиваясь через лес, он вышел к валуну, с которого бросил ему этот рог человек, назвавшийся Кикахой. Вольф никого не обнаружил. Все исчезли, словно никогда и не существовали, и никто из тех, с кем он разговаривал, никогда не видел и не слышал о них. Он вновь вступит в свой мир и даст себе еще один шанс. И если сочтет, что земные преимущества перевешивают достоинства планеты-сада, то останется там. Или, возможно, он сможет путешествовать из одного мира в другой. И когда будет устать от Земли, можно устраивать себе каникулы здесь.

По дороге он ненадолго задержался по приглашению Эликопиды, чтобы выпить и поболтать. Эликопида, чье имя означало “Яркоглазая”, была прекрасной, великолепно сложенной дриадой. Внешне она была более приближена к “нормальному существу”, чем все, кого он пока что встречал. Если бы не темно-пурпурные волосы, то она, надлежащим образом одетая, привлекла бы к себе большое внимание со стороны мужского населения Земли.

Кроме того, она также была одной из немногих, кто мог поддерживать нормальный разговор. Она отнюдь не считала, что общение может состоять лишь из безудержной болтовни или громкого беспричинного смеха.

Вольф испытал большое чувство разочарования, обнаружив, что большинство “пляжников” или “лесовиков”

предпочитали всем видам беседы монолог, какими бы общительными они ни казались.

Эликопида была иной, наверное потому, что не принадлежала ни к какой "группе". В этом мире, вдоль моря, туземцы, даже находясь на самом низком уровне развития, не выше австралийских аборигенов, развили довольно сложные общественные отношения.

Каждая группа владела определенными участками пляжа и леса с внутренними уровнями престижа. Каждый из них был способен подробно разъяснить — и любил это делать — свое социальное положение по сравнению с остальными членами группы, численность которой, обычно, приближалась к тридцати.

Они могли пересказать по памяти все свои ссоры и примирения, знали достоинства и недостатки своего характера, могли оценить сексуальные способности любого из группы.

Эликопида обладала чувством юмора, столь же искрометным, как и ее глаза, но и не была лишена некоторой сентиментальности. Сегодня Вольф увидел у нее в руках зеркало из стекла в золотом обруче, инкрустированном алмазами. Это был один из немногих, виденных им здесь предметов материальной культуры.

— Где ты его достала? — спросил он.

— О, мне его подарил Господь, — ответила Эликопида. — Некогда, давным-давно, я была одной из его фавориток. Когда бы он ни спускался сюда в гости с вершины мира, он проводил много времени со мной. Мы с Хriseидой были единственными, кого он любил и выделял среди всех. Поверишь ли, многие все еще ненавидят нас за это. Вот почему я так одинока.

— И как же выглядел твой Господь?

Она засмеялась и ответила:

— Ниже шеи он выглядел почти так же, как любой другой высокий, хорошо сложенный мужчина вроде тебя.

Она обняла его одной рукой за шею и принялась целовать в щеку. Ее губы медленно приближались к его уху.

— А его лицо? — с усилием проговорил Вольф.

— Не знаю. Я могла его коснуться, но не могла видеть. Меня ослепляло исходящее от него излучение. Когда он приближался ко мне, мне приходилось закрывать глаза, так он был ослепителен.

Очередной его вопрос утонул под ее поцелуями, и вскоре он забыл про все...

Но когда она уже лежала рядом с ним в полусне на мягкой траве, он поднял зеркало и заглянул в него. Сердце затрепетало от восторга... Он увидел себя молодым, лет двадцати пяти, не больше. Он это знал, но до настоящей минуты не мог в этом убедиться окончательно.

— А вернувшись на Землю, состарюсь ли я столь же быстро, как обрел свою молодость здесь?

Он поднялся и какое-то время постоял в задумчивости. Затем произнес вслух:

— Да кого, собственно, я обманываю? Ведь я и не собираюсь возвращаться.

— Если ты сейчас покинешь меня, — сонно проговорила Эликопида, — то поищи Хрисеиду. С ней что-то случилось, она убегает всякий раз, когда к ней кто-то приближается. Даже я, ее единственная подруга, не могу к ней подступить. Она тебе понравится. Она не похожа на других. Она похожа на меня.

— Ладно, — рассеянно ответил Вольф, — поищу.

Он шел, пока не остался один. Не имея намерения воспользоваться воротами, через которые он прошел в этот мир, Вольф хотел лишь проэкспериментировать с рогом. Наверное, тут имелся и другой проход. А может быть "ворота" открывались в любом месте, где бы ни трубил рог.

Дерево, под которым он остановился, было одним из многочисленных здешних "рогов изобилия". Высотой почти в двести футов, оно имело гладкую, почти масляную, лазурную кору и ветви толщиной с его бедро и длиной примерно в шестьдесят футов, лишенные прутьев и листьев. На конце каждой из них располагался цветок с твердой скорлупой, восьми футов в длину, формой похो-дивший на рог.

Из этих цветков на землю непрерывной струйкой стекала жидкость шоколадного цвета, на вкус напоминавшая мед с очень легким привкусом табака — забавная смесь, и все же Вольфу этот нектар очень нравился. Все лесные создания с удовольствием лакомились им.

Под этим деревом он протрубил в рог. Но вокруг ничего не изменилось. Никаких Врат не образовалось. Он попробовал вновь, отойдя на сто ярдов, но также безуспешно. Он решил, что возможно, рог действовал только в определенных районах, скорее всего, только у валуна.

Затем уголком глаза он увидел девушку, ту самую, которая выглядывала из-за дерева в первый раз, когда он

увидел этот мир. Это была именно она: овальное лицо, огромные глаза, полные алые губы и длинные, в тигровую полоску, черно-каштановые волосы.

Он приветствовал ее, но она стремительно скрылась.

Тело ее было прелестным, а ноги — самыми длинными, какие он когда-либо видел у женщины. Более того, она была гораздо стройней, чем другие, чересчур уж фигуристые и большегрудые женщины этого мира.

Вольф бросился за ней. Девушка оглянулась, издав крик отчаяния, и продолжая бежать.

Тут он чуть не остановился, ибо такая реакция была совершенно не свойственна туземцам. Первоначальное отступление, да, но не явная паника и ужас в глазах.

Девушка бежала, пока хватало сил. С рыданием хватая воздух открытым ртом, она прислонилась к мшистому валуну поблизости от маленького водопада. Ее окружали желтые цветы в форме вопросительных знаков по голень высотой. На вершине валуна стояла и, моргая, смотрела на них птица с совиными глазами, перьями, шпорами и длинными выгнутыми вперед ногами. Она издавала тихие звуки, что-то вроде: “Ви-ви-ви”.

Приближаясь медленно и с улыбкой, Вольф сказал:

— Не бойся меня. Я не причиню тебе зла. Я просто хочу поговорить с тобой.

Девушка показала трясущимися руками на рог и дрожащим голосом произнесла:

— Где ты его взял?

— Я получил его от человека, назвавшегося Кикахой. Ты его видела? Ты знаешь его?

Огромные глаза девушки были темно-зелеными, и он счел их самыми прекрасными из всех, какие когда-либо видел. И это, несмотря на кошачьи зрачки, а, может быть, именно из-за них.

Она покачала головой и сказала:

— Нет. Я не знаю его. Впервые я увидела его, когда эти... — она сглотнула, побледнела, и похоже было, что ее вот-вот стошнит. — Когда эти существа загнали его на валун... И еще я видела, как они стащили его с валуна и увели с собой.

— Значит его не прикончили? — спросил Вольф, намеренно избегая слов “убили”, “зарезали” или “умертили”, поскольку в здешнем мире эти слова были табу.

— Нет. Наверное, они старались сделать с ним что-то даже худшее, чем прикончить.

— А зачем тебе было убегать от меня? — недоумевал Вольф, — Я же не похож на этих...

— Я не могу говорить об этом.

Возможно она просто не желала говорить о неприятном. В жизни этих созданий было так мало отталкивающих или опасных явлений, что любая встреча с ними лицом к лицу приводила их в ужас. Они были чересчур ориентированы на все легкое и приятное.

— Мне наплевать, хочешь ты говорить об этом или нет, — бросил он. — Ты должна сказать. Это очень важно.

Она отвернулась.

— Не буду.

— В какую сторону они направились?

— Кто?

— Эти чудища и Кикаха.

— Я слышала, как он называл их "гворлами", — сказала она. — Раньше я никогда не слышала этого слова. Эти гворлы, должно быть, пришли откуда-то оттуда...

Она показала в сторону моря и вверх.

— Скорее всего они спустились с горы.

Вдруг она повернулась и подошла вплотную к нему.

Ее огромные глаза поднялись к его лицу, и даже в этот момент он не мог не подумать, какими прелестными были черты ее лица и какой гладкой и кремовой — кожа.

— Давай скроемся отсюда! — воскликнула она. — Далеко! Эти чудовища все еще здесь. Может, некоторые из них и забрали Кикаху, но не все еще ушли. Я видела двух несколько дней назад. Они прятались в дупле дерева. Глаза их горят, как у зверей, и они издают ужасный запах, словно сгнивший, заплесневелый плод! Я думаю, они хотят заполучить вот это! — Она положила руку на рог.

— А я только что трубил в него, — произнес Вольф. — Если они где-то поблизости, то, наверное, слышали его звук.

Он огляделся. Примерно в сотне ярдов за кустом что-то блеснуло. Он не сводил глаз с куста и увидел, что ветки его шевельнулись. Затем снова как будто отблеск солнечного света. Он взял тонкую руку девушки в свою и сказал:

— Пошли. Но иди так, будто мы ничего не видели. Будь беспечной.

— Что случилось? — спросила она.

— Только не впадай в истерику. По-моему, я что-то увидел за тем кустом. Возможно, там и нет ничего, но

опять же возможно, что это гворлы. Не смотри туда! Ты нас выдашь.

Он предупредил ее слишком поздно, потому что она дернула головой, обернувшись, охнула и прижалась к нему.

— Вот они!

Он посмотрел в направлении, куда указывал ее дрожащий палец, и увидел две темные приземистые фигуры, неуклюже выбиравшиеся из-за кустов. Каждый держал в конечности изогнутый длинный и широкий стальной клинок, размахивая им и что-то крича своими хриплыми, резавшими слух голосами. На темных мохнатых телах не было иной одежды, кроме широких поясов, поддерживавших ножны, из которых торчали рукоятки ножей.

— Без паники,— сказал Вольф.— Не думаю, что они способны очень быстро бегать на таких коротких кривых ногах. Где-нибудь тут есть местечко, куда нам можно было бы скрыться?

— За морем,— просто ответила она.

Голос ее дрожал.

— Вряд ли они смогут нас догнать, если мы достаточно опередим их. Мы можем переправиться на “гистоихтис”

Так называли огромных моллюсков, которыми изобиловало местное море. Тела их облегали тонкие, как бумага, но прочные раковины, похожие формой на корпус гоночной яхты. Из спины каждого выступал твердый хрящевой штырь, а из этой единственной мачты рос треугольный парус из кожи, настолько тонкой, что просвечивал насквозь.

Угол наклона паруса, управляющегося движением мускулов, напор ветра и способность выбрасывать струю воды позволяли этому существу быстро передвигаться при ветре и штиле. Русалии и другие обитатели пляжа частенько пользовались случаем прокатиться на них, управляя ими путем давления на открытые нервные центры.

— Думаешь, гворлы не смогут обойтись без лодки? — спросила она.

Он понял, что она имела в виду.

— Думаю, что в таком случае им самим придется ее мастерить. Я здесь пока еще не видел ни одного корабля.

На бегу Вольф часто оглядывался. Гворлы быстро приближались, тела их раскачивались на каждом шагу, как

речке примерно в семьдесят футов шириной, вода в ней на самом глубоком месте доходила им до пояса. Она была в меру прохладной, чистой, с мелькавшими взад-вперед серебристыми рыбами. Выбравшись на другой берег, они укрылись за большим деревом "рога изобилия". Девушка хотела было бежать дальше, но Вольф возразил:

— У нас появится преимущество, когда они окажутся посредине ручья.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она.

Не ответив, он отложил рог, огляделся вокруг и заметил нечто, напоминавшее камень, размером с половину его головы, круглой формы и достаточно шершавый, чтобы не выскальзывать из рук. Это был один из опавших "рогов изобилия". Он поднял и взвесил его в руке. Огромный плод был полым и весил не более двадцати футов. К тому времени двое гворлов оказались на противоположном берегу ручья. Только теперь он и обнаружил слабое место этих отвратительных существ. Они метались вдоль берега, в ярости потрясая ножами, и так громко рычали на своем гортанном языке, что он мог слышать их из своего укрытия. Наконец один из них сунул в воду свою широкую скошенную стопу, но тут же выдернул и затряс ею, как трясет кошка мокрой лапой, что-то говоря другому гворлу. Тот заскрежетал в ответ, а затем прикрикнул на него. Гворл с мокрой ногой тоже закричал в ответ, но все-таки шагнул в воду и стал неловко переходить ручей вброд.

Наблюдая за ним, Вольф заметил, что другой не собирается переходить ручей, пока его спутник благополучно не завершит свое путешествие.

Вольф дождался пока тварь пройдет середину ручья, затем, схватив в одну руку камень, а в другую рог изобилия, бросился к воде. Девушка за его спиной пронзительно вскрикнула. Вольф чертыхнулся, так как этот крик предупредил гворла об опасности.

Увидев Вольфа, тот остановился по пояс в воде и замал ножом.

Вольф стремительно приближался к своему противнику. Гворл, оставшийся на берегу, замер при его появлении, затем бросился в воду на помощь товарищу. Это совпадало с планом Вольфа. Ему оставалось только разделаться с первым прежде, чем второй доберется до середины ручья.

Ближайший гворл метнул нож. Вольф выставил перед собой “рог изобилия”, и нож с силой впился в скорлупу плода, чуть не выбив его из рук. Гворл уже доставал второй нож. У Вольфа не было времени вытаскивать первый из самодельного щита, он продолжал бежать. В тот момент, когда гворл поднял второй нож, Вольф бросив камень, обхватил колоколообразный “рог изобилия” двумя руками и ударил им гворла по голове.

Из-под треснувшей скорлупы раздался приглушенный вопль.

“Рог изобилия” выпал из рук Вольфа, и вместе с гворлом оба поплыли вниз по течению. Вольф нагнулся, подобрал камень и одновременно схватил гворла за одну из барахтавшихся ног. Бросив взгляд на другого, он увидел, что тот уже занес свой нож для броска. Тогда Вольф схватился за рукоятку ножа, торчавшего в скорлупе “рога”, плававшего рядом, вырвал его, и спрятался за “рогом”. При этом он вынужден был выпустить волосатую ногу гворла, зато избежал ножа. Тот пролетел над краем скорлупы и зарылся по рукоятку в глинистую почву берега. В то же время гворл, барахтавшийся в воде, сумел встать на ноги, фыркая и отплевываясь. Вольф пырнул его ножом в бок. Нож скользнул по ребрам. Гворл пронзительно завизжал и повернулся к Вольфу. Тот опять размахнулся и изо всех сил ударил его ножом в живот. На этот раз нож вошел по рукоятку.

Гворл схватился за него, а Вольф отступил назад. Гворл замертво упал в воду. “Рог изобилия” уже уплыл, оставив Вольфа без прикрытия, без ножа, с одним лишь камнем в руке.

Оставшееся чудище наступало на него, выставив перед собой нож. Он явно не собирался пытаться счастья в новом броске, а намеревался вступить в ближний бой.

Вольф поджидал его, пока существо не приблизилось до десяти футов. В то же время он пригнулся так, чтобы вода доходила ему до груди и переложил камень из левой руки в правую. Теперь он мог ясно разглядеть лицо врага.

У того была очень низкий лоб, двойной костный валик над глазами, густые мшистые брови, близко посаженные лимонно-желтые глаза, плоский нос с одной ноздрей над тонкими звериными губами, далеко вперед выдающаяся челюсть, придававшая рту лягушачий вид, никакого подборода и острые, широко разделенные зубы плотоядного. Голова, лицо и тело гворла были покрыты длинным

густым темным мехом. Шея была очень толстой, а плечи — сутулыми. Его мокрый мех вонял гнилью и плесенью.

Отвратительный вид существа испугал Вольфа, но он остался на месте. Если сейчас он побежит, то свалится с ножом в спине.

Когда гворл, шипя и скрежеща что-то на своем отвратительном языке, оказался в пределах шести футов, Вольф выпрямился и поднял камень, а гворл, поняв его намерение, занес для броска нож.

Камень первым достиг своей цели и угодил прямо в бугор на лбу гворла.

Тварь качнулась назад, выронив нож, и упала спиной в воду. Вольф приблизился к нему, поискал на ощупь в воде камень, нашел его и выпрямился как раз вовремя, чтобы столкнуться с гворлом лицом к лицу. Хоть тот и был немного оглушен, он еще не собирался сдаваться. И держал в руке другой нож.

Вольф высоко поднял камень и обрушил его на голову врага. Раздался громкий треск. Гворл рухнул на спину, исчез под водой и появился в нескольких ярдах ниже по ручью, плывя лицом вниз.

Напряжение спало. Сердце колотилось так сильно, что Вольфу казалось, будто оно вот-вот разорвется. Его трясло и поташнивало, но он помнил про воткнувшийся в глину нож и извлек его оттуда.

Девушка все еще стояла за деревом. От ужаса после всего увиденного у нее пропал дар речи. Вольф подобрал рог, взял девушку за руку и грубо встряхнул ее.

— Очнись! Все закончилось удачно! А ведь могли бы и мы погибнуть под их ножами!

Она разразилась долгим криком, слезы хлынули из глаз. Он подождал, пока она не успокоилась, прежде чем заговорить.

— Я даже не знаю твоего имени.

Ее огромные глаза покраснели, а лицо осунулось и постарело. Но даже сейчас она была прекрасней любой женщины, виденной им когда-либо на Земле. Ее красота заставила его забыть весь ужас недавней схватки.

— Я Хрисеида, — представилась она. Словно гордясь этим, но одновременно стыдясь этой своей гордости, она произнесла: — Я здесь единственная женщина, которой разрешено носить это имя. Господь запретил другим называться подобно мне.

— Снова Господь,— проворчал он,— всегда Господь. Кто такой Господь, черт побери?

— Неужели ты действительно этого не знаешь? — спросила она, недоверчиво.

— Да, не знаю.

Он немного помолчал, а затем произнес ее имя, словно пробуя его на вкус:

— Хри-се-и-да. Оно небезызвестно на Земле, хотя боюсь, что университет, где я преподавал, полон людей необразованных, никогда не слышавших его. Они слышали, что Гомер сочинил “Илиаду”, и это примерно все. Хрисеида, дочь Хриса, жреца Аполлона. Она была захвачена греками в плен во время осады Трои и отдана Агамемнону. Но Агамемнон вынужден был вернуть ее отцу из-за насланной Аполлоном чумы.

Хрисеида молчала, на этот раз так долго, что Вольф почувствовал нетерпение. Он решил, что им следует убраться с этого места, но не знал, ни какое выбрать направление, ни как далеко идти.

Нахмурившись, Хрисеида произнесла:

— Это же было давным-давно. Я едва могу вспомнить про это. Лишь какие-то смутные образы.

— О чем ты говоришь?

— О себе, о моем отце, об Агамемноне, о войне.

— Ну, и что насчет них?

Вероятно, им следовало бы отправиться к подножию горы. Там он, может быть, получит хоть какое-то представление о том, что наверху.

— Да, я — Хрисеида,— сказала она,— та самая, о которой ты говорил. Это звучало так, словно ты только что явился с Земли. Скажи мне, это правда?

Он вздохнул. Эти люди не лгали, так как сами свято верили в свои рассказы. Он уже слышал достаточно небылиц, чтобы понять, что многие здесь были не просто страшно дезинформированы, но и легко интерпретировали прошлое на свой лад, делая это абсолютно бессознательно.

— Я не хочу разбивать мир твоих милых грез,— сказал он,— но та Хрисеида, если она когда-либо существовала, умерла, по меньшей мере, три тысячи лет тому назад. Более того, она была человеком в полном смысле этого слова. И цвет ее волос не был похож на тигриную шкуру, а глаза не напоминали кошачьи.

— И я была иной... тогда. Это Господь похитил меня, привез в эту Вселенную и изменил мою внешность. Точно так же, как он похитил других, изменил их или же заключил их мозг во вновь созданные им тела.

Она указала в сторону моря и наверх.

— Теперь он живет там, и мы не очень часто видим его. Некоторые говорят, что он давным-давно исчез и его место занял новый Господь.

— Давай-ка уберемся отсюда, поскорее, — предложил Вольф. — Об этом мы можем поговорить позже.

Они прошли с четверть мили, когда Хрисеида жестом велела ему спрятаться за густым кустом с пурпурными ветвями и золотыми листьями. Он пригнулся рядом с ней и, раздвинув немного ветки, увидел то, что ее встревожило. В нескольких ярдах от них стоял волосатый человек с тяжелыми бараньими рогами на макушке. Рядом на низкой ветке на уровне глаз человека сидел гигантский ворон. Он был таким же крупным, как золотой орел, и имел очень высокий лоб. Череп его на вид содержал мозг размером не меньше, чем у фокстерьера.

Размеры ворона не удивили Вольфа, поскольку здесь он повидал уже немало громадных существ. Но он был потрясен, обнаружив, что птица и человек спокойно беседовали друг с другом.

— Око Господне, — прошептала Хрисеида.

В ответ на его озадаченный взгляд она указала пальцем на ворона.

— Это один из шпионов Господа. Они летают над миром и смотрят за тем, что происходит, а потом рассказывают обо всем Господу.

Вольф подумал о ее явно правдивом замечании насчет вставления Господом мозгов в их тела. На его вопрос она ответила:

— Да, но я не знаю, вставил ли он человеческий мозг в головы воронов. Он мог вырастить маленькие мозги по образцу больших человеческих, а затем обучить воронов. Или мог использовать какую-то часть человеческого мозга.

К сожалению, хоть они и напрягали слух, им удалось уловить только отдельные слова. Прошло несколько минут.

Громко прокаркав "прощай" на искаженном, но понятном древнегреческом, ворон сорвался с ветки. Его огромные крылья, громко захлопав, унесли его вверх. Че-

рез минуту он пропал в густой листве деревьев. Немного позже Вольф увидел, как он мелькнул в проеме растительности, и гигантская черная птица начала медленно набирать высоту по направлению к горе за морем.

Вольф увидел, что Хрисеида вся дрожит, и с удивлением спросил:

— Что такого может ворон сообщить Господу, чтобы так тебя испугать?

— Я боюсь не за себя, а за тебя. Если Господь обнаружит, что ты здесь, он непременно убьет тебя. Он не любит незваных гостей в своем мире.

Она положила руку на рог и опять задрожала.

— Я знаю, что его тебе дал Кикаха и что ты имеешь право владеть им, но Господь может этого не знать. Или даже если он знает, то не придаст этому значения. Он будет страшно разгневан, если решит, что ты имел какое-то отношение к похищению этого предмета. Он сделает с тобой что-то страшное. Лучше уж покончить с собой сейчас, чем дожидаться суровой расправы Господа.

— Значит Кикаха похитил этот рог? Откуда ты знаешь?

— О, знаю, поверь мне. Он ведь — Господь. Кикаха должен был похитить его потому, что иначе Господь никогда бы никому его не отдал.

— Я ничего не понимаю, — признался Вольф. — Но, может быть, в один прекрасный день мы сумеем все выяснить. Что меня интересует в данный момент, так это вопрос: где Кикаха?

Хрисеида показала на гору и сказала:

— Гворлы взяли его туда, но прежде, чем они увели его... — она закрыла лицо руками. — Нет... Они сделали что-то с...

Вольф отнял руки от ее лица.

— Если ты не можешь об этом говорить, так может, покажешь мне это?

— Я не могу. Это слишком ужасно. Мне нехорошо.

— Все равно покажи.

— Лучше я отведу тебя к тому месту, но только не проси меня смотреть на все это снова.

Она двинулась с места, и он последовал за ней. Время от времени она останавливалась в нерешительности, но он мягко просил ее идти дальше. После невероятного петляния около полумили она остановилась. Перед ними

был небольшой лесок, состоящий из деревьев и кустарников, раза в два выше человеческого роста.

Листья каждого куста переплетались с листьями соседних. Они были очень широкими и формой напоминали слоновье ухо, светло-зеленые, с широкими красными прожилками и кончавшиеся ржавыми цветками лилии.

— Она — там, — показала Хрисеида. — Я видела, как гворлы поймали ее и уволокли в эти кусты. Я пошла следом. Я...

Больше она не могла говорить.

С ножом в руке Вольф раздвинул ветки кустов и оказался на естественной поляне, в центре которой на короткой траве были разбросаны человеческие кости. На них виднелись следы мелких зубов, по которым он понял, что до трупа женщины добрались двуногие лисицы-мусорщики.

Он не испытал ужаса, но мог себе представить, что должна была почувствовать Хрисеида. Она, вероятно, увидела лишь часть этой дикой сцены, может быть, изнасилование, а потом и изощренное убийство. Она прореагировала так же, как восприняли бы это и другие обитатели Сада. Смерть была здесь чем-то настолько ужасным, что обозначающее ее слово давным-давно стало табу, а потом и исчезло из языка. Здесь нельзя было предаваться ничему другому, кроме приятных мыслей и действий, а от всего неприятного следовало отгораживаться.

Он вернулся к Хрисеиде, смотревшей на него огромными глазами, словно ей хотелось, чтобы он сказал ей, что на поляне ничего нет. Он только произнес:

— Это теперь — всего лишь кости, и она уже давно не страдает.

— Гворлы поплатятся за это! — в ярости крикнула она. — Господь не позволит причинять вред его созданиям! Это его Сад, и все, вторгшиеся сюда, будут наказаны!

— Вот и хорошо, — сказал он. — Я уж начал думать, что ты могла остолбенеть от шока. Ты можешь ненавидеть гворлов сколько угодно, они этого заслуживают. А тебе сейчас нужно избавиться от пут.

Она завизжала и, прыгнув на него, заколотила по груди кулаками. Затем она начала плакать, и вскоре он заключил ее в свои объятия, поднял ее лицо и поцеловал. Она ответила ему страстным поцелуем, хотя из глаз ее все еще лились слезы.

После она сказала:

— Я побежала на пляж рассказать о том, что видела, моему народу, но они не хотели слушать. Они отворачивались от меня и притворялись, что не слышат. Я пыталась докричаться до них пока Овисандр — человек с бараньими рогами, беседовавший с вороном — не ударил меня кулаком и не велел убираться прочь. После этого они перестали со мной общаться, а я... Мне нужны друзья и любовь.

— Ты не добьешься ни дружбы, ни любви, говоря людям то, чего они не хотят слушать, — сказал Вольф, — ни здесь, ни на Земле, но у тебя есть я, Хрисеида, а у меня есть ты. По-моему, я начинаю влюбляться в тебя, а может быть, просто реагирую так на свое одиночество, на твою необыкновенную красоту и на свою внезапно вернувшуюся молодость.

Он сел и показал на гору.

— Если гворлы вторглись сюда, то откуда они явились? Почему они охотятся за этим рогом? Почему забрали с собой Кикаху? И кто такой этот Кикаха?

— Он тоже прибыл оттуда. Но думаю, что он — землянин.

— Что значит “землянин”? Ты же говоришь, что и ты родом с Земли.

— Я имею в виду, что он новоприбывший. Я не знаю точно, но у меня просто было такое чувство, что он здесь недавно.

Он встал и взял ее за руки.

— Давай отправимся за ним.

Хрисеида судорожно вздохнула и, прижав руку к груди, отпрянула от него.

— Нет!

— Хрисеида, я мог бы остаться здесь с тобой и быть счастливым какое-то время, но желание раскрутить до конца всю эту историю с Господом, узнать что случилось с Кикахой, никогда бы не покидало меня. Я видел его только несколько секунд, но он мне сразу понравился. Кроме того, он бросил мне рог не просто так, для этого у него наверняка была веская причина. И я не могу быть спокоен, пока он находится в руках этих тварей, гворлов.

Он отнял ее руки от груди и поцеловал ей ладонь.

— Тебе самое время покинуть этот Рай, который вовсе не является раем. Ты не можешь вечно оставаться здесь, вечно быть ребенком.

Она покачала головой.

— От меня тебе не будет никакой помощи. Я просто встану у тебя на пути. И... покинув этот мир, я, ну, просто кончусь.

— Тебе придется научиться новому словарю, — сказал он. — Смерть будет только одним из многих новых слов, которые ты сможешь произнести без колебаний или дрожи. И благодаря этому ты будешь лучшей женщиной на свете. Отказ произносить название явлений не мешает, знаешь ли, их осуществлению. Кости твоей подруги находятся там, хочешь ты об этом говорить или нет.

— Это ужасно!

— Истина часто бывает такой.

Отвернувшись от нее, он двинулся к пляжу. Через сто ярдов он остановился и оглянулся. В этот момент она бросилась за ним. Он дождался ее, обнял и, нежно поцеловав, произнес:

— Возможно, ты обнаружишь, что идти трудно, Хрисеида, но скучать тебе не придется, и ты не будешь напиваться до потери сознания, чтобы как-то еще жить.

— Надеюсь, что так и будет, — ответила она тихо. — Но я боюсь.

— Я тоже, но мы все-таки пойдем.

Глава 4

Взавшись за руки, они пошли к ревущему прибою. Не пройдя и ста шагов, Вольф увидел гворла. Тот вышел из-за дерева и, казалось, был также удивлен этой встречей, как и они. Он закричал, выхватил нож, а затем повернулся и позвал других. Через несколько секунд позади него образовался отряд из семи гворлов, и каждый держал длинный кривой нож.

Все еще держа Хрисеиду за руку, а другой рукой сжимая рог, Роберт Вольф побежал изо всех сил. У них была фора ярдов в пятьдесят.

— Мы можем где-нибудь спрятаться? — на ходу прокричал он.

— Не знаю, — в отчаянии ответила она. — Пожалуй, мы могли бы спрятаться в дупле дерева, но окажемся в западне, если они нас там найдут.

Они бежали вперед. По временам он оглядывался. Кустарник был здесь густой, и скрывал некоторых гворлов, но один-два всегда угрожающе маячили сзади, не отставая.

— Валун! — воскликнул Вольф. — Он как раз впереди! Мы воспользуемся этим выходом!

Он вдруг понял, до чего же ему не хотелось возвращаться в свой мир. Даже если это означало дорогу к спасению и временное укрытие, он не хотел возвращаться туда. Перспектива застрять там и вдруг оказаться не в состоянии вернуться обратно была настолько ужасной,

что он даже решил не трубить в рог. Но что же сделать? Куда им скрыться?

И вдруг все его сомнения отпали сами собой, так как, приближаясь к валуна, он увидел несколько темных фигур, сгорбившихся у его подножия. Это были новые гворлы со сверкающими ножами и длинными белыми клыками.

Вольф с девушкой свернули, в то время, как трое из стоящих у валуна присоединились к погоне. Они оказались ближе остальных преследователей, причем значительно.

— Неужели ты не знаешь никакого укрытия? — выдохнул Вульф на бегу.

— За Раем, — ответила она. — Это единственное место, куда они не смогут за нами последовать. Я бывала ниже грани. Там есть пещеры. Но это опасно...

Он не ответил, экономя воздух, дыша с трудом. Ноги его отяжелели, а легкие и горло горели. Хрисеида, казалось, находилась в лучшей форме, чем он. Она бежала легко, ее длинные ноги ритмично поднимались и опускались. Дышала она глубоко, но без мучительных усилий.

— Еще две минуты, и мы там, — сообщила она.

Эти минуты показались ему вечностью, но каждый раз, почувствовав, что больше не может бежать, он бросал взгляд назад и снова делал усилие. Гворлы, хоть они и прилично отстали, по-прежнему были видны. Они переваливались на своих коротких кривых ногах, и на их бугристых мордах была написана твердая решимость.

— Может быть, если отдать им рог, они уберутся, — предложила Хрисеида. — Я думаю, им нужен рог, а не мы.

— Я сделаю это только в том случае, если у нас не будет другого выхода, — выдохнул он.

Они уже бежали вверх по склону. Теперь ему казалось, что к ногам привязаны огромные гири. Но он обрел второе дыхание и понял, что, наверно, выдержит этот марафон. Вскоре они поднялись на вершину холма и побежали к краю утеса.

Хрисеида остановила его. Она подошла к краю, осталась, посмотрела вниз и жестом позвала его. Оказавшись рядом с ней, Вольф тоже заглянул вниз, у него перехватило дыхание.

Отвесная стена утеса из черной, твердой, блестящей породы уходила на несколько миль вниз. А там — ничего, кроме зеленого неба.

— Так значит, это и есть край света! — произнес он.

Хрисеида не ответила. Она уже опять бежала впереди, иногда заглядывая в пропасть.

— Уже недалеко, — сказала она. — За теми деревьями, что растут прямо на краю.

Она рванулась вперед, и ему пришлось поднапрячься. В этот момент один гворл выскочил из кустов, росших недалеко от края пропасти. Остановившись, он издал призывный крик, а затем бросился в атаку, не дожидаясь подмоги.

Вольф повернулся к гворлу лицом. Увидев, что тварь приготовила для броска нож, он швырнул в него рогом. Это явилось для гворла полной неожиданностью. Он замер, судорожно оценивая ситуацию. Эти колебания врага мгновенно использовал Вольф. Он вихрем налетел на гворла, когда тот, нагнувшись, потянулся к рогу. Длинные волосатые пальцы обвилились вокруг рога, и тварь издала скрежещущий крик восторга. Вольф занес нож для удара, но гворл уже успел поднять свой, и два клинка, скрестившись, звякнули.

Прوماхнувшись вначале, Вольф хотел было снова бежать, поняв, что эта тварь, несомненно, владела искусством боя на ножах. Вольф очень даже неплохо знал фехтование и никогда не бросал практики. Но была большая разница между поединками на рапирах и грязной поножовщиной без всяких правил, и он это знал. И все же бежать он не мог. Во-первых, гворл свалит его, метнув нож в спину, прежде чем он успеет сделать несколько шагов. И, во-вторых, существовал еще рог, стиснутый в бугристом левом кулаке гворла. Вольф не мог его оставить.

Понимая, что Вольф оказался в очень неприятной ситуации, гворл ослабил, сверкнули его длинные желтые мокрые клыки.

“С этим, — подумал Вольф, — он обойдется и без ножа”.

Мимо него пронеслось что-то золотистое, коричневое с развевающимися волосами в черно-каштановую полосу. Глаза гворла расширились, и он обернулся.

Длинная палка, лишенная листьев и части коры, вонзилась гворлу в грудь. Хрисеида бежала во весь дух, де-

ржа мертвый сук, словно шест, а за несколько шагов до цели метнула свое оружие, которое ударило чудище, опрокинув его на спину. Рог выпал из его кулака, но нож в другой руке остался.

Вольф прыгнул вперед и вонзил лезвие между двух хрящевых бугров на толстой шее гворла. Мышцы там были толстыми и мощными, но не настолько, чтобы остановить лезвие. Оно застряло только перерезав трахею.

Вольф вручил Хрисеиде нож гворла.

— Вот, возьми его.

Она приняла его, но, казалось, все еще пребывала в шоке.

Вольф надавал ей оплеух, пока взгляд ее не стал осмысленным.

— Ты действовала отлично! — приободрил он ее. — Кого бы ты предпочла увидеть мертвым, меня или его?

Он снял с трупа пояс и повесил на себя. Теперь у него было три ножа. Он сунул окровавленное оружие в ножны, взял в одну руку рог, а в другую — ладонь Хрисеиды и снова пустился бежать. Когда первые гворлы перевалили через край холма, позади них поднялся вой. Однако Вольф и Хрисеида имели фору в тридцать ярдов, которую они и сохраняли, пока не добрались до группы роскошных, росших на краю обрыва, деревьев. Хрисеида вышла вперед. Она опустилась на землю и скользнула вниз. Вольф присмотрелся, прежде чем слепо последовать за ней, и увидел, примерно в шести футах внизу, узкий карниз. Она уже прошла по нему и теперь висела на руках, затем снова прыгнула, на этот раз на куда более узкий карниз. Но и это был еще не конец. Карниз тянулся под углом в пять градусов вниз по поверхности утеса.

Они могли воспользоваться им, лишь встав лицом к каменной стене и двигаясь боком, раскинув руки и вплотную прижавшись к скале.

Спускаясь, рог он заткнул за пояс. Сверху донесся вой. Вольф поднял голову и увидел первый карниз, на который уже падал один из гворлов. Затем он оглянулся на Хрисеиду и вздрогнул от ужаса: она исчезла.

Он медленно повернул голову, посмотрел через плечо и вниз, ожидая увидеть ее, падающей вдоль поверхности утеса, если не миновавшей уже его и погружавшейся в зеленую бездну.

— Вольф! — услышал он.

Голова ее высывалась откуда-то из самого утеса.

— Здесь есть пещера! Скорее!

Дрожа и потая, он дюйм за дюймом пробрался к ней по карнизу и вскоре влез в неширокое отверстие. Потолок пещеры был ненамного выше его головы, вытянув руки, он мог почти коснуться пальцами стен. Внутренняя часть уходила в темноту.

— Далеко ли она тянется?

— Не очень далеко, но тут есть естественная шахта, дыра в скале, ведущая вниз. Она выходит на Дно Мира. Ниже нет ничего, кроме воздуха и неба.

— Этого не может быть,— медленно произнес он.— Но это есть. Вселенная, основанная на совершенно иных физических принципах, чем моя Вселенная. Плоская планета с краями! Но я не понимаю, как здесь действует гравитация. Где ее центр?

Она пожала плечами и ответила:

— Кажется, Господь рассказывал мне об этом давным-давно, но я забыла... Я даже забыла, что он рассказывал мне, будто Земля круглая.

Сняв кожаный пояс гворла, Вольф выдернул из него ножны и поднял овальный камень, весом примерно в десять фунтов. Он проткнул через ремень пряжку, а затем поместил камень внутри петли. Проткнув острием ножа дырку поблизости от пряжки, он затянул петлю. Теперь он был вооружен плетью, на конце которой был тяжелый камень.

— Встань сзади, боком ко мне,— велел он.— Если я промахнусь, или если кто-то проскочит мимо меня, толкай его, пока он не обрел равновесия, но не свались сама. Как думаешь, ты сможешь с этим справиться?

Она кивнула, не глядя на него.

— Это потребует от тебя многого. Я бы понял, если бы ты полностью сломалась, но ты, в основном, сработана из крепкой древнеэллинской породы. В ту эпоху люди были весьма жестокими. Ты не смогла потерять всех сил даже в этом омертвляющем псевдо-Раю.

— Я была не ахейка,— поправила она его.— Я из сминтейцев. Но ты в некотором смысле прав. Я чувствую себя не так плохо, как мне думалось. Только...

— Только к этому требуется привыкнуть,— закончил он за нее.

Вольф воодушевился, он ожидал иной реакции. Если она сможет продержаться в таком состоянии, то, возможно, они вдвоем сумеют выпутаться. Но если она опять

расклеится, и ему придется утихомиривать истеричную женщину, они могут оба пасть под натиском гворлов.

— А вот, кстати, и они,— пробормотал он.

Вольф увидел, как черные волосатые бугристые пальцы ухватились за угол пещеры. Он с силой взмахнул ремнем, так что камень на его конце раздробил волосатую руку. Послышался рев удивления и боли, затем долгий, постепенно удаляющийся вой, когда гворл падал. Дождаться появления следующего Вольф не стал. Он подобрался, насколько смог, поближе к краю карниза и снова взмахнул ремнем. Тот хлестнул за угол и стукнулся обо что-то мягкое. Снова раздался вопль, и он тоже растаял в пустоте зеленого неба.

— Трoих долой, осталось семь, пусть даже, к ним не присоединились другие.

Он повернулся к Хрисеиде.

— Они, возможно, и не сумеют ворваться сюда, но они смогут уморить нас голодом.

— Рог?

Он рассмеялся.

— Теперь они не отпустят нас, даже если я отдам им рог, а этого я не намерен допускать. Скорей уж я выброшу его в небо.

Чья-то фигура обрисовалась, силуэтом у входа в пещеру и упала наземь.

Влетев, гворл приземлился на ноги и, с секунду покачавшись, бросился вперед, покатился волосатым шаром и снова очутился на ногах. Вольф был настолько удивлен, что не сумел сразу отреагировать. Он не ожидал, что они сумеют забраться выше пещеры и спуститься вниз, ведь скала над пещерой выглядела гладкой. Каким-то образом гворл ухитрился это сделать, и теперь он внутри, на ногах, с ножом в руке.

Вольф раскрутил камень на конце ремня и запустил его в гворла. Тварь метнула в него нож. Вольф пригнулся и этим сбил прицел камня. Тот пролетел над бугристой мохнатой головой, нож слегка задел Вольфа по плечу. Он прыгнул за своим ножом и увидел, как еще одна темная фигура упала сверху в пещеру, а третья появилась на входе из-за угла.

Что-то ударило Вольфа по голове. В глазах у него померкло, в голове помутилось, колени его подогнулись.

Когда он очнулся с болью в левой стороне черепа, у него возникло пугающее ощущение. Он, казалось, нахо-

дился вверх ногами и плавал над огромным полированным черным диском. Вокруг шеи у него была завязана веревка, а руки связаны за спиной.

Он висел вверх тормашками в пространстве, а веревка вокруг его шеи лишь чуть напряглась.

Откинув голову, он увидел, что веревка вела вверх, в шахту диска, а из противоположного конца шахты исходил бледный свет.

Вольф застонал и закрыл глаза, но открыл их вновь. Мир, казалось, вращался. Внезапно он вновь сориентировался. Теперь он уже знал, что не был подвешен вверх ногами вопреки всем законам гравитации. Он висел на веревке, шедшей со дна нижней стороны планеты.

Зеленое под ним было небо.

“Мне полагалось бы уже давно задохнуться,— подумал он,— но нет никакой гравитации, тянущей меня вниз”.

Он подрыгал ногами, и центробежная сила погнала его вверх. Отверстие шахты стало ближе. Голова вошла в него, но что-то сопротивлялось. Движение его замедлилось и остановилось. Словно благодаря невидимой сжатой пружине, давившей сверху на голову, он начал опять двигаться вниз. Полет его не останавливался, пока веревка не натянулась вновь.

Это сделали с ним гворлы. Они оглушили его и спустили вниз по шахте или, что более вероятно, отнесли вниз. Шахта была достаточно узкой, чтобы можно было спуститься по ней, упираясь спиной в одну из стен, а в другую — ногами. Такой спуск сдерет со спины человека кожу, но волосатые шкуры гворлов выглядели достаточно жесткими, чтобы выдержат спуск и подъем без повреждений. Затем была опущена веревка, завязана на его шее, и его бросили через дырку в дно мира.

Способа выбраться обратно не было. Он умрет с голоду, а тело его будет болтаться на пространственных ветвях, пока не сгниет веревка. Но и тогда он не упадет, а будет дрейфовать в отбрасываемой диском тени. Сшибленные им с карниза гворлы упали, но их продолжало уносить ускорение.

Даже будучи в этом отчаянном положении, он не мог не гадать о гравитационной конфигурации плоской планеты. Центр должен был находиться на своем месте, на самом дне, а все тяготение шло вверх через массу плане-

ты. На этой же стороне никакого тяготения не существовало.

Что же гворлы сделали с Хriseидой? Неужели они ее убили так же, как ее подругу?

Но как бы они не поступили с ней, они намеренно не повесили ее вместе с ним. Они запланировали, что частью его муки будет полная неизвестность относительно ее жизни или смерти. Пока он будет жив на конце веревки, он будет гадать, что с ней случилось. Предположения могут быть различные, но все — ужасные.

Долгое время он висел с небольшим отклонением от перпендикуляра, ветер удерживал его на месте. Здесь, где не существовало никакой гравитации, он мог раскачиваться, как маятник.

Даже оставаясь в тени черного диска, он все же видел продвижение солнца. Само солнце было невидимо, скрытое диском, но свет его падал на грань большой дуги и медленно полз вдоль нее. Зеленое небо под солнцем ярко светилось, в то время как неосвещенные части до и после погружались во тьму.

Затем в поле зрения появилось более бледное свечение вдоль края диска, и он понял, что за солнцем следовала луна.

“Сейчас, должно быть, полночь,— решил он,— если гворлы решили куда-то увести ее, то сейчас они могут проплыть уже немалое расстояние по морю. Если они пытались ее, она могла умереть, если же они искалечили ее, то я надеюсь, что она умерла”.

Внезапно, он почувствовал, что веревка у него на шее дернулась. Петля затянулась, но не настолько, чтобы задушить его. Он начал медленно подниматься вверх. Вольф изогнулся, пытаясь увидеть, кто его вытаскивает, но было слишком темно. Затем его голова пробилась сквозь паутину гравитации — словно поверхностное натяжение воды, подумал он,— и его извлекли из бездны. Большие сильные руки обхватили его и прижали к твердой, теплой, волосатой груди. В лицо ему дхнули винным перегаром. Дубленый рот поскреб ему щеку, когда существо стиснуло его покрепче и начало дюйм за дюймом подниматься по шахте с Вольфом в объятиях. Мех скреб по скале, когда существо отталкивалось ногами. Возникло подергивание, когда ноги поднимались и обретали новую опору, затем следовало новое поскребывание и рывок вверх.

— Ипсевас? — спросил Вольф.

— Ипсевас, — ответил зебрилла, — а теперь не разговаривай. Я должен поберечь дыхание. Подъем нелегкий.

Вольф подчинился, хотя ему было трудно не спросить о Хрисеиде. Когда они достигли верха шахты, Ипсевас снял с его шеи веревку и положил на пол пещеры. Только теперь Вольф наконец осмелился спросить, где Хрисеида.

Ипсевас мягко приземлился рядом, перевернул Вольфа и принялся развязывать узлы вокруг его запястий. Тяжело дыша от путешествия по шахте, он ответил:

— Гворлы взяли ее с собой в большую долбленку и поплыли через море к горе. Она кричала, умоляя меня помочь ей, потом гворл ударил ее, и она, я думаю, потеряла сознание. Я сидел там пьяный, как Господь, сам наполовину без сознания от орехового сока, хорошо проводя время с Антиной. Прежде чем Хрисеиду оглушили, она успела крикнуть, что ты висишь в Дыре на Дне Мира. Я не понял, о чем она говорила, потому что уже давно здесь не бывал. Насколько давно — мне крайне не хочется говорить. Собственно, я и сам не знаю. Теперь уже все, понимаешь ли, в густом тумане.

— Нет, не понимаю, — сказал Вольф.

Он поднялся и растер запястья.

— Но боюсь, что если я останусь здесь надолго, то тоже могу кончить в алкогольном тумане.

— Я думал пойти к ней, — продолжал свой рассказ Ипсевас, — но гворлы замахнулись на меня этими длинными ножами и сказали, что убьют меня. Я смотрел, как они вытаскивают из кустов свою лодку, и тогда же решил: какого черта, если они убьют меня, так что? Я не собирался спустить им угрозы или похищения бедной маленькой Хрисеиды. В былые дни мы с ней были друзьями, знаешь, в Троаде, хотя здесь мы какое-то время практически не общались. Во всяком случае, я вдруг захотел какого-то настоящего приключения, какого-то истинного волнения, а к тому же мне были ненавистны эти чудовищные бугристые твари. Я бросился к ним, но они к тому времени спустили лодку на воду вместе с Хрисеидой. Я огляделся в поисках гистойхтиса, думая, что смогу протаранить им лодку. Коль скоро я опрокину их в воду, они будут у меня в руках, хоть с ножами, хоть без. То, как они вели себя в лодке, показало мне, что на море они чувствовали себя очень неуверенно. Я даже сомневаюсь, умеют ли они плавать.

— Я тоже в этом сомневаюсь, — согласился Вольф.

— Но в пределах досягаемости не было ни одного гистоихтиса. А ветер уносил лодку, у нее был большой треугольный парус. Я вернулся к Антиное и выпил еще. Я мог бы забыть о тебе точно так же, как я пытался забыть о Хрисеиде. Я был уверен, что ей придется худо, и не мог вынести мысли об этом и поэтому хотел упиться до забытья. Но Антиноя, благослови ее пьяный мозг, напомнила мне о том, что Хрисеида сказала о тебе. Я быстро отправился сюда и немного осмотрелся, потому что не мог вспомнить, где именно находились карнизы, ведущие в пещеру. Я чуть было не бросил эту затею и не принялся снова пить, но что-то продолжало тревожить меня. Может быть, я хотел совершить хоть одно доброе дело в этой вечности ничегонеделания, где нет ни добра, ни зла.

— Если бы ты не пришел, я бы висел там, пока не умер бы от жажды. А теперь и у Хрисеиды есть шанс, если я смогу ее найти. Я отправлюсь за ней. Хочешь пойти со мной?

Вольф ожидал, что Ипсевас согласится, но не думал, что тот сохранит свою решимость при мысли о путешествии через море. Ему, однако, преподнесли сюрприз.

Зебрилла вошел в море и, немного проплыв, ухватился за выступ раковины проплывавшего гистоихтиса. Потом мгновенно забрался ему на спину. Он привел его к берегу, нажимая на крупные нервные пятна, темно-пурпурные кляксы, видимые на открытой коже как раз за конусовидной раковиной, представлявшей собой нос существа.

Вольф под руководством Ипсеваса продолжал давить на пятно, удерживая моллюска на пляже. Зебрилла тем временем собрал несколько охапок плодов и большую коллекцию пунш-орехов.

— Нам надо будет есть и пить, особенно пить, — проворчал он. — Путь через Океанос к подножию горы может быть долгим. Я, правда, не помню точно каким.

Спустя несколько минут, когда припасы были уложены в одно из естественных вместилищ на раковине рыбапаруса (буквальный перевод слова “гистоихтис”) они отплыли. Тонкий хрящевой парус поймал ветер, и огромный моллюск заглотнул в рот воду и выбросил ее через мускульный клапан сзади.

— У гворлов есть фора, — сказал Ипсевас, — но они не могут тягаться с нами в скорости. Они попадут на другую сторону не намного раньше нас.

Он вскрыл пунш-орех и предложил Вольфу выпить. Тот не отказался. Он был опустошен, но нервы у него были натянуты, как струны. Ему требовалось что-то такое, что оглушит его и позволит уснуть.

Изгиб раковины создавал пещероподобный выступ, куда он мог заползти. Он лежал, прижавшись к излучавшей тепло коже рыбы-паруса. В скором времени он уснул, и последнее, что он увидел, была плечистая с блестящими в лунном свете волосами глыба Ипсеваса, согнувшегося у нервных пятен. Он поднимал над головой еще один пунш-орех, выливая его хмельное содержимое в свой разинутый гориллообразный рот.

Проснувшись, Вольф обнаружил, что солнце только-только выходит из-за изгиба горы. Полная луна (а она всегда была полная, так как тень планеты на нее никогда не падала) только-только ускользала за другую сторону горы.

Отдохнувший, но проголодавшийся, он съел что-то из плодов и богатых протеином орехов. Ипсевас показал, что он мог разнообразить свою диету “кровавыми ягодами”. Это были сверкающие каштановые шарики, росшие гроздьями на кончиках мясистых стеблей, выраставших из раковины.

Каждый был не меньше бейсбольного мяча и имел тонкую, хорошо разрывавшуюся кожу, выделявшую жидкость на вид и на вкус походившую на кровь. Содержимое напоминало сырое мясо с супом из креветок.

— Созрев, они отваливаются, и большая часть их достается рыбам, — сказал Ипсевас, — но некоторые доплывают до пляжа. Лучше всего они, когда ты срываешь их прямо со стебля.

Вольф присел рядом с ним и проговорил:

— Гистохитисы очень удобны. Они кажутся мне даже чересчур хорошими.

— Господь придумал и создал их для нашего и своего удовольствия, — ответил на это Ипсевас.

— Значит, Господь создал эту Вселенную? — спросил Вольф.

Он больше не был уверен, что этот рассказ является мифом.

— Тебе лучше в это поверить,— ответил Ипсевас и выпил еще.— Потому что, если ты не поверишь, Господь тебя прикончит. Вообще-то я сомневаюсь, что он в любом случае позволит тебе долго жить. Он не любит незваных гостей.

Ипсевас поднял орех и предложил тост:

— За то, чтобы ты остался незамеченным им. И за внезапный конец и проклятье Господу!

Внезапно он выронил орех и прыгнул на Вольфа. Тот был настолько захвачен врасплох, что не успел опомниться, как уже лежал, распластавшись под накрывшей его тушей Ипсеваса.

— Тихо! — скомандовал зебрилла.— Оставайся здесь, свернувшись в клубок, пока я не скажу тебе, что все в порядке. Здесь Око Господне.

Вольф съежился, прижавшись к твердой раковине, и замер. Одним глазом, однако, он успел заметить пронесшуюся неровную тень ворона, за которой последовало и само это создание. Суровая птица, проскользнув над ними, начала заходить на посадку на корму рыбы-паруса.

— Черт его поberi! Он не может не заметить меня,— пробормотал Вольф.

— Без паники! — призвал Ипсевас.— А-а-а!

Послышался глухой удар, всплеск и пронзительный крик, заставивший Вольфа резко выпрямиться и сильно удариться головой о раковину над ним. Сквозь вспышки света и тьмы он увидел, что ворон висит, обмякнув в двух гигантских лапах.

Если ворон был размером с орла, то его убийца, молнией обрушившийся с зеленого неба, в первую секунду показался Вольфу громадным, как птица Рух.

Вольф немного пришел в себя и увидел орла со светло-зеленым телом, бледно-красной головой и желтым клювом. Он был раз в шесть массивней ворона, и его крылья, каждое длиной, по меньшей мере, в тридцать футов, тяжело хлопали, когда он старался подняться ввысь, упав в море, куда его занесло стремительное нападение на свою жертву.

С каждым мощным взмахом он поднимался на несколько дюймов выше. Вскоре он начал набирать высоту, но прежде чем пропасть совсем, он повернул голову и Вольф увидел его глаза. Это были два черных щита, в которых плескалось море ненависти. Вольф содрогнулся: никогда он не видел столь откровенной жажды убийства.

— Я разделяю твой ужас,— бросил ему Ипсевас.

Его ухмыляющееся лицо просунулось в пещеру раковины.

— Это была одна из птичек Подарги. Подарга ненавидит Господа и напала бы на него сама, будь у нее малейший шанс, даже зная, что это станет ее концом. Так оно и было бы. Но она не может приблизиться к Господу, зато посылает своих птичек на охоту за Очами Господа. Что они с большим усердием и исполняют.

Вольф покинул раковину и некоторое время стоял, следя за уменьшавшейся фигурой орла, уносящего в своих когтях добычу:

— Кто такая Подарга?

— Она, подобно мне, одно из чудищ Господа. Она тоже некогда жила на берегах Эгейского моря и была прекрасной молодой девушкой. Это было, еще когда великий царь Приам, богоподобный Ахилл и хитроумный Одиссей жили на свете. Я знал их всех, а они оплевали бы критянина Ипсеваса, некогда храброго моряка и копьеносца, если бы увидели меня сейчас... Но я говорил о Подарге. Господь забрал ее в этот мир, создал чудовищное тело и поместил в него ее мозг. Она живет где-то там, в пещере, на самом склоне горы. Она ненавидит Господа и так же ненавидит все нормальные человеческие существа и поедает их, если ее птички не добираются до них первыми. Но больше всех она ненавидит Господа.

Это, кажется, было все, что знал о ней Ипсевас, за исключением того, что до похищения ее звали как-то по-другому, так как Подаргой звалась гарпия, мать ко-ней Ахилла. Он также помнил, что был хорошо знаком с ней.

Вольф принялся расспрашивать дальше. Его интересовало все, что Ипсевас мог рассказать ему об Агамемноне, Ахилле, Одиссее и других героях гомеровского эпоса. Он сказал зебрилле, что, их земная наука предполагала Агамемнона как исторический персонаж. Но неужели Ахилл и Одиссей в самом деле существовали?

— Конечно, существовали,— заявил Ипсевас, хмыкнул, а затем продолжил: — Я полагаю, тебе любопытно узнать о тех днях. Но я мало что могу рассказать тебе. Это было слишком давно, слишком много праздных дней назад. Дней? Веков, тысячелетий — один Господь знает. А также слишком много выпито.

Весь остальной день и часть ночи Вольф пытался выкачать из Ипсеваса все, что тот знал, но мало чего добился. Заскучавший Ипсевас выпил половину своего запаса орехов и наконец захрапел.

Из-за горы пришел зелено-золотой рассвет. Вольф смотрел на воду, такую прозрачную, что он мог видеть сотни рыб фантастических очертаний и роскошных расцветок. Из глубины поднялся ярко-оранжевый тюлень с существом, похожим на живой бриллиант во рту. Рванул назад отброшенный тюленем спрут с пурпурными жилами. Далеко внизу на секунду появилось что-то огромное и белое, а затем нырнуло обратно на дно.

Вскоре до Вольфа донесся рев прибоя, и показалась тонкая белая линия у подножия Тайя Файявозда. Гора, казавшаяся такой гладкой на большом расстоянии, была теперь изломана трещинами и выступами, пиками, вздымавшимися откосами и замерзшими каменными фонтанами. Гора все росла и росла, казалось, она нависала над миром.

Вольф растолкал Ипсеваса, пока зебрилла, постанывая и бурча себе что-то под нос не поднялся на ноги. Поморгав покрасневшими глазами, почесавшись и откашлявшись, он протянул руку за новым пунш-орехом. Наконец, по настоянию Вольфа, он направил рыбу-парус параллельно подножию горы.

— Я когда-то был знаком с этим местом, — сказал он. — Некогда я думал подняться на гору, найти Господа и попытаться...

Он помолчал, почесал голову, вздрогнул и закончил:

— Убить его! Вот! Я знал, что могу вспомнить это слово. Но все было бесполезно. У меня не хватило духу попробовать совершить это в одиночку.

— Теперь я с тобой, — тонко намекнул Вольф.

Ипсевас покачал головой и выпил еще.

— Теперь — не тогда. Если бы ты был со мной тогда... ну, что толку болтать. Ты тогда даже еще не родился. Не родился тогда и твой пра-пра-прадед. Нет, теперь уже слишком поздно.

Он замолчал, занявшись направлением рыбы-паруса через отверстие в горе. Огромное создание внезапно отклонилось от курса, хрящевой парус сложился у мачты из жесткого, как кость, хряща. Тело поднялось на огромной волне, а затем они оказались в спокойных водах узкого, крутостенного и темного фьорда.

Ипсевас показал на череду неровных карнизов.

— Воспользуйся ими. Ты сможешь забраться далеко. Насколько далеко — не знаю. Я устал и натерпелся страху и возвращаюсь в Сад, чтобы никогда не вернуться сюда, я думаю.

Вольф долго уговаривал Ипсеваса. Он сказал, что ему может понадобиться сила Ипсеваса. Но зебрилла покачал головой.

— Я дам тебе свое благословение, чего бы оно ни стоило.

— А я благодарю тебя за все, что ты сделал, — ответил Вольф. — Если бы ты не пришел мне на помощь, я бы до сих пор качался на конце веревки. Может быть, мы снова встретимся с тобой. Вместе с Хрисеидой.

— Господь слишком могуч, — ответил Ипсевас. — Неужели ты думаешь, что у тебя есть шанс против существа, способного создать свою собственную Вселенную?

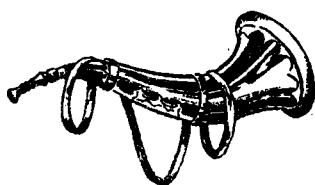
— У меня есть шанс, — сказал Вольф. — Покуда я борюсь и шевелю мозгами и мне немного везет, этот шанс есть.

Он спрыгнул с палубоподобной раковины и чуть не подскользнулся на мокром камне.

— Дурное знамение, друг мой! — крикнул Ипсевас.

Вольф, обернувшись, улыбнулся в ответ.

— Я не верю в знамения, мой суеверный друг! — прокричал он. — Пока!

Глава 5

Он начал восхождение и не останавливался, пока не прошло около часа. Посмотрев вниз, Вольф увидел, что большое белое тело гистоихтиса стало тонкой бледной нитью, а Ипсевас — черной точкой на нем. Даже зная, что его невозможно разглядеть среди скал, он все-таки помахал Ипсевасу и продолжил восхождение.

Еще час карабканья и цеплянья за скалы вывел его из фиорда к широкому карнизу на поверхности утеса. Здесь снова засиял яркий солнечный свет. Гора казалась столь же высокой, как и снизу, а путь еще предстоял очень тяжелый.

Руки и колени Вольфа кровоточили, и подъем здорово утомил его. Он было собрался провести ночь тут же, но изменил свое решение. Пока светло, ему надо этим пользоваться.

Он уже сомневался в правоте Ипсеваса, сказавшего, что гворлы наверняка выбрали именно этот маршрут. Ипсевас утверждал, что там, где море врзалось в гору, существуют и другие проходы, правда, далеко. Вольф искал хоть какое-то подтверждение тому, что гворлы прошли этой дорогой, но до сих пор ничего не обнаружил.

Через некоторое время он вышел к одному из нескольких деревьев, росших из трещины в скале. Под его кривыми черными ветвями и пестрыми коричнево-зелеными листьями валялись пустые ореховые скорлупки и остатки плодов. Было ясно, что кто-то не так давно останавливался здесь перекусить. Этот факт придавал ему новые силы. В ореховых скорлупках осталось еще достаточно мякоти, и

Вольф немного подкрепился. А остатки плодов утолили жажду, давно мучившую его.

Шесть дней он лез по горе, периодически отдыхая. На поверхности этого перпендикуляра существовала жизнь. На карнизах, из пещер и трещин росли деревья и большие кусты, гнездились птицы разных видов, было много мелких животных. Они кормились ягодами и орехами или охотились. Он убивал птиц камнями и ел их мясо сырым. Вольф нашел кремь и высек примитивный, но острый нож. С его помощью он сделал короткое копьё с деревянным древком и кремнем в роли наконечника. За эти дни Вольф исхудал, руки и ноги покрылись толстыми мозолями.

На утро седьмого дня, заглянув с карниза вниз, он прикинул, что находится, должно быть, по меньшей мере, в двенадцати тысячах футов над уровнем моря. И все же воздух не был ни разреженнее, ни холоднее, чем внизу. Море, достигавшее, по меньшей мере, двухсот миль в поперечнике, выглядело, словно широкая река. За его пределами была грань края мира, Райский Сад, из которого он отправился в погоню за Хрисейдой и гворлами. Она была уже кошачьего усика, а за ней было только зеленое небо.

В полдень на восьмой день своего восхождения он натолкнулся на змею, питавшуюся мертвым гворлом. Сорока футов длиной, она была покрыта черными пятнами ромбов и шестигранными звездами, алыми печатями Соломона. Выстроившиеся по обоим бокам змеи ступни омерзительно походили на человеческие. Челюсти ее очерчивались тремя рядами акульих зубов.

Вольф храбро напал на нее, потому что заметил, что из средней части ее тела торчал нож, и все еще сочилась кровь.

Змея зашипела, развернулась и начала отступать. Вольф ткнул ее несколько раз, и она бросилась на него. Он вогнал кремневое острие в один из больших тускло-зеленых глаз. Змея зашипела громче и поднялась вертикально, лягаясь двенадцатью парами своих пятипалых ступней. Вольф вырвал копьё из окровавленного глаза и воткнул его в мертвенно-белый участок как раз над челюстью змеи. Кремень вошел глубоко, змея дернулась так сильно, что вырвала древко из рук Вольфа. Но после этого она упала набок, тяжело дыша, и через некоторое время сохла.

Сверху раздался вопль, и огромная тень нависла над ним. Вольф уже слышал раньше этот крик, когда находился на рыбе-парусе. Он метнулся вбок и покатился по карнизу. Докатившись до трещины, он заполз в нее и повернулся посмотреть, что же угрожало ему. Это была одна из огромных, ширококрылых, зеленых, красноголовых орлиц. Она сидела, согнувшись на змее, и вырывала куски мяса клювом столь же острым, как зубы змеи. Глотая куски, она прожигала взглядом Вольфа, пытавшегося забиться еще глубже в трещину.

Вольфу пришлось оставаться в своей щели до тех пор, пока птица не набила свой зоб. Это заняло весь остаток дня, и орлица даже ночью не покинула своей добычи. Вольф испытывал острое чувство голода, жажды и чувствовал себя отвратительно. К утру он совершенно отчаялся.

Орлица сидела у двух трупов, сложив крылья и опустив голову. Вольф решил, что если она спит, то теперь самое время бежать. Он выполз из щели, морщась от боли в затекших суставах. Едва он это сделал, орлица вскинула голову, расправила крылья и заклекотала на него.

Вольф отступил обратно.

К полудню орлица все еще не выказывала ни малейшего намерения убираться. Она еще немного поела и, казалось, боролась со сном. Время от времени она рыгала. Солнце жарило птицу и трупы, которые издавали невыносимую вонь. Вольф был абсолютно измучен. Он понял, что орлица останется здесь, пока не обглодает и рептилию и гворла до костей. К этому времени он уже будет полумертвым от голода и жажды. Вольф решительно выбрался из своего укрытия и подобрал копье, валявшееся недалеко от птицы. Он угрожающе ткнул им в сторону орлицы, которая обожгла его взглядом, зашипела и заклекотала.

Вольф крикнул в ответ и медленно отступил от птицы. Та наступала короткими медленными шагами, слегка покачиваясь, а Вольф остановился, снова закричал и прыгнул на орлицу. Пораженная, она отскочила назад и снова заклекотала.

Вольф возобновил свое осторожное отступление, но на этот раз орлица уже не стала преследовать его. Только когда изгиб горы скрыл хищницу из виду, Вольф возобновил восхождение. Он понял, что всегда можно будет укрыться, если птица начнет его преследовать. Но погони не было. Орлица, видимо, лишь защищала свою добычу.

К середине следующего утра он набрел на другого гворла. У него была раздроблена нога, и он сидел, привалившись спиной к стволу небольшого дерева. Он размахивал ножом, отгоняя от себя дюжину красных мускулистых свиноподобных зверей с копытами, как у горных коз. Они разгуливали взад и вперед перед покалеченным гворлом и глухо хрюкали. Время от времени один из них совершал короткий бросок, но останавливался в нескольких футах от размахивающего ножом гворла.

Вольф влез на валун и начал кидать камни в копытных плотоядных. Минуту спустя он уже пожалел, что привлек к себе их внимание. Звери вскарабкались на крутой валун, словно по лестнице. Только быстрыми выпадами копыта он сумел столкнуть их обратно на карниз.

Кремневый наконечник входил в их жесткие шкуры не глубоко, но достаточно, чтобы ранить их.

Они с визгом приземлялись на скале внизу только для того, чтобы снова полезть на валун. Их кабаньи клыки мелькали так близко, что едва не порезали ему ногу. Он был занят, пытаясь не дать им окружить его, и наконец настал момент, когда все они оказались внизу, тогда он отбросил копые, поднял камень вдвое больше своей головы и швырнул его на спину одного из кабанов. Зверь завизжал и попытался уползти на двух невредимых передних ногах. Стая набросилась на его парализованные задние ноги и принялась поедать их. Когда раненый зверь повернулся защитить себя, его схватили за горло. Через минуту он уже был мертв и мгновенно разорван на части.

Вольф подобрал копые и, спустившись с другой стороны валуна, подошел к гворлу. Он не сводил глаз с кабанов, но те лишь ненадолго поднимали головы, чтобы не подпустить его к своей трапезе.

Гворл зарычал на Вольфа, держа наготове нож.

Вольф остановился достаточно далеко, чтобы можно было уклониться, если нож полетит в него. Из пострадавшей ноги ниже колена торчал осколок кости. Глаза гворла, утонувшие под подушками хряща на низком лбу, выглядели остекленевшими.

Реакция Вольфа была неожиданной. Раньше он думал, что сразу же жестоко убьет любого попавшегося гворла, но сейчас захотел с ним поговорить. Он чувствовал себя таким одиноким за дни и ночи восхождения, что был рад обмолвиться словом даже с этим ненавистным существом.

— Не могу ли я чем-нибудь тебе помочь? — спросил он по-гречески.

Гворл ответил глухим рычанием и поднял нож. Вольф начал подходить к нему, но отскочил в сторону, когда нож просвистел у него над головой.

Он подобрал этот нож, а потом вернулся к гворлу и снова попытался с ним заговорить. Существо заскрежета-ло в ответ, но более слабым голосом. Вольф нагнулся к нему поближе, но был поражен в лицо массой слюны.

Вольф задохнулся от ненависти и всадил нож в толстую шею гворла, тот несколько раз сильно дрыгнул ногами и умер. Вольф вытер нож о темный мех и осмотрел содержи-мое кожаной сумки, притороченной к поясу гворла. Там имелось сушеное мясо, немного темного твердого хлеба и фляга с огненной жидкостью. Вольф не был уверен насчет происхождения этого мяса, но сказал себе, что он слиш-ком голоден, чтобы быть разборчивым. Откусить хлеб бы-ло нелегко, тот оказался твердым, как камень, но, разже-вав его, Вольф подивился его вкусу, напоминавшему печенье из пшеничной муки.

Вольф продолжал восхождение. Дни и ночи проходили без дальнейших признаков гворлов. Воздух оставался та-ким же густым и теплым, как и внизу, и все же, по его прикидкам, он поднялся, по меньшей мере, на тридцать тысяч футов. Море внизу стало тонким серебряным по-яском вокруг талии мира.

Однажды ночью он проснулся, почувствовав на своем теле дюжину маленьких мохнатых рук. Он рванулся и ощутил силу этих многочисленных рук. Они крепко де-ржали его, в то время как другие связывали ему руки и ноги травянистой веревкой. Вскоре его высоко подняли и вынесли на каменную площадку перед маленькой пеще-рой, в которой он спал. Лунный свет освещал несколько десятков двуногих созданий, каждое примерно в два с по-ловиной фута ростом. Они были покрыты гладким серым мехом, словно мыши, но имели белые воротники вокруг шеи. Черные вдавленные морды их походили на мордочки летучих мышей с большими и заостренными ушами.

Они молча потащили его через площадку в другую трещину, которая уходила в большую пещеру около трид-цати футов в ширину и двадцати в высоту. Лунный свет проникал через щель в потолке и освещал то, что уже почувствовал его нос: кучу костей с остатками гниющего мяса. Похитители положили Вольфа неподалеку от ко-стей, а сами отступили в угол пещеры. Они принялись пе-реговариваться, вернее, пререкаться между собой. Один

из них подошел к Вольфу, с минуту смотрел на него, а затем опустился на колени у его головы. Секунду спустя он уже покусывал горло Вольфа крошечными, но очень острыми зубками. За ним последовали другие, зубки начали вгрызаться во все его тело.

Эта процедура проходила в мертвой тишине. Даже Вольф не издавал ни звука, помимо хриплого дыхания, когда он пытался пошевелиться. Острая боль от зубов, терзающих его тело, скоро прошла, словно ему в кровь вводили какое-то слабое анестезирующее средство.

Его одолевала сонливость. Вопреки логике, он перестал бояться. По его телу распространилось приятное онемение. Казалось, не стоило сражаться за свою жизнь. Почему бы не отойти в мир иной, если это так приятно? По крайней мере, смерть его не будет бесполезной. Было что-то благородное в отдаче своего тела, в том, чтобы эти маленькие существа могли набить себе животы и были несколько дней сытыми и счастливыми.

В пещеру ворвался свет. Сквозь теплый туман он увидел, как летучие мыши отскочили от него и убежали в дальний конец пещеры, где сбились в кучу. Свет стал ярче и оказался факелом из горящей сосны, освещавшим лицо старика, который нес его в высоко поднятой руке. У старика была длинная белая борода, впалый рот, кривой острый нос и огромные надбровные дуги с щетинистыми бровями. Его тощее тело покрывал грязный белый балахон. Рука с крупными венами держала посох, на конце которого находился сапфир величиной с кулак Вольфа, вырезанный в виде гарпии.

Старик склонился над ним. Вольф попытался заговорить, но смог только неразборчиво пробормотать несколько слов. Создавалось ощущение, что он выходил из-под наркоза после тяжелой операции. Старик сделал посохом жест, и несколько существ с мордами летучих мышей отделились от общей кучи. Они шмыгнули бочком через пещеру, не сводя со старика полных страха раскосых глаз, и быстро развязали Вольфа. Тот сумел подняться на ноги, но был так слаб, что старику пришлось поддерживать его, выводя из пещеры.

— Скоро ты придешь в себя, — проговорил древний старец на микенском наречии. — Яд долго не действует.

— Кто ты? Куда ты меня ведешь?

— Прочь от этой опасности, — ответил старик.

К тому времени, когда Вольф пришел в себя, они подошли к другому входу в пещеру. Пройдя через какие-то помещения, они постепенно поднялись наверх.

Пройдя еще около двух миль, старик остановился у большой железной двери. Он передал факел Вольфу, открыл дверь и взмахом руки предложил Вольфу войти. Вольф шагнул в обширную пещеру, ярко освещенную факелами. За его спиной лязгнула дверь, затем последовал глухой звук быстро закрываемого засова.

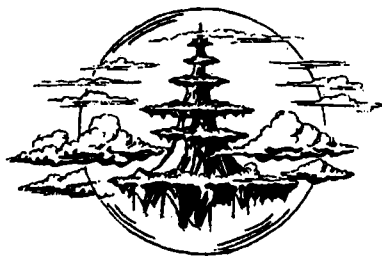
Первое, что поразило Вольфа, это удушающий запах, а потом две, приблизившиеся к нему, зеленые красныеголовые птицы, похожие на орлов. Одна заговорила голосом гигантского попугая и приказала ему шагать вперед.

Он подчинился, обнаружив в то же время, что существа с мордами летучих мышей, должно быть, забрали его нож. Но оружие вряд ли помогло бы ему здесь. Пещера кишела птицами, которые сидели высоко под сводом.

Справа у стены стояли две клетки с тонкими железными прутьями. В одной находились шесть гворлов, а в другой — высокий, хорошо сложенный юноша в набедренной повязке из оленьей кожи. Он улыбнулся Вольфу и сказал:

— Значит, ты сумел?! Но как ты изменился!

Эти рыжевато-бронзовые волосы, длинная верхняя губа и грубоватое, но веселое лицо показались Вольфу знакомыми. Он узнал человека, бросившего ему рог с осажденного гворлами валуна и назвавшего себя Кикахой.

Глава 6

У Вольфа не нашлось времени для ответа, потому что одна из орлиц в этот момент открыла дверь клетки, использовав при этом ногу в качестве руки. Могучая голова с твердым клювом втолкнула его в клетку, и дверь со скрежетом захлопнулась за ним...

— Вот ты и здесь, — произнес Кикаха густым баритоном. — Вопрос в том, что нам теперь делать. Наше пребывание здесь может оказаться недолгим и малоприятным.

Вольф увидел сквозь прутья высеченный из камня трон, а на нем женщину, скорее полуженщину, ибо у нее были крылья вместо рук и нижняя часть тела, как у птицы. Ноги, однако, были намного толще, чем у обычного орла.

“Им приходится выдерживать большой вес”, — подумал Вольф. Он понял, что это было еще одно из чудовищ, произведенных лабораторией Господа. Вероятно, это и есть та самая Подарга, о которой рассказывал Ипсевас.

Выше пояса она была женщиной редкой красоты. Кожа у нее была белой, как молочный опал, груди — превосходными, шея — точеной. Длинные черные прямые волосы ниспадали по обе стороны лица, более прекрасного, чем у Хрисеиды — признание, которое он до сих пор считал для себя невозможным.

Однако в этой красоте было нечто ужасающее: в глазах сирены плескалось безумие.

Вольф оторвал от нее взгляд и осмотрел пещеру.

— Где Хрисеида? — прошептал он.

— Кто? — шепнул в ответ Кикаха.

Несколькими быстрыми фразами Вольф описал ее и то, что случилось с ними.

Кикаха покачал головой.

— Я никогда ее не видел.

— Но гворлы?

— Их было две банды. Другая, должно быть, держит и Хрисеиду, и рог. Не беспокойся о них. Если мы не выберемся отсюда, нам конец. И весьма противный.

Вольф спросил о старике. Кикаха ответил, что тот некогда состоял в любовниках Подарги, так звали сирену. Он был аборигеном, одним из тех, кого перенесли в эту Вселенную вскоре после того, как Господь создал ее. Теперь гарпия держала его для выполнения черной работы, требовавшей человеческих рук. Старик явился по ее приказу спасти Вольфа от существ с мордами летучих мышей. Она скорее всего давным-давно прослышала от своих птишек о присутствии Вольфа в ее владениях.

Подарга беспокойно заерзала на своем троне и развернула крылья. Они сомкнулись перед ней со звуком, похожим на раскат далекого грома.

— Эй, вы там, двое! — крикнула она. — Хватит шептаться! Кикаха, что еще ты можешь сказать в свою защиту, прежде чем я спущу своих птичек?

— Я могу только повторить сказанное раньше и рискую показаться утомительным, — громко ответил Кикаха. — Я такой же враг Господа, как и ты. Он меня ненавидит и при случае убил бы меня! Он знает, что я украл его рог и что я опасен для него. Его Очи рыщут на четырех уровнях мира и летают вверх и вниз по горам, пытаюсь найти меня. А...

— Где этот рог, который ты, по твоим словам, украл у Господа? Почему его нет при тебе сейчас? Я думаю, что ты лжешь, пытаюсь спасти свою ничтожную жизнь.

— Я же рассказывал тебе, что открыл Врата в соседний мир и бросил его человеку, появившемуся во Вратах. Он сейчас стоит перед тобой.

Подарга повернула голову так, как это обычно делают птицы, и проггла Вольфа взглядом.

— Я не вижу никакого рога. Я вижу только какое-то жесткое, жилистое мясо с черной бородой!

— Рог похитила у него другая банда гворлов, — ответил Кикаха. — Он преследовал их, пытаюсь возвратить рог, когда псевдолетучие мыши захватили его в плен, а ты столь великодушно спасла его. Освободи нас, милостивая и прекрасная Подарга, и мы вернем рог. С его помощью

мы сможем сразиться с Господом. Его можно победить! Пусть он и могучий Господь, но он не всемогущ! Будь он всемогущим, он нашел бы и нас, и рог уже давным-давно!

Подарга встала, почистила крылья и, спустившись с трона, подошла к клетке, не подпрыгивая при ходьбе, как птица, а вышагивая на негнущихся ногах.

— Я хотела бы тебе поверить, — произнесла она более тихим, но столь же напряженным голосом. — Если бы я только могла! Я ждала годы и века, и тысячи лет, ах, до того долго, что у меня сердце болит при мысли об этом времени! Если бы оружие против Господа попало, наконец, в мои руки!

Она пронзила их взглядом и, вытянув вперед крылья, сказала:

— Видите?! Я сказала “мои руки”. Но у меня нет ни рук, ни тела, бывшего некогда моим. Этот...

Она разразилась неистовой бранью, заставив Вольфа поежиться не столько от слов, сколько от ярости, граничившей с божественной или бессмысленной.

— Если Господа можно свергнуть, а я считаю, что можно, то тебе будет возвращено твое человеческое тело, — сказал Кикаха, когда она умолкла.

Тяжело дыша в тисках гнева, она уставилась на них с жадной убийства во взоре. Вольф почувствовал, что все потеряно, но следующие ее слова показали, что ярость относится не к ним.

— Прежний Господь давно пропал, так гласит слух. Я послала одну из своих птиц разузнать, и она вернулась со странной вестью. Она рассказала, что там, наверху, новый Господь, но она сомневается, не был ли это тот же владыка в новом теле. Я послала ее обратно к Господу, и тот отказал в моей просьбе вернуть мне прежнее тело. Так что не имеет значения, тот или другой там Господь. Он точно такой же злой и ненавистный, как и прежний. Если он и в самом деле не прежний. Но я должна это знать! Во-первых, кто бы ни был сейчас Господом, он должен умереть. Потом я выясню, он ли это в новом теле или нет. Если же прежний Господь покинул эту Вселенную, я выслежу его через все миры и найду!

— Ты не сможешь этого сделать без рога, — заметил Кикаха. — Только он способен открыть Врата без контр-устройства в другой мир.

— Чего мне терять? — рассуждала вслух Подарга. — Если ты лжешь и предашь меня, я в конце концов доберусь

до тебя, и охота может оказаться забавной. Если же ты говоришь правду, мы увидим, что случится дальше.

Она что-то сказала орлице, и та открыла дверь. Кикаха и Вольф последовали за сиреной через пещеру к большому столу с креслами, стоявшими вокруг. Только теперь Вольф понял, что это помещение являлось сокровищницей, в которой была свалена добыча со всего мира. Тут стояли большие открытые сундуки, набитые сверкавшими драгоценными камнями, жемчужные ожерелья, золотые и серебряные чаши изысканной формы. Маленькие фигурки из слоновой кости и какого-то отсвечивавшего твердо-волокнутого черного дерева, великолепные картины, доспехи и оружие всех видов, кроме огнестрельного, были кучами свалены в разных местах.

Подарга велела им сесть в изукрашенные резьбой кресла с вытесанными львиными ножками. Повинуясь ее жесту, из тени вышел красивый, белокурый молодой человек. Он нес тяжелый золотой поднос, на котором стояли три чаши, вырезанные из кристаллов кварца. Сработанные в виде прыгающих рыб с широко открытыми ртами, они были заполнены густым темно-красным вином.

— Это еще один из ее любовников, — прошептал Кикаха в ответ на любопытный взгляд Вольфа в сторону юноши. — Он унесен ее орлицами с уровня, известного как Дракландия или Тевтония. Бедняга! Но это лучше, чем быть заживо съеденным ее пташками, к тому же у него всегда есть надежда сбежать, делающая его жизнь сносной.

Кикаха выпил и вздохнул, удовлетворенный тяжелым, но бодрившим кровь напитком. Вольф почувствовал, что вино движется внутри него, словно живое. Подарга зажала чашу между кончиками крыльев и поднесла к губам.

— За смерть и проклятье Господу и, следовательно, за ваш успех!

Мужчины выпили снова. Подарга поставила чашу на стол и слегка щелкнула Вольфа по лицу кончиками перьев.

— Расскажи мне свою историю.

Вольф рассказывал долго. Он ел нарезанные ломти жаренной козосвиньи, светло-коричневый хлеб, фрукты и пил вино. Голова у него начала кружиться, но он все рассказывал и рассказывал, останавливаясь только, когда Подарга его о чем-то спрашивала. Старые факелы замесили свежими, а он все говорил.

Внезапно он проснулся. Из соседней пещеры лился солнечный свет, освещая пустую чашу и стол, на котором лежала его голова. Кикаха, ухмыляясь, стоял рядом.

— Пошли,— сказал он.— Подарга хочет, чтобы мы отправились пораньше. Ей не терпится отомстить, а я хочу убраться, пока она не передумала. Ты не представляешь, как нам повезло. Мы единственные пленники, которым она когда-либо давала свободу.

Вольф сел и застонал от боли в плечах и шее. Голова казалась тяжелой и немного распухшей, но он переживал и худшее похмелье.

— Что ты делал, когда я уснул? — спросил он.

Кикаха широко улыбнулся.

— Я заплатил ей последнюю цену, и это было совсем неплохо, сперва довольно странно, но я теперь доволен.

Они вышли из этой пещеры в следующую, а оттуда на широкий, выдававшийся из скалы каменный выступ.

Вольф обернулся бросить последний взгляд и увидел нескольких орлиц, зеленые монолиты, стоявшие у входа во внутреннюю пещеру. Там мелькнула белая кожа и черные крылья, когда Подарга на негнувшихся ногах прошла перед гигантскими птицами.

— Идем,— сказал Кикаха.— Подарга и ее пташки голодны. Ты не видел, как она пыталась заставить гворлов молить о пощаде. Однако могу сказать в их пользу: они не скулили и не ревели. Они плевали в нее!

Вольф невольно подскочил, когда из пасти пещеры донесся душераздирающий крик. Кикаха взял его за руку, побуждая идти быстрее. Из орлиных клювов вырвались новые хриплые крики, смешанные с воем существ, испытывавших страх и муки смерти.

— Это случилось бы и с нами,— сказал Кикаха,— если бы у нас не было на что обменять свою жизнь.

Они начали восхождение и к ночи поднялись тремя тысячами футов выше. Кикаха развязал свой кожаный рюкзак и извлек разнообразные предметы. Среди них оказался коробок спичек, и они развели костер. Еще в рюкзаке оказалось мясо, хлеб и вино. Рюкзак и его содержимое были подарками Подарги.

— Нам осталось около четырех дней восхождения, прежде чем мы доберемся до следующего уровня,— сказал Кикаха,— а потом начнется легендарный мир Индеи.

Вольф начал было задавать вопросы, но Кикаха заявил, что для начала ему следует уяснить себе физическую

структуру планеты. Вольф терпеливо выслушал Кикаху и не стал насмехаться. Более того, объяснение совпало с тем, что он успел уже заметить и сам.

Он, правда, намеревался выяснить, как Кикаха, явный уроженец Земли, попал сюда, но юноша, пожаловавшись, что он долгое время не спал, а прошлой ночью особенно истощил силы, мгновенно провалился в сон.

Некоторое время Вольф сидел, глядя на пламя умиравшего костра. За короткое время он повидал и испытал многое, но сколько ему еще предстояло! Из глубины поднялся гикающий крик, и огромная зеленая орлица заклекотала где-то в воздухе у поверхности горы.

Вольф гадал, где была этой ночью Хрисеида. Жива ли она, и если да, то как у нее дела? И где сейчас рог? Кикаха сказал, что они непременно должны найти его, если вообще хотят рассчитывать на какой-то успех. Без него они неизбежно проиграют. С этими мыслями он уснул.

Четыре дня спустя, когда солнце находилось в средней точке своего курса вокруг планеты, они перебрались через Грань. Перед ними находилась равнина, расстилавшаяся, по меньшей мере, на сто миль, прежде чем горизонт пропадал из виду. По обеим сторонам ее высились горные хребты. Они могли бы выдержать сравнение с Гималаями, но казались небольшой возвышенностью рядом с монолитом Абхарплунтой, господствовавшим в этом секторе многозвездной планеты. Абхарплунта, как утверждал Кикаха, находилась в пятнадцати сотнях миль от грани, но на вид она была не больше, чем в пятнадцати милях от них. Ее высота была ничуть не меньше, чем у горы, на которую они только что поднялись.

— Теперь ты получил наглядное представление, — сказал Кикаха. — Этот мир не похож на грушу. Это — планетарная Вавилонская башня размером с Землю. Серия ступенчато расположенных колонн, и каждая меньше той, которая под ней. На самой оси этой башни находится дворец Господа. Как видишь, нам предстоит долгий путь. Но жизнь эта великолепна, пока продолжается! Я провел здесь дикое и чудесное время! Если бы Господь сразил меня в эту минуту, я не мог бы пожаловаться. Хотя, конечно, жаловался бы, будучи обычным человеком и, следовательно, негодуя из-за того, что меня погубят во цвете лет. А я теперь, друг мой, в самом расцвете!

Вольф не мог не улыбнуться юноше. Он выглядел таким веселым и жизнерадостным, словно бронзовая ста-

туя, внезапно тронутая оживлением и переполненная радостью жизни.

— Ладно! — воскликнул Кикаха. — Первое, что мы должны сделать, это достать для тебя какую-то подходящую одежду. Уровнем ниже нагота — шик, но на этом — нет. Тебе придется носить, по крайней мере, набедренную повязку и перо в волосах, иначе туземцы будут тебя презирать, а презрение здесь означает рабство и смерть.

Он пошел вдоль грани, а Вольф за ним.

— Заметь, Вольф, как зелена и сочна здесь трава, достоящая нам до колен. Она представляет собой пастбище для жующих. Но она также достаточно высока, чтобы скрыть зверей, кормящихся травоядными. Так что, берегись! В траве рыскают равнинная пума, страшный волк, полосатая охотничья собака и гигантская ласка. И потом существует еще "Фелис Атрос", которого я называю жестоким львом. Он некогда бродил по равнинам Северо-Американского Юго-Запада и вымер там примерно десять тысяч лет назад. Здесь же он очень даже живой, на треть больше африканского льва и вдвое злее.

— Эй, гляди-ка! Мамонты!

Вольф хотел было остановиться и понаблюдать за огромными серыми животными, пасущимися примерно в четверти мили от них, но Кикаха побудил его идти дальше.

— Их еще много кругом, и придет время, когда ты не захочешь их видеть. Больше следи за травой вокруг. Если она будет клониться против ветра, скажи мне.

Быстро пройдя около двух миль, они подошли к табуну диких коней. Жеребцы захрапели и стояли, не отступая, роя копытами землю, пока путники не прошли. Это были великолепные животные, высокие, гладкие, черные и гнедые или в черно-белых яблоках.

— Тут нет никаких ваших индейских лошадеенок, — сообщил Кикаха. — Я думаю, Господь импортировал лишь самые лучшие породы.

Вскоре он остановился у кучи камней.

— Это мой ориентир, — пояснил он и зашагал прямо в глубь равнины. Через милю они вышли к высокому дереву. Юноша подпрыгнул, ухватился за нижнюю ветку и начал взбираться на дерево. На полпути к вершине он добрался до дупла и вытащил оттуда большой мешок. Спустившись, он достал из мешка два лука, два колчана стрел, набедренную повязку из оленьей кожи и пояс с длинным стальным ножом в кожаных ножнах.

Вольф надел набедренную повязку с поясом и взял лук и колчан.

— Ты знаешь, как этим пользоваться? — спросил Кикаха.

— Всю жизнь практиковался.

— Хорошо. У тебя будет достаточно вариантов показывать свое искусство. Тронулись! Нам еще долго идти.

Они тронулись “волчьим скоком”: сто шагов бегом, сто шагов шагом. Кикаха показал на горный кряж справа от них.

— Вот где проживает мое племя, хроваки, “медвежий народ”. В восьмидесяти милях отсюда. Если мы попадем туда, то сможем какое-то время передохнуть и подготовиться к предстоящему долгому путешествию.

— А ты не похож на индейца, — заметил Вольф.

— И ты, мой друг, тоже не похож на шестидесятилетнего. Но здесь мы таковыми и не являемся. Ладно. Я отложил рассказ о себе, так как сначала хотел услышать твою историю. Сегодня ночью мы поговорим.

Они мало о чем говорили в тот день. Вольф время от времени издавал возгласы удивления при виде разных животных. Здесь бродили большие стада бизонов — темных, лохматых, бородатых и куда более крупных, чем их земные сородичи. Встречались и другие табуны лошадей, и еще существа, похожие на предков верблюдов, и еще мамонты, а потом семейство степных мастодонтов. Стая страшных волков некоторое время бежала параллельно движению путников на расстоянии около ста ярдов. Они в холке доставали почти до плеча Вольфа.

Кикаха, видя его тревогу, засмеялся и сказал:

— Они не нападут на нас, если не проголодаются. А это маловероятно с таким изобилием дичи вокруг. Им просто любопытно.

Вскоре гигантские волки свернули в сторону, и их скорость возросла, когда они выгнали из рощи нескольких полосатых антилоп.

— Это — Северная Америка, какой она была задолго до прихода белого человека, — сказал Кикаха. — Дикая, просторная, с многочисленными животными и немногими бродячими племенами.

Над их головами пролетела, крикая, стая уток. Словно гром среди зеленого неба, рухнул на них сверху ястреб, врезался в стаю с глухим звуком и взвился вверх с добычей в когтях.

— Счастливая Охотничья Земля! — воскликнул Кикаха. — Правда, иногда это счастье омрачается.

За несколько часов до заката они остановились у небольшого озера. Кикаха нашел подходящее дерево и соорудил на нем помост.

— Сегодня мы будем спать здесь, неся караул по очереди. Хотя единственное животное, способное напасть на дерево, это гигантская ласка, но и она может доставить нам беспокойство. Кроме того, и хуже того, здесь могут оказаться люди.

Кикаха отлучился с луком в руке и вернулся через пятнадцать минут с крупным кроликом. Вольф развел небольшой костер, на котором они и зажарили добычу. За ужином Кикаха объяснял топографию местности.

— Что бы там ни говорили о Господе, нельзя отрицать, что он проделал неплохую работу, проектируя этот мир. Возьми этот уровень, Индею. Он на самом деле не плоский. У него есть цепь легких изгибов, каждый длиной примерно в сто шестьдесят миль. Они позволяют воде стекать, образуя ручьи, реки и озера. На этой планете снега нет и быть не может без смены сезонов и при достаточно однообразном климате. Но дождь идет каждый день — тучи приходят откуда-то из пространства.

Они съели кролика и завалили костер. Вольф первым встал на караул. Пока он дежурил, Кикаха рассказывал, а затем Вольф не засыпал все дежурство Кикахи, слушая его.

— Вначале, давным-давно, больше двадцати тысяч лет назад Всевышние обитали во Вселенной, расположенной параллельно земной. Тогда они не были известны как Всевышние. В то время их было не так уж много, выживших в тысячелетней борьбе с другими богами. Но то, что отсутствовало у них количественно, они компенсировали качеством, — рассказывал Кикаха. — У них были наука и технология, по сравнению с которыми наши земные достижения выглядели мудростью австралийских аборигенов. Они могли конструировать себе личные Вселенные и конструировали их. Вначале каждая Вселенная была своего рода площадкой для игр, микроскопическим загородным клубом для мелких групп. Затем, что было неизбежно, поскольку все эти Всевышние являлись человеческими существами, как бы они ни походили своей мощью на богов, они поссорились. Чувство собственности у них было и остается не менее сильным, чем у нас. Среди них возникла борьба. Я полагаю, были и смерти от несчастных

случаев и самоубийства. К тому же изоляция и одиночество Всевышних породили в них манию величия. Это, впрочем, вполне естественно, если учесть, что каждый из них играл роль маленького бога и понемногу уверовал в нее.

Если сжать эту, длившуюся целые эпохи, повесть в несколько слов, то Господь, построивший нашу с тобой конкретную Вселенную, в конце концов, оказался в одиночестве. Его звали Джэдавин, и у него не было даже жены из своих. Да он и не хотел. Зачем ему было делить этот мир с равной себе, когда он мог быть Зевсом с миллионками Европ и прекраснейшими из Лед? Он населил этот мир существами, похищенными из других Вселенных, главным образом, земными или созданными в лабораториях его дворца на вершине последнего яруса. Он создавал там божественных красавиц и экзотических чудовищ, каких только мог пожелать. Единственная беда заключалась в том, что ни один Господь не довольствовался властью только над одной своей Вселенной. Все они желали миры других. Поэтому борьба продолжалась. Каждый воздвиг почти неприступную защиту и изобрел почти неотразимое нападение. Битва стала смертельной игрой, и эта новая игра была неизбежной, если учесть, что тоска и уныние являлись страшными врагами, которых Всевышние не могли отогнать. Когда ты почти всемогущ, а твои создания слишком жалки и слабы, чтобы вечно интересоваться тобой, где еще искать ощущений острее, чем риск своим бессмертием против другого бессмертного?

— Но как в это угодил ты? — спросил Вольф.

— Я? На Земле меня звали Пол Янус Финнеган. Среднее имя было фамилией моей матери. Как тебе известно, ему случилось также быть именем латинского бога старого и нового года, бога с двумя ликами, одним глядящим вперед, а другим — назад.

Кикаха усмехнулся и заметил:

— Янус — очень подходящее имя, тебе не кажется? — человек двух миров, и я прошел через Врата между ними. Не то, чтобы я когда-либо возвращался на Землю или хотел этого. Здесь я пережил приключения и приобрел положение, какого никогда не смог бы добиться на том мрачном старом шарике. Кикаха — не единственное мое имя, и я вождь на этом ярусе и своего рода большая шишка на других, в чем ты со временем убедишься.

Вольф задумался над его словами. Он говорил так уклончиво, что можно было подозревать, что Кикаха имел

еще одну или несколько личин, о которых пока не соби-
рался распространяться.

— Я знаю, что ты думаешь, но ведь ты в это не ве-
ришь,— сказал Кикаха.— Да, я обманщик, но с тобой я
откровенен. Кстати, знаешь ли ты, как я приобрел имя
среди медвежьего народа? На их языке Кикаха — мифо-
логический персонаж, полубожественный обманщик и
хитрец, что-то вроде старика Койота у индейцев оджибве
или Вакджункага у виннебаго. Когда-нибудь я расскажу
тебе, как я заслужил это имя и стал советником у хрова-
ков, но сейчас я должен поведать о более важных вещах.

Глава 7

В 1945 году в возрасте двадцати трех лет Пол Финнеган записался добровольцем в кавалерию США, потому что любил лошадей. Некоторое время спустя он стал танкистом, служил в Восьмой армии и поэтому в конечном итоге переправился через Рейн. Однажды, после того как они помогли пехоте взять небольшой городок, он обнаружил в развалинах местного музея необычный предмет.

Это был полумесяц из серебристого металла, настолько твердого, что удары молотка не сплющивали его, а ацетиленовая горелка не расплавляла.

— Я расспросил о нем нескольких горожан. Они знали только то, что он лежал в музее долгое время. Один профессор химии, проведя над ним некоторые испытания, попытался заинтересовать им Мюнхенский университет, но потерпел неудачу. Я забрал полумесяц домой и держал его вместе с другими сувенирами. После войны я вернулся в Индианский университет. Отец оставил мне достаточно денег, чтобы прожить несколько лет без забот, так что у меня была небольшая милая квартирка, спортивная машина и так далее. Один мой друг был газетным репортером. Я рассказал ему о полумесяце и его странных свойствах. Он написал о нем статью, которую напечатали в Блумингтоне, и затем статья эта была подхвачена и перепечатана газетным синдикатом. Она не вызвала большого интереса среди ученых — фактически, они не хотели иметь к этому никакого отношения. Три дня спустя после публикации в моей квартире появился человек, назвавшийся мистером Ванаксом. Я решил, что он голландец,

из-за его фамилии и иностранного акцента. Он хотел посмотреть на полумесяц. Я оказал ему эту любезность. Он очень разволновался, хоть и пытался казаться спокойным. Этот человек сказал, что хотел бы купить у меня предмет. Я спросил о цене, и тот заявил, что даст десять тысяч долларов. Я запросил больше. Ванакс предложил двадцать тысяч. Я решил поднять цену до тридцати, а потом, немного поколебавшись, решил сыграть ва-банк.

Я сказал Ванаксу, что хочу за эту штучку сто тысяч долларов. Он побагровел, раздулся, как лягушка, и ответил, что принесет названную сумму через двадцать четыре часа.

Тут я понял, что обладаю действительно ценным предметом, — продолжал Кикаха. — Но почему этот тип, Ванакс, так отчаянно хотел заполучить его? Никто в здравом уме, ни один нормальный человек не клюнул бы так быстро на мою приманку. Значит, с ним следовало быть похитрее.

— Как выглядел этот Ванакс? — спросил Вольф.

— О, это был здоровяк, хорошо сохранившийся шестидесятилетний мужчина с орлиным носом и такими же глазами. Одет он был в дорогой строгий костюм. Он был необузданного нрава, но пытался сдерживать себя и казаться любезным. Ему это удавалось с трудом. Похоже было, что он не привык, чтобы ему в чем-то перечили.

— Вы платите триста тысяч долларов, и он ваш, — сказал я. Мне и не снилось, что он согласится. Я думал, что он взбесится и уберется, потому что твердо решил не продавать полумесяц дешевле, чем за миллион.

Ванакс, хоть и расвирепел, но ответил, что он заплатит триста тысяч долларов, для чего понадобятся еще добавочные двадцать четыре часа.

— Вам придется сначала сказать мне, зачем вам нужен этот полумесяц, и на что он годен, — заявил я.

— Ни за что! — закричал он. — Хватит и того, что ты грабишь меня, свинья ты купеческая, ты, земляной червь!

— Убирайтесь отсюда, пока я вас не выкинул или пока я не вызвал полицию, — заорал я в ответ.

Ванакс тоже начал кричать на каком-то иностранном языке. Финнеган пошел в спальню и вернулся с автоматическим пистолетом сорок пятого калибра. Ванакс не знал, что он не заряжен. Он ушел, хотя и ругался и бормотал что-то про себя всю дорогу до своего “роллс-ройса”.

Той ночью Финнеган никак не мог уснуть. Было больше двух часов ночи, прежде чем ему это удалось, но он

постоянно просыпался. Во время одного из таких пробуждений он услышал шум в передней. Он тихо скатился с постели и достал из-под подушки уже заряженный пистолет. По пути к двери спальни он прихватил из бюро фонарик.

Луч его поймал Ванакс, стоявшего посреди гостиной. В руке у него был серебристый полумесяц.

— Затем я увидел второй полумесяц на полу. Его Ванакс принес с собой. Я застиг этого человека в тот момент, когда он складывал их вместе, создавая полный круг. Я не знал, зачем он это делал, но спустя минуту понял. Я велел ему поднять руки вверх. Он это сделал, но поднял ногу, чтобы шагнуть в круг. Я велел ему не двигаться даже на волосок, иначе я буду стрелять. Он все равно поставил одну ногу в круг. Поэтому я выстрелил. Пуля просвистела над его головой, вошла в косяк двери. Я просто хотел его припугнуть, рассчитывая, что если он будет достаточно потрясен, то, может, начнет говорить. Он испугался, спору нет, и отпрыгнул назад. Я прошел через гостиную, в то время как он отступил к двери. Он болтал, как маньяк, на одном дыхании, то угрожая мне, то предлагая миллионы. Я думал прижать его к двери и вогнать ему в живот дуло пистолета. Вот тогда он действительно заговорит и выложит всю подноготную о полумесяце. Но когда я шел к нему через гостиную, то ступил в созданный двумя полумесяцами круг. Он увидел это и заорал, чтобы я остановился. Впрочем, было уже слишком поздно. Он и квартира исчезли, а я по-прежнему оставался в круге — только он уже был другим — и в другом мире, здесь, во дворце Господа на вершине мира.

Кикаха сказал, что он мог бы тогда просто сойти с ума, но он увлекался научной фантастикой с четвертого класса начальной школы. Идея параллельных миров и устройств для сообщения между ними была ему знакома. Он был научен принимать подобные концепции. Фактически он почти верил в них. Таким образом, он оказался достаточно гибко мыслящим, чтобы согнуться, не ломаясь, а затем пружинисто распрямиться. Хоть и испугавшись, он был в то же время взволнован и полон любопытства.

— Я вычислил, почему Ванакс не последовал за мной через Врата. Два сложенных полумесяца создали контур. Но они не были активированы, пока внутрь какого-то созданного ими поля не шагнуло живое существо. Затем один полукруг остался на Земле, в то время как другой прошел через Врата в эту Вселенную, где и сцепился с

поджидавшим его здесь полукругом. Иными словами, чтобы создать замкнутый контур, требуется три полумесяца. Один — в мире, куда ты отправляешься, а два других — в том, который ты покидаешь. Когда ты вступаешь в круг, один полумесяц переправляется к единственному в соседней Вселенной, оставляя один полумесяц в только что покинутом тобой мире. Ванакс, должно быть, явился на Землю при помощи этих полумесяцев. Он не прошел бы, не мог бы пройти, если бы на Земле уже не было полумесяца. Каким-то образом, как мы, может быть, никогда не узнаем, он потерял на Земле один из них. Может быть, он был украден кем-то, не знавшим его истинной ценности. Так или иначе, Ванакс должен был искать его, и когда появилась статья о найденном мной в Германии предмете, он понял, что это именно то, что ему надо. Поговорив со мной, он сделал вывод, что я могу и не продать его. Поэтому он забрался ко мне в квартиру с имевшимся у него полумесяцем. Он уже был готов совершить переход, когда я помешал ему. Он, должно быть, застрял на Земле и не мог оттуда выбраться самостоятельно. При всем том, что я знаю, на Земле могут быть и другие полумесяцы.

Финнеган долгое время бродил по дворцу. Тот был громадным, потрясающе прекрасным и экзотическим, наполненным сокровищами, драгоценными камнями и всякими артефактами. Имелись также лаборатории, или, вероятно, лучше было бы их назвать камерами биопроцессов. В них Финнеган увидел странные существа, формировавшиеся в огромных прозрачных цилиндрах. Там имелось много пультов со множеством действовавших приборов, но он понятия не имел, что они собой представляли. Символы под кнопками и рычагами были ему незнакомы.

— Мне повезло. Во дворце было полно ловушек, готовых поймать или убить незваных гостей. Но они не были взведены, почему — не знаю, не больше, чем знал тогда, почему дворец необитаем. Словом, все обошлось удачно.

На время он покинул дворец и, пройдя через окружающий его изысканный сад, приближался к краю монолита, на котором располагался дворец.

— Ты повидал достаточно, чтобы представить себе, что я почувствовал, посмотрев через край. Монолит достигал, должно быть, высоты тридцати тысяч футов. Ниже его находился ярус, названный Господом Атлантидой. Не знаю, был ли миф основан на этой Атлантиде, или, наоборот, Господь позаимствовал название из мифа. Ниже Атлантиды находился ярус, названный Дракландией. Потом

— Индея. Все это я охватил одним взглядом, точно так же как можно с ракеты обозреть целое полушарие Земли. Никаких деталей, конечно, просто большие облака, крупные озера, моря и очертания континентов. Добрая часть каждого нижеследующего яруса загоралась тем, который расположен непосредственно над ним. Но я мог разобрать структуру Вавилонской башни этого мира, хотя в то время еще и не вполне осознавал увиденное. Все было слишком неожиданно и чуждо мне, чтобы облечь это в какую-либо логическую форму. Все виденное пока ничего для меня не значило.

Финнеган, однако, достаточно ясно понимал, что находится в отчаянном положении. У него не было никакой возможности покинуть вершину этого мира, кроме как попытаться вернуться на Землю посредством все тех же полумесяцев. В отличие от склонов других монолитов, поверхность этого была гладкой, как бильярдный шар. Но он не собирался снова пользоваться полумесяцами, зная о поджидавшем его Ванаксе.

Несмотря на то, что ему и не угрожала опасность умереть от голода — пищи и воды во дворце хватало бы на долгие годы — он не мог, да и не хотел, оставаться здесь. Он страшился возвращения хозяина, поскольку у того мог оказаться очень скверный характер. Во дворце имелись некоторые загадки, заставлявшие Кикаху испытывать беспокойство.

— Но вот пришли гворлы, — продолжал рассказ Кикаха. — Я полагаю, что они пришли из другой Вселенной через Врата, похожие на те, которые открыли дорогу мне. В то время я еще не знал, как и почему они оказались во дворце. Но я был рад, что попал туда первым. Угоди я к ним в руки... Позже я вычислил, что они были агентами другого Всевышнего. Он послал их похитить рог. Но я увидел рог во время своих скитаний по дворцу и даже потрубил в него. Я не знал, какой должна быть звуковая комбинация, чтобы заставить его сработать. Естественно, я не знал и его настоящего предназначения. Гворлы забрались во дворец. Их было примерно с сотню. К счастью, я увидел их первым. Стремление убивать и втянуло их в беду. Они попытались убить некоторых живших в саду воронов размером с орла, так называемых Очей Господа. Меня вороны не беспокоили, видимо, сочли, что я гость, или же я выглядел не опасным. Но тут гворлы сделали большую ошибку. Они попытались перерезать глотку одному ворону, и другие напали на них. Гворлы отступили

во дворец, куда птицы последовали за ними. Все крыло дворца было усеяно кровью и перьями, валялись куски бугристой волосатой шкуры и по несколько трупов с каждой стороны. Во время битвы я увидел, как один гворл выбрался из помещения с рогом. Он шел по коридору так, словно что-то искал.

Я последовал за ним в помещение размером примерно в два ангара для дирижаблей. Там находился плавательный бассейн и множество интересных, но загадочных устройств. На мраморном пьедестале стояла большая золотая модель планеты. На каждом из ее уровней было несколько драгоценных камней. Как я со временем узнал, из алмазов, рубинов и сапфиров были составлены символы, а те, в свою очередь, указывали различные точки резонанса.

— Резонанса?

— Да. Символы были закодированными мнемоническими записями комбинации нот, требовавшихся для открытия Врат в определенных местах. Одни Врата открывались в другие Вселенные, а некоторые — просто между ярусами в этом мире. Они давали Господу возможность мгновенно путешествовать из одного уровня в другой. С символами были связаны крошечные модели характерных примет резонансных точек на разных ярусах.

Всевышний, должно быть, объяснил гворлу с рогом, как расшифровывать символы. Очевидно, тот проводил для него испытание, чтобы удостовериться в том, что он добыл нужный рог. Он протрубил семь нот в сторону бассейна, и воды расступились, открыв кусок суши с алыми деревьями вокруг него и зеленым небом на западе планеты. Это было придумано Протогосподом, чтобы вступать на атлантический ярус через бассейн. В то время я не знал, куда вели эти Врата, но увидел свой единственный шанс сбежать из огромной ловушки этого дворца и ухватился за него.

Подкравшись сзади к гворлу, я выхватил из его руки рог и толкнул его в бассейн — не в ворота, а в воду. Ты никогда не слышал таких визгов и воплей и не видел такого барахтанья. Ничего страшней воды для них не существует. Гворл погрузился в воду, вынырнул, крича и отплевываясь, а затем сумел ухватиться за край Врат. У Врат, знаешь ли, есть определенные грани, осязаемые, хотя и изменяющиеся.

Я услышал позади себя рев и крики. В помещение ввалилась дюжина гворлов с большими и окровавленными

ножами. Я нырнул в дыру, которая уже начала затягиваться. Она была так мала, что я содрал кожу, пролезая на коленях. Но я все-таки пробрался, и дыра закрылась. Она отхватила обе руки гворлу, пытавшемуся вылезти из воды и последовать за мной. В руке у меня был рог, и на время я оказался за пределами их досягаемости.

Кикаха ухмыльнулся, словно смакуя воспоминания.

Вольф проговорил:

— Значит, Всевышний, пославший вперед гворлов, и есть наш нынешний Господь, верно? Кто он?

— Арвур. Отсутствующий Господь был известен как Джэдавин. Должно быть, это и был человек, назвавшийся Ванаксом. Арвур прибыл занять вакантное место, и с тех пор он все время пытается разыскать меня и рог.

Кикаха вкратце обрисовал, что с ним произошло на атлантическом ярусе. В течение двадцати лет земного времени он жил то на одном, то на другом ярусе, всегда замаскировавшись. Гворлы и вороны, служившие теперь новому Господу Артуру, не прекращали искать его. Но бывали долгие периоды, иногда два-три года подряд, когда Кикаху не тревожили.

— Минутку, — прервал его Вольф. — Если Врата между ярусами закрыты, то как же гворлы спустились с монолита преследовать тебя?

Кикаха тоже не мог понять этого. Однако, когда гворлы на уровне Сада захватили его в плен, он кое-что узнал у них. Хоть это были ребята угрюмые, все же они дали ему некоторые ответы. Оказывается, их спустили на атлантический уровень на тросах.

— Тридцать тысяч футов? — недоверчиво переспросил Вольф.

— Разумеется, а почему бы и нет? Дворец — многопалатный склад. Если бы у меня было время для поиска, я сам нашел бы эти тросы. Во всяком случае, гворлы сказали мне, что Господь Арвур не давал им задания убить меня. Он хотел, чтобы я наслаждался серией изысканных пыток. Гворлы говорили, что Арвур разрабатывал новую и тонкую технику, плюс уточнял некоторые из давно утвердившихся методов. Можешь себе представить, как я потел от страха на обратном пути во дворец.

После пленения в Саду Кикаху отвезли через Океанос к подножию монолита. Пока они восходили, их остановил один Ворон-Око. Арвур приказывал гворлам разделиться на два отряда. Один должен был подниматься дальше с Кикахой, другой — вернуться к грани Сада. Если человек,

овладевший теперь рогом, вернется с ним через Врата, его надо было взять в плен. Рог же требовалось доставить Господу.

Кикаха заметил:

— Как мне представляется, Арвур хотел посмотреть и на тебя тоже. Он, вероятно, забыл передать такой приказ гворлам через ворона или же считал само собой разумеющимся, что тебя приведут к нему, забыв, что гворлы — типы мыслящие буквально и начисто лишенные воображения. Я не знаю, зачем гворлы захватили в плен Хрисиду. Наверное, они намеревались использовать ее как умиротворяющее подношение Господу. Гворлы знают, что он недоволен ими из-за слишком долгой охоты за мной. Может, они собирались умаслить его, преподнеся самый прекрасный шедевр прежнего Господа.

— Значит, нынешний Господь не может путешествовать между ярусами через резонансные точки? — спросил Вольф.

— Без рога — нет. И я держу пари, что прямо сейчас его прошибает то горячий, то холодный пот. Ничто не может помешать гворлам воспользоваться рогом для ухода в другую Вселенную и подарить его другому Господу, кроме их неведения о том, где находятся резонансные точки. Если бы они нашли такую... Однако они не воспользовались им у валуна, так что мне представляется, что они не попробуют этого ни в каком другом месте. Они злобны, но умом не блещут.

— Если Всевышние такие мастера супернауки, то почему Арвур для путешествия не воспользуется самолетом? — спросил Вольф.

Кикаха разразился смехом, а затем сказал:

— В этом-то и весь цирк! Всевышние — наследники науки и мощи, намного превосходящих земные. Но ученые и техники их народа давно сгинули. Те, что живут сейчас, знают, как пользоваться всеми устройствами, но они не способны ни понять принципов их действия, ни отремонтировать их. Длившаяся тысячелетиями борьба за власть истребила мудрых, сохранив немногих невежд. Они сибариты, мегалломаньяки, параноики, называй, как хочешь. Они — что угодно, но не ученые. Вполне возможно, что Арвур является каким-нибудь обездоленным Господом, что он вынужден был бежать, спасая свою жизнь, и сумел завладеть этим миром только потому, что Джэдавин по какой-то причине пропал из него. Арвур явился во дворец с пустыми руками. У него нет доступа ни к каким

силам, кроме тех, что имеются во дворце, и с управлением многими из них он незнаком. В этой вселенской игре музыкальных Вселенных он пока наверху, но все равно в невыгодном положении.

Кикаха заснул. Вольф уставился в темноту, так как он был в первом карауле. Он поверил во многое из услышанного, но в некоторых моментах все-таки сомневался. Кикахе придется еще многое ему объяснить. И потом существовала Хрисеида. Он думал о прекрасном лице с большими кошачьими глазами. Где сейчас Хрисеида? Что с ней? И увидит ли он ее когда-нибудь вновь?

Глава 8

В о время второго караула Вольфа что-то черное, длинное и бесшумное проскользнуло в лунном свете между кустов.

Вольф пустил в хищника стрелу, и тот, издав злобный вой, встал на задние лапы, обнаружив свои чудовищные размеры. Вольф вставил в тетиву новую стрелу и послал ее точно в белое брюхо. Но убить этого зверя ему не удалось. Тот убежал, хрипя и с треском проламываясь сквозь кусты.

Спустя мгновение Кикаха с ножом в руке оказался рядом.

— Тебе повезло, — только и сказал он. — Их не всегда увидишь, а потом — хоп, и они вцепляются прямо в горло.

— Тут бы пригодился “слонобой”, — сказал Вольф, — но не уверен, что карабин остановил бы его. Кстати, я понял из твоих рассказов, что гворлы, да и индейцы тоже, не пользуются огнестрельным оружием. Почему?

— Господь запретил его. Видишь ли, он у нас несколько консервативен. Он предпочитает держать свой народ на определенном демографическом уровне и в пределах определенных общественных структур. Например, он любит чистоту. Ты, возможно, заметил, что народ Океаноса — ленивая, беспечная и праздная компания. Но у них всегда чисто. Они все сами за собой убирают. И так же происходит на каждом уровне. Индейцы соблюдают личную гигиену так же тщательно, как атланты и дракланды. Господь хочет, чтобы было так, и наказанием за отступление от правил является смерть.

— Как он добивается соблюдения своих правил? — спросил Вольф.

— На первой стадии создания своей Вселенной Господь поддерживал тесный контакт со жрецами и, используя религию — выставляя себя в качестве божества — он сформировал и утвердил обычаи населения. Он любил аккуратность и не любил огнестрельного оружия или любой формы развития технологии. Может быть, он был романтиком, не знаю. Но различные общества на этой планете, главным образом, конформистские и статичные.

— Но, таким образом, не существует и прогресса?

— Ну и что? Разве всегда нужен прогресс, и разве статичное общество — всегда самое плохое? Лично я хоть и ненавижу надменность Господа, его жестокость и отсутствие человечности, тем не менее, одобряю кое-что из его деяний. За некоторыми исключениями, мне этот мир нравится намного больше, чем Земля.

— Тогда ты тоже романтик!

— Может быть. Этот мир, как ты уже знаешь, достаточно реален и мрачен. Но он свободен от грязи и копоты, от любых болезней, от мух, moskitov и вшей. Юность тут продолжается, пока ты жив. В общем и целом, это не самое плохое место для жизни. Но это мое мнение.

Вольф стоял в последнем карауле, когда солнце появилось из-за угла мира. Светляки поблекли, и небо стало наливаться зеленью. Легкий прохладный ветерок пробежал по верхушкам деревьев и взбодрил двух спутников своим дуновением. Они потянулись, а затем спустились со своего помоста поохотиться к завтраку.

Позже, набив животы жареной крольчатиной и сочными ягодами, они возобновили свое путешествие.

На третий день, перед закатом, они вышли на равнину. Перед ними находился высокий холм, за которым, как сказал Кикаха, начинались леса. На одном из высоких деревьев можно было переночевать.

Внезапно из-за холма выехал отряд всадников человек в сорок. Они были меднокожими и заплетали волосы в две длинные косички. Лица раскрашены бело-красными полосами и черными иксами. В руках они держали маленькие круглые щиты и были вооружены копьями и луками. На некоторых в качестве шлемов были надеты медвежьи черепа, на других красовались шапочки с воткнутыми в них перьями или шляпы с длинными перьевыми уборами.

Увидев перед собой двух пеших, всадники закричали и бросили коней в галоп. Копья со стальными наконечника-

ми опустились. В луки были вставлены стрелы и подняты тяжелые стальные топоры и утыканые шипами дубинки.

— Стой спокойно! — велел Кикаха, улыбаясь. — Это хроваки, “медвежий народ”, мой народ.

Он шагнул вперед и, подняв обе руки над головой, крикнул что-то атаковавшим на их родном языке.

Увидев его, они закричали:

— Анккугавах Тре Кикаха!

Подъехав вплотную, они воткнули копья в землю на близком расстоянии от Кикахи, но не задевая его, а дубинки и топоры просвистели у него перед лицом или над головой, стрелы же вонзались в землю у его ног и даже между ними.

С Вольфом обошлись точно так же, и он перенес это, не моргнув глазом. Подобно Кикахе, он улыбался, но понимал, что улыбка получалась уж очень натянутой.

Хроваки развернули коней и атаковали снова. На этот раз они резко натянули поводья, подняв своих лягавшихся всхрапывающих животных на дыбы. Кикаха подпрыгнул и стащил с коня юношу в шляпе с пером.

Смеясь и тяжело дыша, они боролись на земле, пока Кикаха не уложил хровака на обе лопатки. Затем он поднялся и представил побежденного Вольфу:

— Нгашутанник, один из моих шуринов.

Двое индейцев, спешившись, приветствовали Кикаху долгими объятиями и взволнованной речью. Кикаха подождал, пока они успокоятся, а затем принялся говорить долго и торжественно, часто тыкая пальцем в Вольфа. После пятнадцатиминутной речи, прерываемой время от времени краткими вопросами, он с улыбкой повернулся к Вольфу.

— Нам повезло. Они отправились в набег на ценкавов, которые живут недалеко от Леса-Деревьев-Со-Многими-Тенями. Я объяснил, что мы здесь делаем, но не все. Они не знают, что мы решили лягнуть самого Господа; и я не собираюсь им этого рассказывать. Но они знают, что мы идем по следу Хрисеиды и гворлов и что ты мой друг. Они также знают, что нам помогает Подарга. Они испытывают большое уважение к ней и к ее орлицам и рады были бы, если возможно, оказать ей услугу. У них есть запасные лошади, так что выбирай на вкус. Единственное, что мне пока не нравится, это то, что нельзя наведаться в вигвамы “медвежьего народа” и увидаться с моими двумя женами, Гуишовой и Ангванат. Но нельзя же объять необъятное!..

В этот и следующий дни отряд скакал без передышки, меняя лошадей каждые полчаса. С непривычки у Вольфа разболелась спина и ныли мышцы ног.

Но на третье утро он уже был в столь же хорошей форме, как любой из “медвежьего народа”, и мог оставаться в седле весь день, не чувствуя практически никакой усталости.

На четвертый день отряд задержался на восемь часов. Путь им преградило стадо гигантских бородатых бизонов. Звери собрались в колонну шириной в две мили и длиной в десять миль, создав препятствие, преодолеть которое было невозможно.

Вольф был раздражен этим, но другие не слишком огорчались, потому что и всадники, и кони одинаково нуждались в отдыхе. Внезапно в хвосте бизоньего стада появились охотники из племени таникопов, нападающие на оставших животных. Хроваки решили было напасть на них и перебить всю группу, и только страстная речь Кикахи удержала их.

Позже он рассказал Вольфу, что “медведи” думают, будто каждый из них равен десятку бойцов любого другого племени.

— Они отличные воины, но немного самоуверенны и самонадеянны. Если бы ты знал, сколько раз мне приходилось отговаривать их не ввязываться в ситуации, где их могли бы стереть в порошок!

Отряд поскакал дальше, но примерно через час они были вынуждены остановиться. Вгашу Тангис, один из разведчиков, подскочил к Кикахе что-то крича и жестикулируя. Тот расспросил его, а затем сообщил Вольфу:

— Одна из пташек Подарги опустилась на дерево в двух милях отсюда и потребовала у Вгашу Тангиса привести меня к ней. Сама она не может этого сделать, так как ее подрала стая воронов, и ей тяжело передвигаться. Поехали!

Орлица сидела на нижней ветке одинокого дерева, обхватив когтями этот тонкий насест, прогнувшийся под ее немалым весом. Зеленые перья были покрыты засохшей красно-черной кровью, а один глаз ее был вырван. Другим же глазом она грозно глядела на “медвежий народ”, державшийся на почтительном расстоянии.

— Я — Аглая. Я давно тебя знаю, Кикаха-обманщик. И я видела тебя, Вольф, когда ты был гостем большекрылой Подарги, моей сестры и царицы. Именно она отправила нас на поиски дриады Хрисеиды, гворлов и рога Госпо-

да. Но только я одна увидела, как они вошли в Лес-Деревьев-Со-Многими-Тенями по другую сторону равнины. Я налетела на них, надеясь застать их врасплох и захватить рог. Но они увидели меня и построились в стенку из ножей, о которую я могла только пораниться. Поэтому я снова взлетела так высоко, что они не могли меня видеть. Но я, дальнзоркая попираательница небес, видела их!

— Они надменны, даже умирая, — тихо сказал по-английски Вольфу Кикаха, — и это оправданно.

Он предложил ей воды. Орлица выпила и продолжала:

— Когда наступила ночь, они разбили лагерь на опушке роши. Я приземлилась на дерево, под которым спала дриада, укрывшись плащом из оленьей шкуры. На плаще были следы крови, полагаю, человека, убитого гворлами. Они освежали его, готовясь зажарить на костре. Я опустилась на землю, надеясь тайком поговорить с дриадой, может быть, даже помочь ей бежать. Но сидевший рядом с ней гворл услышал шелест моих крыльев. Он выглянул из-за дерева, и это было его ошибкой, потому что мои когти впились ему в глаза. Он выронил нож и попытался оторвать меня от своего лица. Ему это удалось, но в результате он лишился глаз. Тогда я предложила дриаде бежать, но она встала, плащ упал, и я увидела, что руки и ноги ее связаны. Я отступила в кусты, оставив безглазого гворла выть и причитать по своей жизни, ведь его собратья не станут обременять себя слепцом. Я сбежала через лес обратно на равнину. Там я снова могла взлететь. Я полетела к гнезду “медвежьего народа” сообщить обо всем тебе, Кикаха, и тебе, Вольф, возлюбленный дриады. Я летела всю ночь и весь день, но охотничья стая Очей Господних увидела меня. Они были надо мной и впереди меня, в сиянии солнца. Обрушившись сверху, эти псевдо-ястребы застали меня врасплох. Я упала, гонимая их ударами и тяжестью вцепившихся в меня когтей, истекая кровью под ударами их острых, как кремни, клювов. Потом я, Аглая, сестра Подарги, все-таки собралась с силами. Я хватала визжавших воронов и перекусывала им горло, отрывала крылья и ноги. Но я убила вцепившуюся в меня дюжину только для того, чтобы подвергнуться нападению остальных. Я дралась до последнего. Они погибали, но раны от их клювов смертельны. Их было слишком много.

Наступило молчание. Орлица опалила их блеском уцелевшего глаза, но жизнь быстро вытекала из нее, открывая пустую глазницу смерти. “Медвежий народ” притих,

даже кони перестали храпеть. Лишь шелест ветра нарушал тишину.

Внезапно Аглая проговорила слабым, но по-прежнему надменно-резким голосом:

— Скажите Подарге, что она может мной гордиться, и пообещай мне, Кикаха, что Подарге обо всем расскажут.

— Клянусь, о Аглая, — сказал Кикаха. — Твои сестры прилетят сюда и унесут твое тело далеко от граней ярусов, в зеленые небеса, и тебя пустят плыть через бездну, свободную от смерти, как и жизни, пока ты не упадешь на солнце или не обрешь покоя на луне.

— Я полагаюсь на тебя, человечешко, — сказала она.

Голова ее опустилась, и тело качнулось вперед. Но железные когти так вцепились в ветку, что теперь птица раскачивалась взад и вперед, повиснув вниз головой. Крылья обмякли и раскрылись так, что концы их задевали о траву.

Кикаха начал отдавать приказания. Двух воинов он послал искать орлиц, сообщить им о донесении Аглаи и ее смерти. Они, конечно, не знали ни дороги, ни языка, и он был вынужден потратить некоторое время на обучение обоих короткой речи на микенском. Удостоверившись, что они кое-что запомнили, он отправил их в путь. Еще какое-то время отряд задержался, пытаясь переместить тело Аглаи на более высокую ветку, чтобы она была недосыгаема для всех плотоядных, кроме пумы и стервятников.

Для этого пришлось срубить ветку, в которую она вцепилась, и поднять тело на другую. Здесь ее стоймя привязали к стволу сыromятным ремнем.

— Ну вот, — сказал Кикаха, когда работа была завершена. — Ни одна тварь не приблизится к ней, пока она кажется живой. Все страшатся орлиц Подарги.

В полдень, на шестой день после встречи с Аглаей, отряд сделал большую остановку у источника. Лошадям дали отдохнуть и вдоволь подкрепиться густой зеленой травой.

Кикаха и Вольф, сидя рядом на вершине небольшого холма, жевали мясо антилопы. Вольф с интересом смотрел на небольшое стадо мастодонтов, пасшихся всего в четырехстах ярдах от них.

Поблизости затаился в траве полосатый лев, девяти-сотфунтовый образчик вида "Фелис Атрос". Лев выжидал момента, чтобы напасть на одного из детенышей.

— Гворлам чертовски повезло, раз они добрались до леса в целостности и сохранности, — сказал Кикаха. — К тому же они пешие. Между нами и Лесом-Деревьев-Со-Многими-Тенями находятся ценкавы и другие племена, а также Хинг-Гатаврит.

— Полукони? — переспросил Вольф.

За несколько дней с хроваками он выучил много слов и даже начал усваивать кое-что из сложного синтаксиса.

— Кентавры. Их создал Господь точно так же, как создал других чудовищ этого мира. На равнинах водится много их кланов. Некоторые говорят по-скифски или по-сарматски, поскольку Господь лепил часть своего кентаврийского материала из этих древних степняков. Но кое-кто из них усвоил языки своих соседей-людей. И все приняли культуру индейцев прерий — с некоторыми вариациями.

Наконец отряд вышел на Большую Торговую Тропу. Она отличалась от остальной равнины только вогнанными в землю на каждой миле столбами с вырезанными из черного дерева изображениями тишкетмоакского бога торговли Ишкветталамму. Кикаха велел отряду перейти на галоп и не замедлять хода, пока Тропа не останется далеко позади.

— Если бы Большая Торговая Тропа шла к лесу, а не параллельно ему, — сказал он Вольфу, — все было бы отлично. Пока мы оставались бы на ней, нас не тревожили. Тропа священна, ее уважают даже дикие полукони. Все племена получают тут товары: оружие, одеяла, драгоценности, шоколад, высококачественный табак и многое другое от тишкетмоаков, единственного цивилизованного народа на этом ярусе. Я поспешил пересечь Тропу, потому что был бы не в состоянии помешать хровакам задержаться здесь на несколько дней для торговли, случись нам наткнуться на купеческий караван. Заметь, что у наших воинов на лошадях больше мехов, чем им нужно. Это они прихватили с собой просто на всякий случай. Но теперь, к счастью, мы далеко.

Шесть дней прошло без всяких признаков вражеских племен, за исключением показавшихся вдали выкрашенных в черно-красные полосы типи иреннуссоиков. Никакого вызова с их стороны не последовало, но Кикаха не расслаблялся, пока за ними не осталось много миль.

На следующее утро равнина начала меняться: ярко-зеленая трава высотой по колено перемешивалась с голубоватой травкой высотой всего в несколько дюймов. Вскоре

отряд скакал по раскинувшейся перед ними голубой земле.

— Это исконная территория полуконей, — пояснил Кикаха.

Он выслал разведчиков далеко от основного отряда.

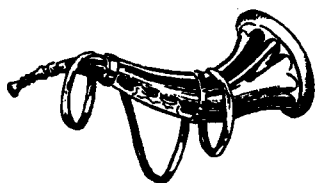
— Кентаврам нельзя попадаться в руки живым, — сказал Кикаха Вольфу. — Порой вместо того, чтобы убить, индейцы могут принять тебя в племя, если у тебя хватит пороку весело распевать и плевать им в рожи, пока они поджаривают тебя на медленном огне. Но у полуконей нет даже человеческих рабов. Они будут много недель держать тебя живым и визжащим.

На четвертый день после этого предупреждения они поднялись на бугор и увидели впереди черную извивающуюся ленту.

— Деревья растут вдоль реки Винникакнау, — сказал Кикаха. — Мы проехали почти полпути до Леса-Деревьев-Со-Многими-Тенями. Давай гнать лошадей, пока не доберемся до реки. У меня такое предчувствие, что везение может нам скоро изменить.

Он замолк, увидев отблеск солнца на чем-то белом в нескольких милях справа от них. Затем белая лошадь их разведчика Злого Ножа исчезла в ложбине между буграми. Спустя несколько секунд на бугре позади него появилась темная масса.

— Полукони! — заорал Кикаха. — Быстрее! К реке! Мы сможем дать отпор среди деревьев, если успеем добраться до нее!

Глава 9

Единым порывом весь отряд пустился в галоп. Вольф пригнулся к шее жеребца, погоняя его, хотя тот и не нуждался в поощрении. Несясь во весь опор, Вольф не терял из поля зрения белую кобылу Злого Ножа, которая стремительно неслась к своему отряду. За ним, постепенно настигая, мчалась орда полуконей. Их было около пятидесяти, а может быть, больше.

Кикаха подскакал к Вольфу на своем жеребце, золотистом красавце с серебристой гривой и роскошным хвостом.

— Когда они догонят нас, — а они догонят, — оставайся рядом со мной. Я разделю отряд по двое, классический маневр, испытанный и верный. Таким образом, каждый сможет охранять бок другого.

Он придержал жеребца, отдавая приказ остальным. Вольф направил своего коня за Лапами Россوماхи и Спит Стоя. Позади Белоносый Медведь и Большое Одеяло пытались держаться на равном расстоянии от него. Остальной отряд рассыпался в полном беспорядке, который пытались преодолеть Кикаха и Паучьи Ноги.

Вскоре все сорок организовались в ровную колонну. Кикаха подскочил к Вольфу и крикнул, перекрывая стук копыт и свист ветра:

— Они глупы, как дикобразы! Они хотели развернуться и атаковать кентавров! Но я им растолковал что к чему.

Слева скакали, стремясь присоединиться к ним, еще двое разведчиков: Пьяный Медведь и Слишком Много Жен. Кикаха жестом велел им пристроиться в хвосте отряда.

Вместо этого парочка продолжала свой подход под давлением градусов и проскакала дальше мимо арьергарда колонны.

— Эти дураки собираются спасти Злого Ножа!

Двое разведчиков и Злой Нож сближались. Злой Нож был в четырехстах ярдах от хроваков. А полукони — лишь в нескольких сотнях ярдов сзади. С каждой секундой они уменьшали разрыв, летя со скоростью ветра. Вскоре они приблизились настолько, что Вольф смог подробно рассмотреть их.

Это действительно были кентавры, правда, имеющие некоторые отличия от тех, которых обычно рисовали художники на Земле. И неудивительно. Господь, создавая их в своих биолaborаториях, вынужден был сделать определенные уступки реальности. Главное отличие определялось повышенной потребностью в кислороде. Большая часть кентавра должна была дышать — факт, игнорируемый традиционными земными изображениями. Воздухом требовалось снабжать не только верхний человеческий торс, но и нижнее тело. Относительно небольшие легкие верхней части не могли удовлетворить потребности в кислороде. Более того, желудок человеческого туловища оставил бы без всякого питания большое тело под ним. Или, если бы к большим конским пищеварительным органам присоединили небольшой желудок для передачи пищи, все равно встала бы проблема диеты. Человеческие зубы быстро сотрутся под действием охапок травы.

Поэтому гибридные существа, столь быстро и угрожающе мчавшиеся к людям, не во всем совпадали с мифологическими созданиями, послужившими им прообразом.

Рты и шеи этих гибридных существ были пропорционально большими, чтобы пропустить значительное количество кислорода. На месте человеческих легких находился похожий на меха орган, гнавший воздух через горлоподобное отверстие, а оттуда — в большие легкие конского тела. Эти легкие были значительно больше лошадиных, потому что вертикальная часть увеличивала потребность в кислороде. Пространство для больших легких было создано удалением более крупных травоядных пищеварительных органов и заменой их меньшим плотоядным желудком. Кентавры питались мясом, включая тела своих индейских жертв.

Конская часть туловища кентавров примерно достигала размеров земного индейского конька. Шкуры были гнѐдые, белые и пегие. Конский волос покрывал все, кроме

лица. Последнее было почти вдвое больше, чем у человека нормальных размеров, широким и скуластым. Черты лица были, в увеличенном масштабе, такими же, как у индейцев прерий Земли, лицами Римского Носа, Сидящего Быка и Бешеного Коня. Боевая раскраска расцвечивала их черты, а на головах красовались шляпы с перьями и шлемы из буйволиных шкур с выступающими рогами.

Оружие их было таким же, как у хроваков, за исключением одного предмета. Это было “бола”: два круглых камня, закрепленных на обоих концах сыромятного ремня.

Пока Вольф гадал, что ему делать, если “бола” направят в него, он увидел их в деле. Злой Нож, Пьяный Медведь и Слишком Много Жен встретились и скакали рядом друг с другом примерно в двадцати ярдах впереди своих преследователей. Пьяный Медведь обернулся и пустил стрелу. Она вонзилась в набухший, похожий на меха орган под человеческой грудью полуконя. Кентавр рухнул, перевернулся пару раз и затих, не двигаясь. Верхний торс был согнут под таким углом, который мог быть только результатом сломанного позвоночника. И это несмотря на тот факт, что универсальное соединение кости и хряща при сращивании человеческого и конского тел делало верхний торс очень гибким.

Пьяный Медведь закричал и взмахнул луком. Он совершил свое первое убийство, и теперь его подвиг будут много лет воспевать в Доме Совета хроваков.

“Если останется кто-то, чтобы рассказать о нем”, — мрачно подумал Вольф.

Было выпущено множество “бола”, раскрученных так, что камни стали едва видимыми. Вращаясь, словно сорвавшиеся со своих осей пропеллеры, “бола” прочертили воздух. Камень на конце одной из них ударил в шею Пьяного Медведя и сбросил его с коня, оборвав посередине его победную песнь. Другое “бола” обернулось вокруг задней ноги его коня, с грохотом опрокинув его на землю.

Вольф одновременно с несколькими из хроваков выпустил стрелу. Он не мог сказать, попала ли она в цель, ибо трудно было хорошо прицелиться и выстрелить, сидя на мчавшемся коне. Но четыре стрелы угодили в цель, и четверо полуконей пали. Вольф сразу же вытащил из колчана за спиной другую стрелу, заметив, что Слишком Много Жен и его конь лежат на земле. Из спины лежащего торчала стрела.

Теперь кентавры обогнали Злого Ножа. Вместо того чтобы заколоть его копьями, они разделились и обошли его с двух сторон.

— Нет! — кричал Вольф. — Не давай им этого сделать!

Злой Нож, однако, недаром носил свое имя. Кентавры не убили его сразу, пытаясь взять живым, и заплатились за это. Он швырнул свой длинный тишкетмоакский нож в лошадиное тело ближайшего к нему полуконя. Кентавр закувыркался колесом. Злой Нож выхватил из ножен другой тесак, и даже когда один из кентавров вогнал в его коня копье, он смело бросился на врага.

Вольф мельком увидел Злого Ножа сквозь массу тел. Он приземлился на спину кентавру, который чуть не рухнул от его массы, но сумел оправиться и понес его дальше. Злой Нож вонзил тесак в спину человеческого торса. Мелькнули копыта, хвост кентавра взметнулся в воздух над толпой, а за ним последовал круп и задние ноги. Вольф подумал, что Злому Ножу конец. Но нет, вот он каким-то чудом оказался на ногах, а затем вдруг верхом на лошадином туловище другого полуконя. На этот раз Злой Нож держал лезвие клинка у горла врага. Он явно угрожал перерезать ему яремную вену, если полуконь не унесет его прочь от других.

Но пика, воткнутая сзади, пронзила храброго разведчика. Однако рухнул он не раньше, чем выполнил свою угрозу и перерезал шею кентавра, на котором скакал.

— Я видел это! — крикнул Кикаха. — Каков муж, этот Злой Нож! После того, что он сделал, даже дикие полукони не посмеют расчленить его тело! Они чтут врагов, давших им жестокий бой, хотя они, конечно, съедят его.

Теперь кентавры находились совсем близко от цепочки хроваков. Они разделились на две части и увеличили скорость, чтобы обойти их с обеих сторон.

Кикаха крикнул Вольфу, что полукони не сразу бросятся в массовую атаку, сначала они постараются немного поразвлечься с врагами, а также дать своим неиспытанным молодым воинам шанс показать свое искусство и смелость.

Полуконь в черно-белых яблоках, единственный имевший ястребиное перо в повязке вокруг головы, отделился от основной группы слева. Вертя "бола" в правой руке, держа оперенное копье в левой, он поскакал под углом к Кикахе. Камни на концах сыромятного ремня заверте-

лись, став неразличимыми, а затем рванулись из его руки. Этот удар был направлен вниз, к ногам вражеского коня.

Кикаха нагнулся и ловко ударил по "бола" концевым копьём. Удар был настолько своеобразным и своевременным, что встретил ремень посередине. Кикаха поднял копьё, а "бола" все вертелось и вертелось, пока не обмоталось вокруг древка. Добрую часть энергии поглотило длинное древко. Однако Кикаха едва не потерял копьё, поскольку оно выскользнуло из его руки, увлекаемое инерцией "бола". Но он удержал его и потряс копьём с "бола" на верхнем конце. Копьё также пронеслось по правую сторону от Кикахи, чуть не ударив Вольфа, которому пришлось пригнуться.

Незадачливый полуконь в ярости погрозил кулаком и хотел было атаковать Кикаху с голыми руками. Со стороны двух колонн кентавров поднялся рев недовольства и крики возмущения. Вождь вылетел, перехватил юнца, сказал ему несколько слов и отправил его с позором обратно к основной группе. Вождь был рослым чалым в шляпе с пышными перьями и множеством черных шевронов, пересечённых полосой, нарисованных на его конских ребрах.

— Атакующий Лев! — крикнул по-английски Кикаха. — Он думает, что я заслужил его внимание.

Он прокричал что-то на языке кентавров, а затем разразился издевательским смехом, когда темная кожа вождя стала еще темнее. Атакующий Лев крикнул в ответ и рванулся вперед, чтобы помериться силами с оскорбителем.

Пика в его правой руке была нацелена на Кикаху. Два древка отскочили друг от друга. Кикаха немедленно отделил свой маленький щит из шкуры мамонта от левой руки. Он блокировал своей пикой новый удар пики кентавра, а затем метнул щит, словно диск. Тот, вращаясь, проплыл между ними и ударил Атакующего Льва по правой передней ноге.

Кентавр согнулся, упал на колени и поехал по траве. Попытавшись подняться, он обнаружил, что нога сломана. Из его группы вырвался крик, дюжина полуконей в шляпах устремилась с копьями наперевес к Атакующему Льву. Тот держался храбро и ждал смерти, сложив руки на груди, как и подобало некогда великому, но теперь побежденному и искалеченному полуконю.

— Передай по цепи приказ замедлить бег! — бросил Кикаха. — Наши лошади не могут долго выдерживать та-

кую скорость. Может быть, мы сумеем побереечь их и выиграть немного времени, если полукони захотят обстрелять еще каких-нибудь своих неиспытанных. Если же не захотят, ну, какая тогда разница?

— Пока было вссело, — проговорил Вольф. — Если мы и не сумеем доскакать до цели, то сможем, по крайней мере, сказать, что не скучали.

Кикаха подскакал достаточно близко, чтобы хлопнуть Вольфа по плечу.

— Ты мне по душе! Я счастлив, что познакомился с тобой. Ого! Вот скачет еще один необстрелянный! Но он, кажется, выбрал Лапы Россوماхи!

Лапы Россوماхи, один из тестей Кикахи, находился во главе колонны хроваков как раз перед Вольфом.

Он выкрикнул оскорбление полуконю, атаковавшему его, раскручивая “бола”, а затем бросил копьё. Кентавр, видя летящее в него оружие, выпустил “бола” раньше, чем собирался. Копьё пронзило ему плечо, “бола” же все равно пошло верно и поразило Лапы Россوماхи.

Он упал с коня и потерял сознание.

Кони Кикахи и Вольфа перепрыгнули через его тело. Кикаха нагнулся вправо и проткнул индейца своей пикой.

— Они не порадуются, пытая тебя, Лапы Россوماхи! — воскликнул он. — И ты заставил их поплатиться жизнью за свою жизнь!

Затем последовал ряд индивидуальных схваток. Вновь и вновь молодые необстрелянные кентавры выскакивали из основной группы, бросая вызов человеку.

Иногда побеждал индеец, иногда — кентавр. В результате кошмарных тридцати минут от сорока хроваков осталось двадцать восемь. Когда пришла очередь Вольфа, ему достался рослый воин, вооруженный дубиной, усаженной стальными шипами. У него имелся также маленький круглый щит, которым он воспользовался как диском, повторяя трюк Кикахи. Это не сработало, так как Вольф сумел отбить щит острием пики. Однако его защита в эту минуту ослабла, и кентавр воспользовался своим преимуществом. Он подскакал так близко, что Вольф не смог даже отклониться немного назад, чтобы воспользоваться пикой.

Дубина кентавра высоко поднялась, солнце сверкнуло на острых концах ее шипов. Широкое скуластое лицо осветила победоносная усмешка. У Вольфа не было возможности уклониться от удара, а если бы он попытался схватить дубину, то это грозило разбитой и искалеченной рукой. И он сделал единственное, что могло его спасти от

гибели, не ожидая этого от себя. Наверное, его вдохновил подвиг Злого Ножа. Он бросился с коня, пролетел над дубиной и обхватил полуконя за шею. Его враг пронзительно закричал от страха, затем они рухнули наземь, сильно ударившись. Но Вольф мгновенно вскочил на ноги, надеясь, что Кикаха держит его коня за узду, чтобы он мог снова оказаться верхом. Кикаха действительно держал коня, но он не сделал ни малейшего движения, чтобы подвести его к Вольфу. В самом деле, и хроваки, и полукони остановились.

— Закон войны! — крикнул Кикаха. — Кто первый схватит дубину, тот и победит!

Вольф и кентавр, тоже поднявшийся теперь на ноги, рванулись к дубине, валявшейся примерно в тридцати футах позади них. Скорость четвероногого была слишком велика для двуногого. Кентавр добрался до дубины, опередив его на десять футов. Не снижая скорости, он нагнулся и подхватил дубину. Затем он затормозил и развернулся, да так стремительно, что вынужден был встать на дыбы.

Вольф, однако, не остановился. Он приблизился, а затем прыгнул на полуконя. Копыто метнулось в его сторону, но он врезался в верхнюю часть туловища, увлекая его немного назад вместе с собой, и оба они снова упали.

Несмотря на падение, Вольф обхватил правой рукой мощную шею кентавра и повис на нем, в то время как кентавр упорно пытался подняться на ноги. Полуконь снова потерял свою дубину и теперь пытался одолеть человека чистой силой. Он снова усмехался, поскольку превосходил Вольфа в весе по меньшей мере на семьсот фунтов. Его торс, грудь и руки были намного массивнее, чем у Вольфа.

Вольф напряг мышцы ног, сопротивляясь напиравшему весу кентавра, и не отодвигался. Захват вокруг огромной шеи сжимался, перекрывая полуконю воздух. Тогда он попытался выхватить нож, но Вольф схватил другой рукой его запястье и выкрутил его. Кентавр завизжал от боли и выронил нож.

Со стороны следивших полуконей прозвучал рев удивления. Они никогда раньше не видели такой силы у обычного человека.

Вольф напрягся, рванул и бросил противника на колени. Его левый кулак погрузился во вздымавшиеся меха под ребрами.

Полуконь издал шумное “Уф”. Вольф отпустил захват: сделал шаг назад и использовал правый кулак против челюсти полубесчувственного кентавра. Голова откинулась назад, и кентавр рухнул, как подкошенный. Прежде чем он пришел в сознание, череп его был раздроблен его же дубиной.

Вольф снова вскочил на коня, и три колонны поскакали дальше легким галопом. Некоторое время полукони не предпринимали никаких действий против своих врагов. Их вожди, казалось, что-то обсуждали.

Что бы они ни намеревались сделать, свой шанс они потеряли минутой спустя. Кавалькада перевалила через небольшой бугор и понеслась в широкую ложбину, достаточно глубокую, чтобы скрыть залегшую там львиную стаю.

Очевидно, двадцать с чем-то представителей вида “Фелис Атрокс” полакомились предыдущей ночью протокверблюдом и были еще слишком сонливы, чтобы обратить какое-то внимание на грохот приближавшихся копыт. Но теперь, когда вторгшиеся внезапно оказались среди них, гигантские кошки одним прыжком вступили в действие. Их ярость еще больше увеличивало желание защитить находившихся среди них детенышей.

Вольфу и Кикахе повезло. Хотя со всех сторон прыгали огромные львы, ни один не бросился на них. Но Вольф оказался достаточно близко к одному самцу, чтобы разглядеть все внушающие ужас подробности. Лев был величиной почти с коня, и хотя у него отсутствовала грива африканского собрата, это отнюдь не уменьшало мощи и свирепости.

Он прыгнул мимо Вольфа и опустил на ближайшего кентавра, который с воплем упал. Челюсти сомкнулись на горле полуконя, и он умер. Вместо того, чтобы заняться трупом, что он обычно делал на охоте, самец прыгнул на другого кентавра, и тот рухнул столь же легко.

Все превратилось в огромный клубок из рычавших кошек и пронзительно ржавших лошадей, кричавших людей и полуконей. Положение сложилось отчаянное — каждый за себя, к черту битву и все остальное.

Вольфу, Кикахе и тем хровакам, которые оказались достаточно счастливыми, чтобы не подвергнуться нападению, понадобилось только тридцать секунд, чтобы выбраться из этого кошмара. Им не потребовалось понукать лошадей, но возникли сложности с тем, чтобы не дать коням загнать себя до смерти.

Позади них, но теперь в отдалении, из ложбины тонким ручейком выбрались кентавры, избежавшие львиных когтей и зубов. Не продолжая преследования хроваков, они отбежали на безопасное расстояние от львов, а затем остановились, подсчитывая свои потери. На самом деле потеряли они не более дюжины воинов, но потрясение было сильнее.

— Нам повезло! — крикнул Кикаха. — Однако, если мы не сможем добраться до леса прежде, чем они догонят нас, то нам конец! Больше они не собираются продолжать индивидуальные схватки. А пойдут в массовую атаку.

Лес, к которому они стремились, по-прежнему выглядел таким же далеким, как и раньше. Вольфу не верилось, что его коню, хоть он и был великолепным зверем, удастся доскакать до него. Его шкура стала темной от пота, он тяжело дышал и все же мчался вперед, машина из прекрасного закаленной плоти и духа, которая будет бежать, пока у нее не разорвется сердце.

Теперь кентавры пустились в полный галоп и постепенно настигали их. Через несколько минут они оказались на расстоянии полета стрелы. Несколько стрел, выпущенных в преследуемых, вонзилось в траву. Далее кентавры воздерживались от стрельбы из луков, поняв, что при такой скорости и неровности бега сложно точно прицелиться.

— Не снижайте скорость! — крикнул Кикаха. — Да послужит нам Дух Акджау Димиса!

Вольф не понял его, пока не посмотрел, куда указывал палец Кикахи. Перед ними, скрытые высокой травой, притаились тысячи земляных холмиков, у каждого из которых сидели существа, похожие на “полосатых собачек” прерий.

В следующую минуту хроваки проскакали в колонию, а полукони — следом за ними. И тут поднялись крики и вопли; лошади и кентавры с грохотом падали, угодив копытами в норы. Рухнувшие животные и полукони лягались и пронзительно кричали от боли в сломанных ногах. Кентавры, следовавшие непосредственно за первой волной атакующих, вставали на дыбы, чтобы остановиться, а скакавшие следом врезались в них. На минуту на границе поля “собачек” прерии образовалась куча перепутанных и лежащих четвероногих тел. Кентавры, достаточно удачливые, чтобы оказаться далеко позади, остановились и с болью смотрели на своих застрявших товарищей. Затем они осторожно потрусили вперед, внимательно вглядыва-

ясь, куда ставить копыта. Своим сородичам, у которых были сломаны руки или ноги, они милосердно перерезали глотки.

Хроваки, понимавшие, что происходит у них за спиной, не останавливались. Они гнали дальше, не снижая скорости. Теперь у них осталось десять лошадей и двенадцать человек. Жужжит Как Пчела и Высокая Трава вдвоем скакали с теми, у кого сохранились лошади.

Кикаха, поглядев на них, покачал головой. Вольф знал, о чем он думает. Следовало бы приказать оставшимся без лошадей слезть и бежать за отрядом на своих двоих, иначе не только они, но и подобравшие их друзья неизбежно будут настигнуты. Но вместо этого Кикаха сказал:

— К черту все! Я их не брошу! — Коротко поговорив со скакавшими в тандеме, он снова нагнал Вольфа. — Пропадать, так всем вместе, — сказал он. — Но ты не обязан оставаться с нами, Боб. Ты не должен хранить нам верность. Для тебя нет никакой причины приносить себя в жертву ради нас и терять Хрисеиду и рог.

— Я останусь, — твердо сказал Вольф. Кикаха усмехнулся и хлопнул его по плечу.

— Я надеялся, что мы сможем добраться до леса, но боюсь, что мы не успеем. Почти, но не совсем. К тому времени, когда мы доберемся до того большого холма, нас снова догонят. А жаль!.. До леса-то всего полмили...

Колония "собачек" прерий столь же внезапно осталась позади, как раньше выросла перед ними. Хроваки погнали своих животных галопом. Минутой спустя кентавры безопасно миновали поле и тоже помчались на полной скорости, преследуемые поскакали вверх по холму и остановились на вершине, строясь в круг.

Вольф посмотрел вниз по склону холма и через равнину на небольшую речку. Вдоль нее рос лес, но его волнение было вызвано не этим. У края реки, частично загороженные деревьями, стояли белые типи.

Кикаха долго смотрел, прежде чем сказать:

— Ценкавы... Смертельные враги "медвежьего народа", но, впрочем, кто им не враг?

— Они выходят, — произнес Вольф. — Их, должно быть, предупредили часовые.

Он показал на беспорядочную группу всадников, выезжавших из леса. Солнце отсвечивало от белых лошадей, белых щитов и белых перьев, искрилось на наконечниках пик.

Один из хроваков, увидев их, начал высокотонную воющую песню. Кикаха зло прикрикнул на него, и Вольф понял что индейцу велели заткнуться. Сейчас было не время для песен смерти, они еще обманут и полуконей, и ценкавов.

— Я собирался дать здесь последний бой, — проговорил Кикаха, — но теперь — нет. Мы поскачем к ценкавам, а затем оторвемся от них в лесу вдоль реки. Как мы отделаемся, зависит от того, решат ли оба наших противника драться или нет. Если один откажется, то другой нас уделает. Если же нет... Ходу!

Пронзительно вопя, они ударили пятками по ребрам лошадей и поскакали вниз с холма на лагерь ценкавов.

Вольф оглянулся через плечо и увидел, что полукони мчатся по склону холма следом за ними.

— Не думал я, что они клонут на это! — крикнул Кикаха. — Много женщин будет выть сегодня в вигвамах, но не только среди “медвежьего народа”.

Теперь хроваки были достаточно близко, чтобы различить узоры на щитах ценкавов. Это были черные свастики, воспринятые Вольфом без удивления. Крючковатый крест был на Земле древним и широко распространенным символом. Он был известен троянцам, критянам, римлянам, кельтам, норвежцам, индийским буддистам и китайцам и по всей доколумбовской Северной Америке. Вольф также не удивился, обнаружив, что надвигающиеся индейцы были рыжими.

По-прежнему беспорядочной массой, но сбившись потесней, ценкавы взяли копыя наперевес и издали боевой клич, подражая клекоту ястреба.

Кикаха во главе колонны поднял руку, задержал ее на миг, а затем резко рубанул ею воздух. Его конь развернулся влево и поскакал прочь с последовавшей за ним цепочкой “медвежьего народа” — голова и тело змеи. Его расчет был точен. Когда полукони и ценкавы, с треском врезавшись друг в друга, перемешались в смертельной схватке, хроваки улизнули.

Добравшись до леса, они замедлили ход, пробираясь между деревьями, а потом переправились через речку. Даже теперь Кикахе пришлось поспорить с несколькими воинами, которые хотели шмыгнуть обратно через речку и сделать набег на лагерь ценкавов, пока их воины были заняты боем с полуконями.

— По-моему, это имеет смысл, — высказался Вольф, — если мы задержимся там ровно настолько, чтобы захва-

тить несколько лошадей. Жужжит Как Пчела и Высокая Трава не могут передвигаться парами.

Кикаха пожал плечами и махнул рукой.

Набег занял пять минут. Хроваки вновь переправились через речку и, выскочив из леса, с дикими криками рассеялись среди типи. Женщины и дети завизжали и пытались прятаться в лесу и вигвамах. Некоторые хроваки хотели захватить не только коней, но и другую добычу, но Кикаха пригрозил, что убьет первого, кого поймает на краже чего-нибудь, кроме луков и стрел. Впрочем, сам нагнулся с коня и подарил хорошенькой боевитой женщине долгий поцелуй.

— Скажи мужчинам, что я хотел бы взять тебя в постель и сделать своей женой! — бросил он ей. — Но нас ждут дела поважнее!

Смеясь, он отпустил женщину, убежавшую в вигвам. Кикаха задержался еще, чтобы помочиться в большой котел посреди лагеря — смертельное оскорбление для племени, — а затем приказал отряду поскорее убираться.

Они ехали две недели и наконец оказались на опушке Леса-Деревьев-Со-Многими-Тенями. Здесь Кикаха устроил долгое прощание с хроваками. Те также, по очереди подойдя к Вольфу и положив ему руку на плечо, произнесли прощальные речи. Теперь он был одним из них. Вернувшись, он возьмет дом и жену среди них и будет выезжать с ними на охоту и на войну.

Его прозвали Квашингда, “сильный”, он убил своего врага, сражаясь бок о бок с ними. Он поборол полуконя. Ему дадут медвежонка, он вырастит его, как своего детеныша. Господь благословит его многими сыновьями и дочерьми, благословляли его воины на разные лады.

Вольф степенно отвечал, что не знает большей чести, чем быть принятым “медвежьим народом”, и не кривил при этом душой.

По пути через лес они потеряли ночью своих коней из-за чего-то, оставившего следы четырехпалых ног в десять раз больше человеческих. Вольф был опечален и разъярен, так как успел очень привязаться к своему животному. Он хотел погнаться за этим “вагнасситом” и отомстить. При этом предложении Кикаха в ужасе воздел руки.

— Радуйся, что тебя тоже не уволокли! — воскликнул он. — Вагнассит покрыт полукремневой чешуей. Твои стрелы отскочат от нее. Забудь про лошадей. При желании мы можем как-нибудь вернуться и поохотиться на него. Его можно поймать в ловушку, а потом зажарить на

костре, я был бы не прочь это сделать, но не сейчас. Мы должны спешить. Пошли!

По другую сторону Многих Теней они соорудили каноэ и поплыли вниз по широкой реке, проходившей через множество больших и малых озер. Местность здесь была холмистой, с крутыми утесами, чем-то напоминавшая Вольфу лесные долины Висконсина.

— Прекрасная страна,— согласился Кикаха.— Но здесь живут чакоревачи и эквадиты.

Тринадцать дней спустя, во время которых им трижды приходилось бешено грести, спасаясь от преследовавших их каноэ с воинами, они оставили лодку. Перейдя высокую гряду холмов, по широкой просеке они вышли к обширному озеру. Там они опять построили каноэ и пустились вплавь. Пять дней гребли они без усталости и, наконец, путь их пришел к подножию монолита Абхарг-луны.

Начался медленный подъем, столь же опасный, как и на первый монолит. Добравшись до вершины, они израсходовали весь запас стрел и получили несколько незначительных ран.

— Ты можешь понять, почему сообщение между ярусами ограниченное,— сказал Кикаха.— В первую очередь его засекретил Господь, что, однако, не удерживает непочтительного авантюриста или торговца от попытки преодолеть барьер. Между этой гранью и Дракландией лежит несколько миль джунглей с рассыпанными здесь и там большими плато. Река Гузирит протекает от него всего лишь в ста милях. Мы отправимся туда и попробуем пробраться на лодке.

Они приготовили кремневые наконечники и древки для стрел. Вольф убил тапиropодобное животное. Мясо его было немного вонючим, но хорошо утоляло голод. Вольф хотел сразу же отправиться в путь и медлительность Кикахи его раздражала.

Кикаха посмотрел на зеленое небо и сказал:

— Я надеялся, что одна из пташек Подарги разыщет нас и сообщит новости. В конце концов, мы не знаем, какое направление выбрали гворлы. Скорее всего, они должны отправиться к горе, но туда существует два пути. Они могли идти через джунгли, но этот маршрут очень опасен. Можно отправиться на лодке вниз по Гузириту. На этом маршруте тоже встречаются опасности, особенно для таких заметных тварей, как они. А Хрисеида получила бы высокую цену на рынке рабов.

— Мы не можем вечно ждать орлицу, — возразил Вольф.

— Да нам и не придется, — ответил Кикаха.

Он показал вверх, и, проследив за направлением его руки, Вольф увидел желтую молнию. Она исчезла лишь затем, чтобы мгновение спустя появиться в поле зрения. Орлица стремительно падала, сложив крылья. Вскоре она плавно спустилась к ним.

— Фтия, — представилась она. А потом сразу же заявила, что принесла хорошие новости. Она заметила гворлов и женщину Хriseиду всего в четырехстах милях впереди. Они устроились пассажирами на купеческом судне и плыли вниз по Гузириту к стране Людей-В-Доспехах.

— Ты видела рог? — спросил Кикаха.

— Нет, — ответила Фтия, — но они несомненно прячут его в одном из своих бурдюков. Я выхватила у гворлов один бурдюк, надеясь, что рог может оказаться там. За свои хлопоты я добыла мешок, полный барахла, и чуть не получила стрелу в крыло.

— У гворлов есть луки? — удивился Вольф.

— Нет. В меня стреляли речники.

Вольф спросил о воронах и услышал в ответ, что их было много. Господь явно велел им неустанно стеречь гворлов.

— Это плохо.

Кикаха встревожился.

— Если она нас заметят, мы попадем в большую беду.

— Они не знают, какие вы на вид, — успокоила его Фтия. — Я подслушала разговор воронов. Пришлось прятаться, хотя очень хотелось схватить их и разорвать на части. Но у меня есть приказ моей госпожи, и я подчиняюсь. Гворлы пытались описать вас Очам Господа. Вороны ищут двух путешествующих вместе людей, оба высокие, один черноволосый, другой с бронзовыми волосами. Но это и все, что они знают, а к этому описанию подходят многие. Вороны, однако, будут высматривать пару, идущую по следу гворлов.

— Я покрашу бороду, и мы достанем хамшемскую одежду, — решил Кикаха.

Фтия собралась лететь дальше. Кикаха поблагодарил ее и попросил передать его привет Подарге. Когда гигантская птица оторвалась от грани монолита, путники направились в джунгли.

— Теперь ступай мягко и говори тихо,— велел Кикаха.— Здесь водятся тигры. Джунгли так и кишат живностью. Еще здесь живет большой топороклюв. Это бескрылая птица, настолько крупная и свирепая, что с ней не захочет встретиться даже птичка Подарги. Я однажды видел, как два тигра вступили в схватку с топороклювом, и исход ее был настолько очевиден, что звери предпочли спастись бегством.

Но животных на их пути встретилось мало, за исключением огромного числа многоцветных птиц, обезьян и рогатых жуков размером с мышь. Для жуков у Кикахи нашлось только одно слов: “ядовиты”. После чего, Вольф, прежде чем лечь или сесть, каждый раз внимательно осматривал место предстоящего привала.

На пути к цели Кикаха искал одно растение под названием “губхараш”. Обнаружив после длительных поисков целую поляну этих растений, он истолок из их листьев волокна, затем сварил и отжал черноватую жидкость. Этим отваром он выкрасил себе волосы, бороду и кожу сверху донизу.

— Свои зеленые глаза я объясню сказочкой про мать-рабыню из Тевтонии,— сказал он.— Вот, попробуй теперь сам. Тебе не повредит стать немного потемнее.

Они вышли к полуразрушенному каменному городу с приземистыми ширококрылыми идолами. Жили здесь “кайдушанки”— невысокие, худощавые и смуглые люди, одетые в каштановые накидки и черные набедренные повязки.

Волосы как у мужчин, так и у женщин были длинные, смазанные маслом, полученным из молока разношерстных коз, бойко скакавших по руинам и питавшихся травой, проросшей из трещин в камнях. Эти люди держали кобр в маленьких клетках и часто выпускали своих любимцев, чтобы погладить их. Они жевали дхиз, растение, делавшее их зубы черными и придававшее взглядам затуманенное выражение, а движениям — медлительность.

Кикаха, употребив “хвайджум”, общепринятый здесь жаргон, устроил меновую торговлю со старейшинами. Он сменял ногу убитого им с Вольфом бегемотоподобного зверя на хамшемскую одежду. Спутники облачились в красно-зеленые тюрбаны, украшенные перьями кигглибаша, белые безрукавные рубашки, мешковатые пурпурные шаровары, кушаки, несколько раз обмотав их вокруг талии, и черные туфли с загнутыми носками.

Несмотря на плохо соображавшие от дхиза мозги, старейшины оказались весьма смекалистыми в вопросах торговли. Только когда Кикаха достал из своего рюкзака маленький сапфир — один из драгоценных камней, подаренных ему Подаргой, — старейшины продали им инкрустированные жемчугом ножны и ятаганы.

— Надеюсь, лодка прибудет скоро, — заметил Кикаха. — Теперь, когда эти мошенники знают, что у меня есть камни, они могут перерезать нам глотки. Этой ночью нам придется бодрствовать.

В тот же день из-за поворота реки показалось купеческое судно. При виде двух спутников, стоявших на гниющем пирсе и машущих длинными белыми платками, капитан приказал бросить якорь и спустить паруса.

Вольф и Кикаха сели в прибывшую за ними лодку, и были доставлены на “Хриллуз”. Это было судно длиной в сорок футов, с низкой серединой, но возвышенными носом и кормой, с одним косым парусом и кливером. Матросы по большей части принадлежали к ветви хамшемского народа, называемого “шибакуб”.

Они разговаривали на наречии, фонетику и структуру которого Кикаха описал Вольфу раньше. Он был уверен, что это архаическая форма семитского, подвергшаяся влиянию аборигенных наречий.

Капитан Архюрель вежливо приветствовал их на полукате. Он сидел, скрестив ноги, на куче подушек и богатых ковров, потягивая густое вино из крошечной чашки.

Кикаха, назвавшийся Ишнакрубелем, рассказал ему свою тщательно приготовленную историю. Он и его спутник, человек, давший обет не разговаривать, пока не вернется к своей жене в далекой стране Шашту, провели несколько лет в джунглях. Они искали легендарный затерянный город Зикунт.

Сросшиеся на переносице черные брови капитана удивленно приподнялись, и он провел ладонью по ниспадавшей до пояса темно-каштановой бороде. Затем попросил их присесть и принять чашу ахаштунского вина, пока они рассказывают свою повесть.

Глаза Кикахи сверкнули, и он усмехнулся, целиком отдаваясь своей фантазии. Вольф его не понимал и все же почувствовал, что его друг сам в восторге от своих длинных, богатых подробностями и приключениями выдумок. Он только боялся, как бы Кикаха в своем увлечении не

сказал чего-нибудь лишнего, что могло бы возбудить подозрение капитана.

Прошло какое-то время, каравелла плыла вниз по реке. Один матрос, одетый только в алую набедренную повязку, тихо играл на флейте. Им принесли еду на серебряных и золотых тарелках: зажаренную обезьяну, фаршированную птицу, твердый черный хлеб и кислое желе. Вольф нашел мясо чересчур сладким, но съел.

Солнце приблизилось к своему вечернему повороту за гору, и капитан наконец встал. Он провел их в маленькое святилище позади штурвала. Здесь стоял идол из зеленого нефрита, Тартарт. Капитан произнес молитву, главную молитву Господа, затем опустился на колени перед мелким божком собственного народа и отвесил ему глубокий поклон. Матрос побрызгал немного фимиама на крошечный язычок пламени, пылавший в выемке на коленях Тартарта. В то время как благовонные пары распространялись по кораблю, те, кто придерживался веры капитана, тоже помолились. Позже матросы, поклонявшиеся другим богам, справили свои личные обряды.

Спутники ночевали на средней палубе на предоставленной им капитаном куче мехов.

— Не понятен мне этот Архюрель, — говорил Кикаха. — Я сказал ему, что мы не сумели отыскать город Зикуант, но нашли небольшой тайник с сокровищами. Хвалиться нечем, но достаточно, чтобы позволить нам скромно жить без забот по возвращении в Шиашту. Он не просил показать драгоценности, хотя я обещал заплатить ему за проезд большим рубином. Эти люди заключают сделки не спеша. Торопиться в делах — оскорбительно, но жадность может победить его гостеприимство и деловую этику, если он решит, что богатая добыча стоит наших перерезанных глоток.

Он на мгновение замолк. С деревьев, растущих вдоль реки, доносились крики птиц. Время от времени какой-то ящер ревел с берега или из вод самой реки.

— Если он собирается сделать что-то бесчестное, то сделает это на следующем отрезке пути. Это пустынный участок, а дальше расположено множество населенных городков.

На следующий день, сидя под установленным для их удобства пологом, Кикаха презентовал капитану рубин, огромный и прекрасный. За него можно было купить все судно с экипажем в придачу. Он надеялся, что Архюрель

будет доволен этим подарком. Капитан и сам мог, если бы пожелал, уйти на покой после его продажи. А затем Кикаха сделал то, чего хотел бы избежать, да знал, что нельзя.

Он вынул остальные драгоценности: алмазы, сапфиры, рубины, гранаты, турмалины и топазы.

Архюрель улыбнулся, облизнул губы и долго глазел на камни. Наконец он заставил себя отвести взгляд.

Той же ночью, когда они лежали в своих постелях на палубе, Кикаха достал пергаментную карту, позаимствованную у капитана. Он показал на большой изгиб реки и постучал пальцем по кружку, отмеченному причудливыми завитушками слоговых символов хамшемского языка.

— Это город Хотсикаш. Он сейчас заброшен основавшим его народом, подобно тому городу, из которого мы отплыли на судне, и населен полудиким племенем визварт. Мы бесшумно покинем корабль в ночь, когда бросим там якорь и пересечем тонкий сухопутный перешеек, таким образом срезав путь по реке. Возможно, мы сумеем выиграть достаточно времени и перехватить судно, везущее гворлов. Если же нет, то мы все равно окажемся впереди них. Мы сядем на другого “купца” или, если такового не сыщется, найдем визвартскую долбленку с экипажем.

Двенадцать дней спустя “Хриллкуз” пришвартовался у массивного, но потрескавшегося пирса. На нем толпились визварты и кричали матросы, показывая им кувшины с дхизом и “золотым дождем”, певчих птиц в деревянных клетках, обезьян и сервалов на поводках, остатки памятников материальной культуры из спрятанных в джунглях и разрушенных городов, сумки и кошель из пузырчатых шкур речных ящериц, плащи из шкур тигров и леопардов. У них имелся даже детеныш топороклюва, за которого, как они знали, капитан заплатит хорошую цену и продаст королю шибакубов. Их главным товаром, однако, были женщины. Одеты в дешевые халаты из алого и зеленого хлопка, они прохаживались взад и вперед по пирсу, молниеносно распахивая свои одежды, а потом так же быстро запахивая их, выкрикивая цену проката своих тел на ночь для изголодавшихся по женщинам матросов. Мужчины, одетые только в белые тюрбаны и фантастические гульфики, стояли в стороне, жевали дхиз и усмехались. Все имели ружья, духовые, шестифу-

товой длины и длинные тонкие кривые ножи, воткнутые в спутанные узлы волос на макушках.

Во время торга между капитаном и визвартом Кикаха и Вольф побродили по циклопическим плитам и руинам города. Внезапно Вольф предложил:

— Камни-то у тебя с собой. Почему бы нам не взять визварта-проводника и не отправиться сейчас? Зачем ждать ночи?

— Это хорошая идея, друг, — согласился Кикаха. — Идем.

Они нашли высокого худого человека по имени Вивхин, который с энтузиазмом принял их предложение. Он даже жене не сказал куда идет, и сразу повел их в джунгли. Он хорошо знал тропы и, как обещал, доставил их за два дня к городу Кирукшак. Здесь он потребовал еще один камень, заявив, что, если ему дадут премию, он вообще никому не скажет о них.

— Премии я тебе не обещал, — сказал Кикаха, — но мне нравится проявленный тобой прекрасный дух свободного предпринимательства, друг мой. Поэтому вот тебе еще один. Но если попробуешь получить третий — убью.

Вивхан улыбнулся и поклонился, взял второй камень и потрусил в джунгли. Кикаха, глядя ему вслед, произнес:

— Может быть, мне все равно следовало бы его убить. Ведь в лексиконе визвартов нет даже слова “честь”.

Они вошли в развалины. После получаса лазанья между обвалившимися зданиями и кучами земли они оказались в той части города, которая выходит к реке. Здесь собрались долинозы, народ той же языковой семьи, что и визварты. Но мужчины носили длинные усы, а женщины красили верхнюю губу в черный цвет и носили кольца в носу. С ними находилась группа купцов из страны, давшей всем говорящим на хамшемском языке свое название.

У пирса не было никакой речной каравеллы. Увидев это, Кикаха остановился, решив повернуть обратно. Но не успел, потому что хамшеры увидели его и окликнули.

— Теперь все равно как себя вести, можно даже вызывать, — пробурчал Вольфу Кикаха. — Если я закричу, беги, как из ада. Эти субчики — работоторговцы.

Там было около тридцати хамшеров, все вооруженные ятаганами и кинжалами. Вдобавок с ними стояли

около пятидесяти солдат, высоких, широкоплечих, более светлых, чем хамшеры, со странными узорами, вытатуированными на лицах и плечах.

Это были, как объяснил Кикаха, толкинские наемники, часто используемые хамшерами. Знаменитые копейщики, горцы, козопасы, они презирали женщин как существ не пригодных ни к чему, кроме домашней работы и деторождения.

— Не давай им взять тебя живым.

Это было последнее предупреждение Кикахи, прежде чем он улыбнулся и поздоровался с предводителем хамшеров, очень высоким мускулистым человеком по имени Абиру.

Его лицо можно было бы назвать красивым, если бы не чересчур большой и кривой, наминавший ятаган, нос. Он ответил Кикахе довольно вежливо, но большие черные глаза оценивающе блеснули, словно он увидел перед собой фунт выставленного на продажу мяса.

Кикаха выдал ему ту же историю, которую рассказал Архюрелю, но существенно сократив ее и опустив упоминание о драгоценностях. Он сказал, что они будут ждать прибытия купеческого судна, чтобы уехать обратно в Шиашту. А как обстояли дела у Абиру?

К тому времени способность Вольфа быстро усваивать языки дала ему возможность понимать хамшерское наречие, в пределах обычного бытового разговора. Абиру ответил, что благодаря Господу и Тартарту данное деловое предприятие оказалось прибыльным. Кроме набранного рабского материала обычного типа, он захватил в плен группу очень странных созданий, а также женщину исключительной красоты, подобной которой никогда прежде не видел, во всяком случае, на этом ярусе. Сердце Вольфа сильно забилося: неужели такое возможно?

Абиру спросил, не хотят ли они взглянуть на пленников.

Кикаха бросил предупреждающий взгляд на Вольфа, но ответил, что он очень хотел бы увидеть как курьезных существ, так и сказочную женщину.

Абиру поманил капитана наемников и приказал ему отправиться за ними вместе с десятью воинами. Тут Вольф почуял опасность, которую Кикаха осознавал с самого начала. Он знал, что им следует бежать, хотя и маловероятно, что это удастся. Шолкины, надо думать, привыкли настигать беглецов своими копьями.

Но он отчаянно хотел снова увидеть Хрисеиду. Поскольку Кикаха не предпринимал никаких действий, Вольф решил положить на судьбу.

Любезно болтая о прелестях столичного города Хамшема, Абиру провел их по заросшей подлеском улице к большому ступенчатому зданию с разбитыми статуями на всех уровнях и остановился перед входом, где их ожидали еще десять шолкинов. Прежде чем они вошли, Вольф почувствовал, что гворлы находятся там: перекрывающая вонь немых человеческих тел, плыл запах подгнивших фруктов, свойственный бугристому народу.

Внутреннее помещение было скудно освещено. У противоположной стены на каменном полу сидели примерно сто мужчин и женщин, и среди них около тридцати гворлов. Все были прикованы друг к другу длинными тонкими железными цепями, крепившимися на ошейниках.

Вольф поискал глазами Хрисеиду.

Отвечая на его невысказанный вопрос, Абиру сказал:

— Кошкоглазую я держу отдельно. У нее есть прислуга и особая охрана. Она получает все внимание и заботу, полагающиеся драгоценному камню.

— Я хотел бы увидеть ее,— сказал Вольф, не в силах сдержаться.

Абиру пристально взглянул на него.

— У тебя странный акцент. Разве твой спутник не говорил, что ты тоже из страны Шиашту?

Он махнул рукой солдатам, которые двинулись вперед с копьями наперевес.

— Неважно. Если ты и увидишь эту женщину, то только с конца цепи.

Кикаха возмущенно закричал:

— Мы подданные царя Хамшема и вольные люди! Вы не посмеете! Это будет стоить вам голов!

— Я не намерен везти тебя обратно в Хамшем, друг мой. Мы отправляемся в Тевтонию, где за тебя дадут хорошую цену, если будешь менее разговорчив. Мы, однако, можем позаботиться о твоей скромности, отрезав тебе язык.

Ятаганы спутников были отобраны вместе с рюкзаками. Подталкиваемые копьями, они прошли к концу закованных в цепи людей непосредственно за гворлами, на них также надели железные ошейники. Абиру вывалил на пол содержимое рюкзака и выругался, обнаружив кучу драгоценных камней.

— Так значит, вы кое-что нашли на территории затерянных городов? Нам повезло. Мне даже захотелось вас отпустить, ведь теперь, благодаря вам, я разбогател!

— Какая свинья! — пробурчал Кикаха. — Он еще издевается! Словно злодей из второсортного фильма. Черт бы его побрал! Если у меня появится хоть малейшая возможность, я отрежу ему не только язык.

Абиру, ошарашенный внезапно свалившимся на него богатством, вышел. Вольф начал изучать цепь, соединявшую ошейники. Она состояла из мелких звеньев, и при большом желании, вероятно, ее можно было бы порвать.

На земле в свое время он забавлялся, втайне пробуя свою силу, разрывая именно такие цепи. Сейчас надо было дожидаться наступления темноты.

За спиной его Кикаха прошептал:

— Гворлы не узнали нас в этом гриме, пусть все так и остается.

— Где же рог? — отозвался Вольф.

Кикаха, перейдя на раннюю средневерхнегерманскую форму тевтонского, попытался заговорить с гворлами. Но те начали в ответ плевать, и Кикаха оставил это занятие. Он сумел переговорить лишь с одним из шолкинских солдат и еще с несколькими рабами, собрав от них по мелочам много сведений.

Гворлы были пассажирами на судне “Квакииржуба”, курсировавшем по реке под командованием некоего Раххамена. Пристав в этом городе, капитан встретил Абиру и пригласил его на борт выпить чашу вина. Той же ночью, фактически за день перед тем, как Вольф и Кикаха появились в городе, Абиру и его люди захватили судно. Во время борьбы капитан и несколько матросов были убиты, остальные теперь находились здесь, закованные в цепи.

Судно было отправлено вниз по реке для продажи экипажа одному речному пирату, у которого были налажены связи с Абиру.

Что же касается рога, то никто из членов экипажа судна никогда не видел его и не слышал о таком предмете.

Кикаха сказал Вольфу, что, по его мнению, Абиру вряд ли позволит узнать о нем кому-либо еще, кроме себя. Он, должно быть, опознал его, так как все слышали про рог Господа. Он был принадлежностью религии одного культа и описывался в различных священных книгах.

Наступила ночь. Вошли солдаты с факелами и едой для рабов. После ужина в помещении осталось двое шолкинов и сколько-то охраняло барак снаружи. Санитарная обстановка внутри была отвратительной, запах стоял удушающий. Абиру явно не заботился о соблюдении приличий в том виде, в котором они были изложены Господом. Однако, должно быть, некоторые из наиболее религиозных шолкинов пожаловались, потому что несколько долинозов пришли сделать уборку. На каждого раба выплеснули ведро воды, а несколько ведер оставили для питья. Гворлы завывали, когда на них попала вода и долгое время после этого жаловались и ругались. Кикаха пополнил запас сведений Вольфа, сообщив ему, что гворлы, подобно сумчатым крысам и другим пустынным животным Земли, не нуждались в воде. У них имелось биологическое устройство, схожее с тем, что было у обитателей природных зон, окисляющих их жир в потребную окись водорода.

Взошла луна. Рабы легли на пол или прислонялись к стене и засыпали. Вольф и Кикаха также притворились спящими. Когда луна показалась в дверном проеме, Вольф сказал:

— Я хочу попытаться порвать цепь. Если у меня не хватит сил и времени разорвать твою, нам придется играть роль сиамских близнецов.

— Давай, — прошептал в ответ Кикаха.

Длина цепи между их ошейниками была около шести футов. Вольф медленно, дюйм за дюймом, подкрался к ближайшему гворлу, чтобы цепь была менее натянута. Кикаха полз вместе с ним. Это короткое перемещение заняло примерно пятнадцать минут. Требовалось соблюдать осторожность, чтобы часовые в помещении не услышали их. Затем Вольф, повернувшись спиной к охранникам, взялся за цепь обеими руками, сильно натянул ее и почувствовал, как прочно скованы звенья. Тогда, собрав все силы, Вольф сделал резкий рывок.

Звенья с шумом порвались.

Двое шолкинов, громко разговаривавших и смеявшихся, чтобы отогнать сон, замолкли.

Вольф боялся обернуться, чтобы взглянуть на них. Замерев, он ждал, пока охранники обсуждали этот шум. Им явно не приходило в голову, что так могла звучать разрываемая цепь. Некоторое время они высоко держали факелы, рассматривая потолок.

Один пошутил, другой рассмеялся, и они возобновили прерванный разговор.

— Хочешь попробовать вторую? — прошептал Кикаха.

— Совсем не хочу, но если не попробую, мы будем в неудобном положении, — ответил Вольф.

Вольф немного подождал, так как гворл, с которым он был скован, проснулся от рывка. Он поднял голову и проворчал что-то на своем нелепом языке.

Вольф испугался. Если гворл попробует сесть или, чего доброго, встать, то его движения обнаружат работу Вольфа.

После нескольких жутких минут, гворл снова улегся и вскоре опять захрапел. Вольф чуть расслабился. Он даже натянуто улыбнулся, так как действия гворла подали ему идею.

— Подползи поближе, словно тебе хочется согреться возле меня, — тихо прошептал он Кикахе.

— Шутишь? — прошептал в ответ Кикаха. — Здесь такая духота, словно в парилке. Ну ладно.

Он тихонько подполз, и его голова оказалась возле колен Вольфа.

— Когда я порву цепь, замри, — сказал ему Вольф. — У меня есть идея, как привлечь сюда этих часовых, не встревожив тех, которые дежурят снаружи.

— Надеюсь, что смена караула еще не скоро, — заметил Кикаха.

— Молись Господу, — ответил Вольф, — подземному.

— Он помогает только тому, кто сам не промах.

Кикаха усмехнулся. Вольф рванул цепь изо всех сил, и звенья с шумом разошлись. На этот раз часовые перестали разговаривать, а гворл внезапно поднялся на ноги. Вольф укусил его за палец ноги. Тварь не закричала, а крикнула и начала подпрыгивать на одной ноге. Один из часовых приказал ему сесть, и оба двинулись к нему. Гворл не понял их языка. Но уловил тон приказа и заметил направленное на него копьё. Он поднял ногу и принялся тереть ее, скрежеща проклятия Вольфу.

Часовые были уже рядом, и свет их факелов ярко освещал место действия.

— Давай! — скомандовал Вольф.

Он и Кикаха одновременно поднялись, стремительно развернувшись, и оказались лицом к лицу с растерявшейся охраной. Наконечник копья находился в пределах

досигаемости Вольфа. Он протянул руку и, схватив древно, рванул копьё к себе. Часовой открыл было рот, чтобы крикнуть, но тупой конец копья, ударившей его в челюсть, помешал этому.

Кикаха был менее удачлив. Шолкин отпрянул назад и занес копьё для удара. Кикаха бросился на него, словно полузащитник на игрока с мячом. Он упал на землю и покатился, а копьё лязгнуло выше о стену.

Но тишина была нарушена. Один из часовых уже призывал на помощь. Гворл поднял упавшее рядом с ним копьё и метнул его в стоявшего поблизости охранника. Острие вышло из шеи.

Кикаха рывком высвободил копьё, вытащил из ножен тесак убитого часового и ловко метнул его. Первый из вошедших шолкинов получил его по рукоять в солнечное сплетение. Увидев, что он упал, другие, рвавшиеся следом за ним, отступили. Вольф забрал нож у убитого, заткнул его за кушак и спросил:

— И куда нам дальше?

— Только не через эту дверь. Там нам не прорваться.

Вольф показал на дверной проем в противоположном конце помещения, и они устремились туда. По пути он подобрал выроненный часовым факел. Кикаха сделал то же самое. Дверной проем был частично забит землей, и им пришлось опуститься на колени. Вскоре они очутились в месте, через которое насыпалась земля. Свет луны падал сквозь дыру в каменных плитах потолка.

— Они должны знать об этом месте, — вслух подумал Вольф, — скоро эта гвардия будет здесь. Не надо торопиться.

Едва они миновали освещенное луной место, как наверху над ними запылали факелы. Беглецы шмыгнули вперед как можно быстрее, слыша через отверстие возбужденные голоса шолкинов. Секунду спустя в землю врезалось копьё, едва не попав Вольфу в ногу.

— Они бросятся вслед за нами теперь, когда узнают, что мы покинули главное помещение, — сказал Кикаха.

Они побежали вперед, выбирая направление, которое, как им казалось, вело к черному ходу. Вдруг пол под Кикахой провалился. Он попытался переползти по плите, на которую упал, к следующей, но не сумел.

Одна сторона большой плиты поднялась, вторая опустилась и сбросила Кикаху в дыру. Кикаха закричал, выпустив факел. Оба упали.

Вольф остался стоять, уставившись на поднятую плиту и проем под ней. Из этой дыры не доходило никакого света, так что факел Кикахи либо погас, либо отверстие было настолько глубоким, что свет не доходил до верха.

Вольф застонал от отчаяния и подполз к краю ямы, заглянув туда. Шахта была, по меньшей мере, десяти футов шириной и пятидесяти глубиной. Она была выкопана в земле, и в разных местах вниз сваливались большие куски. На дне он увидел кучу земли, но ни самого Кикахи, ни даже следов его падения он не обнаружил.

Вольф окликнул его по имени, слыша в то же время крики шолкинов, которые рыскали в погоне по коридорам. Не получив никакого ответа, он еще ближе подполз к краю шахты и изучил провал повнимательнее. Все его попытки осветить факелом темные места на дне не дали ничего. Отдельные участки огромной ямы оставались черными, и свет факела не доставал до них. Вольф не смог разглядеть своего друга.

Голоса преследователей стали громче, и из-за угла в конце коридора появилось мерцание пламени. Надо было уходить. Вольф поднялся, перебросил факел на другую сторону зияющего отверстия и прыгнул, что было силы. Он пролетел почти в горизонтальной позиции, ударился о край, бывший влажной мягкой землей, и заскользил вперед, носом по земле. Он был в безопасности, хотя ноги его свисали над краем.

Подобрав все еще горевший факел, он пополз вперед. В конце коридора он нашел отверстие, совершенно забитое землей, и рядом другое, частично перегороденное огромной плитой из гладко обтесанного камня, лежавшего под углом в сорок пять градусов. Немного ободрив кожу на груди и спине, он протиснулся между землей и камнем. За плитой находилось обширное помещение, значительно больше того, где держали рабов.

В противоположном конце виднелась серия грубых террас, образованная обвалом камня. Он поднялся по ним к углу между потолком и стеной. Здесь он обнаружил отверстие, сквозь которое проникал лунный свет — единственная возможность выбраться. Он погасил факел. Если наверху бродили шолкины, они наверняка увидят, как он выползает. У проема он на некоторое время прыгнул, внимательно прислушиваясь. Если свет от факела уже увидели, то его поймут, как только он вылезет из дыры. Наконец, слыша только отдаленные крики и

зная, что он должен воспользоваться своим единственным выходом, он рискнул и выбрался на поверхность.

Он оказался на вершине земляного кургана, с задней стороны здания. Ниже его горели факелы. В их свете стоял Абиру, грозя кулаком солдату и что-то крича.

Вольф посмотрел под ноги, представив глубину шахты, в которую угораздило свалиться его друга, поднял копье и прошептал:

— Здравствуй и прощай, Кикаха!

Ему страстно хотелось отомстить за него, отнять еще несколько жизней у шолкинов, особенно жизнь Абиру. Но он должен быть осторожным. Ведь оставалась еще Хрисеида и существовал рог...

Но он чувствовал в себе пустоту и слабость, словно лишился здесь части своей души.

Глава 11

Той ночью он спрятался в ветвях высокого дерева недалеко от города. Он решил следовать за работорговцами и при первом же удобном случае вызвать Хрисеиду и забрать рог. Работорговцы должны пройти именно этой дорогой, поблизости от которой он ждал. Она была единственной, ведущей в Тевтонию. До рассвета он ждал, мучаясь от голода и жажды.

К полудню жажда стала нестерпимой. Наверняка они уже перестали его искать. Вечером он решил, что должен, по крайней мере, напиться воды. Он спустился и направился к ближайшему ручью. Звериный рык заставил его снова вскарабкаться на дерево. Вскоре через кустарник проскользнуло семейство леопардов. Они пришли к воде. Когда звери, наконец, напились и исчезли в кустах, солнце приблизилось к повороту за монолит.

Он вернулся к тропе, уверенный, что находится слишком близко от нее, чтобы передвижение большой группы человеческих существ могло пройти незамеченным. И все же никто не появился.

Той же ночью он прокрался по развалинам к зданию, где содержали рабов. Там никого не было видно. Уверенный теперь, что они ушли, он порывался по заросшим кустами дорогам и улицам, пока не наткнулся на сидевшего у дерева человека. Человек этот был наполовину без сознания от дхиза, но Вольф привел его в чувство, надавав сильных оплеух.

Приставив нож к его горлу, он заставил его говорить. Несмотря на свое ограниченное знание хамшемского и еще меньшее владение долизским, они поняли друг друга. Абиру и его отряд уплыли этим утром на трех боевых каноэ с наемными долизскими гребцами.

Вольф направился к пирсу. Пристань была безлюдна, и у Вольфа, таким образом, появилась возможность выбрать себе любое судно. Он взял узкую легкую лодку с парусом и отправился вниз по реке.

Две тысячи миль спустя он оказался на границе Тевтонии и цивилизованного Хамшема. След провел его триста миль вниз по реке Гузирит, а затем по суше. Хотя ему полагалось бы уже давно догнать медленно двигавшийся караван, он трижды терял след и не раз был задержан тиграми и топороклювами.

Постепенно местность начала подниматься. Внезапно из джунглей взметнулось плато. Восхождение всего лишь в шесть тысяч футов — ничто для человека, дважды поднявшегося на тридцать тысяч. Перевалив через грань, он оказался в иной стране. Хотя воздух был ничуть не прохладнее, здесь росли дуб, платан, самшит, трехгранный тополь, орешник, сушеница и липа. Животные, однако, отличались от тех, которые должны были бы здесь обитать. Не успел он пройти и двух миль по сумраку дубового леса, как вынужден был спрятаться на дереве. Мимо него медленно прошествовал дракон, взглянул на него разок, зашипел и двинулся дальше. Он походил на общепринятые средневековые изображения, был около сорока футов длиной, десяти высотой и покрыт большими чешуйчатыми пластинами. Хорошо еще, что он не изрыгал огонь. Остановившись в ста футах от убежища Вольфа, он принялся щипать траву. “Так, — подумал Вольф, — значит, существуют драконы не только одного вида”. Гадая, как ему отличить плотоядный тип от травоядного, не обеспечив сначала безопасный пункт наблюдения, Вольф спустился с дерева.

Дракон продолжал набивать себе брюхо, издавая при этом утробные звуки. Осторожнее, чем раньше, Вольф проходил под гигантскими ветвями деревьев и мхом, свисавшим с них водопадом. Рассвет следующего дня застал его на опушке леса. Перед ним расстился длинный пологий спуск.

Он мог видеть на много миль вперед. Справа от него по долине струилась река. На противоположной стороне,

венчая собой колонну неровной скалы, находился замок. У подножья скалы приютилась небольшая деревня.

Поднимавшийся из труб дым, вызвал у него ком в горле. Казалось, что сейчас ему не хотелось ничего большего, чем сидеть за столом, накрытым к завтраку, за чашкой кофе с друзьями после крепкого ночного сна в мягкой постели и болтать о всякой всячине. Боже! Как он тосковал по лицам и голосам обычных людей, о месте, где не было бы все против него! По его щеке пробежало несколько слезинок. Он вытер лицо и продолжил свой путь. Выбор сделан, и он теперь должен принимать плохое наряду с хорошим, точно так же, как принимал бы все на отвергнутой им Земле. А этот мир, во всяком случае в данный момент, был не так уж и плох.

Он был свежим и зеленым, без всяких телефонных проводов, афиш, газет и усеявших сельскую местность консервных банок, без смога и угрозы атомной войны. Многое можно было сказать в его пользу, как бы ни плохо была нынешняя ситуация для Вольфа. И он имел то, за что многие продали бы душу: молодость в сочетании с мудростью и опытом зрелых лет.

Всего лишь час спустя он гадал, сумеет ли сохранить этот дар. Он вышел на узкую грунтовую дорогу и шагал по ней, когда из-за поворота выехал рыцарь, которого сопровождали два пеших ратника.

Конь был огромным и черным, частично экипированным доспехами. Рыцарь же был облачен в черные пластинко-кольчужные латы, которые, по мнению Вольфа, походили на германские тринадцатого века. Забрало было поднято, открывая мрачное ястребиное лицо с ярко-голубыми глазами.

Рыцарь натянул поводья и окликнул Вольфа на средневерхнегерманском наречии, с которым Вольф был знаком благодаря Кикахе, а также своим исследованиям на Земле. Язык, конечно, изменился и был обременен заимствованиями из хамшемского и туземного. Но Вольф разобрал болыюю часть того, что сказал обратившийся к нему.

— Стой смирно, хам! — крикнул рыцарь. — Что ты тут делаешь, разгуливая с луком.

— С позволения вашего августейшего величия, — язвительно ответил Вольф, — я охотник и поэтому имею королевское дозволение носить лук.

— Ты лжец! Я знаю всех законных охотников на много миль вокруг. Ты мне кажешься похожим на сарацина, или даже на идше, такой же смуглый. Брось лук и сдавайся, иначе я зарублю тебя, как свинью, каковой ты, собственно, и являешься.

— Приди и возьми его, — заявил Вольф, чувствуя закипающую ярость.

Рыцарь взял копьё наперевес и пустил коня в галоп. Вольф с трудом удержался, чтобы не броситься в сторону или назад от сверкавшего наконечника копьё. Сориентировавшись, он бросился вперед. Копьё опустилось, неся смерть, но прошло меньше чем в дюйме над ним и воткнулось в землю. словно прыгун с шестом, рыцарь вылетел из седла и, все еще цепляясь за копьё, описал в воздухе дугу. Шлем его первым ударился о землю, и падение, должно быть, оглушило его или сломало ему шею или хребет, потому что он больше не шевелился.

Вольф не терял времени даром. Он снял с рыцаря меч в ножнах и застегнул пояс на талии. Конь убитого, великолепный чалый, вернулся и встал рядом со своим бывшим хозяином. Вольф сел на него и поскакал дальше.

Тевтония была названа так из-за того, что ее завоевала группа Тевтонского ордена или Тевтонских Рыцарей Госпиталя Святой Марии в Иерусалиме. Этот орден возник во время третьего крестового похода, но позже отклонился от своей первоначальной цели.

В 1229 году Немецкий Орден начал завоевание Пруссии для обращения в христианство прибалтийских язычников и подготовки немецкой колонизации. Одна группа вступила на планету Господа на этом ярусе либо благодаря случайности, что казалось маловероятным, либо потому, что Господь преднамеренно открыл для них Врата или силой вынудил их войти.

Что бы ни было причиной, тевтонцы покорили аборигенов и установили общество, подобное тому, какое они оставили на Земле. Оно, конечно, изменилось как из-за естественной эволюции, так и из-за желания Господа смоделировать его по собственному вкусу. Первоначальное королевство, или Гроссмейстерство, разбилось на множество независимых королевств. Они, в свою очередь, состояли из мало связанных между собой баронств и множества незаконных или разбойничьих баронов. Еще одним аспектом этого плато было государство Идше.

Его основатели миновали Врата немногим раньше Тевтонских Рыцарей. Опять же оставалось неизвестным, прошли они случайно, либо по замыслу Господа. Множество говоривших на идише жителей Германии обосновалось в восточном конце плато. Будучи первоначально купцами, они стали хозяевами туземного населения. Они также приняли феодально-рыцарскую организацию Тевтонского Ордена, просто вынуждены были так поступить, чтобы выжить. Именно это-то государство и поминал рыцарь.

Думая об этом, Вольф невольно рассмеялся. Опять же могло быть случайностью, что немцы вступили на уровень, где уже существовал архаически-семитский Хамшем и где их современниками были презренные иудеи. Но Вольфу думалось, что он видит за этим ироническое лицо Господа, с ухмылкой наблюдающего за созданной ситуацией.

На самом же деле в Дракландии не было ни христиан, ни иудеев. Хотя обе веры все же сохранили свои первоначальные названия, та и другая порядком извратились.

Местный Господь занял место Яхве и Готта, но к нему обращались, используя именно эти имена. Последовали и другие изменения в теологии: церемонии, ритуалы, заповеди.

Путь Вольфа пролегал через владения барона фон Элгерса. Это был приличный крюк, но, после убийства рыцаря, он должен был избегать больших дорог и населенных деревень. Весь округ искал его, повсюду шныряли люди с собаками. Каменистые холмы, отмечавшие границу, явились его спасением, и именно туда он устремился.

Два дня спустя он добрался до места, где мог спуститься, не попадая в пределы сюзеренства фон Лаурентиуса. Съезжая с крутого, но не очень высокого холма, он завернул за угол. Перед ним расстился широкий луг с бегущей по нему речушкой. На противоположных концах его были разбиты два лагеря. В центре каждого лагеря, вокруг нарядных, украшенных флагами и вымпелами шатров, располагалось множество небольших палаток. Люди на лугу разделились на две группы. Каждая из них следила за своим паладином, а также за его противником, которые атаквали друг друга с копьями наперевес. В тот момент, когда Вольф увидел их, рыцари со страшным лязгом скрестили свои копья на середине поля. Один из них был отброшен назад копьем, врезавшимся в его щит

с огромной силой. Но и силач, однако, тоже потерял равновесие и с грохотом упал несколько секунд спустя.

Вольф изучал открывшуюся его взору сцену. Это не был обыкновенный рыцарский турнир. Отсутствовали крестьяне и горожане, которым полагалось бы толпой обступить арену боя. Не было построенного на скорую руку стадиона с ярко разодетой знатью. Это было пустынное место рядом с дорогой, где паладины разбивали свои шатры и вызывали на бой всякого благородного по происхождению проезжающего мимо путника.

Вольф осторожно спустился с холма. Хотя он и находился на виду у тех, кто был внизу, он не думал, что они проявят в такое время интерес к одинокому путешественнику. И оказался прав. На него не обратили никакого внимания. Он смог подойти к краю луга и понаблюдать, не торопясь.

Флаг над шатром слева от него демонстрировал желтое поле со звездой Соломона. По этому признаку он понял, что здесь разбил свой лагерь паладин из страны Идше.

Национальный флаг Тевтонии имел зеленый цвет с изображением рыбы и ястреба. В другом лагере реяло несколько государственных и личных вымпелов. Один из них бросился в глаза Вольфу и заставил его вскрикнуть от удивления. На белом поле была изображена рыжая ослиная голова с рукой, пальцы которой были сложены в виде фиги. Кикаха однажды рассказывал ему о своем гербе, и Вольфа это здорово рассмешило в свое время. Это было так похоже на Кикаху — выдумать себе такой герб.

Тут Вольф отрезвел, понимая, что скорее всего, его носил человек, заботившийся о территории Кикахи в отсутствие сюзерена.

Он изменил свое решение проехать мимо поля. Он должен был удостовериться в том, что пользовавшийся этим знаменем человек — не Кикаха, хотя и знал, что кости его друга, должно быть, гниют под кучей земли на дне шахты в разрушенном городе посреди джунглей.

Никем не остановленный, он проложил себе дорогу через поле в западный конец лагеря. Ратники и слуги уставились было на него, но только для того, чтобы отвернуться под его грозным взглядом. Кто-то пробурчал: "идишский пес", но никто не сознался в авторстве этого изречения, когда он обернулся. Он обошел привязанных к столбу лошадей и приблизился к рыцарю с заинтересо-

вавшим его вымпелом. Тот был облачен в сверкавшие красные доспехи с опущенным забралом и держал стоймя огромное копье, дожидаясь своей очереди. На копье развивался примечательный вымпел.

Подойдя, Вольф выкрикнул по-немецки:

— Барон фон Хорстман?

Послышалось приглушенное восклицание, пауза, и рука рыцаря подняла забрало.

Вольф чуть не задохнулся от радости. Из шлема выглядывало веселое длинногубое лицо Финнегана-Кикахи-фон Хорстмана.

— Ничего не говори, — предостерег его Кикаха. — Не знаю как ты, черт возьми, нашел меня, но я, разумеется, этому очень рад. Я увижусь с тобой через минуту. То есть, если останусь жив. Этот фунем Лаксфальк — довольно-таки крепкий парень.

Глава 12

Запели трубы. Кикаха выехал на указанное герольдом место. Бритоголовый священник в длинной рясе благословил его, в то время как на другом конце поля равнин что-то говорил его сопернику. Барон фунем Лаксфальк, идишский паладин, был рослым человеком, одетым в серебристого цвета доспехи и в шлем в виде рыбьей головы. Он гарцевал на огромном могучем черном жеребце. Трубы грянули вновь. Соперники наклонили копья, приветствуя друг друга. Кикаха на секунду переложил копье в левую руку, перекрестившись правой. Он был ярым сторонником соблюдения религиозных правил народа, среди которого ему случалось в данный момент находиться.

Еще раз призывно прокатился гром длинных, с большими мундштуками труб, раздались крики поощрения со стороны зрителей, и противники съехались точно в центре поля, а их копья с силой ударились о щиты.

Оба упали с грохотом и лязгом, вспугнувшим птиц с ближайшего дерева, как уже вспугивали их несколько раз в этот день. Кони покатались по земле.

Оруженосцы обоих рыцарей выбежали на поле помочь своим хозяевам и уволочь коней, повредивших шеи. На мгновение Вольф подумал, что идше и Кикаха убиты, потому что ни тот, ни другой не подавали признаков жизни. Однако, когда Кикаху принесли обратно в лагерь, он поднялся, слабо усмехнулся и сказал:

— Ты бы посмотрел, что с этим...

— С ним все о'кей,— ответил Вольф.

— Очень жаль, — проговорил Кикаха. — Я надеялся, что он больше не причинит нам хлопот. Он и так чересчур уж задержал меня.

Кикаха велел выйти из шатра всем, кроме Вольфа. Вассалы, казалось, не хотели покидать его, но подчинились, подозрительно поглядывая на Вольфа. Кикаха расказал:

— Я держал путь из своего замка в замок Элгерса, когда проезжал мимо шатра фунема Лаксфалька. Будь я один, я бы показал ему нос в ответ на его вызов и поскакал бы дальше. Но вокруг сновали тевтоны, и я должен был подумать о собственных вассалах. Я не мог позволить себе обрести репутацию труса. Мои же ратники забросали бы меня гнилой капустой, и мне пришлось бы драться с каждым рыцарем в этой стране, чтобы доказать свою смелость. Я считал, что мне не потребуется слишком много времени, чтобы доказать этому идше, кто из нас сильнее. Но вышло иначе. Герольды записали меня на позицию номер три. Это означало, что за три дня я должен был встретиться в поединке с тремя противниками, прежде чем доберусь до большой игры. Я протестовал, но безрезультатно. Поэтому я лишь выругался про себя и засучил рукава. Ты видел мою вторую схватку с фунем Лаксфальком. В первый раз мы тоже вышибли друг друга из седел. Но и это больше, чем сделали другие. Они так и кипят, потому что этот идше нанес поражение всем тевтонам, кроме меня. Помимо этого, он уже убил двоих, а одного искалечил на всю жизнь.

Слушая Кикаху, Вольф снимал с него доспехи. Кикаха вдруг сел, постанывая и морщась, а потом осведомился:

— Эй, а как ты, черт возьми, попал сюда?

— По большей части на своих двоих. Но я считал, что ты погиб.

— Это могло стать вполне вероятным. Свалившись в ту шахту, я приземлился на полдороге на земляном карнизе. Он обломился и вызвал небольшой обвал, засыпавший меня уже после приземления на дно. Но я пробыл без сознания недолго, и земля только слегка накрыла меня, так что я не задохнулся. Некоторое время я лежал тихо, потому что шолкины заглядывали в эту яму. Они даже бросили вниз копье, но оно пролетело мимо на расстоянии кротиного волоска. Через пару часов я начал выкапываться. Прямо скажу, я здорово попотел. Земля продолжала обваливаться, и я все время падал обратно. Это заняло у

меня, должно быть, часов десять, но все же я выбрался. А теперь скажи, как ты попал сюда?

Вольф рассказал ему. Кикаха нахмурился и произнес:

— Значит, я был прав, считая, что Абиру по пути заедет к фон Элгерсу. Слушай, мы должны уходить отсюда, и быстрее. Как тебе понравится схватиться с этим здоровяком-идше?

Вольф возразил, что он ничего не смыслит в правилах турниров, и что на усвоение этих правил ему потребуется целая жизнь. Кикаха возразил:

— Если бы ты собирался преломить с ним копье, то был бы прав. Но мы вызовем его состязаться на мечах без щитов. Фехтование на мечах — не совсем то, что поединок на рапирах или саблях. Здесь главную роль играет сила, а именно ее-то у тебя в достатке.

— Я же не рыцарь. Другие видели, как я пришел, словно простой бродяга.

— Чепуха! Ты думаешь, что дворяне не разгуливают, замаскировавшись? Я скажу им, что ты сарацин, язычник, хамшем, но мой настоящий добрый друг. Я, мол, спас тебя от дракона или какая-нибудь подобная сказка про белого бычка. Они ее проглотят! Придумал! Ты — Сарацин Вольф. Есть знаменитый рыцарь с таким именем. Ты путешествовал, переодевшись, надеясь найти меня и отблагодарить за избавление от дракона. Я слишком изможден, чтобы преломить еще одно копье с фуном Лаксфальком. Это уже не ложь. Я так ослаб и измотан, что едва могу двигаться, и ты поднимешь перчатку за меня.

Вольф спросил, какой ему выбрать предлог для отказа от копья.

— Я им расскажу какую-нибудь байку. Скажем, вороватый рыцарь похитил твое копье, и ты поклялся никогда не пользоваться другим, пока не вернешь украденное. Они это поймут. Они всегда дают какой-нибудь столь же дурацкий обет и ведут себя точь-в-точь как компания рыцарей Круглого Стола короля Артура. На Земле таких дурней никогда не существовало, но Господу, должно быть, доставляло удовольствие заставлять их вести себя так, словно они только что прискакали из Камелота. Он был романтиком, наш Господь, что бы там о нем ни говорили.

Вольф сказал, что не горит желанием драться, но, если это ускорит их отправку к фон Элгерсу, готов сделать что угодно.

Доспехи Кикахи были ему маловаты, поэтому для него доставили доспехи идишского рыцаря, убитого ранее. Слуги облачили Вольфа в синие латы и кольчугу и подвели к лошади. Это была прекрасная кобыла светло-соловой масти, также принадлежавшая убитому Кикахой рыцарю Риттеру фон Ройтфельду. С некоторым трудом Вольф сел на лошадь. Он ожидал, что доспехи окажутся столь тяжелыми, что его придется поднимать в седло с помощью крана. Кикаха сообщил, что некогда здесь бывало и такое, но с тех пор рыцари давно уже вернулись к более легким латам, а чаще всего надевали кольчугу.

Явился идишский посредник, заявивший, что фунем Лаксфальк принял вызов, несмотря на отсутствие у Сарацина Вольфа рекомендаций. Если доблестный и почтенный барон-разбойник Хорст фон Хорстман ручался за него, этого было достаточно для фунем Лаксфалька. Вся эта речь была просто формальностью. Идишский паладин и не думал отвергать вызов.

— Сохранение чести здесь большое дело, — пояснил Вольфу Кикаха и, хромая, вышел из шатра, давая своему другу последние наставления: — Я рад, что ты появился, старина. Я не смог бы выдержать еще одно падение, но и не посмел бы отступить.

Снова взревели трубы. Соловая кобыла и вороной конь устремились навстречу друг другу. Съехавшись, всадники взмахнули мечами и скрестили их. По руке Вольфа пробежал парализующий шок. Однако, развернув свою лошадь, он увидел, что меч противника лежал на земле. Идше спешил, чтобы добраться до своего меча раньше Вольфа. Он так спешил, что поскользнулся и растянулся на земле.

Вольф медленно подъехал к нему на лошади и не торопясь спешил, давая противнику время прийти в себя.

При этом рыцарском поступке оба лагеря разразились одобрительными криками. По правилам Вольф мог остаться в седле и зарубить фунем Лаксфалька, не дав ему подобрать оружие.

Оба пешие, они встали лицом к лицу. Идишский рыцарь поднял забрало, открыв красивое лицо с густыми усами и бледно-голубыми глазами.

— Умоляю вас позволить мне увидеть ваше лицо, сударь, — сказал он. — Вы — истинный рыцарь, ибо не убили меня, пока я оставался беспомощным.

Вольф на несколько секунд поднял забрало. Затем оба двинулись друг на друга и снова скрестили клинки. Удар

Вольфа вновь оказался столь мощным, что выбил меч из руки соперника.

Фунем Лаксфальк поднял забрало, на этот раз левой рукой.

— Я не могу шевельнуть правой рукой, — сказал он. — Не разрешите ли вы мне воспользоваться левой?

Вольф отдал мечом честь и отступил. Его противник ухватился покрепче за длинную рукоять меча и, шагнув вперед, изо всех сил обрушил его сбоку на Вольфа.

Но вновь сокрушительный удар Вольфа выбил у идше меч.

Фунем Лаксфальк в третий раз поднял забрало.

— Вы паладин, какого я еще никогда не встречал. Мне крайне неприятно признать это, но вы нанесли мне поражение, а это нечто такое, чего я никогда не говорил, да и не предполагал, что скажу. Вы обладаете силой самого Господа.

— Вы можете сохранить свою жизнь, свою честь, а также доспехи и коня, — ответил Вольф. — Я только хочу, чтобы мне и моему другу фон Хорстману позволили ехать дальше без новых вызовов на поединок. У нас назначена важная встреча.

Идше согласился. Вольф вернулся в свой лагерь, радостно приветствуемый там даже теми, кто считал его хамшемским псом. Ликующий Кикаха приказал сворачивать лагерь. Вольф спросил его, не думает ли он, что не связанные свитой, они смогут передвигаться намного быстрее.

— Разумеется, но так обычно не делается, — ответил Кикаха. — Впрочем, ты прав. Я отошлю их домой. И мы снимем эти проклятые локомотивные латы.

Они не успели далеко отъехать, как услышали стук копыт. Следом за ними по дороге скакал фунем Лаксфальк, тоже без доспехов. Они остановились, поджидая его.

— Благородные рыцари, — проговорил он улыбаясь. — Я знаю, что вы кого-то ищете. Не будет ли слишком смелым с моей стороны попросить вашего разрешения присоединиться к вам? Я бы счел это большой честью. Я считаю, что только помогая вам, я могу искупить свое поражение.

Кикаха посмотрел на Вольфа и сказал:

— Решать тебе. Но мне нравится его стиль.

— Обязуетесь ли вы помогать нам в чем бы то ни было? Конечно, покуда это не роняет рыцарской чести. Мы можем в любое время освободить вас от клятвы, но вы долж-

ны поклясться всем что для вас свято, что никогда не станете помогать нашим врагам.

— Клянусь кровью Бога и бородой Моисея!

Той ночью, пока они разбивали лагерь в зарослях возле ручья, Кикаха заметил:

— Есть одна проблема, которую может осложнить присоединение к нам фуnem Лаксфалька. Мы должны смыть краску с твоей кожи, и борода тоже должна исчезнуть — иначе, если мы наткнемся на Абиру, он опознает тебя.

— Одна ложь всегда приводит к другой, — спокойно рассудил Вольф. — Ну скажи ему, что я младший сын барона, который прогнал меня из-за того, что меня оклеветал ревнивый брат. С тех пор я путешествовал, переодевшись сарацином. Но я намерен вернуться в замок отца — он уже умер — и вызвать своего брата на поединок.

— Замечательно! Ты — второй Кикаха! Но что будет, когда он узнает про Хрисеиду и рог?

— Что-нибудь придумаем. Может быть, скажем ему правду. Он всегда может отступить, когда узнает, что мы замахнулись на самого Господа.

На следующий день они скакали, пока не добрались до деревни Этцельбранд. Здесь Кикаха приобрел какие-то химикалии у местного белого мага и сделал необходимые приготовления к удалению краски. Едва выехав из деревни, они остановились у ручья. Фуnem Лаксфальк сначала с интересом, а затем и с удивлением наблюдал, как исчезла борода, а вслед за ней и краска.

— Божьи глаза! Вы были хамшемом, а теперь можете сойти за идше!

Тут Кикаха пустился в длинное, со множеством подробностей повествование, где Вольф выступил в роли внебрачного сына идшской незамужней дамы и странствующего тевтонского рыцаря. Рыцарь, Роберт фон Вольфрам, остановился в идшском замке после того, как покрыв себя славой на турнире. Он и девушка полюбили друг друга. Когда рыцарь уехал, дав обет вернуться по завершении своих странствий, он оставил Ривке беременной. Но фон Вольфрам погиб, и девушка была вынуждена родить юного Роберта в бесчестии. Отец выгнал ее из дому и отправил в маленькую хамшемскую деревушку жить там до конца дней. Девушка умерла во время родов, но старый верный слуга открыл ему тайну рождения. Юный бастард поклялся, что, став мужчиной, отправится в замок родичей своего отца и предъявит права на свое законное наследство.

Отец Ривке уже умер, но замком завладел его брат, злой старик.

Роберт намеревался вырвать у него баронство, если не получит его добром. Под конец повести на глаза фунем Лаксфалька навернулись слезы.

— Я отправляюсь с тобой, Роберт, и помогу тебе в борьбе против твоего злого дяди. Таким образом я смогу искупить свое поражение, — заявил он.

Позже Вольф упрекнул Кикаху за сочинение такой фантастической повести, да еще настолько детальной, что он мог легко наделать ляпов. Более того, ему не нравилось обманывать такого человека, как этот идишский рыцарь.

— Чепуха! Ему нельзя рассказать всей правды, а легче выдумать полную ложь, чем полуправду. Кроме того, посмотри, он даже малость прослезился. Я же, “Кикаха-обманщик”, создатель фантазий и реальностей. Я — человек, которого не могут удержать границы. Я шныряю от одной к другой. Финнеган здесь, Финнеган там. Я кажусь погибшим и все же я снова возникаю живой, ухмыляющийся и невредимый! Я быстрее людей, которые сильнее меня, и сильнее тех, кто быстрее! Мало чему храню я верность, но уж храню нерушимо! Я любимец женщин, куда бы ни направлялся, и много слез проливается, когда я ускользаю в ночи, как рыжий призрак. Но слезы могут удержать меня не больше, чем цепи. Я исчезаю прочь, и немногие знают, где я появлюсь вновь, и каким будет мое имя. Я — овод Господень. Он не может спать по ночам оттого, что я ускользаю от его Очей-воронов и его охотников-гворлов.

Кикаха остановился и принялся громко хохотать.

Вольф невольно усмехнулся в ответ. Манера Кикахи ясно давала понять, что он смеялся над собой. Однако он наполовину верил в сказанное, да почему бы и нет? То, что он сказал, не было значительным преувеличением.

Вдруг у Вольфа возникло одно предположение, заставившее его невольно вздрогнуть. А не является ли Кикаха самым замаскированным Господом? Он мог развлекаться, бегая и с зайцем, и с гончими. И что может быть лучшей забавой для Господа, вынужденного искать далеко и глубоко что-либо новенькое с целью разогнать скуку? В Кикахе было много загадок. Внимательно вглядываясь в лицо друга, Вольф почувствовал, что его сомнения испаряются. Нет, это задорное лицо не могло быть маской игравшего жизнями отвратительного холодного существа.

И потом, у Кикахи был бесспорно хужеровский* акцент и идиомы.

Мог ли Господь овладеть ими? Хотя, почему бы и нет? Кикаха столь же хорошо владел другими языками и диалектами.

Эти мысли не покидали Вольфа весь долгий первый день пути. Но обед, выпивка и веселые шутки товарищей постепенно рассеяли их, а укладываясь спать, он забыл все свои сомнения. Трое спутников остановились в таверне в деревне Гназельшист и с аппетитом поужинали.

Вольф и Кикаха вдвоем умяли зажаренного поросенка. Фунем Лаксфальк, хотя он и брился и придерживался других либеральных взглядов относительно своей религии, от свинины отказался и поужинал телятиной. Все трое осушили по несколько кружек превосходного местного пива, а затем Вольф рассказал фунем Лаксфальку немного отредактированную историю поиска Хрисейды. "И в самом деле — благородный поступок", — согласился Лаксфальк. Затем все, пошатываясь, отправились спать.

Утром они двинулись через холмы самой короткой дорогой, сокращавшей путь на три дня, если они благополучно проберутся. Путники здесь были в диковинку, ибо в этом районе кишмя кишели разбойники и драконы. Друзья развили хорошую скорость, не встретив никаких лесных людей и только раз увидев дракона. Чешуйчатое чудище вылезло из канавы в пятидесяти ярдах впереди них, фыркнуло и исчезло в лесу на другой стороне дороги, ничуть не меньше их желая избежать стычки. Спускаясь с холмов на столбовую дорогу, Вольф заметил:

— За нами следует ворон.

— Да, я это знаю, но не волнуйся. Они здесь кружат повсюду. Я сомневаюсь в том, что они знают, кто мы такие, во всяком случае, надеюсь на это.

На следующий день они вступили на территорию комтура Трельна, а сутки спустя прибыли к замку Трегильн, средоточию власти барона Элгерса. Этот, самый большой из всех до сих пор виденных Вольфом замков, был построен из черного камня и расположен на вершине высокого холма в миле от города Трегильна.

В полных доспехах, крепко держа копыя со своими вымпелами, трое спутников храбро подъехали к окружавшему замок рву. Из маленького блокауза у рва вышел

* хужеры — уроженцы штата Индиана (прим.перев.)

привратник и вежливо осведомился о причинах их появления здесь.

— Передай благородному господину, что трое рыцарей, пользующихся доброй славой, будут его гостями, — сказал Кикаха. — Бароны фон Хорстман, фон Вольфрам и широко прославленный идишский барон фунем Лаксфальк. Мы ищем благородного вельможу, который нанял бы нас или отправил в рыцарский поиск.

Сержант крикнул капралу, и тот побежал через подъемный мост. Спустя несколько минут один из сыновей фон Элгерса, роскошно одетый юноша, выехал встретить их. На просторном внутреннем дворе Вольф увидел нечто, насторожившее его. Там слонялись или играли в кости несколько хамшемов и шолкинов.

— Они не узнают никого из нас, — успокоил его Кикаха. — Смелее! Если они здесь, значит Хрисеида и рог тоже тут.

Удостоверившись в том, что о лошадях хорошо позаботятся, они поднялись в отведенные им покои. Приняв ванну, друзья облачились в новые одежды яркого цвета, присланные им фон Элгерсом. Вольф заметил, что этот наряд немного отличается от одежд тринадцатого века. Единственные новации, как заверил его Кикаха, можно было проследить до влияния аборигенов.

К тому моменту, когда они вошли в огромный пиршественный зал, ужин уже был в полном разгаре. “Разгар” — тут самое подходящее слово, так как рев стоял оглушающий. Половина гостей пошатывалась, а другие даже не двигались, а просто храпели прямо за столом. Фон Элгерс сумел подняться и поздороваться с гостями. Он любезно извинился за то, что его застали в таком состоянии в столь ранний час.

— Мы несколько дней развлекали нашего хамшемского гостя. Он принес нам неожиданное богатство, и мы немного потратили его, отмечая это событие.

Он повернулся представить Абиру, но сделал это слишком резко и чуть было не упал. Абиру поднялся ответить на их поклон. Его черные глаза полоснули по ним, словно острие меча. Улыбка его была широкой, но механической. В отличие от других, он казался трезвым. Трое рыцарей заняли места поблизости от хамшема, так как занимавшие их прежде отправились под стол. Абиру, казалось, не терпелось поговорить с ними.

— Если вы ищете службу, то вы на правильном пути. Я плачу барону за сопровождение меня в глубь страны, но

я всегда могу найти применение лишним мечам. Дорога к моей цели длинна и трудна и сопряжена со многими опасностями.

— И где же цель вашего пути? — спросил Кикаха.

Никто, глядя на него со стороны, не подумал бы, что он испытывает к Абиру больше чем праздный интерес, ибо он жадно рассматривал белокурую красавицу за столом напротив.

— В этом нет никакого секрета, — ответил Абиру. — Владыка Кранзелькрахта, говорят, очень странный человек, но говорят также, что он богаче, чем сам Гроссмейстер Тевтонский.

— Я это знаю наверняка, — подтвердил Кикаха. — Я бывал там и видел его сокровища. Говорят, что много лет назад он дерзнул вызвать недовольство Господа и поднялся по великой горе на ярус Атлантиды. Он ограбил сокровищницу самого Радаманта и смылся с целым мешком драгоценных камней. С тех пор фон Кранзелькрахт увеличил свое богатство, завоевывая соседние государства. Говорят, что Гроссмейстер этим обеспокоен и думает организовать против него крестовый поход. Гроссмейстер утверждает, что он, мол, еретик. Но если бы он им был, разве Господь не поразил бы его давным-давно своей молнией?

Абиру склонил голову и коснулся лба кончиками пальцев.

— Пути Господни неисповедимы. Да и кто, кроме Господа, знает истину? В любом случае я везу своих рабов и еще кое-что в Кранзелькрахт. Я надеюсь получить огромную прибыль от этого предприятия, и рыцари, которые достаточно храбры, чтобы разделить его со мной, получат много золота, не говоря уже о славе.

Абиру замолк, чтобы отхлебнуть из стакана, и Кикаха сквозь зубы бросил Вольфу:

— Этот человек — лжец не меньший, чем я. Он намерен использовать нас, чтобы добраться до самого Кранзелькрахта, который находится неподалеку от подножия монолита. А потом он заберет Хрисеиду и рог в Атлантиду, где ему должны отвалить за них целый дом золота и алмазов. То есть игра его даже тоньше, чем я вначале думал.

Он поднял свою кружку и долго осушал ее, или делал вид.

— Будь я проклят, если в этом Абиру нет чего-то мне знакомого! У меня возникло это странное ощущение, ког-

да я увидел его в первый раз, но потом я был слишком занят, чтобы думать об этом. Теперь же я твердо знаю, что уже встречал его прежде.

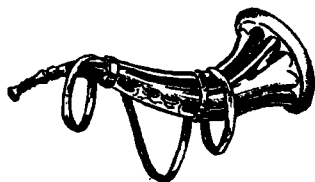
Вольф ответил, что в этом нет ничего удивительного. Сколько лиц он перевидал за свои двадцатилетние странствия!

— Может, ты и прав, — пробормотал Кикаха. — Но мне кажется, что у меня было с ним какое-то шапочное знакомство. Я очень хотел бы соскрести его бороду.

Абиру поднялся и, извинившись, вышел из-за стола, сказав, что настал час молитвы Господу и его личному божеству Тартарту, а после отправления обрядов он вернется. На это фон Элгерс жестом подозвал двух ратников и приказал им сопровождать гостя до его покоев и позаботиться о его безопасности. Абиру поклонился и поблагодарил за заботу.

От Вольфа не ускользнуло, что стояло за вежливостью барона. Он не доверял хамшему, и Абиру знал об этом. Фон Элгерс, несмотря на опьянение, отлично сознавал что происходит и замечал все из ряда вон выходящее.

— Да, ты прав насчет него, — подтвердил его мнение Кикаха. — Он очутился там, где находится, не потому что поворачивался к врагам спиной. И постарайся скрыть свое нетерпение, Боб. У нас впереди долгое ожидание. Прикинься пьяным, сделай несколько пассов дамам. Тебя сочтут ненормальным, если ты этого не сделаешь. Но не уходи отсюда. Мы должны оставаться на виду друг у друга, чтобы суметь уйти вместе, когда это потребуется.

Глава 13

Вольф выпил достаточно для того, чтобы немного снять напряжение последних дней. Он даже принялся болтать с госпожой Алисон, женой барона Венцельбрехта.

Темноволосая и голубоглазая женщина величавой красоты была одета в облегающее белое парчовое платье с таким глубоким декольте, что ей бы полагалось быть вполне довольной его возбуждающим воздействием на мужчин, но она не переставала ронять веер и поднимать его сама. В любое другое время Вольф был бы непрочь нарушить с нею свое вынужденное воздержание. Было очевидно, что у него не возникло бы с этим никаких затруднений, так как она была польщена тем, что сам великий Вольфрам заинтересовался ею. Она слышала о его победе над Лаксфальком. Но он мог думать только о Хрисеиде, которая должна была находиться где-то здесь, в замке. Никто не упомянул о ней, а сам он не решился выпрашивать. И все же у него язык чесался от такого желания. Несколько раз его приходилось буквально прикусывать, чтобы не дать сорваться вопросу.

Вскоре — и как раз в самое нужное время, поскольку Вольф уже не мог пропускать мимо ушей смелые намеки Алисон — ему пришел на выручку Кикаха. Он привел с собой мужа Алисон, чтобы дать Вольфу резонный предлог покинуть ее. Позже Кикаха признался, что он уволок Венцельбрехта от другой дамы под тем предлогом, что супруга якобы потребовала его возвращения. Кикаха с Вольфом ушли, предоставив оступевшему от пива барону объяснить, что именно ему от нее понадобилось. Поскольку ни

он, ни жена этого не знали, у них должен был произойти забавный, хотя и несколько путанный диалог.

Вольф жестом предложил Лаксфальку присоединиться к ним. Все трое прикинулись бредущими, пошатываясь, в туалет. Скрывшись из поля зрения пирующих, они поспешили вперед по коридору, удаляясь от своей предполагаемой цели. Они без помех одолели четыре лестничных марша. Все их оружие составляли кинжалы, так как являться на пир при мечах и в доспехах считалось оскорблением. Вольф, однако, сумел отвязать длинный шнур от штора в своих покоях и обмотал его вокруг талии под рубашкой.

— Я подслушал о чем Абиру говорил со своим помощником Рамнишем, — сказал идишский рыцарь. — Они говорили на торговом языке хвайжум, не зная, что я путешествовал по реке Гузирит в районе джунглей. Абиру спросил Рамниша, выяснил ли он, куда фон Элгерс забрал Хрисеиду. Рамниш ответил, что он потратил немало золота и времени на разговоры со слугами и часовыми. Все, что он смог выяснить, — это то что она находится в восточной стороне замка. Гворлы, кстати, сидят в подземной темнице.

— Зачем бы фон Элгерсу отбирать у него Хрисеиду? — не понял Вольф. — Разве она не собственность Абиру?

— Может быть, у барона имеются касательно нее свои планы, — предположил Кикаха. — Если она столь прекрасна, как ты говоришь...

— Мы должны найти ее!

— Не горячись, найдем. Осторожно, в конце коридора часовой. Идем дальше, притворяйтесь пьяными.

Часовой поднял копьё, когда они приблизились к нему. Вежливым, но твердым голосом он сообщил, что они должны повернуть обратно, ибо барон запретил всем под страхом смерти проходить дальше.

— Ладно, — заплетающимся языком произнес Вольф.

Он вроде бы повернул, а затем внезапно прыгнул на часового и ухватился за копьё. Прежде чем пораженный охранник смог позвать на помощь, Вольф прижал его к двери и приставил к горлу копьё. Он сильно надавил на него, и глаза караульного полезли из орбит, лицо побавровело, а затем посинело. Минуту спустя он рухнул мертвым.

Идше отволол тело вперед по коридору и упрятал его в боковую комнату. Вернувшись, он доложил, что оставил труп за большим сундуком.

— Очень жаль, — весело отозвался Кикаха. — Может он был неплохим парнем. Но если нам придется отбиваться, у нас на одного врага будет меньше.

У покойника, однако, не обнаружилось ключа от загадочной двери.

— Вероятно, фон Элгерс — единственный человек, у которого он есть. Мы поднимем большой тарарам, если попытаемся отобрать у него ключ, — сказал Кикаха. — Ладно. Пойдем в обход.

Он повел их обратно по коридору в другую комнату. Там они перелезли через высокое заостренное кверху окно. За карнизом находилась серия выступов, камней, вырезанных в форме драконьих голов, бесов, кабанов. Эти фигуры отнюдь не гарантировали легкий подъем, но храбрый или отчаянный человек сумел бы взобраться по ним. В пятидесяти футах под ними тускло поблескивала в свете факелов подъемного моста вода, заполнявшая ров. К счастью, луну закрыли густые черные облака, не позволявшие видеть влетающих снизу.

Кикаха смотрел на Вольфа, цепляющегося за каменную химеру и стоящего одной ногой на змеиной голове.

— Эй, я забыл тебе сказать, что барон держит во рву водяных драконов. Они не очень крупные, всего около двадцати футов длиной, и у них нет ног. Но они всегда голодные.

— Бывают моменты, когда я нахожу твой юмор безвкусным, — сердито отозвался Вольф. — Пошел!

Кикаха тихо рассмеялся и продолжал подниматься; Вольф последовал за ним после того, как, взглянув вниз, удостоверился, что у идше все идет как надо.

Кикаха остановился и сообщил:

— Здесь есть окно, но оно зарешечено. Я не думаю, что внутри кто-то есть. Там очень темно.

Кикаха снова продолжил подъем. Вольф остановился и заглянул в окно. Там было темно, как в глубине рыбьего глаза. Он просунул руку сквозь прутья и пошарил вокруг, пока его пальцы не наткнулись на свечу. Осторожно вынув из подсвечника, он протащил ее через решетку. Держась одной рукой за стальной прут, он некоторое время висел, пытаясь достать другой рукой спички из маленькой сумки на поясе.

— Что ты там застрял? — поинтересовался сверху Кикаха.

Вольф объяснил ему, но Кикаха возразил:

— Я несколько раз произнес имя Хрисеиды. Там никого нет. Не теряй время!

— Я хочу убедиться в этом до конца.

— Ты слишком дотошный. Обращаешь много внимания на детали. Если хочешь срубить дерево, надо отсекай щепу побольше. Лезем дальше!

Не отвечая, Вольф чиркнул спичкой. Она вспыхнула и чуть не погасла на ветру, но он сумел быстро просунуть ее в окно. Этот слабый огонек осветил спальню без всяких признаков обитания.

— Удовлетворен? — донесся до него приглушенный голос Кикахи. — У нас есть еще один шанс — сторожевая башня. Если и там никого нет... В любом случае я не знаю, как... уф!

Потом Вольф был благодарен тому, что так не хотел расстаться с надеждой увидеть Хрисеиду в этой комнате. Он дал спичке догореть, пока она не обожгла ему пальцы, и только тогда выпустил ее. Сразу же после этого и приглушенного восклицания Кикахи его сильно ударило падавшее сверху тело.

Несколько секунд Кикаха, дрожа, цеплялся за него, а затем глубоко вздохнул и возобновил подъем. Ни тот, ни другой не сказали ни слова при этом, но оба знали, что если бы не упрямство Вольфа, то падение Кикахи сбilo бы и Вольфа с ненадежной опоры, которой являлись каменные химеры.

Сторожевая башенка находилась примерно на трети пути вверх по стене, выступая из стены далеко наружу, и из ее крестообразного окна лился свет. Стена на небольшом расстоянии вокруг была лишена всяких украшений.

Снизу донесся шум. Вольф остановился и посмотрел вниз на подъемный мост, решив, что их заметили. Однако, хотя на подъемном мосту и прилегавшей территории было много ратников и гостей, причем многие с факелами, ни один из них не заметил верхолазов. Они, казалось, искали кого-то в кустах и в лесу среди деревьев.

Вольф подумал, что они, вероятнее всего, обратили внимание на их отсутствие и нашли тело часового, так что теперь придется вырываться отсюда с боем. Но сначала нужно найти и освободить Хрисеиду, потом будет время подумать о битве.

Сверху его окликнул Кикаха. Голос его был таким взволнованным, что Вольф понял — он что-то обнаружил. Он быстро вскарабкался, быстрее, чем разрешал здравый смысл. Необходимо было влезть по одной стороне башен-

ки, так как нижняя ее сторона выступала наружу под углом. Кикаха лежал на плоской вершине башенки и пытался дальше отодвинуться от края.

— Тебе придется перевернуться вверх ногами, чтобы заглянуть в окно, Боб. Она там. Но окно слишком узкое, чтобы пролезть внутрь или выбраться наружу.

Вольф свесился через край башенки, в то время как Кикаха обхватил его за ноги. Он свисал все дальше и дальше над черным рвом, и, если бы Кикаха не держал его, давно бы сорвался. И вдруг щель в камне открыла ему прекрасное лицо Хрисеиды. Она улыбалась, но по ее щекам катились слезы.

Потом он не мог точно вспомнить, что они сказали друг другу в первый момент, так как был сильно взволнован. Вольф только чувствовал, что мог бы говорить вечно, и протянул руку, пытаясь коснуться ее ладони. Она прижималась к каменному проему окна, тщетно пытаясь дотянуться до него.

— Ничего, Хрисеида, — ободрил он ее. — Главное, что мы здесь. И не уйдем, пока не вырвем тебя отсюда, клянусь в этом!

— Спроси ее, где рог, — вмешался Кикаха.

Услышав его, Хрисеида ответила:

— Я не знаю, но думаю, что он у фон Элгерса.

— Он тебя беспокоил? — свирепо спросил Вольф.

— Пока нет, но я не знаю, долго ли придется ждать, прежде чем он потащит меня в постель, — ответила она. — Он медлит только потому, что не хочет сбивать мою цену. Он говорит, что никогда прежде не видел такой женщины, как я.

Вольф выругался, а затем рассмеялся. Это было похоже на нее — говорить вот так откровенно, поскольку в мире Сада самовосхваление было естественным.

— Кончай дурацкую болтовню, — разозлился Кикаха. — Для этого еще будет время, когда мы ее вызволим.

Хрисеида по возможности сжато и ясно отвечала на вопросы Вольфа. Она описала путь в свою комнату, но не знала, сколько часовых было расставлено за дверью или по дороге.

— Я знаю то, чего не знает барон, — сказала она. — Он думает, что Абиру везет меня к фон Кранзелькрахту, но мне-то лучше знать. Абиру намерен подняться на Дузвиллавалу в Атлантиду. Там он продаст меня Радаманту.

— Он никому тебя не продаст, потому что я убью его, — вскрипел Вольф. — Сейчас я должен уходить, Хрисеида, но скоро вернусь. И я приду не этим путем. Я люблю тебя.

Хрисеида заплакала.

— Я тысячу лет не слышала этих слов от мужчины! Ах, Роберт Вольф, я люблю тебя! Но я боюсь. Я...

— Ты не должна ничего бояться, — сказал Вольф. — В этом нет нужды, пока я жив, а умирать я не намерен.

Он дал указание Кикахе втащить его обратно на крышу. Поднявшись, он чуть не упал от головокружения, вызванного приливом крови к голове.

— Идше уже начал спускаться, — сказал Кикаха. — Я отправил его выяснить, сможем ли мы вернуться тем же путем, которым пришли, а также посмотреть, чем вызван этот шум внизу.

— Нашим исчезновением?

— По-моему, нет. Первое, что бы они сделали, это проверили бы комнату Хрисеиды, чего, как ты сам видел, пока не произошло.

Спуск проходил еще медленнее и опаснее, чем подъем, но они одолели его без особых происшествий. Фунем Лаксфальк ждал их у окна, через которое они вылезли на стену.

— Они нашли убитого часового, — сообщил он, — но поняли, что это наших рук дело. Гворлы вырвались на свободу из темницы и перебили много ратников, захватив оружие. Некоторые вырвались из замка, но многие еще здесь.

Все трое покинули комнату и быстро слились с людьми, занятыми поисками гворлов. У них не было ни малейшего шанса подняться по лестнице, в конце которой находилась комната, где была заточена Хрисеида, так как фон Элгерс, несомненно, распорядился усилить ее охрану.

Несколько часов они бродили по замку, знакомясь с его планировкой. Они заметили, что хотя побег гворлов несколько отрезвил тевтонов, они все еще были в состоянии опьянения. Вольф предложил вернуться в отведенные им покои и обговорить возможные планы. Может они смогут придумать что-нибудь разумное.

Их комната находилась на пятом этаже, окно которой было расположено значительно правее и ниже окна в башенке Хрисеиды. Чтобы добраться до своей комнаты, им пришлось пробираться сквозь толпу мужчин и женщин, безудержно болтавших что-то заплетающимися языками. Ключи от комнаты были только у них и у главного при-

вратника, но тот был слишком занят где-то в другом месте и явно ими не интересовался.

Стоило Вольфу шагнуть в комнату, как он понял, что тут побывали гворлы. В ноздри ему ударило затхлой вонью гнилых фруктов.

Он быстро подтолкнул спутников внутрь и запер за ними дверь, затем повернулся к ним с кинжалом в руке. Кикаха тоже, раздувая ноздри и сверкая глазами, сжимал в руке нож. Только фунем Лаксфальк не сознавал, что тут что-то не так, за исключением неприятного запаха.

Вольф шепотом объяснил ему. Идше подошел к стене, чтобы снять меч, но замер на полпути. Подставки для оружия были пусты.

Медленно Вольф прошел в другую комнату. Кикаха следовал за ним, держа факел. Пламя заколебалось и отбросило горбатые тени, заставившие Вольфа вздрогнуть. Он был уверен, что это гворлы.

— Они здесь, — тихо произнес Вольф, — или только что ушли. Но куда?

Кикаха показал на закрывавшие окно длинные шторы. Вольф приблизился к окну и начал резать красно-пурпурную бархатную ткань, но клинок рассекал лишь воздух и отскакивал от каменной стены. Кикаха резко отдернул шторы, там никого не было.

— Они выбрались через окно, — сказал идше, — но зачем?

В этот момент Вольф поднял глаза и выругался. Отступив назад, он поднял руку, указывая наверх.

Там, зацепившись ногами за тяжелый железный карниз штор, висели вверх тормашками два горла. В руках оба сжимали длинные окровавленные ножи, а в правой руке одного Вольф увидел рог.

В ту же секунду как твари поняли, что замечены, они тотчас же перекувырнулись и приземлились на пол. Тот, что был справа, нанес удар ногой. Вольф покачнулся и упал, но мгновенно вскочил, а Кикаха промахнулся, бросив нож. Зато гворл оказался более метким, и его нож угодил в руку Кикахе. Другой гворл метнул нож в Лаксфалька. Он ударился в идше со странным звуком, попав в район солнечного сплетения, и отскочил, упав на пол. Лаксфальк, немного согнувшись от силы удара, выпрямился, и сквозь порванную рубаху блеснула сталь легкой колючуги. В этот момент гворл с рогом исчез за окном.

Они бросились было за ним, но оставшийся гворл задержал их. Он снова сшиб Вольфа, на этот раз кулаком,

потом вихрем налетел на Кикаху, молотя кулаками, и отогнал его назад.

Идше с ножом в руке прыгнул на него и пырнул его в брюхо только для того, чтобы его схватили за запястье и вывернули так, что он закричал от боли, и нож выпал из его кулака.

Лежавший на полу Кикаха поднял ногу и врезал пятой гворла по голени. Тот упал, хотя и не ударился об пол, потому что его перехватил Вольф. Они кружились, сжав друг друга в объятиях. Оба пытались сдавить друг друга, переломать хребет. Дав гворлу подножку, Вольф сумел перебросить его через бедро. Оба упали на пол, при этом гворл оказался внизу. Падая, он ударился головой о пол и, по-видимому, был оглушен. Это дало Вольфу достаточно времени, чтобы крепко прижать к себе вонючую, волосатую, бугристую тварь и изо всех сил нажать на ее хребет. Слишком мускулистый и слишком толстостенный гворл устоял. К тому времени на него набросились с ножами двое остальных. Они несколько раз пырнули его и дальше продолжали бы свои попытки найти смертельную точку в жесткой хрящевой шкуре, не вели им Вольф немедленно прекратить.

Шагнув назад, Вольф выпустил гворла. Тот упал на пол, истекая кровью, с остекленевшими глазами. С минуту Вольф, забыв про него, высматривал в окно бежавшего с рогом. Отряд всадников с факелами прогремел через подъемный мост и удалился. Огонь осветил только гладь черной воды во рву, по стене никто не спускался. Вольф снова взглянул на лежащего гворла.

— Этого зовут Дискибибол, а другого Смил, — уведомил его Кикаха.

— Смил, должно быть, утонул, — сказал Вольф. — Даже умей он плавать, его должны были сцапать водяные драконы. Но он не уметь. — Вольф подумал о роге, лежавшем в иле на дне рва. — Никто не видел, как упал Смил, так что на некоторое время рог там в безопасности.

Но тут заговорил гворл. Говорил он по-немецки, хотя и не мог точно овладеть звуками. Его слова скрежестили в глубине горла.

— Вы умрете, человеки. Господь победит. Арвур — Господь. Ему не может нанести поражение такая падаль, как вы. Но прежде чем умереть, вы будете страдать, боль...

Он начал кашлять, харкая кровью, и вскоре скончался.

— Нам лучше избавиться от тела, — предложил Вольф. — Сложно объяснить рыцарям его присутствие здесь.

Он увидел из окна, что поисковая партия ускакала далеко по ведущей к городу дороге. В данную минуту на мосту никого не было. Он поднял тяжелый труп и вытолкнул из окна. Когда была перевязана рана Кикахи, Вольф и идше тщательно убрали все следы борьбы.

Только после того как они закончили, фуном Лаксфальк заговорил. Лицо его было бледным и мрачным.

— Это был рог Господа. Я настаиваю, чтобы вы рассказали мне, как он попал сюда и какова ваша роль в этом кошунстве.

— Да, теперь самое время рассказать всю правду, — заметил Кикаха. — Рассказывай ты, Боб. На сей раз я не испытываю желания ораторствовать.

Вольф был встревожен его состоянием. Кикаха был бледен, сквозь толстую повязку на руке проступала кровь. Но Вольф, собравшись с мыслями, рассказал идше все что мог. Рыцарь внимательно слушал, хотя и не мог удержаться от вопросов и ругательств, когда слышал что-нибудь особенно возмутительное.

— Клянусь Богом! — произнес он, когда Вольф остановился. — Эта повесть о другом мире заставила бы меня назвать вас лжецом, если бы раввины уже не рассказывали мне, что мои предки и предки тевтонов пришли именно из тех мест. И потом есть книга Второго Исхода, в которой говорится то же самое и утверждается, что Господь явился из другого мира. И все же я считал, что это сказки, пригрезившиеся святым людям, а ведь известно, что все они чуточку безумны. Мне и присниться не могло сказать об этом вслух, так как я не хотел быть побитым камнями за ересь. К тому же всегда есть сомнение, что они могут оказаться правдой. И Господь карает тех, кто отрицает его, в этом-то никаких сомнений нет. Теперь же вы ставите меня в положение, какому никто не позавидует. Я знаю вас обоих как самых храбрых рыцарей, каких мне когда-либо выпадало счастье встретить. Вы из тех людей, которые не станут лгать, в этом я готов поручиться своей жизнью. И ваша повесть столь же правдива, что и доспехи великого драконоборца фон Зильберберга. И все-таки я не знаю...

Он покачал головой.

— Пытаться вступить в цитадель самого Господа, нанести удар по Господу! Это пугает меня. Первый раз в

своей жизни я, Лейб фунем Лаксфальк, признаюсь в том, что мне страшно.

— Вы дали нам клятву, — сказал Вольф. — Мы освобождаем вас от нее, но просим, чтобы вы действовали так, как поклялись. То есть не рассказывали никому о нас и о нашем походе.

— Я не говорил, что брошу вас! — рассердился идше. — Я этого не сделаю, по крайней мере, сейчас. Существует нечто такое, что заставляет меня верить в вашу правдивость. Господь всемогущ, и все же его священный рог побывал и в ваших руках, и у гворлов, а Господь ничего не может предпринять. Наверное...

Вольф ответил, что у него нет времени ждать, пока тот примет решение. Рог должен быть возвращен именно сейчас, пока он рядом. И Хрисеиду надо освободить при первом же удобном случае. Они зашли в следующую комнату, где никто еще не поселился. Там они взяли три меча взамен своих, которые гворлы, должно быть, выбросили из окна в ров. Через несколько минут все трое были уже за пределами замка, изображая, что ищут в лесу гворлов. К тому времени большинство из вышедших на поиск тевтонов вернулись в замок.

Друзья подождали, пока отставшие ратники решат, что никаких гворлов поблизости нет, и, когда последние из них прошли через подъемный мост, погасили факелы. На другом конце моста в караульной остались двое часовых. Но они находились ярдах в ста от того места, где притаилась троица.

Кроме того, часовые бурно обсуждали события этой ночи.

— Рог должен находиться как раз под нашим окном, — вслух подумал Вольф. — Только...

— Водяные драконы.

Кикаха понял с полуслова.

— Они уволочут тела Смила и Дискибибола в свои логова, где бы те ни были. Но поблизости могут находиться и другие. Я бы нырнул, но моя кровотокающая рана сразу привлечет их.

— Я сам все сделаю, — проговорил Вольф.

И стал раздеваться.

— Ров глубокий?

— Узнаешь, — лаконично ответил Кикаха.

Вольф увидел что-то блеснувшее красным в отраженном свете факелов с моста. Он решил, что это глаза зверя.

Но в следующий миг что-то липкое и вязущее залепило Вольфу глаза, лишив его возможности видеть.

Он сопротивлялся, хоть и не знал, кем были напавшие на него. Но в любом случае не собирался звать обитателей замка на помощь. Каким бы ни был исход борьбы, это только его дело.

Чем резче он делал движения, тем туже облепляла его паутина-сеть. В конечном итоге, в бешенстве, тяжело дыша, он почувствовал, что беспомощен. И тогда послышался голос — низкий, скрипучий. Нож разрезал паутину, и в тусклом свете отдаленных факелов он увидел фигуры своих друзей, также обмотанные липкой сетью, и дюжину кривых силуэтов вокруг. Вонь гнилых фруктов была нестерпимой.

— Я — Гагрил, здрих'аг Аббакмунга. Вы — Роберт Вольф, а это — великий Кикаха. Третьего я не знаю.

— Барон фунем Лаксфальк, — процедил идше. — Освободи меня, и ты поймешь, что зря со мной познакомился, вонючая свинья.

— Тихо! Мы знаем, что вы убили двух моих лучших воинов — Смила и Дискибибола, хотя они напрасно считались непобедимыми, если дали убить себя таким, как вы. Из лесу мы видели, как упал Дискибибол и как выпрыгнул с рогом Смир.

Гагрил помолчал, а затем продолжил:

— Ты, Вольф, отправишься за рогом в ров и принесешь его нам. Если ты это сделаешь, то, клянусь честью Господа, мы освободим вас всех. Кикаху Господь тоже хочет видеть, но с меньшим нетерпением, чем рог, и он сказал мне, что мы должны сохранить ему жизнь несмотря ни на что. И мы повинемся Господу, потому что он — величайший убийца из всех.

— А если я откажусь? — спросил Вольф. — С водяными драконами во рву мне там верная смерть.

— Если откажешься, умрешь немедленно.

Вольф задумался. Выбор гворлов был логичен. Ведь способности идше были им неизвестны, поэтому они не могли позволить ему отправиться за рогом, так как тот мог просто не вернуться.

Кикаха являлся призом, уступавшим по своей цене лишь рогу. Кроме того, он был ранен, и кровь из раны привлекла бы водяных чудовищ. Вольф же, если ему, конечно, не безразлична судьба друзей, вернется. Это был определенный риск для гворлов, так как они не могли

быть уверены в глубине его чувств к Кикахе. Но им приходилось идти на это.

И уж абсолютно точно одно: ни один гворл не рискнет сунуться в воду, если существует кто-то, способный сделать это за них.

— Ладно, — согласился Вольф. — Освободите меня, и я отправляюсь за рогом. Но дайте мне, по крайней мере, нож для защиты от драконов.

— Нет, — отрезал Гагрил.

Вольф пожал плечами. Когда его освободили из сети-паутины, он снял с себя всю одежду, кроме рубахи, которая прикрывала обмотанный вокруг его талии шнур.

— Не делай этого, Боб, — заговорил Кикаха. — Гворлам можно доверять не больше, чем их хозяину. Они отберут у тебя рог, а потом сделают с нами все, что пожелают, и посмеются за то, что мы оказались их оружием.

— У меня нет выбора, — ответил Вольф. — Если я найду рог, я вернусь. Если я не вернусь, это будет означать мою гибель.

— Шансов — ноль, — отозвался Кикаха.

Послышался чмокающий удар кулака по телу. Кикаха ругнулся, но сделал это тихо.

— Поговори еще, Кикаха, — сказал Гагрил, — и я отрежу тебе язык. Этого Господь не запрещал.

Глава 14

Вольф взглянул на окно, из которого все еще лился свет факелов. Вода была холодной, но не обжигающей. Его ноги погрузились в густой, клейкий ил. Трудно было удержаться от мысли об обитающих там ящерах. Если повезет, то поблизости их не окажется. Если они уволокли тела Смила и Дискибибола... Лучше не думать об этом и довериться судьбе.

Ров в этом месте был примерно двухсот ярдов ширины. Вольф доплыл до середины и обернулся, чтобы взглянуть на берег. С этого расстояния он не смог ничего различить. Вероятно, они тоже не могли его видеть.

Гагрил не оговаривал сроки его возвращения. Он, однако, знал, что если не вернется до рассвета, то уже не найдет их там.

Он нырнул в том месте, куда падал свет из окна. Погружаясь все глубже, Вольф чувствовал, как холодней становилась вода. У него начали зудеть, а потом болеть уши. Он выпустил несколько пузырьков воздуха, чтобы облегчить давление, но это мало помогло. Когда ему показалось, что он не сможет погрузиться глубже из-за риска для барабанных перепонок, его рука коснулась мягкого ила. Удерживаясь от желания сейчас же повернуть и плыть к поверхности за благословенным глотком воздуха, он пошарил по дну рва, но не нашел ничего, кроме ила и одной кости. Он заставлял себя искать, пока не почувствовал, что должен немедленно глотнуть воздуха.

Дважды он поднимался на поверхность, а затем снова нырял. К тому времени он знал, что, если рог лежал на дне, ему никогда не найти его. Ничего не видя в воде, он

мог проплыть в дюйме от рога и никогда не узнать об этом. Более того, возможно, Смил, упав, отбросил рог подальше от себя, или водяной дракон мог утащить его вместе с трупом Смила и даже проглотить его.

В следующий раз, прежде чем погрузиться в воду, он отплыл на несколько гребков вправо. Он вынырнул, как и надеялся, под углом в девяносто градусов ко дну. В этой черноте он никак не мог определить направление.

Его рука вспахала ил. Он опустилсЯ пониже, чтобы пощупать кругом, и его пальцы сомкнулись на холодном металле, скользнув, прошли над семью кнопочками. Вот он!

Добравшись до поверхности, он вспенил воду и жадно глотнул воздух. Теперь предстояло обратное путешествие, но не следует надеяться, что оно будет простым. Водяные драконы еще могли появиться.

Затем он забыл про драконов, так как перестал что-либо видеть. Свет факелов с подъемного моста, слабое свечение луны сквозь тучи, свет из окна наверху — все это исчезло.

Вольф заставил себя вспенивать воду ногами, тщательно обдумывая свое положение. Во-первых, не было ни малейшего ветерка. Воздух был застоявшийся. Следовательно, он мог находиться только в одном месте, и его счастье, что такому месту случилось оказаться как раз там, где он вынырнул. Также ему повезло, что он всплывал со дна под косым углом.

И все же он не мог разглядеть, в какой стороне находится берег, а в какой замок. Потребовалось лишь несколько гребков, чтобы выяснить. Его рука соприкоснулась с камнем — каменными кирпичами.

Он ощупывал их, пока стена не начала выгибаться внутрь.

Следуя за изгибом, он наконец добрался до того, на что надеялся. Это был марш каменных ступенек лестницы, поднимавшейся из воды и ведущей вверх.

Он медленно поднимался по ней, вытянув перед собой руку на случай неожиданного препятствия. Ноги его скользили на каждой ступеньке, готовые остановиться, если появится отверстие или ступенька покажется непрочной. Пройдя двадцать ступенек вверх, он дошел до конца лестницы. Он находился в высеченном из камня коридоре.

Фон Элгерс, или кто бы там ни построил этот замок, сконструировал и средства для тайного выхода и входа.

Отверстие ниже уровня воды вело в камеру, небольшой порт, а оттуда в замок. Теперь Вольф имел рог и способ попасть в замок незамеченным. Но не следует ли ему сперва вернуть рог гворлам? Потом он и двое других могли бы вернуться этим путем и отыскать Хрисеиду.

Он сомневался, что Гагрил сдержит слово. Однако, даже если гворлы отпустят своих пленников, им придется плыть сюда, а рана Кикахи привлечет внимание ящеров, и все трое погибнут. У Хрисеиды не останется никакого шанса на спасение. Но и Кикаху нельзя было оставлять, пока другие возвращаются в замок. Он окажется на виду у всех, как только наступит рассвет.

Вольф мог спрятаться в лесу, но все шансы были за то, что к тому времени окрестности будут обыскивать новые охотники, особенно когда обнаружат, что исчезли трое чужеземных рыцарей.

Он решил пойти вперед по коридору. Это был слишком хороший шанс, чтобы упускать его. До зари он сделает все, что в его силах. Если же ничего не добьется, то вернется с рогом.

Рог! Нет смысла брать его с собой. Если его, чего доброго, захватят в плен с рогом, этот предмет только помешает. Он вернулся к началу лестницы, нырнул на глубину примерно в десять футов и оставил рог в иле.

Вернувшись в коридор, Вольф прошел по нему к другой лестнице. Марш шел вверх туго закрученной спиралью. Счет ступенек наводил на мысль, что он поднялся, по меньшей мере, на пять этажей. На каждом расчетном этаже он ощупывал узкие стены в поисках дверей или пружи- ны, открывающей двери, и ничего не находил. Где-то на седьмом этаже он увидел вырывающийся из отверстия в стене крошечный лучик света. Нагнувшись, он заглянул туда.

В противоположном конце помещения за столом с бутылкой вина сидел фон Элгерс. Напротив него расположился Абиру. Лицо барона побагровело не только от выпитого. Он рычал на Абиру.

— Это все, что я намерен сказать, хамшем. Ты отнимешь рог у гворлов, или я сниму с тебя голову! Только сперва тебя бросят в темницу. У меня есть кое-какие любопытные устройства, которые заинтересуют тебя.

Абиру встал. Лицо его было столь же бледным под его темным пигментом, сколь у барона — багровым.

— Поверьте мне, государь, если рог захватили гворлы, он будет возвращен. Они не могут уйти с ним далеко. Их

можно будет легко выследить. Они, знаете ли, не могут сойти за людей. Кроме того, они глупы.

Барон взревел, встал и грохнул кулаком по столу.

— Глупы?! Они оказались достаточно умны, чтобы вырваться из моей темницы, а я бы поклялся, что этого никто не может сделать! И они же нашли мои покои и забрали рог! А ты называешь их глупыми!

— По крайней мере, — заметил Абиру, — они не смогли похитить девушку. С этого я кое-что получу. Она принесет мне большие деньги.

— Тебе она ничего не принесет! Она — моя!

Абиру прожег его взглядом и сказал:

— Она — моя собственность. Я приобрел ее с большим риском и провез ее весь этот путь, пойдя на крупные расходы. Я имею полное право на нее. Кто вы, человек чести или вор?

Фон Элгерс ударил его и сшиб на пол. Абиру, потирая щеку, сразу же поднялся на ноги. В упор смотря на барона, он спросил, едва сохраняя спокойный тон:

— А как насчет моих драгоценностей?

— Они находятся в моем замке! — зарычал барон. — А все, что в моем замке, принадлежит фон Элгерсу!

Он исчез из поля зрения Вольфа, но явно открыл двери, проревел, призывая стражу. Явившиеся воины увели с собой Абиру.

— Тебе повезло, что я не убил тебя! — бушевал барон. — Я позволяю тебе, пес поганый, сохранить жизнь! Тебе следовало бы пасть на колени и благодарить меня за это! А теперь немедленно убирайся из замка! Если я услышу, что ты не спешишь, то повешу тебя на ближайшем дереве!

Абиру не ответил. Дверь закрылась. Некоторое время барон рассказывал взад-вперед, затем внезапно двинулся к стене, за которой пригнулся Вольф. Тот покинул глазок и отступил подальше вниз по лестнице, надеясь, что выбрал правильное направление отхода. Если барон решит спуститься по лестнице, он может вынудить Вольфа отступить в воду и, наверное, вернуться обратно в ров. Но он не думал, что барон намеревался идти этим путем.

На секунду свет пропал. Затем участок стены распахнулся: из отверстия торчал палец барона.

Факел фон Элгерса осветил винтовую лестницу. Вольф согнулся в тени, отбрасываемой поворотом витка.

Вскоре свет стал слабее, барон понес его вверх по лестнице. Вольф последовал за ним. Он не мог все время

держат фон Элгера в поле зрения, так как должен был укрываться за всевозможными поворотами, чтобы не быть замеченным, если барон, чего доброго, взглянет вниз. Поэтому он не увидел, как фон Элгерс покинул лестницу, и не узнал об этом, пока свет вдруг не пропал.

Он быстро спустился ниже и остановился у глазка, просунул в него палец и повернул. Небольшой участок поддался, послышался щелчок, и дверь распахнулась перед ним. Внутренняя сторона двери образовывала часть стены покоев барона. Вольф шагнул в комнату, выбрал с подставки на стене тонкий восьмидюймовый кинжал и снова вернулся на лестницу. Закрыв за собой дверь, он двинулся наверх.

На этот раз у него не было никакого ориентира. Он даже не был уверен, что остановился в том же месте, что и барон. Когда барон исчез, он сделал приблизительный расчет высоты. Не оставалось ничего другого, кроме как нащупывать устройство, которым должен был воспользоваться барон, открывая другую дверь. Приложив ухо к стене, он прислушался, но ничего не услышал.

Его пальцы скользили по кирпичам и крошившейся от влажности известке, пока не встретили дерево. Это было все, что он смог найти: камень и деревянная рама, в которую была глухо вставлена широкая и высокая панель. Не было ничего, указывавшего на "сезам, откройся!"

Он поднялся еще на несколько ступенек и продолжил исследование стен. Кирпичи были плотно пригнаны друг к другу, и не было никакого намека на рычаг или пружину. Он вернулся к месту напротив двери и снова ощупал стену.

Ничего.

Он чуть не обезумел, так как был уверен, что фон Элгерс направился в комнату Хрисеиды, и не просто поболтать. Вольф вернулся вниз по лестнице и там обшарил стены.

По-прежнему ничего.

Он снова безуспешно попробовал вокруг двери. Он толкнул одну сторону двери, но та не шелохнулась. На миг он подумал поднять шум и привлечь внимание фон Элгера. Если барон явится выяснить в чем дело, он будет на какой-то миг беспомощен перед атакой сверху.

Но он отбросил эту мысль. Барон был слишком хитер, чтобы попасться на такой трюк. Хотя он вряд ли отправится за помощью, так как не захочет открыть тайный ход другим, он может покинуть комнату Хрисеиды через

обычную дверь. Скорее всего, поставленный перед дверью часовой и удивится, откуда он взялся, но, возможно, подумает, что барон зашел туда до смены караула. В любом случае барон мог навсегда заткнуть рот подозрительному часовому. Вольф со злостью ударил по другой стороне двери, и та открылась внутрь. Она не была заперта, и все, что требовалось, это давление на нужную сторону.

Он застонал от того, что сразу не догадался, и шагнул в дверной проем. За дверью было темно. Он оказался в маленькой комнате, чуть ли не в чулане. Стены ее были сложены из скрепленных известковым раствором кирпичей, за исключением одной. Здесь из деревянной стены торчал металлический прут. Прежде чем взяться за него, Вольф приложил ухо к стене.

До него донеслись приглушенные голоса, слишком слабые, чтобы он мог узнать их.

Чтобы активизировать дверную пружину, требовалось потянуть на себя металлический прут. С кинжалом в руке Вольф прошел и через эту дверь и оказался в большой палате из крупных каменных блоков. В ней находилась большая постель с четырьмя изукрашенными резьбой столбами из лощеного черного дерева и ярко-розовым с кисточками балдахином. За ней виднелось узкое крестообразное окно, через которое он смотрел этой же ночью несколько раньше.

Фон Элгерс стоял спиной к нему. Он держал в объятиях Хрисеиду и тащил ее в постель. Глаза ее были закрыты, а голова повернута так, чтобы избежать поцелуев фон Элгерса. Он и она были еще полностью одеты.

Вольф в несколько прыжков пересек помещение, схватил барона за плечо и рванул его назад. Барон выпустил Хрисеиду и схватился за пустые ножны, а затем вспомнил, что не взял кинжала. Видимо, он не собирался давать Хрисеиде шанса заколоть его.

Его раскрасневшееся лицо вмиг посерело. Рот его задергался, крик о помощи замер от удивления и страха.

Вольф отбросил кинжал и ударил барона кулаком в подбородок. Фон Элгерс рухнул, потеряв сознание. Вольф не стал тратить зря время; он прошмыгнул мимо огромноглазой и бледной Хрисеиды и отрезал от простыни две полосы ткани. Меньшую он засунул барону в рот, а большую обмотал вокруг головы. Затем он отмотал кусок шнура с талии и связал фон Элгерсу руки спереди. Взвалив обмякшее тело на плечо, он скомандовал Хрисеиде:

— Пошли! Поговорить мы можем и позже.

Остановился он лишь затем, чтобы рассказать Хрисеиде, как закрыть за ними стену. Не было смысла обнаруживать тайный ход слугам барона.

Пока они спускались по лестнице, Хрисеида несла за ним факел. Когда они дошли до воды, Вольф объяснил ей, что они должны сделать для побега. Сперва он должен был вернуть рог. Сделав это, он зачерпнул воды в ладони и плеснул на лицо барона.

Услышав, что он должен сделать, фон Элгерс отрицательно замотал головой. Вольф твердо заявил ему:

— Либо вы отправитесь с нами заложником, рискуя столкнуться с водяными драконами, либо умрете прямо сейчас. Каков ваш выбор?

Барон согласно кивнул. Вольф развязал его путы, но привязал конец шнура к лодыжкам. Все трое вошли в воду. Фон Элгерс сразу же поплыл к стене и нырнул, другие последовали за ним под стену, уходящую только фута на четыре ниже поверхности.

Вынырнув на другой стороне, Вольф увидел, что тучи начинают рассеиваться. Скоро луна будет светить во всю свою зеленую силу.

Как им было указано, барон и Хрисеида плыли под углом к другой стороне рва. Вольф последовал за ними с концом шнура в руках. Со своим бременем они не могли плыть быстро. Через пятнадцать минут луна уйдет за монолит, а солнце скоро выйдет с другого конца. У Вольфа оставалось мало времени для выполнения своего плана, но плывя без спешки, будет невозможно сохранить контроль над бароном.

В ста ярдах от рва их ждали гворлы и их пленники. Через несколько минут они окажутся за углом замка вне поля зрения гворлов и часовых на мосту, даже если луна выйдет из-за туч. Этот путь был очень рискованным, так как каждую секунду могли появиться водяные драконы.

Когда они были в ста ярдах от своей цели, Вольф почувствовал какое-то шевеление в воде. Он повернул голову и с ужасом обнаружил, что поверхность вод чуть вспучилась и пошла небольшая волна. Он вытянул ногу и лягнул, попав во что-то твердое и прочное. Он рванулся назад, бросив конец шнура.

Огромная туша проплыла между ним и Хрисеидой, напугавшись на фон Элгерса и пропала, увлекая вниз заложника Вольфа. Ужас придал им новые силы, и они, забыв про всякую осторожность, рванулись вперед изо всех сил.

Добравшись до берега, хватая воздух открытыми ртами, они рухнули на землю.

Вольф не дожидался, пока полностью восстановится дыхание. Через несколько минут из-за Дузвилла навалился солнечный свет. Он сказал Хрисеиде, чтобы она подождала его. Если он не вернется после появления солнца, то не придет вообще. И тогда она должна уходить и прятаться в лесу, а потом поступать, как знает. Она умоляла его не уходить, так как не могла вынести мысли о том, чтобы остаться здесь совсем одной.

— Я должен, — сказал он.

Он отдал ей второй кинжал, который закрепил на подол ее платья.

Ему было мучительно оставлять ее такой беспомощной и одинокой, но у него не было иного выхода.

— Лучше убей меня сейчас, прежде чем покинешь, — взмолилась она. — Я слишком многое пережила, большего я не смогу вынести.

Он коснулся ее губ и возразил:

— Ты все сможешь. Ты сильнее, чем была прежде, и всегда была сильнее, чем казалась. Посмотри на себя. Ты можешь сказать “убить” и “смерть”, даже не моргнув глазом.

Он побежал, пригнувшись, к месту, где оставил своих друзей с гворлами. Оказавшись, по его расчетам, в двадцати ярдах от него, он остановился и прислушался. Ничего не было слышно, кроме крика ночной птицы и приглушенного вскрика откуда-то из замка. Опустившись на четвереньки, с кинжалом в зубах он подполз к месту, куда падал свет из окна его покоев, ожидая в любой момент почуять заплесневелый запах и увидеть искривленные силуэты гворлов.

Но там никого не оказалось, только остатки паучьей сети, указывающие на то, что гворлы действительно были здесь. Он порыскал вокруг. Когда стало очевидным, что никаких следов, указывающих на то, куда они могли двинуться, тут не сыскать, а солнечные лучи выдают его часовым на мосту, он вернулся к Хрисеиде. Она прильнула к нему и заплакала.

— Видишь, я все-таки здесь, — сказал он. — Но теперь мы должны убираться отсюда.

— Мы вернемся в Океанос?!

— Нет, мы отправимся за моими друзьями.

Они двинулись мимо замка к монолиту. Отсутствие барона скоро будет замечено. На много миль вокруг ук-

рыться будет сложно. И гворлы, зная это, тоже должны ускоренно двигаться к Дузвиллнавале. Как бы им не хотелось заполучить рог, они, вероятно, решат, что Вольф утонул или растерзан драконами. В данный момент рог для них недостижим, и они вернутся за ним, когда это станет безопасным.

Вольф рвался вперед. Они практически не останавливались, позволяя себе лишь короткие привалы, пока не добрались до густого леса Раухвальд. Там они ползком пробирались под спутанными ветками терновника и сквозь переплетения кустов, пока у них не начали кровоточить колени и не заболели суставы.

Хрисеида рухнула без сил. Вольф собрал немного росших тут в изобилии ягод. Они проспали всю ночь, а утром возобновили свое передвижение на четвереньках. К тому моменту, когда они достигли другой стороны Раухвальда, тела их представляли сплошную рану. Но на другой стороне, несмотря на все его опасения, их никто не поджидал.

Это и еще одно обстоятельство несказанно обрадовали его. Он наткнулся на доказательства того, что гворлы тоже прошли этим путем. На колючках терновника остались клочки их жестких волос и куски ткани, без сомнения принадлежащие Кикахе.

Через месяц они добрались, наконец, до подножия монолита Дузвиллнавалы. Они знали, что находятся на правильном пути, поскольку до них доходили слухи о гворлах, и им даже доводилось разговаривать с теми, кто видел их издали.

— Интересно, почему они настолько удалились от рога,— недоумевал Вольф.— Наверное, они собираются спрятаться в пещере на поверхности горы и вернуться, когда про них забудут.

— Или, возможно,— добавила Хрисеида,— Господь приказал им сначала доставить Кикаху. Он был как блоха в ухе Господа, и тот приходил в бешенство при одном упоминании его имени. Может быть, Господь хочет удостовериться в том, что Кикаху убрали с дороги, прежде чем снова послать гворлов за рогом.

Вольф был с ней согласен. Может, даже Господь собирался спуститься из дворца по тем же тросам, на которых он спустил гворлов. Это, однако, казалось маловероятным, так как Господь боялся застрять здесь.

Станут ли гворлы поднимать его обратно?

Вольф молча созерцал невероятные высоты башни Дузвиллнавалы. Она, по словам Кикахи, была, по меньшей мере, вдвое выше монолита Абхарплунты, поддерживавшего ярус Дракландии, воспаряя на шестьдесят тысяч футов или выше, а существа, жившие на карнизах и в нишах, были точно такими же странными и голодными, как и на других монолитах. Дузвиллнавала была буг-

ристой, подвергшейся эрозии, иссеченной и щетинистой. На ее разрушенной поверхности имелась огромная впадина, похожая на темный разверстый рот. Казалось, этот великан готов сожрать каждого, кто посмеет его обидеть.

Хрисеида, тоже изучавшая дикие скалы и их невероятную высоту, задрожала, но ничего не сказала: перестала жаловаться. "Казалось, она больше волнуется не за себя, — подумал Вольф, — а сосредоточилась на зародившейся в ней новой жизни". Хрисеида была уверена в том, что она беременна.

Он обнял ее, нежно поцеловал и сказал:

— Я хотел бы начать подъем немедленно, но мы должны несколько дней уделить на подготовку. Мы не можем атаковать это чудовище без отдыха и без достаточного запаса пищи.

Три дня спустя, облаченные в прочную одежду из оленьей кожи, запасшись веревками, оружием и бурдюками с пищей и водой, они начали подъем. Вольф нес рог в мягком кожаном мешке, привязанном к спине.

Спустя девяносто один день они вышли на расчетную точку посреди пути. И, по крайней мере, на каждом втором шагу им приходилось сражаться с гладкой вертикалью, ненадежной и предательской скалой или с хищниками. В их числе были многостопая змея, волки с огромными цеплявшимися за скалы лапами, горная обезьяна, топороклювы размерами со страуса и маленькая, но смертельно опасная рысь.

Когда они перевалили через верхний край Дузвиллнвалы, позади осталось сто восемьдесят дней пути. И он, и она уже были мало похожи на тех, какими они начали восхождение. Вольф весил вдвое меньше, но мышцы на его теле приобрели еще большую закалку. На лице и теле появились глубокие шрамы, полученные от рысей, горных обезьян и топороклювов. Его ненависть к Господу еще больше усилилась, так как прежде чем они достигли высоты в десять тысяч футов, Хрисеида потеряла плод их любви. Этого и следовало ожидать, и он понимал, что ничего этого не случилось бы, если бы не Господь.

Хрисеида еще раньше закалилась телом и душой благодаря перенесенным испытаниям. И все же ситуация на этом монолите была намного сложнее тех передрыг, которые случались с ней прежде. Но она выстояла, и это подтверждало первоначальные предположения Вольфа, что она была создана из прочного материала. Тысячелетия

спокойной, полуживотной жизни в Саду были отброшены, как старая кожа. Хрисеида, покорившая этот монолит, преобразилась и стала новой женщиной, образ которой соответствовал теперь образу той, которую забрали из жестокой и требовательной жизни древних эгейцев. Теперь она стала намного мудрее.

Вольф подождал несколько дней, отдыхая, охотясь, ремонтируя луки и изготавливая новые стрелы, не переставая высматривать орлицу. У него не было контакта ни с одной из них с тех пор, как он разговаривал с Фтией на обломках разрушенного города у реки Гузирит. Никаких зелено-красноголовых птиц на горизонте не появлялось, так что он неохотно решил вступить в джунгли.

Как и в Дракландии, всю грань опоясывали джунгли в тысячу миль шириной. Внутри этого пояса находилась земля Атлантиды. Она, включая монолит в центре, занимала площадь, превышавшую территорию Германии и Франции, вместе взятых.

Вольф поискал взглядом стол, на вершине которого находился дворец Господа, поскольку Кикаха говорил, что его видно с грани, хотя он намного тоньше, чем любой другой монолит. Он увидел только клубящиеся темные облака, разрываемые молниями. Идаквиззурхруз был скрыт. И никак Вольф не мог увидеть его, на какой бы высокий холм он ни поднимался. И неделю спустя грозовые облака продолжали окутывать каменный столп. Это обеспокоило Вольфа — такой грозы он не видел за все три с половиной года, что провел на этой планете.

На шестнадцатый день пути на узкой, увитой зеленью тропе они нашли обезглавленный труп. В ярде от него в кустах валялась покрытая тюрбаном голова хамшема.

— Абиру тоже мог пойти по следу гворлов, — сказал Вольф. — Может быть, гворлы прихватили его камни, покинув замок фон Элгерса. Или, что более вероятно, он решил, что рог похитили они.

Через полторы мили путники наткнулись на другого хамшема с распоротым животом. Вольф попытался получить от него какие-нибудь сведения, но обнаружил, что тот без сознания и одной ногой уже стоит в другом мире. Вольф избавил его от мук, отметив при этом, что Хрисеида даже не отвернулась. После этого он заткнул за пояс нож и взял в правую руку ятаган хамшема, предчувствуя, что тот ему скоро понадобится.

... Полчаса спустя он услышал впереди на тропе крик и вопли. Они поспешили укрыться в густой листве. Вскоре на тропу выбежали Абиру и два хамшема, преследуемые тремя приземистыми негроидами с разрисованными лицами и длинными, причудливо покрашенными в алый цвет бородами. Один из них метнул копье. Оно со свистом прочертило воздух и вонзилось в спину хамшема. Тот без звука рухнул лицом вперед и заскользил по мягкой влажной земле, словно спускаемый вечный парусник с копьем вместо мачты. Оставшиеся хамшемы развернулись и приготовились к защите.

Вольф был восхищен мужеством Абиру, который дрался с большим умением. Несмотря на то что его спутник пал, пронзенный копьем, Абиру продолжал рубиться ятаганом. Вскоре двое дикарей были убиты, а третий предпочел испариться. После того как негроид исчез, Вольф подкрался к Абиру сзади и сильно ударил его ребром ладони, парализовав ему руку и заставив выронить ятаган.

Абиру был так поражен и напуган, что на мгновение потерял дар речи. При виде вышедшей из кустов Хрисеиды он еще более выпучил глаза. Вольф спросил его, какова ситуация. После минутной паузы Абиру заговорил. Как и предполагал Вольф, он преследовал гворлов со своими людьми и множеством шолкинов.

В нескольких милях отсюда он настиг их, или, точнее, они настигли его. Засада оказалась успешной наполовину, ибо в результате ее была убита или выведена из строя добрая треть хамшемов. Со стороны гворлов потеря почти не было, так как они метали ножи с деревьев или скрывались в кустах.

Хамшемы трусили и побежали, надеясь дать отпор в лучшем месте на тропе, если смогут такое найти. Затем и преследуемые, и преследователи столкнулись с ордой черных дикарей.

— Скоро появятся новые. Они будут искать тебя, — заключил Вольф. — Где Кикаха и фунем Лаксфальк?

— Что с Кикахой, я не знаю. С гворлами его не было, а вот идишский рыцарь у них.

Вольф думал убить Абиру, но ему, однако, претило вот так просто хладнокровно зарезать его, а кроме того хотелось задать еще несколько вопросов. Он считал, что Абиру знал больше, чем говорил. Подталкивая Абиру вперед острием ятагана, он направился дальше по тропе.

Абиру возражал, так как боялся, что их убьют. Вольф прикрикнул на него. Через несколько минут они услышали вопли сражавшихся людей. Они перескочили через мелкий ручей и оказались у подножья крутого каменистого холма, слабо покрытого растительностью. Вдоль тропы, петляющей вверх по холму, виднелись следы боя — мертвые и раненые гворлы, хашемы, шолкины и дикари. Почти на самой вершине холма, прижавшись спиной к стене, под навесом, образованным двумя большими валунами, трое сдерживали черных. Это были гворлы, хамшем и идишский барон. Когда Вольф и Хрисеида бросились вверх по склону, хамшем пал, пронзенный несколькими наконечниками копий размером с лопатку.

Вольф велел Хрисеиде остаться внизу. В ответ она вставила в лук стрелу и выстрелила. Дикарь в арьергарде толпы упал назад с торчавшим из спины древком.

Вольф мрачно улыбнулся и последовал ее примеру. Они с Хрисеидой выбирали только тех, кто находился дальше всех в тылу, надеясь подстрелить побольше, прежде чем их заметят передние. Им сопутствовал успех, пока не пал двенадцатый. Тут один дикарь случайно оглянулся и увидел, что воин позади него свалился мертвым.

Он дико закричал и дернул за руки тех, что находились к нему ближе всех. Они, потрясая копьями, бросились бегом вниз по холму к парочке, оставив большую часть своего отряда атаковать гворла и идше. Прежде чем они одолели половину склона, из них пало еще четверо.

Трое перевернулись через голову и покатались, сраженные стрелами. Шестеро оставшихся, не рискуя подходить, бросили копья. На таком расстоянии лучники без труда увернулись от них.

Затем Вольф и Хрисеида, действуя хладнокровно, с умением, рожденным богатой практикой и опытом, подстрелили еще четырех. Двое уцелевших побежали, вопя, обратно к своим собратьям. Ни тот, ни другой не сумели до них добраться, хотя один был ранен только в ногу.

К этому моменту был повержен и гворл. Фунем Лаксфальк остался один против сорока. Он имел небольшое преимущество — они могли добраться до него только двое за раз. Стены из валунов и баррикада из трупов не давали остальным навалиться на него всей оравой. Размахивая окровавленным ятаганом, Лаксфальк громко пел какую-то идишскую боевую песнь.

Вольф и Хрисеида укрылись за двумя валунами и возобновили обстрел. Они убили еще пятерых, но тут обнаружилось, что их колчаны пусты.

— Доставай стрелы из трупов и стреляй дальше, — скомандовал Вольф. — Я хочу помочь Лаксфальку.

Он схватил копье и начал огибать холм, надеясь на то, что дикари слишком заняты, чтобы видеть его. Обойдя холм, Вольф заметил двух дикарей, сидящих пригнувшись на вершине валуна.

Вольф с силой швырнул копье и попал одному в левое предплечье. Дикарь закричал, пошатнувшись, и рухнул вниз прямо на своих собратьев. Второй повернулся к Вольфу, и в этот момент нож вонзился ему прямо в сердце. Он слетел со скалы спиной вниз.

Взяв большой камень, Вольф поднял его на один из огромных валунов и вскарабкался туда сам. Затем, подняв этот камень, он подошел к краю валуна и, крикнув, метнул камень в толпу дикарей. Он раздробил кости, по меньшей мере, троим и покатился по холму вниз. При таком повороте событий уцелевшие в панике бежали. Вероятно, они решили, что Вольф не один и дрогнули, обнаружив, что потери уж очень велики.

Вольф надеялся, что они не вернутся. Желая подлить масла в огонь, он прыгнул вниз, снова поднял камень и с грохотом спустил его вниз по склону. Тот, подпрыгивая и подскакивая, словно гнавшийся за кроликом волк, сразил еще одного дикаря, прежде чем он достиг подножия.

Хрисеида из-за укрытия выпустила в дикарей еще две стрелы.

Повернувшись к барону, Вольф обнаружил его лежащим на земле. Лицо его было бледным, и из раны на груди хлестала кровь.

— Вы! — слабо произнес он. — Человек из другого мира. Вы видели, как я бился?

Вольф подбежал к нему.

— Видел. Ты бился, словно один из воинов Иешуа, друг мой. Ты бился так, как я никогда не видывал прежде. Ты, должно быть, уничтожил, по меньшей мере, двадцать врагов.

Фунем Лаксфальк чуть улыбнулся.

— Двадцать пять. Я считал.

Затем широкая улыбка осветила его лицо и он промолвил:

— Мы оба чуть-чуть округлили истину, как сказал бы наш друг Кикаха, но не слишком сильно. Это был великолепный бой. Я только жалею, что мне пришлось сражаться без друзей и без доспехов в этом пустынном месте, где никто и никогда не узнает, что фунем Лаксфальк прибил чести своему имени. Даже если это был бой против оравы воюющих голых дикарей.

— Узнают, — пообещал Вольф. — Настанет день, и я расскажу об этом.

Он не искал слов утешения. Так как оба знали, что смерть была рядом.

— Ты не знаешь, что случилось с Кикахой? — спросил Вольф.

— А, с этим обманщиком! Однажды ночью он выскользнул из цепей и попытался освободить меня тоже, но не смог. Потом он ушел, пообещав, что вернется и выручит меня. Именно так он, наверное, и сделает, но будет слишком поздно.

Вольф посмотрел вниз по склону. Хрисеида карабкалась к ним, держа в руках стрелы. Аборигены перегруппировались у подножия и оживленно толковали между собой. Из джунглей к ним присоединились остальные.

Теперь их численность составляла человек сорок. Этот отряд возглавлял человек, разодетый в перья и носивший отвратительную деревянную маску. Он вращал трещоткой, прыгал, скакал и что-то выкрикивал.

Идше поинтересовался у Вольфа о происходящем. Он говорил так тихо, что Вольф должен был нагнуться почти к самым губам рыцаря.

— Моей заветной мечтой, барон Вольф, было сражаться когда-нибудь бок о бок с вами. Ах, какую благородную пару рыцарей мы бы составили, в доспехах и взмахивая нашими... это конец.

Губы его замерли и начали синеть.

Вольф поднялся и снова взглянул вниз. Дикари ползли вверх, рассыпавшись цепочкой. Вольф принялся сооружать из тел погибших заграждение. Он надеялся сдерживать этим атаки, позволив нападать не более одному-двум за раз. Потеряв достаточно людей, они могут поостыть и убраться восвояси. Хотя надежда на это была очень слаба, так как дикари обладали большим упорством. Они также могли дожидаться, пока голод и жажда не выгонят Вольфа и Хрисеиду из их убежища.

Дикари остановились на полпути к вершине, чтобы дать время тем, кто обходил холм, занять позиции. Затем по команде человека в деревянной маске они быстрее полезли на холм. Вольф и Хriseида выжидали пока брошенные копья не зазвенели о края валунов и не начали вонзаться в баррикаду из мертвых тел. Вольф выстрелил дважды, а Хriseида три раза. Ни одна стрела не прошла мимо цели.

Вольф выпустил свою последнюю стрелу. Она ударила в маску вождя и сшибла его. Он упал вниз с холма. Мгновение спустя он сбросил маску. И хотя лицо его кровоточило, он вновь возглавил повторную атаку.

Но тут из джунглей раздалось странное завывание. Дикари остановились и обернулись в замешательстве. Откуда-то из леса донесся поднимавшийся и падавший крик.

Внезапно из джунглей выскочил бронзоволосый юноша, одетый в одну лишь набедренную повязку из леопардовой шкуры. В одной руке он держал копье, а в другой — длинный нож. Вокруг плеча у него было намотано лассо, а на другом плече на ремне висели колчан и лук. За ним из леса хлынула масса громадных, длинноруких, грудастых и длиннозубых обезьян.

При виде их дикари громко закричали и попытались спастись бегством. Но с другой стороны холма появились еще обезьяны. Эти две колонны, словно челюсти, сомкнулись на отряде чернокожих.

Бой был коротким, некоторые обезьяны пали с копьями в животах, но большинство дикарей побросали оружие и попытались убежать или согнулись, дрожащие и парализованные. Сбежало лишь человек десять.

Вольф с облегчением рассмеявшись, обратился к человеку в леопардовой шкуре:

— И как же тебя зовут на этом ярусе?

Кикаха усмехнулся в ответ.

— Я дам тебе шанс угадать, но, чур, с первого раза.

Улыбка его погасла, когда он увидел барона мертвым.

— Проклятье. Мне потребовалось слишком много времени, чтобы найти обезьян, а потом добраться до вас! Он был хорошим человеком, этот идше, мне нравился его стиль. Проклятье! Так или иначе, я обещал ему, если он погибнет, отвезти его тело в замок предков, и это обещание я сдержу. Однако не сразу. Мы должны уделить внимание одному делу.

Кикаха подозвал нескольких обезьян и представил им Вольфа.

— Как ты уже, наверное, заметил, — сказал он Вольфу, — их сложение больше напоминает фигуру твоего друга Ипсеваса, чем тела истинных обезьян. Ноги у них слишком длинные, а руки слишком короткие. Подобно тому же Ипсевасу и в отличие от больших обезьян, изображаемых любимым моим автором детства, они обладают мозгом людей. Они ненавидят Господа за то, что он с ними сделал. Они хотят не только отомстить, они хотят получить шанс снова обрести человеческое тело.

Только тут Вольф вспомнил про Абиру. Его нигде не было видно. Очевидно, тот ускользнул, когда Вольф бросился на помощь фунему Лаксфальку.

Той ночью, сидя у костра и наслаждаясь мясом жареного оленя, Вольф и Хрисеида слышали о катаклизме, происшедшем на Атлантиде.

Все началось с Нового Храма, который начал строить Радамант. Внешне башня строилась к вящей славе Господа. Она должна была подняться выше любого известного на планете сооружения.

Чтобы воздвигнуть храм, Радамант мобилизовал на это строительство все свое государство. Он продолжал добавлять этаж к этажу, пока это гигантское здание не стало выглядеть так, словно с его помощью он хотел добраться до неба. Люди спрашивали друг у друга, когда же наступит конец работе. Они были рабами, и у них было одно задание: строить. Никто не смел роптать открыто, ибо солдаты Радаманта убивали всех, кто возражал или не мог трудиться.

Но вскоре стало очевидным, что в безумной голове Радаманта было еще что-то, кроме строительства храма. Он вознамерился соорудить эту махину как средство для штурма дворца Господа.

— Здание высотой в тридцать тысяч футов? — недоверчиво переспросил Вольф.

— Да, конечно, это невозможно сделать, во всяком случае, с имеющейся в Атлантиде технологией. Но Радамант был безумцем, он действительно верил в то, что у него это получится. Может, его ободряло то, что Господь много лет не появлялся, и Радамант подумал, что, возможно, слухи о его исчезновении верны. Конечно, вороны могли говорить ему иное, но он не обращал на них внимания.

Далее Кикаха сказал, что опустошительные стихийные бедствия, уничтожавшие сейчас Атлантиду, явились доказательством большего, чем простая месть Господа за гордыню Радаманта. Господь, должно быть, раскрыл наконец секреты, как управлять некоторыми устройствами во дворце.

— Исчезнувший Господь принял меры предосторожности против манипуляций силами нового постояльца. Но новый Господь сумел-таки узнать, как управлять климатическими установками. Доказательства тому: гигантские ураганы и непрерывный дождь, мучающие страну. Господь, должно быть, задумал извести на этом ярусе саму жизнь.

Прежде чем достичь края джунглей, они встретили поток беглецов. Те рассказывали о снесенных ветром хижинах и больших зданиях, о людях, подхваченных и унесенных ураганом, о потопах, вымывающих деревья с корнем и разрушающих огромные холмы.

Теперь отряду Кикахи пришлось идти, сгибаясь вдвое, преодолевая сопротивление сильного ветра. Вокруг них сомкнулись тучи, их поливал дождь, со всех сторон вспыхивали молнии. Однако бывали периоды, когда дождь и молнии прекращались. Высвобожденная Арвуром энергия кончалась, и прежде чем опять выпустить ее, требовалось накопить новые силы. В эти периоды сравнительного затишья отряд продвигался вперед быстрее. Они переправлялись через вздувшиеся реки, несущие обломки цивилизации: дома, деревья, мебель, колесницы, трупы лошадей, домашних и диких животных. Деревья были выворочены с корнем, а их стволы расщеплены ударами молний. Все долины покрывала вода, все впадины были заполнены, а в воздухе висела удушливая вонь.

Когда путь был пройден больше чем наполовину, тучи начали рассеиваться. Они снова увидели солнце, но лучи его падали на безмолвную, мертвую землю. Только рев воды да крик каким-то чудом уцелевшей птицы разбивали гнетущую тишину. Иногда по их спинам пробежал холодок от воя сошедшего с ума человеческого существа, но их было немного.

С неба исчезла последняя туча, и перед ними сверкнул белый монолит Идаквиззурхруза. Он находился в трехстах милях. Город Атлантида — или то, что от него осталось, — находился на расстоянии ста миль. Им потребова-

лось двадцать дней, чтобы через потоки и обломки добраться до его окраин.

— Может ли Господь теперь увидеть нас? — спросил Вольф.

— Мог бы, я полагаю, с помощью какого-нибудь телескопа, — ответил Кикаха, — однако я рад, что ты спросил, потому что нам лучше двигаться ночью. Впрочем, вот кто нас заметит. — Он показал на пролетавшего мимо ворона.

Проходя через развалины столицы, они оказались неподалеку от имперского зоопарка Радаманта. Там сохранилось несколько чудом уцелевших клеток, в одной из которых содержалась орлица. На заилленном дне валялось множество костей, перьев и клювов.

В этой клетке орлицы спасались от голодной смерти, поедая друг друга. Единственная уцелевшая сидела сейчас истощенная, слабая и несчастная на высоком насесте.

Вольф открыл клетку, и вместе с Кикахой они поговорили с орлицей, Армонидой. Сперва она хотела только одного — напасть на них, хоть была слаба.

Вольф бросил ей несколько кусков мяса, а затем двое друзей продолжили свой рассказ. Армонида заявила, что они лгуны и поскольку являются людьми, то преследуют какую-то дурную цель. Выслушав же рассказ Вольфа до конца, она с трудом, но поверила им. Когда же Вольф объяснил ей, что он придумал план мести Господу, глаза ее засверкали. Мечта о реальной атаке на Господа и, возможно, небезуспешной, придавала ей больше сил, чем съеденное только что мясо.

Она оставалась с ними три дня, отъедаясь, набираясь сил и в точности запоминая то, что она должна сообщить Подарге.

— Вы еще увидите смерть Господа, а новые, юные и прекрасные девичьи тела будут вашими, — пообещал Вольф. — Но только если Подарга поступит так, как я ее прошу.

Армонида поднялась в воздух с утеса, и вскоре зеленое небо поглотило зелень ее перьев. Красная голова ее стала черной точкой, а затем и она тоже исчезла.

Вольф и его отряд оставались в буреломе леса дотемна, прежде чем отправиться дальше. К этому времени благодаря каким-то невидимым изменениям Вольф стал лидером в отряде. Раньше Кикаха при молчаливом одобрении всех держал бразды правления в своих руках. Однако что-то случилось и дало Вольфу право решать за

всех. Он не знал что, ибо Кикаха оставался столь же шумным и энергичным, как и прежде. Переход этот произошел без каких-либо преднамеренных усилий со стороны Вольфа. Все выглядело так, словно Кикаха ждал, пока Вольф не узнает от него все что можно, а затем он сам уступил ему свое место.

Они путешествовали только ночью и в это время почти не встречали воронов. Очевидно, в этом районе в них не было нужды, поскольку он находился под пристальным наблюдением самого Господа. Кроме того, кто бы посмел вторгнуться сюда после того, как гнев Господа был выражен столь явно и губительно для всего живого.

Прибыв к огромной опрокинутой башне Радаманта, они укрылись в ее развалинах. Металла тут имелось больше чем достаточно для реализации плана, придуманного Вольфом. Их единственной проблемой стало добывание пищи, а также попытки скрыть шум от работ, производимый ими. Проблема пищи была разрешена, когда они обнаружили склад с зерном и большим количеством сушеного мяса. Многие из припасов были уничтожены сначала огнем, а затем водой, но осталось вполне достаточно, чтобы они могли протянуть несколько недель. Со второй проблемой они управились, работая глубоко в подземных помещениях.

Рытье туннелей заняло пять дней — период, Вольфа не волновавший, потому что он знал, что пройдет какое-то время, прежде чем Армонида доберется до Подарги, если она вообще достигнет своей цели. Многое могло случиться с ней в пути, не исключая и нападения воронов.

— Что будет, если она не сумеет долететь? — спросила Хрисеида.

— Тогда мы придумаем что-нибудь другое, — ответил Вольф.

Он погладил рог и нажал на семь кнопок.

— Кикаха знает Врата, через которые он прошел, когда покидал дворец. Мы можем вернуться через них. Но это было бы безумием. Нынешний Господь не так глуп, чтобы не оставить там серьезной охраны.

Прошло три недели. Запасы пищи уменьшились настолько, что пришлось отправлять охотников за дичью. Это было опасно даже ночью, так как всегда поблизости мог оказаться ворон. Более того, при всем том, о чем знал Вольф, у Господа могли существовать приборы, позволяющие видеть ночью столь же легко, как и днем. В конце

четвертой недели Вольф решил, что план действий надо менять. Либо Армонида не добралась до Подарги, либо та отказалась ее слушать.

Этой же ночью Вольф, сидя под прикрытием огромной стальной балки, смотрел на луну и вдруг услышал шорох крыльев. Лунный свет блеснул на чем-то черно-бледном, и перед ним очутилась Подарга. За ней виднелось много крылатых силуэтов, и свет луны сверкал на желтых клювах и в красных светящихся глазах.

Вольф повел их вниз по туннелям в большое помещение. В свете костров он снова взгляделся в трагически прекрасное лицо гарпии. Но теперь, когда она готовилась нанести Господу ответный удар, выражение ее лица было счастливым. Стая принесла с собой пищу, поэтому, пока все насыщались, Вольф объяснял ей свой план. Когда они обсуждали детали, одна из обезьян, часовой, привела человека, пойманного только что. Им оказался Абиру.

— Это несчастье для тебя и печальное событие для меня,— сказал Вольф.— Я не могу просто связать тебя и бросить здесь. Ведь если ты сбежишь и расскажешь все ворону, Господь узнает о нас и будет предупрежден. Поэтому ты должен умереть, если не сможешь убедить меня в обратном.

Абиру огляделся вокруг и понял, что он в ловушке. Смерть смотрела ему в глаза.

— Отлично,— сказал он.— Я не хотел говорить и не стану говорить перед всеми. Поверь мне, я должен переговорить с тобой наедине. Речь идет не только о моей, но и о твоей жизни тоже.

— Мне нечего скрывать от присутствующих здесь,— ответил Вольф.— Говори.

Кикаха наклонился к его уху и прошептал:

— Лучше сделай, как он говорит.

Вольф был поражен. К нему вернулись сомнения насчет истинного лица Кикахи.

Обе просьбы были такими странными и неожиданными, что у него на миг возникло чувство отстраненности. Казалось, он уплывал от них всех.

— Если никто не возражает, я выслушаю его наедине,— сказал он.

Подарга нахмурилась и открыла рот, но прежде чем она смогла что-нибудь сказать, ее перебил Кикаха.

— Великая, теперь настало время доверия. Ты должна верить нам, положиться на нас. Неужели ты хочешь ут-

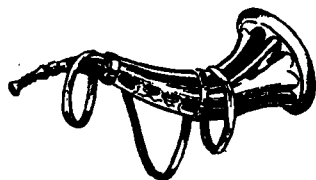
ратить свой единственный шанс отомстить и получить обратно человеческое тело? Ты должна помогать нам в этом. Если ты вмешаешься — все пропало.

— Я не знаю, о чем тут, собственно, речь, — сказала Подарга, — но чувствую, что меня каким-то образом предают. Но я сделаю так, как ты говоришь, Кикаха, потому что я знаю тебя и знаю, что ты злейший враг Господа. Однако не испытывай моего терпения слишком долго.

Затем Кикаха прошептал Вольфу нечто еще более странное:

— Теперь я узнаю Абиру. Меня одурачила эта борода и цвет кожи плюс то, что я двадцать лет не слышал его голоса.

Сердце Вольфа вдруг забилося чаще от какого-то смутного опасения. Он взял ятаган и проводил Абиру, руки которого были связаны за спиной, в маленькую комнату, где и состоялась беседа.

Глава 16

Через час Вольф вернулся. Он выглядел совершенно ошеломленным.

— Абиру отправится с нами, — заявил он. — Он может оказаться очень полезным.

— Ты не хотел бы это объяснить? — осведомилась Подарга.

Она сузила глаза, и лицо ее превратилось в гневную маску.

— Нет, не хотел бы, не буду и не могу, — ответил он. — Но я сильнее, чем когда-либо, чувствую, что у нас есть шансы победить. Теперь, Подарга, насколько сильны твои орлицы? Они летали так далеко сегодня ночью, что мы, наверное, должны подождать до завтрашней ночи, дав им отдохнуть, как следует.

Подарга ответила, что они готовы к выполнению стоящей перед ними задачи. Она не хотела больше ждать.

Вольф отдал приказ, который Кикаха передал обезьянам, поскольку те подчинялись только ему. Они вынесли наружу большие поперечные бруски и веревки, остальные последовали за ними.

В ярком свете луны они подняли тонкие, но прочные поперечины. Затем люди и обезьяны забрались в паутинообразные люльки под поперечинами и для страховки привязались ремнями.

Орлицы схватили канаты, прикрепленные к каждому из четырех концов поперечин, а еще одна схватила веревку, привязанную в центре креста. Вольф подал сигнал.

Хотя не было никакой возможности потренироваться, все птицы одновременно оторвались от земли, захлопали крыльями и медленно поднялись в воздух. Канаты были вытравлены больше чем на пятьдесят футов, прежде чем настала пора поднимать поперечины вместе с привязанными к ним пассажирами.

Вольф почувствовал внезапный рывок и резко выпрямил согнутые ноги, чтобы придать добавочный толчок вверх. Поперечина накренилась на одну сторону, чуть не ударившись о соседнюю. Подарга, летавшая над всеми, хрипло прокричала приказ. Орлицы уравнили канаты. Через несколько секунд поперечины были на правильном уровне.

На Земле этот план не сработал бы. Птица размером с орла не смогла бы подняться в воздух, не спланировав с высокого утеса. Даже тогда ее полет был бы очень медленным, может быть, слишком медленным, чтобы удержаться от потери скорости и высоты. Однако Господь дал мускулам орлиц силу, соответствующую их весу.

Они поднимались все выше. Бледные стены монолита в миле от них мерцали в лунном свете.

Вольф, крепко держась за ремни своей люльки, взглянул на других. Хрисеида и Кикаха помахали ему в ответ, а Абиру остался неподвижен. Сверху обломки башни Радаманта казались маленькой кучкой. Воронов не было, и некому было поразиться увиденному и взмыть вверх, чтобы предупредить Господа. Свободные от ноши орлицы охраняли маленькую эскадрилью и были настороже, готовые предотвратить любую опасность.

Воздух был заполнен армадой. Звук от мерно поднимаемых крыльев так резал по ушам Вольфу, что ему казалось, будто этот шум разносится на много миль вокруг них.

Был момент, когда перед ним развернулась, охватываемая одним взглядом, эта сторона опустошенной Атлантиды. Затем появилась грань и часть яруса ниже ее. Дракландия стала видимой, как огромный темный полудиск. Тянулись часы. Громадная масса Индеи появилась, выросла и затем распалась на грани. Сад Океаноса был настолько ниже Индеи и настолько узок, что увидеть его было невозможно.

Теперь луна и солнце стали видны из-за сравнительной узости монолита. Тем не менее орлицы и их ноша все

еще оставались в темноте, в тени Идаквиззурхруза. Но скоро эта сторона окажется под лучами дневного светила.

И тогда вороны могут увидеть их за много миль. Эскадра, однако, подлетела поближе к монолиту, так что всякому, находящемуся на вершине, надо стоять на краю, чтобы заметить их.

Наконец, после более чем четырех часов, как раз в тот момент, когда их коснулось солнце, они оказались у вершины. Перед ними находился сад Господа, место дивной красоты. За ним поднимались башни, минареты, аркбутаны и дворцы Господа. Сад воспарял на двести футов и занимал, по словам Кикахи, больше ста акров.

У них не было времени по достоинству оценить это чудо, потому что вороны в саду подняли тревожный крик. Сотни птишек Подарги уже налетели на них и безжалостно убивали их. Другие летели к многочисленным окнам, чтобы ворваться и отыскать Господа.

Вольф увидел, что многие попали внутрь, прежде чем начали работать ловушки Господа. После этого те, кто пытались пролезть через отверстия, исчезали в ударе грома и вспышке молнии. Обугленные до костей, они падали с карнизов на землю, вниз, на крыши и на контрфорсы.

Люди и обезьяны спустились на землю перед дверью из выложенного рубинами розового камня. Орлицы бросили канаты и собрались вокруг Подарги, ожидая ее приказаний.

Вольф отвязал канаты на поперечинах. Затем он поднял одну из них над головой и, подбежав к двери, метнул в нее стальной крест. Одна штанга прошла через вход, две перпендикулярные ей зацепились за дверные косяки.

Пламя взрывалось вновь и вновь. Гром оглушил его. На него выпрыгивали языки опалявшего напряжения. Вдруг из дворца повалил дым, и молния пропала. Разрядное устройство либо сгорело от перегрузки, либо временно разрядилось.

Вольф оглянулся. Другие входы тоже горели, из них валил дым. Орлицы, последовав его примеру и вооружившись поперечинами, бросали их под углом в верхние окна. Вольф перепрыгнул через добела раскаленную жидкость, в которую превратились поперечины, и проник в проем двери.

Хрисеида и Кикаха присоединились к нему через другой вход. За Кикахой ввалилась орда громадных обезьян. В руках у них были мечи и боевые топоры.

— Где Абиру? — спросил Вольф.

— Подарга и еще пара обезьян не спускают с него глаз. Он может быть непредсказуем.

С Вольфом во главе они двинулись по коридору, стены которого были разрисованы фресками, их затейливый рисунок мог бы привести в восторг и благоговейный трепет самых строгих земных критиков. В противоположном конце коридора виднелись низкие ворота из тонкой сетки, переплетения которой были составлены из мерцавшего голубоватого металла. Они подошли к воротам и остановились. В этот момент над ними пронесся ворон, спасавшийся от преследовавшей его орлицы.

Ворон пролетел над воротами и с разгону наткнулся на невидимый глазу экран, в одну секунду превратившись в россыпь тонких полос из мяса, костей и перьев. Преследовавшая его орлица пронзительно закричала и попыталась остановиться. Но было слишком поздно. Ее также разрезало на мелкие кусочки.

Вольф потянул на себя левую секцию ворот, вместо того чтобы толкнуть их, как он, естественно, поступил бы.

— Теперь должно быть все в порядке, — сказал он. — Но я рад, что ворон первым активировал экран. Я этого не помнил.

Он все же протянул вперед меч для проверки, а затем он вспомнил, что эту ловушку активировала только живая материя. Оставалось довериться тому, что память его не обманывала. Вольф прошел вперед, ничего не почувствовав, и другие двинулись следом.

— Арвур находится в центре дворца, там, где расположен главный пульт управления обороной, — сказал он. — Какая-то часть обороны работает автоматически, а другой он управляет сам. Но это в том случае, если он выяснил, как ею управлять, а ведь у него было достаточно времени на ознакомление.

Они прошли через множество коридоров и комнат, каждая из которых могла бы на долгое время задержать любого, обладавшего чувством прекрасного. Раздававшиеся время от времени грохот и пронзительные вопли давали знать о сработавшей где-то в глубине дворца новой ловушке.

Несколько раз Вольф останавливался и, хмурясь, напряженно вспоминал что-то, пока вдруг улыбка не появлялась на лице. После этого он сдвигал какую-нибудь картину под определенным углом или касался рукой какого-то места на фресках: глаза нарисованного человека, рога буйвола в сцене индейской равнины или рукоятки меча в ножах рыцаря на панораме Тевтонии— затем двигался дальше.

Наконец он вызвал орлицу.

— Приведи Подаргу и остальных,— распорядился он.— Им больше нет смысла жертвовать собой. Я знаю дорогу.

Кикахе же он сказал:

— Я чувствую, что развязка близка. Но я не помню всего, только некоторые детали.

— Если они имеют решающее значение, это все, что в данный момент нам нужно,— отозвался Кикаха.

Он улыбался, и лицо его светилось упоением боя.

— Теперь ты видишь, почему я и не мечтал войти сюда самостоятельно. У меня достаточно храбрости, но не хватает знаний.

— Я ничего не понимаю,— проговорила Хрисеида.

Вольф привлек ее к себе и нежно обнял.

— Скоро ты все узнаешь. Если только мы сумеем победить. Мне придется многое тебе рассказать, а тебе — многое простить.

Вдруг дверь перед ними распахнулась, и на них двинулся человек в доспехах. В одной руке он держал огромный топор, размахивая им, словно перышком.

— Это не человек,— произнес Вольф.— Это один из таковос Господа.

— Робот! — воскликнул Кикаха.

Но Вольф знал, что определение, данное Кикахой этому созданию, не совсем верно. Он состоял не только из стали, пластика и электрических проводов. Часть его была белковой, образованной в биологических колбах Господа. Это существо обладало невероятной жизнеспособностью, какой не имела ни одна машина, состоявшая только из одних неодушевленных частей. Это являлось его силой, но одновременно и слабостью.

Вольф быстро объяснил все Кикахе, который приказал обезьянам, находящимся сзади, подчиняться Вольфу.

Примерно дюжина их шагнула вперед, выстроившись в одну линейку, и одновременно швырнула в угрожавшее

им чудовище свои топоры. Такос (так назвал его Вольф) пробовал уклониться, но не смог избежать всех ударов. Не будь он покрыт доспехами, топоры обезьян разрубили бы его пополам. Он упал и покатился, но все же поднялся на ноги. Пока он был на земле, Вольф подбежал к нему и нанес ему удар ятаганом в шею.

Клинок сломался, даже не разрубив металла. Однако сила удара снова сшибла Такоса, уже поднимавшегося.

Вольф, бросив оружие, обхватил Такоса за талию и поднял его. Молча, ибо у него не было голосовых связок, бронированное существо лягалось и пыталось вырваться из цепких объятий Вольфа. Тот швырнул его об стену, и робот с грохотом свалился на пол. Когда он опять начал подниматься, Вольф выхватил кинжал и вонзил его в одно из глазных отверстий Такоса. Послышался треск, пластик над глазом поддался и отлетел. Кончик ножа обломился, и Вольф отшвырнул его в сторону. Одновременно кулак бронированного чудовища отбросил Вольфа к стене.

Но он быстро поднялся, обхватил вытянутый навстречу ему кулак, перевернулся и бросил Такоса через плечо. Не успев встать, он снова оказался схваченным и высоко поднятым. Вольф подбежал к окну и выбросил эту тушу головой вперед. Такос несколько раз перевернулся в воздухе и шмякнулся о землю четырьмя этажами ниже. Какую-то минуту он лежал, не двигаясь, словно сломанный, а потом опять начал подниматься.

Вольф крикнул нескольким орлицам снаружи, на контрфорсе. Те сорвались, спланировали вниз, и одна пара схватила его за руки. Они поднялись вверх, поняли, что Такос слишком тяжел, и снова опустили. Но они могли удержать его в нескольких дюймах над землей. Орлицы полетели над поверхностью между контрфорсами и колоннами. Их целью был край монолита, откуда они и сбросили Такоса. Даже его доспехи не могли выдержать силы удара в конце падения с высоты более тридцати тысяч футов.

Где бы ни прятался Господь, он, должно быть, видел конец, постигший первого из выпущенных им Такосов.

И дверь снова распахнулась, пропустив теперь уже двадцать этих созданий, вооруженных огромными топорами. Вольф быстро дал команду своим обезьянам. Они снова швырнули топоры, сбив многих из роботов. Антро-

поиды, бывшие величиной с гориллу, смело бросились в атаку.

Пока одна обезьяна боролась с роботом, другая обхватывала его голову-шлем и резко выворачивала. Металл скрежетал под напором, и шейные механизмы с шумом ломались. Шлемы катились по полу с вытекавшей из них жидкостью. Других Такосов поднимали, передавали из рук в руки и выбрасывали через окно. А там орлицы делали свое дело, переноса всех к грани и сбрасывая вниз.

Но все же обезьяны гибли, зарубленные топорами или задушенные в мощных объятьях врагов. Быстро обучающиеся белковые мозги полуавтоматов имитировали действия своих противников.

Немного дальше по коридору толстые листы металла упали сверху впереди и сзади них, отрезая путь. Вольф не помнил об этом до самой последней секунды, когда впереди уже падали плиты. Они опускались быстро, но не настолько, чтобы у него не хватило времени опрокинуть мраморный пьедестал вместе со статуей на нем. Конец мраморной колонны лег под плиту и помешал ей полностью закрыть проход. Однако силы, давившие на плиту, были настолько мощными, что край плиты, треснув, начал медленно оседать сквозь колонну.

Отряд ползком протиснулся через быстро уменьшавшееся отверстие. В этот момент сверху хлынула вода. Если бы не задержка с закрытием плиты, их бы утопили.

Бредя по колено в воде, они прошли в коридор и поднялись на еще один лестничный марш. Вольф остановил их у подозрительного окна, через которое он бросил топор. В результате не возникло ни грома, ни молнии, поэтому он высунулся и позвал к себе Подаргу и ее орлиц. Когда путь им преградили плиты, они выбрались наружу, решив поискать другой маршрут.

— Мы недалеко от центра дворца, где-то здесь должен быть Господь, — сказал Вольф. — У всех коридоров дальше отсюда в стены вделаны дюжины лазерных установок. Перекрещивая лучи, они могут образовывать сеть, через которую никто не пройдет живым.

Он помолчал, а затем добавил:

— Господь может сидеть там вечно. Питание для его лазеров не иссякает, и у него хватит еды и питья, чтобы выдержать самую долгую осаду. Но есть одна старая военная аксиома, гласящая, что любую оборону, какой бы

мощной она ни была, можно прорвать, если найти правильное решение.

Он повернулся к Кикахе:

— Отправившись через Врата на ярус Атлантиды, ты оставил здесь полумесяц. Помнишь?

Кикаха усмехнулся и сказал:

— Да. Я положил его за статую в комнате, находящейся поблизости от бассейна. Но гворлы могли обнаружить его?

— Тогда мне придется придумать что-нибудь еще. Давай попытаемся найти полумесяц.

— Что ты надумал? — тихим голосом осведомился Кикаха.

Вольф объяснил, что у Арвура наверняка есть путь отступления из центра управления. Насколько помнил Вольф, там был полумесяц, вделанный в пол, и имелось несколько свободных. Каждый из них, приложенный к неподвижному полумесяцу в полу, открывал Врата в определенную Вселенную, которой он принадлежал. Ни один из них не давал доступа на другие уровни планеты в этой Вселенной. Только рог мог воздействовать на Врата между ярусами.

— Разумеется, — согласился Кикаха. — Но какая нам будет польза от полумесяца, даже если мы и найдем его? Его надо будет совместить с другим, а где он? В любом случае всякий, воспользовавшийся им, будет просто отправлен на Землю.

Вольф ткнул большим пальцем через плечо, указывая на висевший там на ремне кожаный мешок.

— У меня есть рог.

Они тронулись вперед по коридору. Подарга не отставала от них ни на шаг.

— Что вы затеваете? — подозрительно спросила она.

Вольф ответил, что они ищут возможность проникнуть в центр управления и что Подарге следует остаться, чтобы подстраховать их от любой возможной неожиданности. Но она отказалась, заявив, что теперь, когда они так близко подошли к Господу, она хочет держать их в поле зрения. Кроме того, если они проберутся к Господу, им придется взять ее с собой. И она напонила Вольфу о его обещании, что Господь достанется ей и что она сможет делать с ним все, что пожелает. Он пожал плечами и двинулся дальше.

Они нашли ту комнату со статуей, за которой Кикаха спрятал полумесяц. Но статуя оказалась перевернутой и разрушенной в борьбе между обезьянами и гворлами. По всей комнате валялись их трупы. Удивленный, Вольф остановился. С тех пор, как они вступили во дворец, он не видел ни одного гворла и считал, что они погибли во время боя с дикарями. Видимо, Господь не всех их отправил ловить Кикаху.

— Полумесяц исчез! — воскликнул Кикаха.

— Либо он был найден какое-то время назад, либо кто-то только что нашел его, в тот момент, когда упала статуя, — решил Вольф. — Я догадываюсь, чьих это рук дело. Вы видели Абиру?

Никто не видел его после начала штурма дворца. Гарпия, которой полагалось не спускать с него глаз, потеряла его из виду.

Вольф побежал к лабораториям, Кикаха и растопырившая крылья Подарга — следом за ним. К тому моменту, когда Вольф покрыл три тысячи футов до них, сердце его, казалось, выпрыгнет из груди. Тяжело дыша, он остановился у входа.

— Ванакс уже мог уйти и находиться в центре управления, — сказал он, — но если он все еще работает над полумесяцем, то нам лучше войти тихо, чтобы застать его врасплох.

— Ванакс? — переспросила Подарга.

Вольф мысленно выругался. Они с Кикахой не хотели раскрывать личности Абиру до подходящего момента. Подарга настолько ненавидела любого из Всевышних, что тотчас же убила бы его. Вольф же хотел сохранить его живым, так как Ванакс, если только он не попытается предать их, мог быть полезен во время взятия дворца. Вольф пообещал ему, что тот сможет отправиться в другой мир и попытать счастья там, если поможет им против Арвура; и Ванакс рассказал ему, как он сумел вернуться в эту Вселенную. После того как Кикаха — урожденный Финнеган — случайно отправился сюда, забрав с собой полумесяц, Ванакс начал поиски другого. Ему повезло — где бы вы думали? — в скобяной лавке в Пеории, штат Иллинойс. Как туда попал полумесяц и какой Господь потерял его на Земле, никогда уже не узнать. Несомненно, где-то в неизвестных местах на Земле находились и другие полумесяцы:

Однако найденный им полумесяц пропустил его через Врата, расположенные на индейском ярусе. Ванакс поднялся по Тайя-Файявозу в Хамшем, где он захватил гворлов, Хрисеиду и рог. Затем он все время двигался к дворцу, надеясь попасть туда.

— Старая поговорка гласит, что Господу нельзя доверять, — пробормотал Вольф.

— Что ты сказал? — спросила Подарга. — И, повторяю, кто такой Ванакс?

Вольф вздохнул с облегчением, поняв, что это имя ей незнакомо. Он ответил, что Абиру иногда выступал под таким именем. Не желая отвечать на новые вопросы и зная, что время не ждет, он проник в лабораторию. Это было просторное помещение с потолком достаточно высоким, чтобы вместить несколько реактивных авиаалайнеров. Шкафы, пульта и различные аппараты занимали здесь почти все место. В сотне ярдов от них Ванакс склонился над огромным пультом, нажимая на кнопки и двигая рычагами.

Все трое молча двинулись к нему. Вскоре они приблизились настолько близко, что смогли увидеть на пульте два сложенных полумесяца. На широком экране над Ванаксом светилось изображение третьего полумесяца. Через него пробегали волнами светящиеся линии.

Вдруг Ванакс вскрикнул, и на экране рядом с первым появился еще один полумесяц. Он поманипулировал с некоторыми шкалами, пытаясь придвинуть два изображения друг к другу, чтобы они слились в одно.

Вольф знал, что машина посылала частотный искатель и обнаруживала частоту того полумесяца, который был установлен в полу центра управления. Вслед за этим Ванакс подвергнет зажатые на пульте полумесяцы такому воздействию, которое сможет изменить их резонанс на соответствующий резонанс центра управления. Где Ванакс раздобыл два полукруга, оставалось тайной, пока Вольф не подумал о полумесяце, который должен был быть отправлен с ними, когда он прошел через Врата на ярус Индеи. Каким-то образом за время, прошедшее между его пленением и бегством он заполучил в свои руки этот полумесяц. Он, должно быть, спрятал его в развалинах, перед тем как обезьяны захватили его в плен.

Ванакс оторвался от своей работы, увидел наблюдавшую за ним троицу, взглянул на экран и сорвал два по-

лумесяца с пружинного зажима на пульте. Трое бросились к нему, когда он положил сначала один, а потом другой полумесяц на пол. Он засмеялся, сделал непристойный жест в их сторону и шагнул в круг с кинжалом в руке.

Вольф издал крик отчаяния, но они были слишком далеко, чтобы задержать его. Тогда Вольф остановился и закрыл руками глаза, но было слишком поздно, чтобы отгородиться от ослепительной вспышки. Вольф услышал, как закричали Кикаха и Подарга, тоже ослепленные. До него донесся вопль Ванакса и он почувствовал запах горелого мяса и одежды.

Ничего не видя, Вольф прошел вперед, пока не наткнулся на труп.

— Что случилось, черт побери? — выругался Кикаха. — Боже, я надеюсь, мы ослепли не навсегда!

— Ванакс думал проскользнуть через Врата Арвура в центре управления, — объяснил Вольф, — но Арвур установил там ловушку. Он мог бы удовлетвориться разрушением аппаратуры, но ему, должно быть, доставляет удовольствие наблюдение за гибелью тех, кто пробует ею воспользоваться.

Они стояли в ожидании, пока к ним не вернется зрение, так как ничего другого им не оставалось. После невыносимо долгого ожидания они смогли различить окружавшие их предметы.

Ванакс лежал на спине, обугленный до неузнаваемости. Два полумесяца остались на полу невредимыми. Миг спустя Вольф разделил их чертилкой с пульта.

— Он был предателем, — тихо сказал Вольф Кикахе, — но все же оказал нам услугу. Ведь я собирался испытывать тот же фокус, но намеревался сначала воспользоваться рогом для активации спрятанного тобой полумесяца, после того как изменил бы его резонанс.

Притворяясь, что они изучают другие пульты в поисках мин-сюрпризов, он сумел отойти с Кикахой на достаточное расстояние от любопытных ушей Подарги.

— Не хотел бы я это делать, — прошептал он, — но придется. Надо будет воспользоваться рогом, если мы хотим выгнать Арвура из центра управления или добраться до него прежде, чем он сможет использовать полумесяц для бегства.

— Я не успеваю следить за ходом твоих мыслей, — сказал Кикаха.

— Строя дворец, я включил термическую субстанцию в пластиковую оболочку центра управления. Ее можно запустить только определенной последовательностью нот из рога вместе с еще одним маленьким трюком. Я не хочу активировать этот материал, потому что тогда пропадет и центр управления, и этот дворец будет беззащитен против любых других Всевышних.

— Тебе видней,— произнес Кикаха.— Но есть что-либо, способное помешать Артуру смыться через полумесяцы?

Вольф улыбнулся и показал на пульт.

— Артуру следовало бы уничтожить его, вместо того чтобы ублажать свое садистское воображение. Как и всякое оружие, он может быть направлен в другую сторону.

Вольф активировал управление, и на экране снова засияло изображение полумесяца. По экрану побежали волнистые линии света. Вольф перешел к другому пульту и открыл небольшую дверцу наверху, обнажив панель управления без поясняющих надписей. Щелкнув двумя выключателями, он нажал кнопку. Экран опустел.

— Резонанс его полумесяца изменен,— констатировал Вольф.— Когда он захочет воспользоваться им с любым из других, какие у него есть, его ждет дьявольский шок, но не тот, что получил Ванакс. У него просто не будет Врат для бегства.

— Вы, Всевышние, подлый, хитрый и изобретательный народ,— сказал Кикаха.— Но все равно мне нравится твой стиль.

Он покинул помещение. Миг спустя из коридора донесся его крик. Подарга бросилась из помещения, затем остановилась и обожгла Вольфа подозрительным взглядом. Вольф тоже пустился бежать. Подарга, убедившись, что он не остается, помчалась вперед. Вольф остановился и вынул из футляра рог. Он просунул палец в мундштук, зацепился за единственное отверстие в паутинообразной структуре, достаточно большое, чтобы там поместился его палец.

Он подтянул паутинку и вытащил ее наружу. Затем перевернул тонкое переплетение и вставил ее передним концом внутрь рога. Положив рог обратно в чехол, Вольф побежал вслед за гарпией.

Она стояла рядом с Кикахой, который объяснял ей, будто бы он увидел гворлов, но это оказалась просто рыскавшая тут орлица. Вольф сказал, что они должны воз-

вращаться к остальным. Он не объяснил, что это было необходимо для того, чтобы рог находился на определенном расстоянии от центра управления. Когда они возвратились в коридоры перед центром управления, Вольф вновь открыл чехол, Кикаха встал за спиной Подарги, готовясь оглушить ее, если та вздумает причинить какие-либо хлопоты.

Как бы им тогда пришлось справляться с орлицами, кроме как натравить на них обезьян, это другой вопрос.

Подарга вскрикнула, увидев рог, но не предприняла враждебных действий. Вольф поднес его к губам в надежде, что сможет вспомнить правильную последовательность нот. Многие вернулись к нему с тех пор, как он поговорил с Ванаксом, но многое еще оставалось в тумане забвения.

Он уже прикоснулся губами к мундштуку, когда раздался чей-то голос. Он, казалось, исходил из потолка, стен и пола, отовсюду. Это был язык, на котором говорили Всевышние, и Вольф обрадовался этому факту, так как Подарга его не знала.

— Джэдавин! Я не узнал тебя, пока не увидел с рогом! Мне казалось, что я знаю тебя — а вот не узнал. Ведь это было так давно!.. Как давно?

— Много веков или тысячелетий назад, в зависимости от временной шкалы. Так значит, мы, два старых врага, снова встретились лицом к лицу. Но на этот раз у тебя нет выхода. Ты умрешь, как умер Ванакс.

— Как это? — прорычал голос Арвура.

— Я заставляю расплавиться стены твоей кажущейся неприступной крепости. Ты либо останешься в ней и изжаришься, либо выйдешь и умрешь иным образом. И я не думаю, что ты останешься.

И вдруг он заколебался и его охватило чувство совершеннейшей на его глазах несправедливости. Убив Арвура, Подарга отомстит не тому, кто был виновником ее нынешнего состояния. Это уже не важно, что Арвур сделал бы то же самое, будь он в то время Господом этого мира.

С другой стороны, он, Вольф, тоже был виноват. Ведь он-то и являлся Господом Джэдавином, сконструировавшим эту Вселенную, а затем так плохо управлявшим ею, принося мучения многим безропотным созданиям и похищенным землянам.

Приступ амнезии был настолько силен, что он стер в нем всего Джэдавина и сделал его память чистой страни-

цей. Из этой чистоты появился новый человек, Вольф, не способный действовать, как Джэдавин или любой другой Господь. И он по-прежнему оставался Вольфом, за исключением того, что вспомнил, кем он был когда-то. Эта мысль вызвала у него боль, раскаяние и последовавшее за этим желание исправить все, что было в его силах. Разве так нужно было начинать, позволяя Артуру умереть страшной смертью за преступление, которого он не совершал?

— Джэдавин! — прогремел Артур. — Ты думаешь, что выиграл! Но я снова одержал над тобой верх! Я могу выложить на стол еще одну монету, и ее цена намного выше того, что может причинить мне твой рог.

— И какова же она? — спросил Вольф.

У него появилось нехорошее предчувствие. Казалось, что Артур не блефует.

— Я приготовил тебе одну из бомб, прихваченную, когда меня лишили Чиффаэнира. Она заложена под дворцом, и когда мне нужно будет, она взорвется и снесет всю макушку этого монолита. Да, я тоже погибну, но прихвачу с собой и всех своих врагов! Твоя женщина и твои друзья тоже погибнут. Подумай о них!

Вольф вздрогнул. Он находился в мучительной нерешительности.

— Каковы твои условия? — спросил он. — Я знаю, что ты не хочешь умирать. Ты так жалок, что тебе давно следовало бы желать смерти, но все десять тысяч лет ты цепляешься за свою никчемную жизнь!

— Довольно оскорблений! Ты готов или нет? Мой палец в дюйме от кнопки! — Артур хохотнул и продолжал: — Даже если я блефую, хоть это не так, ты не можешь позволить себе такой риск.

Вольф переговорил с остальными, которые не понимали ни слова из его разговора с Артуром, но чувствовали, что наступил какой-то решающий момент. Он объяснил все, что смог, опустив лишь подробности своей связи с Господом.

Подарга, на лице которой отражалось чувство гнева и неуверенности одновременно, прошипела:

— Спроси, каковы его условия. — И тихо добавила: — После того как все закончится, тебе, Вольф, придется многое мне объяснить.

Артур ответил:

— Ты должен отдать мне серебряный рог, драгоценнейшую и уникальную работу мастера Ильмарволкина. Я воспользуюсь им, чтобы открыть Врата в бассейне, и пройду через них на атлантический ярус. Это все, чего я хочу, за исключением твоего обещания, что никто не бросится следом за мной, пока не закроются Врата.

Вольф задумался, а затем сказал:

— Ладно. Ты можешь выходить. Я клянусь своей честью, что отдам тебе рог и не пошлю никого за тобой, пока не закроются Врата.

Арвур засмеялся и сказал:

— Я выхожу.

Вольф ждал, пока не распахнулась дверь в конце коридора. Теперь, зная, что Арвур не мог слышать, он обрattился к Подарге:

— Арвур думает, что мы у него в руках. Он выйдет через Врата в сорока милях отсюда неподалеку от Иквеквы, пригорода столицы Атлантиды. Он был бы предоставлен милости твоей и твоих орлиц, если бы не было другой резонансной точки всего в десяти милях оттуда. Когда он протрубит в рог, там откроются Врата и пропустят его в другую Вселенную. Я покажу тебе, где они находятся, когда Арвур уйдет через бассейн.

Арвур уверенно шел к ним. Это был высокий, широкоплечий и красивый мужчина с вьющимися белокурыми волосами и голубыми глазами. Он взял из рук Вольфа рог, шутовски поклонился и прошел дальше по коридору. Подарга уставилась на него с таким бешенством во взгляде, что Вольф испугался, как бы она не бросилась на своего врага. Дотронувшись до нее, Вольф сказал, что он сдержит обещания, данные и Артуру и ей.

Арвур решительно прошел мимо безмолвных и угрожающих рядов так, словно они являлись мраморными изваяниями. Вольф не стал дожидаться, когда он доберется до бассейна, и сразу же направился в центр управления. Быстрое изучение показало ему, что устройство, подсоединенное к бомбе, на месте. Судя по всему, ему хватит времени, чтобы уйти невредимым. Тем не менее, Вольфа прошиб пот, пока он разряжал это устройство. К тому времени вернулся Кикаха, который следил, как Арвур уходит через Врата в бассейне.

— Он ушел, спору нет, — сказал Кикаха, — но это ему далось нелегко. Выход находился под водой. Он бросился

в воду и поплыл к суше. И находился еще в воде, когда закрылись Врата.

Вольф привел Подаргу в огромный зал, где на стенах висели карты, и на одной из них указал городок, поблизости от которого находились Врата. Затем в зале обзора он показал ей это место с близкого расстояния. Подарга с минуту изучала карту и экран. Потом она что-то сказала орлицам, и те вышли следом за ней. Даже обезьян привел в ужас блеск смерти, светящийся в ее глазах.

Арвур находился в сорока милях от монолита, но его еще ожидало десятимильное путешествие. А Подарга и ее птицы пикировали с высоты тридцать тысяч футов.

Погоня обещала быть захватывающей.

Вольф смотрел на экран, у него было достаточно времени для размышлений. В конечном итоге он расскажет Хрисеиде, кем он был на самом деле и как стал Вольфом. Она узнает, что он отправился в другую Вселенную навестить одного из немногих оставшихся дружественных ему Всевышних. Даже Богам становилось одиноко, несмотря на их безмерное могущество, и время от времени они хотели общаться с равными себе. По возвращении в свою Вселенную он попал в ловушку, расставленную Ванаксом, еще одним, лишенным владений Господом.

Джэдавина швырнуло во Вселенную Земли, но он прихватил с собой захваченного врасплох Ванакса.

Ванакс сбежал с полумесяцем после жестокой борьбы на склоне горы. Что случилось с другим полумесяцем, Вольф не знал. Но Ванаксу он не достался, это уж наверняка.

И тут его охватила полная потеря памяти, и Джэдавин стал, по существу, младенцем. Потом его нашли и взяли к себе Вольфы. С этого момента и началось его существование в качестве землянина. Вольф не знал природы амнезии, постигшей его. Она могла быть вызвана ударом по голове во время схватки с Ванаксом или возникнуть в результате шока, вызванного ужасом пребывания беспомощным и одиноким на чужой планете. Всевышние настолько привыкли пользоваться достижениями своей науки, что, лишившись этой возможности, становились совершенно беспомощными.

Потеря памяти также могла произойти из-за длительной борьбы со своей совестью. Долгие годы до того, как его волей-неволей вытолкнули в другой мир, он был недоволен собой, испытывал отвращение к собственным по-

ступкам и чувство одиночества и зыбкости своего положения. Не было ни одного существа могущественней Господа. И все же он был очень одинок и осознавал, что каждая минута могла стать для него последней.

Если строили козни другие Всевышние, и все они постоянно должны были находиться настороже. И вот он стал Вольфом. Но, как отметил Кикаха, существовало взаимное притяжение между ним, рогом и точками резонанса. Отнюдь не случайно он оказался в комнате того дома в Аризоне, когда Кикаха протрубил в рог. У Кикахи были все основания подозревать, что Вольф являлся лишившимся памяти изгнанным Господом.

Теперь Вольф понял, почему он так быстро усваивал языки: он просто вспоминал их. А влечение к Хрисеиде, вспыхнувшее мгновенно, объяснилось тем, что она была самой желанной из его фавориток в бывших владениях. Он даже хотел сделать ее своей Госпожой.

Хрисеида не узнала в нем того, кем он являлся на самом деле, встретив его как Вольфа, потому что никогда не видела раньше его лица. Тот дешевый фокус с ослепительным излучением скрыл его черты. Что же касается голоса, то он использовал специальный прибор, чтобы исказить и менять его, дабы внушить еще большее благоговение поклоняющимся ему. Его огромная сила тоже объяснилась очень просто, ибо он использовал биопротекторы для наращивания превосходных мускулов.

Ему предстоит расплатиться в дальнейшем за ту жестокость и надменность Джэдавина, которых в нем теперь практически не осталось. Он создаст новые человеческие тела в биоцилиндрах и вернет их Подарге, обезьянам, Ипсевасу и всем прочим, кто этого захочет. Он возродит Атлантиду и больше не будет тираном. Не станет вмешиваться в дела многоярусного мира, если в этом не будет необходимости.

Кикаха подозвал его к экрану. Арвур где-то нашел лошадь в этой стране мертвых и бешено погонял ее.

— Везет же дьяволу! — Кикаха застонал.

— Я думаю, что за ним гонится дьявол, — заметил Вольф.

Арвур оглянулся, затем посмотрел в небо и прищипнул лошадь.

— Он сумеет добраться! — воскликнул Кикаха. — Храм Господа всего в полумиле от него.

Вольф видел огромное белокаменное строение на вершине высокого холма. Там находилось тайное помещение, которым он сам пользовался, будучи Джэдавином.

И покачал головой.

— Нет.

На экране появилась Подарга. Она снижалась с огромной скорости, хлопая крыльями и вытянув вперед белое на фоне зеленого неба лицо. За ней неслись орлицы.

Арвур мчался на лошади вверх по крутому холму. Вдруг ноги лошади подкосились, и она рухнула. Арвур ударился о землю, но мгновенно вскочил и бросился бежать. Подарга налетела на него. Арвур бежал, петляя как заяц. Гарпия преследовала, повторяя все зигзаги; угадала, куда он метнется во время одного из своих прыжков, и настигла его. Железные когти вцепились в спину беглеца. Он взмахнул руками и издал вопль ужаса, который был неслышен для смотревших на экран. Арвур упал, и Подарга накрыла его. Следом спускались ее орлицы, желая присутствовать на этом празднике победы.

ФИЛИПП ФАРМЕР

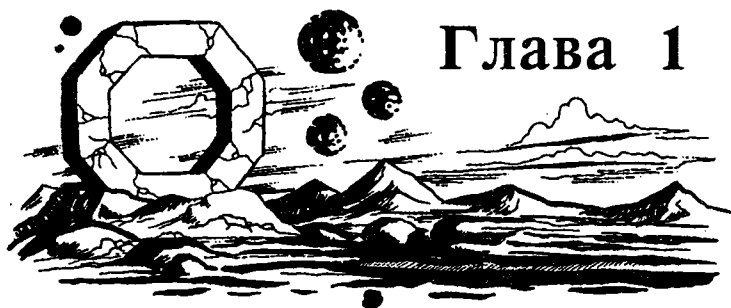
ВРАТА МИРОЗДАНИЯ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

PHILIP JOSE FARMER

THE GATE OF CREATION

Глава 1

Тысячелетиями Всевышние пользовались лекарствами, электроникой, гипнозом и психотехникой, чтобы обходиться без сна. Дни и ночи, месяцы и годы их глаза не смыкались, но их мозг, тела по-прежнему оставались свежими и активными. Так не могло продолжаться вечно. И вот, со временем мозг их стал разрушаться. Галлюцинации, мрачная озлобленность и постоянное предчувствие близкой гибели овладевали ими. Некоторые сошли с ума, и их пришлось убить или изолировать в отдельные камеры.

И вот Всевышние осознали, что даже они, творцы Вселенной, покорители науки, вознесшей их на ступень не ниже богов, должны спать. Разум, лишенный сна, взбунтовался. Его орудием стало сумасшествие, которое опрокидывало опоры разума, и поэтому Всевышние теперь спали и им снились сны.

Роберт Вольф, известный под именем Джэдавин, Всевышний Многоярусной Планеты — Вселенной, построенной по принципу Вавилонской башни, видел сон.

Ему снилось, что в его спальню через окно вплыла шестиконечная звезда и, медленно кружась, повисла в ногах кровати. Это был "Гексакулум" — один из древних символов уже позабытой религии Всевышних. Вольф обычно думал на английском, поэтому и определил ее как

“Гексакулум”. Центр шестигранной звезды сиял белым пятном, каждый ее луч переливался удивительным многоцветием: красный, оранжевый, лазурный, пурпурный, черный и желтый. “Гексакулум” пульсировала подобно солнцу, ее лучи метали молнии, нежно покалывали кожу и ласкались к спящему хозяину.

— Чего тебе надобно? — спросил Вольф, хотя и был уверен, что видит сон.

“Гексакулум” явно была опасной. Даже тени, которые образовывались между ее лучами, были густыми и злоеющими. Вольф догадался, что “Гексакулум” послана его отцом, с которым он расстался почти две тысячи лет назад.

— Джэдавин!

Голос был тихий, и звезда вторила ему всеми своими шестью лучами. Они теперь извивались, свертывались кольцами, корчились, как огненные змеи, превращаясь в буквы древнего алфавита Всевышних. Однако Вольф воспринимал слова не столько глазами, сколько слухом, будто цвета проникали в его мозг и воскрешали давно умерший голос. Голос был мощный, он глубоко потрясал его внутреннюю сущность, приводил к смятению и угрожал придать ему кошмарный облик, который навек сохранит свою форму.

— Проснись, Джэдавин! — воззвал отец.

При этих словах Вольф понял, что “Гексакулум” со светящимися лучами горела не только в его разуме, а существовала в действительности. Его глаза открылись, и он уставился на вогнутый потолок, освещенный мягким струящимся светом, испещренный красными, черными, желтыми, зелеными бликами. Он протянул руку к Хрисеиде, своей жене, и обнаружил, что там пусто. Он сел, огляделся и, увидев, что ее нет в комнате, позвал:

— Хрисеида!

Потом он увидел сверкающий предмет, висевший в шести футах над краем его кровати. Из него донесся голос отца:

— Джэдавин, сын мой, враг мой! Не ищи утраченное. Ты оказал ей честь, сделав ее женой. Она исчезла и больше не вернется.

Вольф выпрямился и прыгнул с кровати. Как эта штука проникла в его замок, считавшийся неприступным? Задолго до того, как шестиугольник смог достичь спальни в центре замка, хозяина должны были разбудить сигналы тревоги: массивные двери громадного замка должны были закрыться, лазерные лучи в залах — нацелиться и поразить нарушителя, сработать сотни хитроумных ловушек. “Гексакулум” должны были разрушить, разбить, сжечь, взорвать, сокрушить.

Но ни единый огонек не засиял на огромной противоположной стене зала, которая казалась всего лишь фантастическим украшением, а на самом деле являлась световым сигнализатором тревоги и контрольной панелью охраны всего замка. Она тускло светилась, словно незваный гость пребывал за тридевять земель.

Голос Уризена, его отца, засмеялся и произнес:

— Ты ведь не думал, что сможешь удержать Властелина Всевышних своим слабым оружием, не так ли, Джэдавин? А ведь я мог бы убить тебя сию же минуту — там, где ты стоишь, в такой нелепой позе, бледный, дрожащий и покрытый потом.

— Хрисеида! — снова крикнул Вольф.

— Ее больше нет. Безопасность твоей кровати, как и Вселенной, уже не для нее. Ее захватили так же быстро и бесшумно, как вор крадет драгоценность, лежащую на видном месте.

— Что ты хочешь, отец? — спросил Вольф.

— Я хочу, чтобы ты последовал за ней. Попробуй-ка вернуть ее.

Вольф в ярости вскочил на кровать и бросился через спинку на “Гексакулум”. На мгновение он потерял рассудок, забыл осторожность, предупреждавшие его, что сейчас смертельно каждое движение. Его руки поднялись к многоцветной сверкающей звезде. Они сомкнулись в воздухе, а он стоял на полу и глядел вверх, туда, где

мгновением раньше сияла "Гексакулум". В тот миг, когда пальцы коснулись огненных бликов, многогранная звезда исчезла.

Следовательно, она была не физическим телом, а являлась всего лишь изображением, переданным неизвестным ему способом.

Но он сам не верил этому выводу. Все же шестиугольник являлся сгустком энергии, моментально образованным и переданным из отдаленного мира. Источник мог находиться в соседней Вселенной или за миллион миров отсюда. Расстояние не имело значения. Важно было лишь то, что Уризен проник сквозь стены личного мира Вольфа. И тайно похитил Хрисеиду.

Больше не стоило ждать отцовской милости. Уризен не сказал, куда отправил Хрисеиду, как Вольфу следует искать ее и что с ней будет. Однако у Вольфа уже сложился план. Любым способом ему предстоит обнаружить скрытый, огражденный мир отца, затем отыскать Врата, через которые он сможет туда проникнуть. И, наконец, распознать и избежать ловушек, поставленных отцом. Если он преуспеет, а вероятность удачи ничтожна, ему предстоит добраться до Уризена и убить его. Только так он и сможет спасти Хрисеиду.

Таков был пример древней игры, в которую играли Всевышние. Сам Вольф, будучи Джэдавином, седьмым сыном Уризена, прожил десять тысяч лет, наслаждаясь каждым днем. Но ему удалось сделать очень многое, довольствуясь жизнью собственного мира. В отличие от большинства Всевышних, он не уставал от сотворенного им мира. Он наслаждался им, хотя, правда и то, что развлечения порой были жестокими. Он не только эксплуатировал десятки местных жителей, но соорудил оборону, которая поймала в ловушки десятки Всевышних. Захваченные мужчины и женщины — в том числе несколько его братьев и сестер — умирали медленно и ужасно.

Вольф почувствовал раскаяние за недоброе отношение к населению своего мира. Убитые и замученные Всевышние не вызывали в нем чувства вины. Они знали, на что

шли, когда проникали в его мир, и если кто-то попадался в ловушку, то долго и мучительно страдал, прежде чем умереть.

Потом Всевышнему Ванаксу удалось забросить его в мир Земли, хотя и ценой того, что его самого забросило туда вместе с Джэдавином. Тем временем Арвур завладел миром Джэдавина.

Воспоминания Джэдавина о прежней жизни остановились на потрясении, которое он испытал от выселения в чуждый мир, совершенно безоружный, без средств к возвращению: Джэдавин стал пустым местом. Усыновленный кентуккийцем по имени Вольф, потерявший память, Джэдавин принял имя Роберта Вольфа. Ему не исполнилось еще и шестидесяти лет, когда он вспомнил все и предпринял ряд рискованных экспериментов, которые позволили ему пройти через Врата обратно в тот мир, который он создал и которым как Всевышний правил в течение десяти тысяч лет.

Там он с боем пробивал себе путь от самого нижнего этажа многоэтажной планеты, похожей на земную Вавилонскую башню, к замку-дворцу Владыки Арвура. Там он встретил и полюбил Хрисеиду, одно из собственных полусозданий. И снова стал Всевышним, но уже не таким, каким покинул этот мир. Он стал человеческим.

Слезы, вызванные болью потери, и ужас, охвативший его при мысли о том, что с ней может случиться, служили доказательством его человечности. Ни один Всевышний не проливал слез над другими живыми существами, хотя говорили, что Уризен плакал от радости, когда поймал в ловушку двух своих сыновей несколько тысяч лет назад.

Не теряя времени, Вольф приступил к тому, что необходимо было выполнить прежде всего: ему предстояло убедиться, что никто не захватит замок в его отсутствие. Он не желал повторения того, что случилось в прошлый раз, когда он покинул этот мир: вернувшись, он обнаружил на своем месте другого Всевышнего. Существовал один единственный человек, способный занять его место, которому он мог доверить. Это был Кикаха (урожdenный

Пол Янус Финнеган из местечка Жауте в Индиане на Земле). Именно Кикаха подарил ему горы и дал возможность вернуться в этот мир. Кикаха оказал ему необходимую помощь, которая позволила вновь завоевать свое владение.

Где же рог? С ним он сможет выследить мир Уризена и разыскать вход в него! Вольф подошел к стене и повернул фрагмент с изображением гигантской орлицы. У него перехватило дыхание, и он остолбенел: в потайном месте больше не было спрятанного рога. Тайник пуст.

Итак, Уризен не только похитил Хрисеиду, но выкрал еще и древний рог Шамбаримена.

Пусть! Вольф будет оплакивать Хрисеиду, но не станет проливать слез над вещью, какой бы ценностью она ни обладала.

Он быстро прошел через зал, отмечая на ходу, что ни одно из устройств оповещения в случае тревоги не работало. Придворные и челядь спали, словно их ждал еще один день покоя и счастья, пришедших после завоевания Вольфом своей власти и дворца на вершине мира. Он не мог сдерживать дрожи. Он всегда боялся отца. Теперь же, получив новое доказательство огромной силы родителя, Вольф ужаснулся. Но страх не станет помехой на его пути. Он выследит и убьет его или сам погибнет в битве.

Войдя в просторную комнату, Вольф сел в кресло перед контрольной панелью, имеющей форму пагоды, и включил установку автоматического обзора всей планеты. Десять тысяч телекамер было установлено на каждом из четырех нижних ярусов; замаскировав камеры под скалы или деревья, их установили так, чтобы иметь возможность наблюдать за происходящим в ключевых местах планеты. В течение двух часов он сидел, наблюдая за меняющимися на экране картинками. Потом, зная, что мог бы прождать так несколько дней, настроил аппаратуру на поиск Кикахи и вышел. Теперь, если на экране появится изображение разыскиваемого, сработает стоп-кадр и соответствующий сигнал уведомит его о выполнении задания.

Вольф задействовал еще несколько дисплеев. Компьютер сверял данные. Записи были семидесятилетней давности, поэтому количество вновь созданных Вселенных допускалось равным 1008. Ими и интересовался Вольф в первую очередь. Последним известным местопребыванием Уризена был мир Гардазиринтах, где вырос Вольф со своими родными и двоюродными братьями и сестрами. Но Уризен, которому миры надоедали столь же быстро, как новые игрушки избалованному ребенку, давно уже покинул Гардазиринтах и трижды переселялся с тех пор. Возможно, теперь он избрал резиденцией новый, четвертый мир; вот его-то и следовало отыскать и найти способ проникнуть туда.

Будь даже все миры зарегистрированы, не было никакой возможности с уверенностью вычислить Вселенную отца. К тому же каждая была изолирована и не поддавалась обнаружению. Единственным уязвимым местом являлись Врата, появлявшиеся через неопределенные промежутки времени. И если в тот момент, когда видоискатели-разведчики будут искать этот параллельный коридор, Врата окажутся закрытыми, местность сочтут “пустой”. Однако Уризен, завлекая Вольфа, наверняка должен был облегчить ему поиск.

Даже Всевышние испытывают голод. Вольф съел легкий завтрак, который принес ему робот — один из полубелковых андроидов, выглядевший как рыцарь в панцире. У Вольфа было больше тысячи таких. Потом он побрился и принял душ в ванной, вырезанной из цельного изумруда. После этого надел вельветовые ботинки, плотно облегающие вельветовые брюки и такую же куртку, подпоясавшись широким поясом из мамонтовой кожи и надел на шею золотую цепь. С нее свисал красный нефритовый талисман Шамбаримена, подаренный ему великим ученым и механиком Всевышних в бытность Вольфа десятилетним мальчиком. Красный цвет нефрита ярким пятном выделялся на фоне однотонной коричневой одежды. Находясь в замке, Вольф одевался просто и небрежно. Лишь в редких случаях, вынужденный присутствовать на цере-

мониальных приемах, он спускался на нижние этажи, облаченный в роскошные одеяния и особую шляпу Господа. Во всякое другое время он покидал свои апартаменты инкогнито, переодевшись в костюм местного жителя.

Покинув замок, Вольф вышел на один из сотен балконов-садов. На дереве сидело его "Око", огромный, как стервятник, ворон, один из немногих оставшихся в живых во время яростного штурма замка, предпринятого Вольфом, чтобы отобрать этот мир у Арвур. Ныне, когда Арвур покоился в земле, вороны присягнули на верность новому хозяину.

Вольф приказал ворону разыскать Кикаху и сообщить об этом задании всем остальным воронам, а также орлицам Подарги. Кикаху надлежало срочно вызвать в замок. Если же он, получив вызов и явившись в замок, уже не застанет там Вольфа, пусть возьмет на себя обязанности Всевышнего. В случае, если Вольф не вернется, Кикаха примет на себя все его полномочия. А впрочем, он знал, что Кикаха последует за ним и что ему бесполезно запрещать.

Ворон взлетел, осчастливленный заданием. Вольф вернулся в замок. Наблюдатели все еще искали Кикаху, но безуспешно. Однако искатели Врат, которым требовались микросекунды, чтобы обнаружить их, прошли по всей Вселенной и уже повторяли свой заход. Он позволил им продолжить поиск на тот случай, если какие-либо Врата обладали дискретностью во времени и пространстве. Результаты первого обхода уже были отпечатаны на бумаге классическими идеографическими знаками древнего языка.

Обнаружено было тридцать пять новых миров. Из них единственные Врата имелись только в одном.

Вольф вывел изображение этого мира на дисплей, и на экране возникла шестиконечная звезда — только не с белым, а с красным центром. Красное обозначало опасность.

"Врата вели в мир Уризена, и понять это было так же просто, как если бы раздался голос отца и произнес: "Вот он я. Приди и завоюй, если осмелишься".

Перед мысленным взором Вольфа возникло лицо отца — красивые соколиные черты, большие, похожие на черные бриллианты, глаза. Всевышние не старели. Их тела сохраняли физиологическую молодость двадцатипятилетних. Но чувства побеждали всеильную науку, атакуя в союзе со временем, они накладывали морщины на прочную плоть.

Когда Вольф видел отца в последний раз, лицо того заметно покрывали черты ненависти. Бог знает, как глубоко исказила ненависть его лик с тех пор.

Будучи Джэдавином, Вольф в ответ на отцовскую ненависть платил той же монетой, но не разделял кровожадных устремлений многочисленных братьев и сестер. Он не предпринимал против них никаких шагов. Теперь же, когда надругались над невинной Хрисеидой, ненависть в его душе взывала к мести.

“Врата, ведущие в мир Уризена, были похожи на изображение “Гексакулума”. Роботам потребовалось двадцать два часа, чтобы соорудить аналогичную установку.

К тому времени все наблюдатели планеты передали сообщения. Кикахи в поле зрения не оказалось. Отсюда не следовало, что неуловимый парень покинул планету — он вполне мог находиться в одном из тысячи ее укромных уголков. Планета по площади превосходила Землю, и наблюдатели, естественно, не могли охватить всю ее территорию. Ждать его появления не имело смысла. Вольф решил не терять времени. В ту секунду, как закончили постройку аналога “Гексакулум”, он стал собираться в путь. Наевшись и напившись вволю — неизвестно, когда ему еще представится случай сесть за стол, — он вооружился ручным лучеметом. Могло показаться странным, что с помощью столь примитивного оружия он рассчитывал одолеть смертоносную технику Всевышних. Но по иронии технического развития самые простые способы убийства иногда оказывались наиболее эффективными. Впрочем, он не обольщался на сей счет. Он слишком хорошо знал разнообразные ловушки своих собратьев.

— Итак, — произнес он, — в путь! Больше ждать нет смысла!

Он вошел в узкое пространство внутри “Гексакулума”. Вихрем засвистел и рванулся к нему ветер. Упала тьма. словно огромные руки сдавили грудь. В одно стремительное мгновение нахлынула и спала вся эта масса ощущений.

И вот он стоит на траве близ гигантских деревьев “вайя”, неподалеку плещется прибой. Над островом и кромкой моря нависает багровое небо — лишенное солнца и светящееся ровным светом. Одежда осталась на нем, хотя при прохождении сквозь Врата ему показалось, что ее сорвало. Оружие также уцелело. Конечно, это не было внутренним двором крепости Уризена. Ибо в таком случае крепость была бы самым неудобным местом жительства Всевышнего.

Он оглянулся на доставившую его звезду — Врата исчезли, лишь высокий и широкий шестиугольник из багрового металла образовался на их месте на плоскости валуна. Вольфу вспомнилось, как что-то подтолкнуло его в проходе и как ему пришлось сделать несколько шагов, чтобы не упасть.

Довольно быстро он понял, что Уризен сдублировал Врата и перебросил его в неизвестное место.

Вольф отчетливо представлял, что может произойти при попытке вернуться сквозь те же Врата. Но он никогда не сдавался без боя.

Сойдя с валуна, он обнаружил, что Врата, как он и предполагал, служили и для выхода, и для входа.

Позади кто-то кашлянул. Вольф обернулся, держа наготове лучемер.

Глава 2

В нескольких футах от него на самом краю скалистого берега находилось странное существо, похожее на жабу. Подогнув колоннообразные ноги, не имеющие, казалось, костей, оно сидело на корточках и покачивалось на огромных перепончатых ступнях. Широкое, похожее на человеческое, туловище оказалось безголовым, а вот из живота выпирала длинная и гибкая, как у гуся, шея, заканчивающаяся вполне человеческой головой. Правда, ушей не было, а череп, равно как лицо и все тело, покрывал темно-синий маслянистый мех. Плоский нос очерчивали длинные, узкие ноздри, рот окаймляли усики из красной плоти. Большие глаза цвета зеленого мха глядели на Вольфа.

— Джэдавин! — произнесло существо на древнем языке Всевышних. — О, Джэдавин! Не убивай меня. Разве ты меня не узнаешь?

Джэдавин был ошеломлен, однако не преминул оглядеться вокруг: странное существо вполне могло служить отвлекающим маневром.

— Джэдавин! Неужели ты не узнаешь своего родного брата?

Вольф покачал головой. Тюлене-лягушечье тело, безухая голова, синий мех и расплющенный нос с длинными ноздрами существенно затрудняли идентификацию. Если

существо и было когда-то его братом, то с тех пор, должно быть, минули тысячелетия.

Вот только голос... Вольф покопался в пыли воспоминаний, словно собака в старой ветоши, но... Он вновь покачал головой и, взглянув на жабообразное существо, спросил:

— Кто вы?

Существо захныкало, и по жалобному завыванию нетрудно было догадаться, что его брат — если только это и в самом деле был его брат — пребывал в столь гадком образе весьма долгое время. Ибо ни один Всевышний не унижал себя плачем.

— Неужели и ты отречешься от меня?! Неужели и ты прогонишь? Все надо мною смеются, все на меня плюют, бьют и гонят прочь. И говорят... — он прикрыл плавниками лицо, и огромные слезы покатались из зеленых глаз по синему меху щек. — О, Джэдавин, не будь таким, как остальные! Ведь я любил тебя больше всех! Так не будь же жестоким.

“Другие? — подумал Вольф, — значит были и другие. Но как давно это было?”

Вслух же он нетерпеливо бросил:

— Не будем играть в прятки. Кем бы вы ни были, ваше имя?

Существо привстало на своих бескостных ногах, силой мускулов подняв жирную тушу, и сделало шаг вперед. Вольф не отступил, но перехватил лучемер поудобнее.

— Больше ни шагу. Как тебя зовут?

Существо остановилось, не переставая рыдать.

— Ты такой же, как и другие, думаешь только о себе, тебе безразлично, что случится со мной? Неужели мои страдания бесконечны, а мое одиночество и муки ничуть не трогают тебя?

— Возможно, я и растрогался бы, если бы знал, кто ты такой, — заметил Вольф. — Так что же с тобой случилось?

— О, Властелин Всевышних! О, мой родной брат!

Жабообразное чудовище сделало еще один гигантский косолапый шаг, оставив за собой перепончатый мокрый

след, и умоляющим жестом протянуло ласту. Потом замерло, метнув взгляд вверх головы Вольфа. Тот резко отскочил и развернулся так, чтобы держать под обстрелом и существо, и того, кто мог подкрасться сзади. Однако за его спиной никого не оказалось.

Существо явно рассчитывало на это, и в тот самый момент, когда Вольф отпрыгнул и оглянулся, оно метнулось вперед: нижние конечности распрямились, словно высвобожденная катапульта, и подбросили тушу в воздух. Если бы Вольф только повернулся, чудище погребло бы его под своей тушей. Отступив в сторону, он избежал столкновения, но все же не успел увернуться от удара ластой по левому плечу. Толчок был столь сильным, что он отлетел в сторону и выронил лучемет. Не следует забывать, что Вольф отличался развитой мускулатурой, а нервные импульсы бежали по его телу вдвое быстрее обычного, ускоренные с помощью научных открытий Всевышних. Будь он простым землянином, его левая рука осталась бы навсегда покалеченной и он не избежал бы второго нападения.

Воля от ярости и разочарования, жабообразная тварь приземлилась на том месте, где он стоял мгновением раньше, повернулась и, резко оттолкнувшись, словно вместо ног у нее были пружины, вновь бросилась в атаку. Вся схватка была молниеносной и напоминала кадры ускоренной киносъемки.

Не теряя ни секунды, Вольф метнулся к оружию. Тварь уже нависла над ним в прыжке, ее воинственный крик резал барабанные перепонки. Схватив лучемет, Вольф несколько раз перекувырнулся и вскочил на ноги. Чудище прыгнуло в третий раз. Вольф перехватил лучемет в правую руку и обрушил приклад на темя противника. Удар отшвырнул существо назад: оно рухнуло наземь с окровавленной головой.

Поодаль послышался шум аплодисментов. Повернувшись, Вольф увидел в тридцати ярдах от поля боя мужчину и женщину, укрывшихся под сенью кустов. Одетые

в роскошные платья Всевышних, они направлялись к нему; руки их были пусты, шпаги укрыты в ножнах, выделанных то ли из грубой кожи, то ли из рыбьей чешуи.

Вольф не ослабил бдительности, и, когда свидетели схватки приблизились на расстояние двадцати ярдов, приказал им остановиться. Поверженная тварь застонала и шевельнулась, но не сделала попытки сесть. Вольф все же отошел от нее на безопасное расстояние.

— Джэдавин! — окликнула женщина. Нежное контральто взволновало его сердце и пробудило воспоминания. Хотя они не виделись уже больше пятисот лет, он узнал ее.

— Вала! — воскликнул он. — Что ты здесь делаешь?

Вопрос был чисто риторический. Он понял, что ее, должно быть, тоже пленил отец. Узнал он и спутника сестры — это был Ринтрах, один из его братьев. И Вала, и Ринтрах, несомненно, попались в ловушку.

Вала улыбнулась ему, и сердце Вольфа забилось сильнее. Она была самой красивой женщиной из всех, кого он знал, если не считать, конечно, очаровательной Хriseиды и другой его сестры, Ананы Великолепной. Однако он и любил, и ненавидел Валу намного сильнее, чем Анану.

Вала вновь похлопала ему и сказала:

— Молодец, Джэдавин! Ты нисколько не утратил умения сражаться. Твой противник мерзок и опасен. Он работает и хнычет, пытаясь завоевать доверие, но тут же — прыг! и хватает за горло! Он чуть не убил Ринтраха, когда тот впервые пришел сюда, и сделал бы это, если бы я не ударила его осколком камня. Итак, как видишь, я тоже имела с ним дело.

— Почему вы не добились его тогда? — спросил Вольф.

Ринтрах улыбнулся и пояснил:

— Неужели ты не узнаешь собственного братца, Джэдавин? Это существо — твой любимый маленький умный Теотормон.

— Боже! — поразился Вольф. — Теотормон?! Кто же сделал тебя таким?

Никто на это не ответил, да ответа и не требовалось. Это был мир Уризена, только он мог сделать таким их брата.

Теотормон, тяжело вздохнув, сел, положив ласты на кровоточащую голову, и стонал, качаясь из стороны в сторону. Его зеленые, как лишайник глаза, уставились на Вольфа, и он сдавленно шептал ругательства, не осмеливаясь говорить громко...

Вольф произнес:

— Уж не собираетесь ли вы уверить меня, что сохранили ему жизнь из братских побуждений? Даже не пытайтесь, я все равно не поверю.

Вала рассмеялась:

— Конечно, нет! Я подумала, что его можно будет использовать позднее. Он хорошо знает эту маленькую планету, так как находится здесь уже довольно долго. Он трус, брат Джэдавин. У него не было мужества испытать свою жизнь в лабиринте Уризена, он остался на этом острове и стал таким же, как вырождающиеся местные жители. Наш отец устал, ожидая, когда он соберется с несуществующим мужеством. Чтобы наказать его за отсутствие смелости, он забрал его в свою крепость Аппирманзум. Там он придал ему эту форму, превратил в отвратительное морское чудовище. Но даже тогда Теотормон не осмелился пройти через Врата во дворец Уризена, остался здесь и жил, как отшельник, презирая себя и ненавидя все другие живые существа, особенно родственной крови.

Он живет, питаясь фруктами, птицами, рыбой и другими морскими обитателями, которых может поймать. Он ест их сырыми, а когда бывает возможность, убивает местных жителей и тоже поедает их. Впрочем, они этого заслуживают. Это — сыновья и дочери других Всевышних, которые, как и Теотормон, проявили трусость. Они провели свою жалкую жизнь на этой планете, нарожали детей, вырастили их, а затем умерли. Уризен сделал с ними то же самое, что с Теотормоном. Он забирал их и превращал в отвратительные существа, а потом возвращал сюда. Наш

отец думал, что, несомненно, превращение в чудовищ заставит их возненавидеть его, и тогда они испытают дверь Аппирманзум в попытке отомстить за себя. Но все они оказались трусами. Они предпочитали жить в своем кошмарном виде, нежели умереть как настоящие Всевышние.

— Мне хотелось бы побольше узнать об этой проделке моего отца. Но насколько могу я доверять вам? — спросил Вольф.

Вала снова усмехнулась.

— Все мы, попавшие в ловушку Уризена, находимся на этом острове. Некоторые из нас здесь только несколько недель, хотя Лувах сидит уже полгода.

— А кто еще, кроме вас и него?

— Некоторые твои родные и двоюродные братья. Кроме Ринтраха и Луваха, еще два брата — Энион и Аристон, и кузены Тармас и Паламброн.

Она весело засмеялась, показала на красное небо и сказала:

— Все, все пойманы в ловушку нашим отцом! Все снова собрались, снова после горестной тысячелетней разлуки. Счастливая семейная сцена, какой не могут представить себе простые смертные.

— Я могу представить, — произнес Вольф, — но вы все еще не ответили на мой вопрос о доверии.

— Мы все дали клятву об общем перемирии, — нарушил молчание Ринтрах. — Мы нуждаемся друг в друге, поэтому должны отбросить враждебность и действовать сообща. Только тогда можно будет победить Уризена.

— Насколько я помню, общего перемирия давненько не было, — сказал Вольф. — Я помню, как мать говорила мне, что в последний раз такое перемирие было за четыре тысячи лет до моего рождения, когда черные Уэллеры угрожали Всевышним. Уризен совершил тогда два чуда. Он поймал в ловушку сразу восемь Всевышних и вынудил их заключить перемирие... Пусть же это перемирие принесет с собой его гибель.

После этого Вольф сказал, что готов принести клятву на перемирие. И именем От-Лоса, отца всех Всевышних,

он поклялся соблюдать все пункты мирного соглашения, пока не наступит время, когда все согласятся отказаться от него или же все до единого будут мертвы. Но даже давая эту клятву, он знал, что на других нельзя положиться, никогда нельзя быть полностью уверенным в том, что они не предадут его. Он понимал, что и Ринтрах с Валою сознавали это и доверяли ему не более, чем он доверял им. Но, по крайней мере, они хоть некоторое время будут действовать все вместе. Маловероятно, что кто-то посмеет нарушить перемирие. Они решатся на это только тогда, когда появится уверенность в безнаказанности.

— Джэдавин, родной мой братец! — скулил Теотормон.— Мой любимый брат, ты ведь всегда любил меня и защищал. А теперь ты захотел убить меня, меня, своего родного маленького братика.

Вала плюнула на него и сказала:

— Ты, мерзкое трусливое животное! Ты не Всевышний и не наш брат. Почему ты не нырнешь в пучину и не утонешь там? Убери свою трусливую, вероломную морду с наших глаз, спрячься от всех существ, дышащих одним с нами воздухом. Пусть рыбы сожрут твоё жирное тело, хоть им и станет плохо после этого.

Ползя и протягивая лапы, Теотормон волочил своё тело к Вольфу.

— Джэдавин, ты не знаешь, как я страдаю. Неужели у тебя нет ни капли жалости ко мне? Я всегда думал, что, по крайней мере, у тебя есть то, чего не хватает другим. У тебя доброе сердце, исполненное состраданием, чего не хватает этим бездушным чудовищам.

— Ты пытался убить меня,— сказал Вольф.— И снова попытаешься при первой же возможности сделать это.

— Нет, нет,— запричитал Теотормон, пытаясь жалко улыбнуться.— Ты совершенно не понял меня. Я думал, что ты возненавидишь меня за то, что я предпочел эту подлую жизнь достойной смерти, как истинный Всевышний. Я хотел забрать твоё оружие, чтобы ты не мог причинить мне вреда. Потом я бы объяснил, что случилось со мной и как я дошел до этого. Тогда бы ты понял меня. Ты

бы пожалел меня и любил так же, как тогда, когда ты был еще мальчиком во дворце нашего отца и я был твоим младшим братом. Вот и все, что я хотел сделать: лишь объяснить тебе и снова стать любимым, а не презираемым. Я не хотел причинить тебе вред. Именем От-Лоса, клянусь тебе в этом.

— Мы еще поговорим, — бросил Вольф. — А теперь — прощай, уходи.

Теотормон поплелся прочь на широко расставленных ногах. Достигнув края острова, он повернулся и выкрикнул непристойности и оскорбления в адрес Вольфа. Тот поднял лучемет, намереваясь, впрочем, только поугадать Теотормона. Чудище пронзительно закричало и прыгнуло, как гигантская лягушка, в воду, причем его резиновые ноги и перепончатые пальцы тащились позади него. Он погрузился в воду и больше не появлялся. Вольф поинтересовался у Валы, как долго тот может оставаться под водой.

— Не знаю. Возможно, полчаса. Но сомневаюсь, что он будет сдерживать дыхание. Он, вероятно, в одной из пещер, которые имеются в корнях и кавернах, образующих основание этого острова.

Она сказала, что надо идти, чтобы встретиться с другими. Пока они шли через фрондовый лес, она объяснила ему физические особенности этого мира, насколько она их знала.

— Ты, наверно, уже заметил, как здесь близок горизонт. Эта планета имеет в диаметре около 2170 миль. ("Приблизительно столько же, сколько и земная Луна", — подумал Вольф.) Однако сила тяжести немного меньше, чем на нашей родной планете. ("Не больше, чем на Земле", — подумал Вольф.) Сила притяжения резко падает при подъеме в верхние слои атмосферы, как бы растекаясь, размазываясь в окружающую Вселенную. Все остальные планеты этой галактики имеют подобные поля.

Вольф не интересовался этим. Всевышние могли делать с полями и силой притяжения то, о чем земляне даже еще не мечтали.

— Эта планета полностью покрыта водой... — продолжала Вала.

— А как насчет этого острова? — спросил он.

— Он плавает. Источником его происхождения является растение, растущее на дне моря. Когда оно вырастает наполовину, его пузыри начинают наполняться газом, вырабатываемым бактериями. Оно отрывается от корней и всплывает на поверхность. Там оно выпускает корни, или волоски, которые встречаются с волосками другого вида. Очевидно, в таких растениях имеется твердая масса. Верхняя часть растения отмирает, в то время как нижняя продолжает расти. Гниющая верхняя часть образует почву. Птицы добавляют в почву свои экскременты. Они перелетают к новым островам и в полете переносят зерна. Те вырастают в фронды, которые ты видишь, и другую растительность. — Она указала на группу растений, похожих на бамбук.

— Откуда взялись эти камни? — спросил он, указав на несколько беловатых валунов, примерно двенадцати футов диаметром.

— Газо-пузырчатые растения, которые образуют остров, являются только одним из, возможно, нескольких тысяч видов. Есть вид, который прикрепляется к камням морского дна и выносит их на поверхность. Местные жители приносят их и помещают на островах, если они не слишком большие. Белые валуны чем-то привлекают птиц гаржу, которых туземцы убивают или приручают.

— А как насчет питьевой воды?

— Это океан пресной воды.

Глядя в просвет между пурпурных с желтыми полосами, отягощенных ягодами кустов вышиной до пояса, Вольф увидел, как на горизонте появилась огромная черная арка. Через шестьдесят секунд она стала окружностью, поднимающейся над горизонтом.

— Это луна, — сказала Вала. — Здесь все по-другому. Солнца нет, свет исходит от неба. Поэтому луна означает ночь или отсутствие света. Это бледный вид ночи, но все равно лучше, чем никакой. Позднее ты увидишь планету

Аппирманзум. Она находится в центре этой Вселенной, а вокруг нее вращается пять второстепенных планет. Ты увидишь и их тоже, все черные и погруженные в небо, как наша Луна.

Вольф спросил ее, как она узнала так много о мире Уризена. Она ответила, что эти сведения дал ей Теотормон, хотя и без особого желания. Он узнал многое, пока был пленником Уризена. Вначале он не хотел расставаться с этой информацией, поскольку был злым и эгоистичным животным. Но, поймав его однажды, братья, кузены и сестра заставили говорить.

— Большинство шрамов заживает, — сказала она и засмеялась.

Вольф хотел знать, не было ли в конце концов у Теотормона разумной причины желать смерти. Он хотел также знать, насколько правдива ее история об их отношениях. Ему придется поговорить когда-нибудь с Теотормоном, конечно, на безопасном расстоянии.

Вдруг Вала замолчала и схватила Вольфа за руку. Он начал отталкивать ее, думая, что она пытается выкинуть какой-нибудь трюк. Но она, как и Ринтрах, с тревогой смотрела вверх.

Глава 3

Фронды высотой в шестьдесят футов скрывали какой-то предмет в небе. Теперь и Вольф увидел массу шириной, по меньшей мере, в четверть мили, пятидесяти футов толщины и длиной почти в милю, плывущую в пятидесяти футах над островом. Она дрейфовала по ветру, который дул из неизвестной стороны света. В этом бессолнечном мире север, юг, восток и запад ничего не значили.

— Что это? — спросил Вольф.

— Это — Абу́та, остров, плавающий в воздухе. Поспешим. Мы должны добраться до деревни, пока не началась атака.

Вольф устремился за ними. Время от времени он поглядывал наверх через фронды на Абу́ту. Он довольно быстро спускался на противоположный конец острова. Вольф догнал Валу и спросил ее, как управляется этот небоплаватель. Она отвечала, что его жители, абуталы, применяют выпускные клапаны в гигантских пузырях, накапливающих водород. Эта процедура требует усилий почти всех жителей, так как каждый пузырь и клапан открываются вручную. Во время спуска им всем приходится заниматься управлением.

— Как они ведут его?

— Пузыри имеют выходные отверстия: когда абуталы хотят, чтобы остров летел в определенном направлении, они выпускают газ из пузырей на противоположной стороне. И обходятся без сильных толчков, так как в своем деле очень искусны. Но даже при этом им постоянно приходится бороться с ветром, и они не всегда эффективно маневрируют. Нас уже дважды атаковали абуталы, и оба раза им не удавалось сесть на остров. Чтобы медленно спускаться, они бросают морские якоря — большие камни на концах канатов. Атакуя впервые, они опустились близко к острову, и вместо того, чтобы повиснуть как раз над поверхностью, им пришлось довольствоваться атакой с моря. Они потерпели неудачу.

Она покачала головой, потом добавила:

— О, нет! Это, должно быть, илмавиры. Да поможет нам Лос!

Сперва Вольф думал, что пятьдесят летательных аппаратов, выпущенных из аэронеса, были маленькими самолетами. Когда же они, кружа против ветра, спустились к земле, он понял, что это планеры. Крылья длиной в пятьдесят футов были сделаны из какого-то бледного мерцающего металла и украшены по концам зубцами. Нарисованный красный глаз со скрещенными над ним шпагами был изображен под каждым крылом. Фюзеляж был не покрыт, корпус и его оснастка, элероны и рули были покрашены в пурпурный цвет. Пилот сидел в плетеной корзине впереди развернутых крыльев. Нос воздушного судна был закруглен и имел длинный рог, выступающий вперед на расстояние около двадцати футов.

“Как рог нарвала,” — подумал Вольф. Как он узнал позднее, рога были взяты у гигантских рыб.

Планер прошел над ними до тропинки, на которой и приземлился. Вольф бросил взгляд на пилота. Его рыжие волосы торчали, по крайней мере, на фут в высоту, они блестели от какого-то фиксаторного масла. Лицо его было выкрашено, как у краснокожего индейца, красными и зелеными кругами, и черные полосы спускались по его шее к плечам.

— Деревня в полумиле отсюда, — заметила Вала. — На самом конце острова.

Вольфа заинтересовало, почему она так обеспокоена. Ведь обычно Всевышнего не заботило то, что случалось с другими. Она ответила, что если абуталы совершат успешную высадку, они убьют всех женщин на острове. Потом они оставят несколько своих лишних людей, как в колонии.

Остров был совершенно плоским. Тут и там встречались возвышенности, образованные неровно выросшими пузырями. Вольф взобрался на вершину одного холма и огляделся. Абута спустился уже до пятидесяти футов, медленно снижаясь, он нависал прямо над деревней, состоящей из примерно сотни похожих на ульи хижин. Стены, высотой в двадцать футов, окружали строения. Дома выглядели так, будто были построены из камней, бамбука и каких-то скучно-серых столбов, которые могли быть костями колоссальных морских животных.

За стеной толпились мужчины и женщины, а несколько групп находилось снаружи на открытой местности. Они были вооружены копьями и луками со стрелами. За деревьями шли доки, построенные из обычного бамбука. Вдоль них на берегу виднелись лодки различной формы и размеров.

Дно летающего острова представляло собой густое переплетение толстых кореньев. Однако в нем имелись отверстия, и из некоторых выбрасывались большие камни на канатах, сплетенных из растительных волокон. Камни-якоря, вырезанные в форме дисков, были белыми, похожими на гипс. Они тащились от берега моря и волоклись по острову, ударяясь о землю.

Другие якоря падали и ударялись о стены деревни. Они натыкались на стены из высоких столбов, они бились о голую, без травы землю и задевали хижины, рушившиеся под их ударами. В то же самое время из отверстий внизу стреляли из луков, метали копья и бросали горящие факелы. Некоторые островитяне были сбиты с ног, их хижины

задымились. Горящие факелы взрывались, и от них поднимался густой черный дым.

Однако и защитники не были беспомощны. Из большого центрального дома выскочили мужчины и женщины со странными приспособлениями. Они подожгли их и выпустили вверх. Те быстро достигли нижней части острова небоплавателей, коснулись сплетения корней, и там занялось пламя. Потом они стали взрываться и разнесли огонь в разные стороны летучего острова.

Крыша одной из хижин приподнялась и повернулась в сторону, как крышка люка. Стены аккуратно раздвинулись и упали на землю так, что хижина приняла вид распутившегося цветка, в центре которого оказалась катапульта, гигантский лук со стрелой, сделанной из рогов неведомого существа.

К стреле было прикреплено несколько горящих пузырей. Тетиву отпустили, горящая стрела взвилась вверх и вонзилась в нижнюю часть острова небоплавателей. Расчет катапульты снова начал натягивать стрелу.

Из отверстия небесного острова выпал мужчина, за ним последовали еще десять. Они спускались, как на парашютах. Их спуск тормозили пучки пузырей, прикрепленных ремнями вокруг плеч и груди. Стрела пронзила первого абутала до того, как он коснулся земли, а потом были поражены еще трое из десяти, спускавшихся следом.

Оставшиеся в живых приземлились невредимыми в нескольких футах от катапульты. Они быстро отстегнули ремни, и пузыри рванулись вверх. К этому времени десантников уже окружили. Сражались они ожесточенно, один даже добрался до катапульты, но был сражен копьями.

Летающий остров, плавно кружил над деревней. С него выбрасывали новые камни на канатах, некоторые из которых попадали в сплетение стен. Потом веревка упала на фронды и огромная петля охватила деревню.

Затормозив, небесный остров развернулся так, что его большая часть нависла над деревней. К тому времени планеры приземлились, но не все успешно. Из-за густой растительности им пришлось опускаться на холмы. Некото-

рые перевернулись, часть проскользнула между фрондами и разбилась о плотные густые кусты.

Но оттуда, где стоял Вольф, он мог видеть, по крайней мере, двадцать невредимых пилотов, которые теперь ускользали в джунгли. Там, должно быть, находились и другие.

Он услышал, как его позвали по имени. Это вернулась Вала и стояла у подножья холма.

— Что ты собираешься делать? — сердито спросила она. — Тебе нужно стать на чью-то сторону, хочешь ты этого или нет. Абуталы убьют тебя.

— Возможно, ты права, — ответил он, спускаясь с холма. — Я хотел получить представление о том, что у вас происходит. Не хочется вмешиваться в это дело, не зная, где кто находится и как развивается бой.

— Всегда осторожный и хитрый Джэдавин, — сказала она. — Но это хорошо, это говорит о том, что ты не дурак. Поверь мне, я необходима тебе, а ты мне. Тебе не справиться в одиночку.

Он последовал за ней, и вскоре они натолкнулись на Ринтраха, который припал к земле под фрондом. Он сделал им знак, чтобы они соблюдали тишину. Когда они приблизились, Вольф посмотрел туда, куда указывал Ринтрах. Не более чем в двадцати футах от них стояли пять воинов абуталов. Слева от них из-за сломанных кустов торчал хвост разбитого планера. У абуталов были маленькие круглые щиты из кости, метательные костяные копья с бамбуковыми наконечниками, некоторые держали луки со стрелами. Луки, короткие и сильно изогнутые, были сделаны из какого-то рогоподобного материала и состояли из двух частей, соединявшихся в центральной впадине рогов.

Воины были слишком далеко от них, чтобы можно было подслушать их разговор.

— Какова дальность действия твоего лучемета? — спросила Вала.

— Он убивает на расстоянии пятидесяти футов, — сказал он. — Третья степень ожога — следующие двадцать

футов, а после этого — вторая степень ожога, дальше — легкий ожог и совсем ничего.

— Теперь твоя очередь. Нападай на них. Ты сможешь убить всех пятерых одним движением, прежде чем они поймут, что происходит.

Вольф вздохнул. Настанет ли время, когда ему не нужно будет ждать наставлений Вала? Прежде он давно бы уже убил их и продолжал бы действовать совместно с Валой и Ринтрахом. Но он не был больше Джэдавином, он был Робертом Вольфом. Вала не поймет этого, она примет его колебания за слабость. Он не хотел убивать, но сомневался, что существует другой способ заставить абуталов прекратить нападение. Вала знала островитян и, возможно, говорила правду. Поэтому — нравится ему это или нет — придется стать на их сторону.

Позади них раздался пронзительный крик. Вольф пригнулся к земле и, привстав, увидел еще троих абуталов примерно в сорока футах от него. Они вышли из-за фрондов и целились в них, поднимая метательные копья.

Вольф встал лицом к ним и нажал на пластину с нижней стороны трехфутового ствола. Ослепительный белый луч толщиной с палец прошел сквозь животы всех троих. Растительность между ними и сзади них задымилась. Все трое упали, выронив из рук копья и зарываясь в траву лицом.

Вольф повернулся к оставшимся пятерым захватчикам. Два стрелка прицелились в него. Вольф сбил их первыми, потом — трех оставшихся. Он пополз, оглядываясь вокруг и высматривая остальных, которых могли привлечь крики. Но были слышны только приглушенные звуки битвы в деревне.

Запах горелой плоти вызвал в нем тошноту. Он поднялся и перевернул три трупа, а потом и те пять, что лежали в стороне. Он не думал, что они живы, но хотел удостовериться в этом. Каждый из них был перерезан лучом пополам. Кожа вдоль глубоких ран подгорела под лучом. Крови было мало, так как энергия луча сожгла их легкие и внутренности.

Вала посмотрела на лучемер. Она была очень любопытна, но знала, что безрезультатно просить Вольфа дать оружие ей в руки.

— У тебя две ступени регулировки,— сказала она.— Что же он может сделать на полной мощности?

— Он способен разрезать десятифутовую стальную плиту, — ответил он.— Но заряд иссякнет через шестьдесят секунд. На половинной мощности он может работать десять минут без перезарядки.

Она посмотрела на его карманы, и он улыбнулся. Он вовсе не собирался говорить ей, сколько у него в карманах зарядов.

— Что случилось с вашим оружием? — спросил он.

Вала издала проклятие и сказала:

— Его украли, пока мы спали. Даже не знаю, сделал ли это Уризен или хитрый Теотормон.

Вольф двинулся к месту битвы, Вала и Ринтрах не отставали. Летучий остров бросил на них бледную тень, которая скоро станет гуще, когда приносящая ночь луна покроет эту часть планеты. Абуталы, мужчины и женщины, все еще продолжали спускаться из отверстий в дне острова. Другие, поддерживаемые пучками пузырей, тушили пожар в его днище, пользуясь при этом странными предметами, которые при сжатии выпускали струи воды.

— Это живые морские существа,— сказала Вала,— амфибии. Они путешествуют по суше, выбрасывая струи воды, и передвигаются толчками.

Вольф переключил лучемер на полную мощность. Всякий раз, когда они проходили мимо каменного якоря, он перерезал канат. Трижды они натыкались на абуталов, и он переключал лучемер на половинную мощность. К тому времени, когда они подошли к деревне, он перерезал сорок канатов и убил двадцать абуталов, мужчин и женщин.

— Счастье для нас, что ты прибыл вовремя,— сказала Вала.— Думаю, что мы не смогли бы справиться с ними, если бы не ты.

Вольф ничего не ответил. Он извлек заряд из лучемера и сунул другой, маленький цилиндр в отверстие. У него

осталось еще шесть цилиндров, и если так будет продолжаться, то скоро он останется безоружным. Но делать было нечего.

Со стороны суши деревня была окружена абуталами, их было примерно девяносто человек. Очевидно, проникшие в деревню, были уничтожены, но жители деревни были заняты тушением пожаров. Однако им больше не нужно было беспокоиться об атаке непосредственно сверху. На остров абуталов явно действовала потеря якорей. Он скользнул по ветру на четверть мили и только благодаря сотням других веревок и якорей, еще держался за поверхность острова.

Вольф срезал лучеметом группу офицеров, стоявших на вершине единственного ближайшего к деревне холма.

Вскоре абуталы стали понимать, что происходит. Половина оставила осаду, чтобы окружить холм. Местность ошетилилась копьями и стрелами. Всевышние были на холме в зоне поражения концентрированного залпа стрел, но они находились под защитой группы из четырех белых каменных идолов.

Вала сказала:

— Теперь они перешли к защите. Если они пока этого не поняли, то скоро поймут. И это будет хорошо для нас. Возможно...

Она помолчала некоторое время, пока Вольф расправлялся с тремя воинами, бежавшими к впадине на холме.

Потом Вольф переспросил:

— Возможно, что?

— Наш любимый отец оставил для нас здесь весточку. Он сообщил нам кое-что из того, что нам следует сделать, чтобы найти Врата, которые ведут к нему. Их нет на этом конце острова. Он намекнул, что пара ворот есть на другом острове, но где именно, не указал. Нам нужно будет самим их найти. Поэтому я думаю...

Послышался рев абуталов, и передние их ряды бросились на холм. Стрелки создали прикрытие залпами из, по меньшей мере, тридцати луков. Вала и Ринтрах укрылись

за идолами, как им велел Вольф. Как ни жаль ему было тратить заряды, но обстоятельства вынуждали.

Он переключил лучемет на полную мощность и выстрелил по головам передних рядов. От растительности и от тел поднимался дым, когда он описывал круг ослепительно белым лучом. Стрелкам пришлось обнаружить себя, чтобы обеспечить прицельность стрельбы, и поэтому большинство упали, сраженные.

Стрелы засвистели вокруг Вольфа, отскакивая от каменных идолов. Одна ударила его в плечо, другая рикошетом от камня пролетела между ног. Потом стрел больше не было. Абуталы в задних рядах, увидя перед собой сморщенные тела сородичей и чувствуя запах горелого мяса, дрогнули. Вольф направил луч на них, и они бросились в джунгли.

— Так что ты думала?..— спросил он Валу.

— Мы можем искать тысячи лет, используя этот остров, как корабль, и не найдем эти Врата. Возможно, такова и была цель нашего отца. Видя наши бесполезные поиски, он будет наслаждаться нашим отчаянием. И разногласиями и убийствами, которые неизбежно возникнут среди нас за столь долгий срок. Но если бы мы были на Абуте, который позволит нам не только передвигаться быстрее, но и видеть с высоты гораздо больше...

— Прекрасная мысль,— сказал Вольф.— А как мы уговорим абуталов позволить нам сопровождать их? И где гарантия того, что они не набросятся на нас при первой же возможности?

— Ты совсем забыл о своей младшей сестре. Как мог ты, единственный из всех, кто любил меня, не помнить, какой убедительной я могу быть?

Она встала и закричала в сторону безлюдных на первый взгляд джунглей. Некоторое время ответа не было. Она повторила. Вскоре из-за кустов вышел офицер. Это был высокий, хорошо сложенный человек чуть старше тридцати лет, красивый, несмотря на круги, разрисованные на лице. Кроме черных полос на шее и плечах, он был украшен нарисованной на груди морской птицей. Это был

“нифтарз”, и он служил знаком командира планерных войск. За ним шла его жена, одетая в короткую юбку из красных и синих перьев, ее рыжие волосы были закручены на макушке, лицо выкрашено красными и белыми ромбами; на шее висело ожерелье из костей пальцев, поперек груди нарисован “нифтарз”, а вокруг пупка — три концентрических окружности, наведенных малиновой, черной и желтой красками. По обычаю абуталов, она сопровождала своего мужа в бой. Если он умирал, ее долгом было атаковать его убийц, пока она не убьет их или не погибнет сама.

Оба приближались к холму до тех пор, пока Вольф не приказал им остановиться.

Вала начала говорить, и мужчина заулыбался. Его жена, однако, внимательно следила за Валой во время этой беседы.

Глава 4

Лугарн, офицер, капитулировал только тогда, когда были согласованы определенные условия. Он отказался покинуть остров, пока не получит по крайней мере того, что намеревались захватить абуталы, начиная атаку. Вала, не колеблясь, обещала ему, что военным трофеем будут домашняя птица и животные (морские крысы и молодые тюлени) защитников. Кроме того, абуталы могут изуродовать трупы своих врагов и снять их скальпы.

Островитяне плавучего острова, который назывался Фриикан, яростно возражали, услышав эти условия. Тогда Вольф сказал их вождям, что, если они не согласятся, война будет продолжаться. И он, Вольф, не станет на их сторону. Им пришлось согласиться.

Абуталы также отняли у жителей деревни все, что сочли ценным и нужным.

Другие Всевышние — Лувах, Энион, Аристон, Тармас и Паламброн — были в деревне, когда началась атака. Они очень удивились, увидев Вольфа, и не могли скрыть зависти к его лучемету. Только Лувах оказался рад видеть его. Лувах, самый низкорослый из всех, имел песочного цвета волосы и красивые черты лица, за исключением широкого и пухлого рта. Его глаза были темно-голубыми, по переносице и щекам бежали дорожки веснушек. Он обнял

Вольфа, крепко сжал и даже чуть не всплакнул. Вольф разрешил ему обнять себя, потому что верил — Лувах не воспользуется возможностью заколоть его. Будучи детьми, они крепко дружили, имели много общего, будучи оба фантазерами, склонными позволять другим делать и думать то, что те хотят. Фактически Лувах никогда не принимал участия в смертельных играх Всевышних, пытавшихся лишиться других собственности или жизни.

— Как нашему отцу удалось выманить тебя из твоего мира, где ты был счастлив и в безопасности? — спросил Вольф.

Лувах криво усмехнулся и ответил:

— Я мог бы спросить о том же тебя. Возможно, он проделал тот же трюк и со мной. Он прислал посыльного — сверкающую “Гексакулум”, и она поведала, что послана тобой. Ты просил, чтобы я навестил тебя, потому что ты страдаешь от одиночества и хочешь повидаться с единственным родственником, не жаждущим твоей гибели. Поэтому, приняв, как я думал, соответствующие меры предосторожности, я покинул свою планету. И вошел, как я считал, в твои Врата, а в результате очутился на этом острове.

Вольф покачал головой:

— Ты всегда был слишком стремительным, брат, слишком опрометчивым. И все же я преисполнен уважения к тебе, как к человеку, пренебрегающему собственной безопасностью, чтобы навестить меня...

— Только мне следовало бы быть более осмотрительным и удостовериться в том, что посыльный прибыл от тебя. В другое время я так бы и сделал. Но в тот момент, когда явилась “Гексакулум”, мысли мои были полны тобой, я скучал по тебе. Даже мы, Всевышние, имеем свои слабости, ты же знаешь.

Вольф некоторое время молчал, наблюдая, как ликующие абуталы волокут на остров домашнюю птицу, животных, награбленные ожерелья и кольца из морского нефрита. Потом произнес:

— Мы, безусловно, в отчаянном положении. И наибольшую опасность представляет отец. Но почти равная угроза — смертельная — нависла и над теми, кто стал нашими союзниками. Данное им слово не избавляет от обязанности присматривать за ними. Я предлагаю тебе взаимную поддержку: мы будем спать и бодрствовать поочередно.

Лувах вновь усмехнулся:

— Однако во сне ты все же не забудешь держать один глаз приоткрытым, чтобы следить за мной, а, брат?

Вольф нахмурился, и Лувах поспешно продолжил:

— Не сердись, Джэдавин. Нам с тобой удалось жить так долго лишь потому, что мы никогда не утрачивали веры во взаимную порядочность, причем поступали так с самыми благими намерениями. Подумать только, ведь было время, когда все мы, родные и двоюродные братья и сестры, жили, учились и играли вместе, благословенные невинностью и взаимной любовью. Теперь же мы словно волки, готовые перегрызть друг другу горло. А почему, спрашивается? Я скажу тебе. Потому что все Всевышние сумасшедшие. Они считают себя богами, тогда как в действительности они самые обыкновенные люди, не лучше вот этих дикарей. Только им посчастливилось быть наследниками могущественной науки и техники, достижениями которой они пользуются, не понимая ее законов. Подобно злым детям, они забавляются игрушками, способными создавать и разрушать целые миры. Великие и мудрые люди, придумавшие эти “игрушки”, давно почили, знания их обратились в прах, и лишь технология, унаследованная в космических государствах, продолжает существовать, используемая единственно для утех и насыщения алчности.

— Мне это хорошо известно, брат, — согласился Вольф, — возможно, даже лучше, чем тебе, поскольку было время, когда я сам наслаждался эгоизмом и пороками. Мне многое пришлось пережить — когда-нибудь я расскажу тебе, — и собственный горький опыт пробудил во мне

человеческую сущность, которую, надеюсь, ты сможешь оценить.

Абуталы спустили с Абуты огромные лестницы, увлекаемые вниз тяжелым грузом. Награбленное добро привязали к направляющим тросам и подняли к отверстиям в донной части летающего острова. Так же подняли и те планеры, которые еще можно было починить. Вольф расположился в упряжке, прикрепленной к паре пузырей. Поднимаясь, он держал лучемер наготове, отдавая себе отчет, что находится во власти абуталов, да и те вполне понимали это. Но, как ни странно, никто не проявил враждебности. У отверстия его подхватили две ухмыляющиеся женщины. Они оттащили его в сторону и сняли упряжь, а пузыри отнесли и бросили на кучу в темном дальнем углу.

Когда подняли всех Всевышних, Лугарн со своей женой, Ситаз, отвели новоявленных союзников по винтовой лестнице в верхнюю часть острова. Ступени, изготовленные из весьма легкого, тонкого, как бумага, но прочного материала, представляли собой уплотненную оболочку газовых пузырей. На Абуте, где вес являлся жизненно важным, все делалось как можно более легким. Это отображение, как позднее обнаружил Вольф, повлияло даже на разговорный язык. В целом речь абуталов отличалась от основного словарного запаса предков незначительно, но фонетический строй претерпел некоторые изменения. Кроме того, появились новые слова, уточняющие понятия, соотносящиеся с весом, формой, гибкостью, размерами, вертикальным и горизонтальным направлениями движения.

Лестничный колодец представлял собой цилиндр, вырезанный в сплетении корней. Поднявшись по нему, Вольф очутился в своего рода амфитеатре. Полom просторного помещения служили широкие полосы оболочек пузырей, а покатые стены и потолок были огромными пузырями, связанными корнями. На обширной палубе находилось только одно общественное здание с крышей, покрытой тростником, а также длинная, открытая со всех

сторон постройка, предназначенная для увеселения. В доме имелись плоские камни, на которых каждая семья готовила пищу. В проходах копошилась домашняя птица, бегали морские крысы, а в пруду дюймовой глубины играли тюлени, которых разводили на мясо.

Ситаз, жена вождя, отвела вновь прибывших в предназначенное им помещение. Комнаты в виде небольших кабинок были вырезаны в корнях, а полом и стенами служили все те же оболочки пузырей. Двери заменяли вырезанные в полу отверстия, куда поднимались с помощью складных лестниц. Свет проникал через единственный иллюминатор: для освещения также использовались лампы, заправленные рыбьим жиром. Места едва хватало, чтобы сделать два шага в одну сторону и два в другую. В качестве кроватей использовались ниши в стенах, по форме напоминающие гробы, застланные матрасами из перьев, набитых в рыбью кожу. Большая часть дневной и ночной деятельности проходила на "главной палубе". Уединиться было негде, кроме капитанского мостика.

Вольф ожидал, что абуталы тотчас же поднимут якоря и отправятся. Однако Лугарн сказал, что им придется некоторое время подождать. Во-первых, острову необходимо подняться на большую высоту, чтобы лететь над открытым морем. А бактериям, вырабатывающим газ в пузырях, даже при усиленной подкормке потребуется самое меньшее два дня, чтобы наполнить пузыри, иначе полет будет небезопасным.

Во-вторых, при вторжении абуталы понесли огромные потери. Людей явно не хватало, чтобы эффективнее управлять островом, и поэтому Лугарн предложил последовать древнему обычаю и пополнить команду вербовкой островитян.

Убедившись, что "гости" благополучно разместились, Лугарн вернулся на поверхность. Вольф с любопытством последовал за ним. Вала также настояла на своем участии, хотя служило ли ее желание удовлетворению прихоти или же она собиралась не спускать с него глаз — этого Вольф не знал. Возможно, ее решение было продик-

товано и тем, и другим. Лугарн объяснил вождю фриканов, что от него требуется. Вождь удрученно махнул рукой, давая понять, что ему все равно. Лугарн собрал выживших и огласил свое предложение. К удивлению Вольфа, многие пожелали стать добровольцами. Вала сказала, что эти два народа были заклятыми врагами, но сейчас фриканы ослаблены и, кроме того, молодежь привлекала романтика жизни на летающем острове.

Лугарн осмотрел добровольцев и выбирал тех, кто хорошо проявил себя во время битвы. В первую очередь он старался взять женщин, особенно с детьми. Последовала церемония ритуальной пытки, заключающаяся в прижигании паха кандидатки или кандидата. Обычно захваченного противника пытали до смерти, если он не проявлял исключительной стойкости и смелости. Потом его могли принять в племя. При крайней необходимости, как в данном случае, пытали символически.

Позднее, когда остров отплывет, новобранцы пройдут церемонию, в которой каждый смешает свою кровь с кровью абуталов. Это предотвратит месть со стороны земных жителей, поскольку кровное братство является священным.

— Есть и другая причина, обуславливающая необходимость время от времени пополнять команду, — сказала Вала. — Абуталы — и земные, и воздушные островитяне — склонны к инцесту. Потому-то обычай и предписывает принимать в племя пленников.

Вала была теперь очень дружелюбна с Вольфом и настаивала на том, чтобы проводить с ним все время. Она даже снова называла его “уивкрат” — термин, означавший “дорогой”. Она опиралась на его руку всякий раз, когда представлялась такая возможность, и однажды даже легонько поцеловала его в щеку. Вольф не отвечал на ласку. Даже теперь, пятьсот лет спустя, он не забыл, что когда-то они были любовниками и, несмотря на это, она все еще пыталась убить его.

Вольф отправился к Вратам, через которые вошел. Вала увязалась за ним следом. На ее вопросы он ответил, что хочет еще раз поговорить с Теотормоном.

— С этой морской жабой! Чего ради!? Что он может знать?

— Посмотрим.

Они приблизились к Вратам. Теотормона не было видно. Вольф прошелся по краю острова, чувствуя, как земля то тут, то там проседает под его весом. Очевидно, пузыри в этих местах были не такими уж плотными.

— Сколько таких островов имеется на планете и каков их максимальный размер? — спросил он.

— Не знаю. За время, что я здесь, мы видели два; фрииканы говорят, что таких островов множество. Они упоминали еще о Матери Островов — сравнительно большом острове, если верить слухам. Летающих островов тоже много, но все они приблизительно одинакового размера. Слушай, зачем нам говорить об этих скучных материях? Разве нам нечего вспомнить?

— Что же? — осведомился Вольф.

Она повернулась к нему, приблизив лицо так, что ее губы чуть не коснулись его подбородка.

— Почему бы нам не вспоминать больше прошлое? В конце концов, прошло так много времени, мы были тогда так молоды и глупы.

— Сомневаюсь, чтобы ты так уж сильно изменилась.

— Ты так уверен? — улыбнулась Вала. — Разрешите же мне доказать, что теперь я совсем другая. — Она обняла его и положила голову на грудь. — Кое в чем я действительно стала другой. Но ведь я любила тебя когда-то и теперь, когда вижу тебя снова, то понимаю, что никогда не переставала любить тебя.

— Даже тогда, когда попыталась убить меня в постели? — спросил он.

— Ах, это... Дорогой, я была уверена, что ты изменяешь мне с той противной и хитрой Алаградой. Я думала, что ты предал меня. Можно ли бранить женщину, которая

сходила с ума от ревности? Ты ведь знаешь, какая я собственница?

— Отлично знаю, — Вольф отстранил ее и добавил: — Еще будучи ребенком ты уже была законченной эгоисткой. Эгоистичны все Всевышние, но ты своего рода уникам. Понять не могу, что я тогда в тебе нашел.

— Ах, мерзавец! — воскликнула она. — Ты любил меня, потому что я — Вала. Вот и все!

Вольф покачал головой.

— Возможно, когда-то так и было. Но теперь все прошло. И никогда не повторится.

— Ты любишь другую! Я знаю ее? Это, случайно, не Анана, моя глупая и кровожадная сестра?

— Нет, — отрезал Вольф. — Анана кровожадна, но не глупа. Ведь она не попала в ловушку Уризена. Кстати, почему я не вижу ее здесь? Или с ней что-нибудь случилось? Она умерла?

Вала пожала плечами и отвернулась.

— Понятия не имею. Но твое беспокойство доказывает, что ты ее любишь. Анана! Кто бы мог подумать!

Вольф не пытался разубедить ее. Он счел неразумным упоминать о Хрисеиде, пусть даже Вала никогда с ней и не встречалась. Не стоило рисковать.

Вала повернулась и спросила:

— А что случилось с твоей девицей-землянкой?

— Какой еще землянкой? — переспросил он, ошеломленной ее злобой.

— Ах, какой? — скривились Вала. — Я имею в виду эту Хрисеиду, смертную, которую ты привез с Земли около двух с половиной тысячелетий тому назад. Из района Земли под названием Троя или что-то в этом роде. Ты вроде сделал ее бессмертной, и она стала твоей возлюбленной.

— Как и несколько тысяч ей подобных, — заметил он. — Почему именно она привлекла твое внимание?

— Не спорь, я все знаю. Ты и впрямь стал вырождением, мой брат Вольф-Джедавин.

— Тебе даже известно мое земное имя — имя, которым я предпочитаю называться? А что ты еще знаешь? И почему я так тебя интересую?

— Просто я всегда отличалась любопытством по отношению к другим Всевышним, — усмехнулась Вала. — Вот почему я и остаюсь так долго в живых.

— А не подскажешь ли, отчего погибло так много других?

Ее голос снова стал нежным, и она улыбнулась.

— Нам нет причин ссориться. Почему бы не оставить прошлое в прошлом?

— Ссориться? О, нет! Что прошло, то прошло, это верно, если только оно действительно было. Только вот Всевышние никогда не помнят хорошего, но не забывают обид. И до тех пор, пока ты не убедишь меня в ином, я буду считать тебя прежней Валой. Такой же прекрасной, может быть, даже еще более прекрасной, чем раньше, но все же с той же черной и гнилой душой.

Она попыталась улыбнуться.

— Ты всегда был слишком резок. Может быть, поэтому я тебя и любила. И как мужчина ты был лучше других. Ты был грандиознейшим из моих любовников.

Она ждала, что он вернет ей комплимент, но вместо этого услышала:

— Любовь — вот что творит любовников. И я тебя любил. Но все в прошлом.

Вольф повернулся и вновь зашагал по краю берега. Вала следовала за ним на небольшом расстоянии. Почва местами прогибалась под его ступнями. Он помедлил, позволив ей догнать его, и проговорил:

— На дне, должно быть, много пещер. Как можно вызвать Теотормона?

— Никак. А пещер действительно много. Иногда погибает целая группа пузырей — по болезни или от старости, или же их съедают рыбы, которым они приходится по вкусу. Тогда образуется каверна, хотя постепенно она заполняется новыми растениями.

Вольф взял это сообщение на заметку. Если дела пойдут плохо, человек всегда сможет найти укрытие под островом. Вала, очевидно, догадалась о его мыслях — дар, который раздражал его, когда они были дружны, — поскольку заметила:

— Я бы туда ни за что не отправилась. Вода кишит рыбами-людоедами.

— Как же справляется Теотормон?

— Не знаю. Вероятно, он превосходит их силой и быстротой. В конце концов он приспособился к такой жизни, если это можно назвать жизнью.

Вольф решил махнуть рукой на Теотормона и направился назад, в джунгли. Вала шла следом. Теперь он позволил ей идти сзади. Она слишком нуждалась в нем, чтобы покушаться на его жизнь.

Он прошел всего несколько ярдов, когда был сбит с ног ударом сзади. Сначала он подумал, что Вала все-таки прыгнула на него. Он откатился, стараясь одновременно вытащить из кобуры лучемер. И только тогда увидел, что на него напал другой. Огромное, блестящее тело Теотормона летело на него. Жирная туша навалилась на него, и дыхание Вольфа прервалось от четырехсотфунтовой тяжести. Потом Теотормон уселся на нем и стал жестоко бить лапами по лицу. Первый удар привел Вольфа в полубессознательное состояние, второй вверх во тьму.

Глава 5

Хотя Вольф на несколько мгновений и лишился чувств, он, видимо, даже в бессознательном состоянии продолжал бороться. Вытащив обе руки из-под навалившейся туши, он схватил ласты. Какими бы они ни были скользкими, ему удалось зажать их в ладонях. Способность мыслить ясно вернулась к нему в тот момент, когда он в ярости сдавил ласты так, что Теотормон завопил от боли и приподнялся. Этого оказалось достаточно: Вольф пнул противника в толстый живот и частично освободился.

Поднявшись на ноги, Вольф еще раз ударил ногой в самую чувствительную часть чудовища — в голову. Теотормон схватился за лоб и откинулся назад. Вольф двинул ему по челюсти, потом еще раз пнул в живот. Зеленые, как мох, глаза потускнели, лягушачьи ноги подогнулись, и Теотормон рухнул наземь.

Однако он не потерял сознание, и, когда Вольф приблизился, чтобы завершить дело, Теотормон ударил его своей громадной ступней. Вольф перехватил ступню и таким образом блокировал удар, но все же его отбросило назад. Теотормон вскочил, пригнулся и снова прыгнул вперед. Вольф также бросился на противника, выставив правое колено. Удар пришелся Теотормону в подбородок, и оба снова упали на землю. Вольф поднялся, нащупывая

лучемер, и обнаружил, что того нет в кобуре. Его брат тоже поднялся. Противники стояли лицом друг к другу, тяжело дыша и только теперь ощущая боль.

Благодаря особым средствам естественная сила Вольфа была увеличена вдвое и его кости окрепли, не став хрупкими, чтобы соответствовать возросшей мускульной силе. Однако подобный подготовительный курс прошли все Всевышние, так что в борьбе друг против друга они обладали примерно равной мощью.

Теотормон, чье тело переделал Уризен, весил теперь, по меньшей мере, на сто шестьдесят фунтов больше брата. Но Уризен, очевидно, ненамного увеличил силу Теотормона, так как Вольф еще держался в схватке. Хотя вес, конечно, имел большее значение в борьбе, и Вольфу следовало держаться настороже, чтобы не дать братцу воспользоваться этим преимуществом.

Отдышавшись, Теотормон рывкнул:

— Я из тебя еще выколочу дух, Джэдавин! А затем нырну в море, оттащу в пещеру и буду держать там, скармливая своим любимцам.

Вольф огляделся. Вала стояла поодаль, странно улыбаясь. Он не стал тратить силы и время, прося ее о помощи. Подпрыгнув в воздухе, Вольф атаковал Теотормона, ударив его обеими ногами. Урод на мгновение замер от неожиданности, затем присел. Именно на это и рассчитывал Вольф. Он провел хук снизу, но Теотормон оказался весьма проворен. Скользя ботинками по спине чудовища, Вольф перелетел на другую сторону и мгновенно развернулся. Теотормон уже прыгнул, рассчитывая смять его, но удар в челюсть остановил его.

На этот раз Теотормон не поднялся. Он лежал, шумно сопя разможенным носом. Темный котиковый мех пропитался кровью, сочившейся из разбитых губ и сломанной челюсти. Для большей уверенности Вольф еще пару раз врезал ему по ребрам.

— Хвалю, хвалю,— произнесла Вала.— Недаром я любила такого мужчину... и все еще люблю...

— Почему ты не помогла мне? — поинтересовался он.

— В этом не было нужды. Я знала, что ты и так выбьешь из этого болтливого мешка его жабыи мозги.

Вольф тщетно искал в траве лучемер. Вала продолжала стоять на месте. Потом она спросила:

— Почему ты не воспользовался ножом?

— Не стоило. Мне он нужен живой. Мы возьмем его с собой.

Глаза ее широко раскрылись.

— Во имя Лоса, зачем?

— Нам могут понадобиться кое-какие его способности.

Теотормон застонал и сел. Вольф, не спуская с него глаз, продолжил поиски лучемера. Наконец он повернулся к Вале.

— Ладно, детка. Давай сюда оружие.

Вала пошарила в одежде и вытащила лучемер.

— А я ведь могла бы тебя убить.

— Ну что ж, стреляй. Только не морочь мне голову пустой болтовней. Меня не напугаешь.

— Ах так! Ну, держись! — воскликнула она в ярости и подняла лучемер. На какое-то мгновение Вольф решил, что, пожалуй, чересчур уж раздражил ее. Ведь, отличаясь болезненным самолюбием и отменной реакцией, Всевышние редко спускают оскорбления. Но Вала нацелила оружие на Теотормона, и белый луч коснулся конца лапы. Заклубился дым, засмердила горящая плоть. Теотормон рухнул наземь, рот его искривился в вопле, глаза выпучились.

Вала с улыбкой опустила лучемер и вручила его Вольфу.

Тот выругался и заметил:

— Для стрельбы не было никакой причины, кроме твоей злобы, Вала. Злобы и глупости. Я же сказал тебе, что он мог бы стать нашим спасением в вопросах жизни и смерти.

Вала медленно прошла по влажной траве и наклонилась осмотреть Теотормона. Подняв лапу с обугленным концом, она заметила:

— Он жив... пока. Его можно спасти, если ты так хочешь. Но ласт придется ампутировать.

Вольф молча повернулся и отправился звать кого-нибудь из абуталов, чтобы они помогли пересправить Теотормона на летающий остров.

С помощью четырех пузырей Теотормона подняли через отверстие на остров. Там его оттащили в сторону и уложили на полу “брига”. Это была клетка с очень легкими, но крепкими, как сталь, прутьями из расщепленных оболочек пузырей.

Вольф принялся за операцию. Силой влив лекарство, которое дал знахарь-абутал, в горло Теотормона, Вольф осмотрел хирургические инструменты. Они принадлежали колдуну, который заботился как о духовном, так и о физическом благоденствии своего народа.

Воспользовавшись пилой с зубьями акулородной рыбы, Вольф отпилил ласт чуть ниже плеча. Плоть расчленилась легко, но вот чтобы перепилить кость, пришлось дважды менять зубья. Затем шаман прижал к культе горящий факел, чтобы закупорить кровоточащие сосуды, и наложил на ожог целебную мазь, уверяя Вольфа, что чудодейственное средство помогало и более обгоревшим.

Вала наблюдала за ампутацией с улыбкой. И когда Вольф, на секунду оторвавшись от работы, встретился с ней взглядом, рассмеялась. Он пожал плечами. Ее прекрасный, чарующий смех напомнил ему звуки гонга, слышанные им некогда при путешествии вниз по реке Гузирит в стране Хамшем на третьем этаже своей Вселенной. В них также звучали золотистые нотки, а это единственное, с чем можно было сравнить ее веселый голосок. Гонг, изготовленный, вероятно, из бронзы, звенел в темной “алитуме” древних развалин храма из нефрита и халцедона. Звук его отдавался в камнях и зарослях джунглей. Гонг был бронзовый, но набат его звучал золотом. И так же звенел смех Вала — бронзово и золотисто, — полный потаенного и темного чувства.

Она сказала:

— Он никогда не сможет отрастить новый ласт, если только не счищать постоянно струпья. Ты же знаешь, конечности не регенерируют, если ткань зарубцется.

— А вот это уж не твоя забота, — отрезал Вольф. — Все, что могла, ты уже сделала.

Вала фыркнула и поднялась по винтовой лестнице на главную палубу. Вольф выждал некоторое время и, убедившись, что шок Теотормона миновал, последовал за ней.

Там обучали новым обязанностям принятых в племя фриканов, и Вольф заинтересовался. Он спросил Лугарна, чем питаются огромные газовые растения, ибо ему казалось, что корм должен иметь изрядный вес. А на летающем острове было, по крайней мере, тысячи пузырей, каждый из которых размером с газовую камеру.

— Растущий пузырь действительно надо подкармливать, — принялся объяснять Лугарн. — Но когда растение созреет, пузырь отмирает. Его оболочка становится сухой и твердой, ее специально обрабатывают, чтобы сохранить гибкость и способность растягиваться. Внутри же помещают новые колонии газовырабатывающих бактерий.

Некоторое время спустя Лугарн оставил его, сославшись на занятость. Лунные сумерки кончились, вернулся полный дневной свет. Остров с силой натягивал тросы. Наконец Лугарн решил, что грузоподъемность достаточна и пора отправляться в путь. Каменные якоря подняли.

Медленно поднимаясь, остров проплыл над разрушенной деревней. Некоторое время он оставался на высоте в сто пятьдесят футов. Потом, по мере того как пузыри наполнялись, поднялся до пятисот. Лугарн приказал уменьшить подачу пищи бактериям и отправился на обход острова.

Вольф спустился посмотреть, как чувствует себя Теотормон. Колдун доложил, что самочувствие пациента хорошее. Даже лучше, чем можно было ожидать.

Вольф поднялся по лестнице на вершину стен. Здесь он обнаружил Луваха и одного из кузенов, Паламброна — изящного красавца, самого томного в семье. Его кону-

сообразную шляпу с шестиугольным ободком украшали изумрудно-зеленые совы. Черная мантия со стоячим воротником и эполетами в форме львиной лапы была сделана из зеленой мерцающей ткани с узором трилистника, пронзенного окровавленным копьём. Рубашку цвета "электрик" украшала отделка из канта с белыми черепахи. Широкий кожаный пояс был отделан золотом и инкрустирован бриллиантами, изумрудами и топазами. На ногах — мешковатые брюки в белую и черную полоску и ботинки из мягкой светло-красной кожи.

Паламброн был исключительно красив, о чем и сам хорошо знал. Он кивнул в ответ на приветствие Вольфа и ушел. Тот, глядя ему вслед, усмехнулся:

— Паламброн никогда не питал ко мне нежных чувств. Я бы встревожился, если бы он вдруг изменил свое отношение.

— Пока мы на летающем острове, можешь не беспокоиться, — заметил Лувах. — По крайней мере, если поиск не слишком затянется. Хотел бы я знать, сколько он продлится. Так можно вечно летать над морем и никогда не натолкнуться на Врата.

Вольф посмотрел на красное небо, сине-зеленую воду и на островок, который они покинули, — кусочек дрейфующей суши, с высоты кажущийся не больше монетки. Чуть поодаль кружили белые птицы с огромными крыльями, желтыми кривыми клювами и оранжевыми круглыми глазами. Одна из них с резкими криками опустилась рядом с тем местом, где они стояли, подняла голову и уставилась на них немигающими глазами. Вольфу вспомнились вороны собственного мира. Есть ли у этих птиц хоть капля разума? Может быть, они подслушивали для Уризена? У отца наверняка имелись способы наблюдения за ними, иначе он не получил бы полного удовлетворения от этой игры.

— Лугарн сказал мне, что Абута всегда следует одним и тем же курсом. Ветер здесь постоянный, и он гонит ее вокруг этого водного мира по спиральной орбите. Так что

в конечном счете полет охватывает всю поверхность планеты.

— Но остров, на котором находятся Врата, так же движется. Что если наши курсы никогда не пересекутся?

Вольф пожал плечами.

— Тогда мы не найдем его.

— Этого-то Уризен и добивается. Вот уж он порадует-ся, когда мы все тут свихнемся с досады и безделья и перегрызем друг другу глотки.

— Вполне вероятно. Однако курсом Абуты можно управлять. Поиски, конечно, потребуют времени, но шанс есть. Вот только...

Вольф смолк и молчал так долго, что Лувах забеспокоился.

— Что — “только”?

— Наш добрый отец поселил здесь не только людей: я имею в виду рыб, животных, птиц. Так что следует ожидать, что некоторые острова — как водные, так и воздушные — населены весьма злобными существами.

Снизу раздался голос Валы, сзывающий всех на обед. Собеседники спустились и расположились за столом вождя. Лугарн рассказывал о своих планах. Он намеревался изменить курс, поскольку где-то на юго-западе дрейфовал еще один летающий остров, которым правил его злейший враг Ваераш. Теперь, когда у абуталов есть Вольф с лучеметом, они могли окончательно разделаться с Ваерашем. Победа в этой битве покроет их славой. А Ваераша навеки похоронят в океане.

Вольф не стал возражать. Он только надеялся, что Ваераша не найдут, поскольку хотел сберечь заряды для более важных дел.

Ярко-красные дни и бледно-розовые ночи тянулись однообразно. Лишь первое время для Вольфа нашлось занятие. Он разузнал все, что смог, об управлении островом. Он тщательно изучил нравы племени и характер каждого его члена. Другие Всевышние, за исключением Валы, практически не интересовались подобными вещами. Большой частью они слонялись по носовой части, высмат-

ривали остров с заветными Вратами Уризена. Они вечно сетовали на судьбу, изливая душу то абуталам, то друг другу, и постоянно ссорились, стараясь, правда, не доводить дело до драки.

По мере того как шли дни, Вольф все больше проникался к ним отвращением. Эти слюнтяи явно не стоили того, чтобы спасти их — кроме, пожалуй, Луваха. Высокомерие гостей к тому же раздражало абуталов. Вольф неоднократно напоминал собратьям, что их жизнь зависит от островитян. Стоит разгореться ненависти, и пришельцев выбросят за борт. К его советам прислушивались, но проходило время, и тысячелетняя вера в свою богоподобность вновь овладевала Всевышними.

Вольф целые дни проводил на мостике с Лугарном, считая необходимым хоть как-то разряжать напряженность, бездумно создаваемую его братьями и кузенами. Он также посещал занятия по планеризму, поскольку человек, не владеющий крыльями, не мог рассчитывать на уважение со стороны абуталов. Вольф как-то спросил Лугарна, почему к полетам на планере относятся на острове столь священно, в то время как он сам считал обучение им пустой тратой времени.

Вопрос удивил Лугарна, Вождь внимательно выслушал Вольфа, а потом сказал:

— Почему?.. Просто потому... что так и есть. Ни один мальчик не становится мужчиной, пока не совершит самостоятельные взлет и посадку. А уж говорить, что планеры не стоят хлопот! ... Нет, тут вы заблуждаетесь. Вот подождите, придет день, когда мы встретимся с врагом, и вы возьмете свои слова назад.

На следующий день Вольф совершил пробный полет. Они с Лугарном сели в двухместный тренировочный планер, и два пузыря поднимали его до тех пор, пока Абута не превратилась в крошечный коричневый овал. На этой высоте ветер дул сильнее, и они на несколько миль обогнали остров. Лугарн, выступающий в роли инструктора, отцепил подъемный механизм.

Будучи Джэдавином, Вольф имел представление о самых разнообразных типах летательных аппаратов. На Земле он получил лицензию, разрешающую ему пилотировать одномоторные самолеты. Он уже давно не летал, но старые навыки не забылись. Когда планер начал спускаться по спирали, Лугарн передал ему рычаг управления. Потом похлопал Вольфа по плечу, одобрительно кивнул и вновь взялся за штурвал. Машина шла по ветру, слегка отклоняясь в сторону, и в последний момент приземлилась на широкой палубе.

Вольф совершил еще пять тренировочных вылетов, причем два последних с самостоятельной посадкой. На четвертый день он поднялся в воздух один. Лугарн был поражен: ведь большинству новичков требовалось вдвое больше времени. Вольф как-то поинтересовался, что происходит, если выполняющий самостоятельный полет ученик не сможет посадить планер на Абуту. Как островитяне подбирают его?

Лугарн улыбнулся и, подняв руки раскрытыми ладонями кверху, сказал, что неудачника оставляют на волю судьбы. Больше на эту тему не говорили. Но перед первым самостоятельным полетом Лугарн попросил Вольфа оставить лучемер на Абуте. Вольф передал оружие на хранение Луваху, поскольку не думал, что тот употребит его во зло. Во всяком случае вероятность злоупотребления была намного меньше, чем если бы он доверился кому-либо другому.

После полета Вольф ходил с обнаженной грудью, как и полагалось мужчине, на груди которого нарисован “нифтарз”. Лугарн также выразил желание побрататься с ним. Услышав об этом, другие Всевышние принялись грустить.

— Неужели Джэдавин, сын великого Уризена, прямой потомок самого Лоса, станет братом раскрашенного дикаря? Неужели у тебя нет гордости, брат?

— Не вам говорить о братстве, — ответил он. — Эти люди, по крайней мере, не пытались меня убить — чего нельзя сказать о вас, исключая Луваха. И не вам прези-

рать их. Ведь они хозяева собственного мира, тогда как вы бездомные скитальцы, попавшие в ловушку, как безмозглые гуси. Так что не спешите кичиться, а лучше постарайтесь подружиться с островитянами. Может случиться так, что их расположение вам очень понадобится.

Прижимая на груди розовый полуотросший ласт, Теотормон сидел на корточках в мелком бассейне. Он воскликнул:

— Проклятье всем вам! Уризен в конце концов захлопнет ловушку и долго будет наслаждаться вашими воплями. Но вот что я скажу о Джэдавине. Он — настоящий мужчина, не то что вы. И я желаю ему удачи! Пусть он доберется до нашего отца и отомстит, а все вы — да умрете ужасной смертью!

— Закрой свой безобразный рот, ты, жаба! — закричал Аристон. — У меня начинаются спазмы в желудке при виде тебя. А уж слушать тебя — не дай Бог! О, как бы мне хотелось очутиться в своем мире и заковать тебя в цепи у своих ног. Я быстро бы заставил тебя молить о пощаде, мерзкое чудовище. А потом скормил бы твою жирную тушу своим любимцам. О, мои прекрасные, маленькие любимцы!..

— Размечтался! — съязвил Теотормон. — погоди, как-нибудь ночью я сброшу тебя с этого летающего острова. Вот уж я посмеюсь, когда ты будешь молотить кулаками воздух и вопить, летя вниз!

— Довольно детских пререканий, — оборвала их Вала. — Разве вы не знаете, что любая ссора между нами лишь восторгает отца? Он порадуетя от души, если вы разорвете друг друга на куски.

— Вала права, — заметил Вольф. — Вы называете себя Всевышними, творцами, правителями всех миров. Однако ведете себя, как избалованные и злые дети. Даже если вы ненавидите друг друга, помните, что тот, кто научил вас этой ужасной ненависти и возвел теперь на эшафот, еще жив. А он должен умереть. Даже если нам самим придется погибнуть, чтобы удостовериться в его смерти. Так что

потрудитесь жить, как подобает Богам, и достойно встретить конец.

Неожиданно Аристон рванулся к Вольфу. Лицо его побагровело, рот перекосясь. Остановившись перед братом, который явно был сильнее, Аристон с такой яростью махнул рукой, что его шафранового цвета мантия с пурпурной и зеленой вышивкой распахнулась.

— Довольно я натерпелся, ненавистный брат! — вскричал он. — Больше я не намерен сносить твои оскорбления. Он, видите ли, лучше нас, потому что стал ближе к человеку! Говорю тебе: не смей равнять нас с этими скотами! Ненавижу тебя, как ненавидел всегда! Ты — ничто... ты — подкидыш!

С этими словами — надо заметить, что для Всевышнего нет худшего оскорбления, чем обвинение в том, что он не является прямым потомком избранной расы, — Аристон схватился за нож. Вольф согнул колени, готовясь к схватке и до последнего надеясь, что все уладится миром. Престиж Богов сильно упадет, если они начнут ссориться на глазах смертных.

В этот момент с гондолы на носу острова раздался крик. Тотчас забили барабаны, и островитяне побросали свои дела. Вольф перехватил пробежавшего мимо аборигена и поинтересовался, что это за шум.

Мужчина указал на небо. Вольф повернулся и на фоне красного купола небосвода увидел темный неясный силуэт.

Глава 6

Еще на бегу к мостику Вольф увидел второй темный силуэт, потом еще два. Его охватило беспокойство, предчувствие того, что сейчас произойдет нечто необычное. Поначалу он не отдавал себе отчета в причине смутения, но внезапно понял в чем дело: темные пятнышки двигались под прямым углом к ветру.

На мостике Лугарн приказал Вольфу быть поблизости. Что касается других Всевышних, то теперь настало время и для них оправдать свое пребывание на острове. Лугарн слышал, как они похвалялись силой. Пусть же действуют мечами так же, как языками, и подтвердят свои слова делом.

Связь на летающем острове во время боя осуществлялась барабаном. Приказы тем, кто находится во внутренних помещениях, передавались через проходы в боковых частях или через отверстия в дне. Всю Абуту пронизывала сеть тонких трубок. Изготовленные из костей рыбы-гирелы, они обладали высокой звукопроводностью.

Вольф наблюдал за Лугарном: приказы вождя выполнялись быстро и четко, чувствовалась хорошая выучка. Даже дети, по мере возможности, брались за поручения, высвобождая таким образом взрослых для более трудных и опасных дел. Вале, которая тоже поднялась на мостик, Вольф заметил:

— Мы, так называемые Всевышние, могли бы многому поучиться у этих, так называемых дикарей, в том, что касается взаимопонимания.

— Не сомневаюсь, — согласилась Вала и, посмотрев на воздушный океан, добавила: — Их уже шесть. Кто это?

— Лугарн называет их ничидлорами, но у него не было времени объяснить подробнее. Имей терпение, довольно скоро все выяснится. Думаю даже, что слишком скоро.

К этому времени к планерам уже прикрепили подъемные пузыри. Пилоты рассаживались по кабинам, а люди из “наземной службы” подвешивали к крыльям взрывчатые пузыри-бомбы. Вдоль строя планеров прошелся колдун, облаченный в мантию и маску. Он нес двойной анкх, которым благословлял пилотов и их машины: останавливаясь перед каждым планером, он тряс анкхом, произнося заклинания. Лугарн терял терпение, но не осмеливался поторопить колдуна. Как только последний из двадцати пилотов получил благословение, подкрепленное соответствующим заклинанием, Лугарн подал сигнал. Пузыри с белокрылым грузом тотчас отпустили, и те взмыли ввысь, поднявшись на тысячу футов над островом.

Лугарн сказал:

— Они освободятся от смертоносного груза, как только ничидлоры окажутся в пределах досягаемости. Да ведет их Лос, ибо немногие уцелеют. Но если им удастся разбить гнезда...

— Их уже восемь, — заметил Вольф.

Ближайший из нападающих находился не далее чем в полумиле. Странное сооружение имело форму шара около трехсот ярдов в диаметре. Расплывчатость очертаний объяснялась множеством неровных отростков. Поросль скрывала газовые пузыри, образовывавшие неправильные концентрические окружности. На поверхности сфероидального гнезда виднелись сотни крошечных фигурок.

Лугарн указал рукой на небо, и Вольф увидел несколько маленьких темных точек.

— Разведчики, — пояснил Лугарн, — Ничидлоры не начнут атаковать, пока не получат определенной информации о враге.

— Кто они такие, эти ничидлоры?

— Вон один спускается, чтобы рассмотреть нас поближе.

Огромные пятидесятифутовые крылья с черными перьями росли из широченных плеч, завершавших безволосый человеческий торс. Четко виднелась грудная клетка, а ниже — живот с пупком. Тонкие, с огромными ступнями ноги, скорее походили на лапы с когтями. Сзади торчал длинный черный хвост, покрытый перьями. Лицо было человеческим, за исключением носа. Тот торчал на несколько футов и походил на хобот слона. Пролетая над островом, ничидлор пронзительно затрубил.

Лугарн бросил взгляд на лучемер Вольфа, но тот покачал головой и сказал:

— Не стоит раскрываться перед ними раньше времени... Тем более что запас зарядов у меня ограничен. Подождем. Может быть, удастся сразить одним выстрелом нескольких.

Тяжело взмахивая крыльями, ничидлор летел к ближайшему гнезду. Крылатые люди, несомненно, являлись работой Уризена, поместившего их сюда для собственного удовольствия. Род их наверняка брал начало от человеческих существ, переделанных в лабораторных колбах. Их вполне могли похитить из других миров: возможно даже, что некоторые происходили от землян. Теперь же они вели странную жизнь под красными небесами и темной луной, рождаясь и вырастая в воздушных гнездах, носимых ветром над бескрайними просторами океана. Они питались главным образом рыбой. Но когда им встречались наземные или летающие острова, ничидлоры сеяли смерть, пожирая свежее человеческое мясо.

Теперь Вольф разглядел, каким образом гнезда двигаются против ветра. Сотни ничидлоров, ухватившись клювами за отростки, в унисон махали крыльями. Отвратительная небесная колесница была запряжена самыми странными птицами, которые когда-либо существовали.

Когда гнездо приблизилось на четверть мили, черные крылья замерли. Постепенно сокращалось расстояние и до других гнезд. Два сфероида опустились, чтобы атаковать остров снизу, два облетели и заняли позицию с противоположной стороны. Лугарн невозмутимо ожидал, пока ничидлоры приготовятся к атаке.

Вольф поинтересовался, почему он не прикажет планерам атаковать.

— Если отпустить планеры раньше, чем приблизятся основные силы противника, — пояснил Лугарн, — то ничидлоры поднимутся и преградят путь. Планеры просто не смогут пробраться через них. Только если мы отвлечем основные силы крылатых людей на себя, у планеров будет шанс пробиться к гнездам. Я это знаю по собственному опыту.

— Почему же ничидлоры не уничтожат сначала планеры? — удивился Вольф. — Ведь так для них было бы намного разумнее.

Лугарн пожал плечами.

— Я бы на их месте так и поступил. Но они почему-то всегда следуют одной и той же тактике. По-моему, природа лишила их не только рук, но и ума. Правда, ступни и хобот до некоторой степени заменяют им руки, но орудиями труда они пользуются значительно реже, чем мы.

— Могу предложить еще одно объяснение. Вполне возможно, что ничидлоры сознательно оставляют планерам возможность вступить в бой, находя в этом своего рода удовольствие. Скажем, они самонадеянны — подобно морским орлам, которые нападают на акул, на тысячу фунтов превышающих их собственный вес, нападают несмотря на то, что даже прикончив злобную тварь, не в силах удержать ее на поверхности.

Ветер донес до Абуты бормотание и рев сотен голосов. Неожиданно наступила тишина. Лугарн застыл, настороженно озираясь. Потом медленно поднял руку. Воин, стоявший с пузырем в руках возле каменной чаши с горящими углями, не спускал с вождя глаз.

Тишину прервал дружный вопль ничидлоров, затрубивших в свои длинные носы. С оглушительным громыханьем они поднялись с гнезд и сложили крылья в первом взмахе. Лугарн махнул рукой. Воин тотчас погрузил короткий фитиль пузыря в огонь и выпустил его. Пузырь взмыл на пятьдесят футов и взорвался.

Планеристы отцепили подъемные пузыри и устремились каждый к предназначенному гнезду.

Вольф взглянул на темные тучи приближающейся орды и почувствовал, что теряет веру в лучеист. Понесся большие потери, абуталы все же отбили атаку, прежде чем ему пришлось пустить в ход оружие. Но положение по-прежнему оставалось серьезным, потому что никогда раньше Абу ту не окружало восемь гнезд сразу.

В этот миг у него над головой тенью промелькнула белая птица с огромными крыльями. Ее крик донесся до Вольфа, и он подумал, не была ли она "о к ом" Уризена? Не следил ли отец за ними посредством глаз и мозга этой птицы? Если так, то зрелище битвы, несомненно, наполнит восторгом его жестокое сердце.

Тем временем ничидлоры, которых было так много, что они походили на черные тучи, окружили остров. Лучники напряженно ждали, когда вождь подаст сигнал открыть огонь. Женщины, вооруженные пращами, также замерли в ожидании.

Лугарн знал, что, разместив людей вдоль стен, он ослабит оборону, и сконцентрировал силы защитников на носу. Ничто не мешало ничидлорам совершить посадку на дальнем конце острова. Однако они медлили, не полагаясь на свои слабые ноги. Вольф искал взглядом планеры. Некоторые скрылись из поля зрения, атакуя два гнезда, находившиеся под дном. Другие продолжали кружить, опускаясь к цели. Из гнезд навстречу им устремились ничидлоры.

Две машины пролетели мимо ближайшего гнезда, скинув на шар дымящиеся бомбы. Хлопая крыльями, к ним тотчас устремились самки ничидлоров. Раздался взрыв, ввысь взметнулся язык пламени. Почти сразу же рвануло еще раз.

Оба планера резко взмыли вверх и развернулись для нового захода. Снова упали бомбы. Огонь миглом распространился по сухим растениям и охватил газовые ячейки. Самки завизжали так пронзительно, что перекрыли и хлопанье крыльев, и трубный рев кружащихся орд. Торопливо покидали они горящее гнездо, держа в пальцах ног своих детей. Шар разлетелся на части, осколки задевали женщин, обжигая и переворачивая их вверх ногами. Выроненные дети камнем падали в море, беспомощно махая короткими крылышками.

Вольф увидел, как одна ничидлорка сложила крылья и ястребом упала к ребенку, подхватив его у самой воды, она забила крыльями и направилась к еще целому гнезду.

К этому времени уже два шара, охваченные пламенем и распадавшиеся на части, падали в океан. Около сотни ничидлоров вылетели из кольца осадивших Абу ту и устремились за планерами, которые теперь виднелись далеко внизу, готовясь к посадке на воду.

Гнезда, находившиеся на одном уровне с островом, были недостижимы для лучемета. Понадеявшись, что с двумя залетевшими под дно гнездами дело обстоит иначе, Вольф сообщил Лугарну о своем намерении и спустился по пятидесятифутовой лестнице к отверстию в днище. Как он и ожидал, вражеские шары находились совсем близко, и он одним взмахом лучемета, включенного на полную мощность, поразил оба сфероида. Гнезда взорвались с такой силой, что его чуть не скинуло с площадки взрывной волной. Отверстие в днище заволокло дымом, и, когда он рассеялся, Вольф увидел летящие во все стороны куски растительности; тела детей и женщин как гирьки падали в море.

Воины-ничидлоры не оставляли попыток пробраться в донные отверстия. Вольф вдвое уменьшил мощность лучемета и очистил пространство от нападающих. Затем побежал вдоль сходен, останавливаясь около каждого люка, чтобы снова пустить в ход оружие. Он насчитал, по меньшей мере, сотню атакующих. Некоторым из них удалось пробиться сквозь ряды защитников к отверстиям на дальнем конце острова.

Хотя Вольф уничтожил около тридцати нападавших, со всеми ему было не справиться. Остров был слишком велик, чтобы он смог обойти все днище.

К тому времени, как он снова поднялся к люку, ничидлоры предприняли еще одну массированную атаку.

Восточная часть острова представляла собой кружащуюся, воющую, взвизгивающую толпу. Повсюду валялись трупы.

Лучники и прашники понесли тяжелые потери в первых двух атаках. Когда ничидлоры вновь ринулись на штурм, завязался рукопашный бой. Единственным оружием крылатых людей были мощные крылья и когти на

ногах. Взмахом крыла ничидлор сбивал абутала с ног, а затем прыгал на оглушенного и рвал его кривыми когтями. Абуталы защищались копьями с плоскими наконечниками, усеянными зубами акул и ножами, изготовленными из бамбукообразного растения.

Вольф принялся методично расстреливать ничидлоров, залетевших на главную палубу. Его братья сражались плечом к плечу, рубя нападавших мечами. Тщательно целясь, Вольф уничтожал окруживших их ничидлоров. Какая-то тень опустилась на него, он упал на спину и выстрелил вверх. На палубу рухнули два ничидлора, крыло одного накрыло его, как знаменем. Морщась от рыбьего запаха, Вольф выбрался как раз вовремя, чтобы убить еще двоих, прижавших Лугарна к стене. Жена вождя лежала рядом, ее копьё застряло в груди крылатого воина. Лицо ее и грудь были истерзаны, и ничидлор, одурманенный запахом горячей крови, уже принялся вспаривать ей живот. Вольф выстрелил, и каннибал рухнул навзничь, потянув за собой внутренности.

В течение следующей минуты Вольф пребывал в смертельной опасности. По меньшей мере два десятка ничидлоров напали на него со всех сторон. Он крутился как волчок, рассекая огненным лучом нападающих. Потом взобрался на гору трупов поближе к свежему воздуху.

Бой кипел вовсю. Вольф стрелял во всех направлениях и обычно попадал в цель, хотя в пылу сражения под смертоносный луч попали два абутала. Этого нельзя было избежать, и он был счастлив, что не убил больше.

Несмотря на отчаянное сопротивление, абуталы потеряли половину своего племени. Даже помощь Вольфа не спасала положение. Ничидлоры теснили защитников острова. Огромные потери, казалось, несколько не поколебали их решимости разгромить врага, даже если для этого придется погибнуть всем до единого.

Вольф снова очистил от атакующих пространство вокруг Всевышних. Залитые вражеской кровью, они стояли сплоченной группой и дружно размахивали мечами. Вольф крикнул, чтобы они собрались вокруг него: они сдерживали крылатых воинов, а он тем временем стрелял поверху них. Стоя на груди ничидлоров и упираясь ногами в скользкие трупы, он хладнокровно возобновил обстрел.

Внезапно он понял, что у него осталось только два зарядных устройства. Он надеялся сохранить боеприпасы для крепости Уризена, но, видно, ничего не поделаешь. Если не воспользоваться лучеметом, то всех их ждет неминуемая смерть.

В этот миг раздался крик Валу. Вольф взглянул наверх, куда она указывала. По небу стремительно двигался темный предмет — черная комета. Она появилась в то время, когда все были захвачены боем.

Стоявшие неподалеку абуталы тоже взглянули наверх и, издав вопль отчаяния, побросали оружие. Не обращая внимания на крылатых воинов, островитяне сломя голову кинулись к ближайшим люкам. Но и ничидлоров, взглянувших в небо, чтобы узнать причину паники, тоже охватил ужас. Они поднялись в воздух, надеясь добраться до гнезд или спастись под островом.

Вольф не бросил лучемет, но, подобно другим, кинулся к ближайшему укрытию. Лугарн рассказывал ему о черных кометах кремня, время от времени появлявшихся над планетой. Так что Вольф представлял себе последствия.

Вольф мчался к люку, когда раздался свистящий звук. На поверхности стен появились дыры, над обшивкой главной палубы за клубился дым. Ничидлор, зависший на высоте десяти футов над островом, неистово замахал пятидесятифутовыми крыльями, пронзительно заревел и рухнул на палубу; кожа его была продырявлена в нескольких местах, крылья дымились. Повсюду на палубу падали крылатые люди и вместе с ними падали абуталы. Трупы подергивались от ударов раскаленных капель.

Ударом ртути, или, как его здесь называли, живого серебра, у Вольфа выбило из рук лучемет. Наклонившись, он подобрал его и возобновил бег. На минуту перед люком образовалась пробка: Всевышние расталкивали друг друга, ругались и взывали к Лосу. Некоторые даже молили Уризена о пощаде или поминали давно умершую мать.

В какое-то мгновение у Вольфа мелькнула мысль очистить себе путь лучеметом. Именно так и поступил бы любой из них, за исключением разве что Луваха. Оставаться здесь, снаружи, значило быть убитым. Каждая секунда была дорога.

Однако каким-то образом столпившиеся все-таки протиснулись в люк, и уже следующие пробивали себе путь к спасению.

Что-то раскаленное прожгло Вольфу брюки, свистнуло над ухом, задело затылок. Вольф сиганул в люк вниз головой и, пролетев вдоль невысокой лестницы, приземлился на обе руки, выпустив при падении лучемет. Паламброн, стоявший у люка, ведущего в следующий пролет, вскрикнул и нырнул в отверстие. Вольф заглянул в колодец, увидел, что все Всевышние попадали в кучу, крича и ругаясь. Паламброн восседал сверху. Однако никто вроде бы не пострадал.

В другое время Вольф рассмеялся бы. Теперь же он был слишком занят соскабливанием горячей ртути с волос и одежды. Затем осмотрел ноги и, удостоверившись, что раскаленные капли лишь задели его, спустился вниз по лестнице. Следовало укрыться как можно ниже. Если ртутный ливень продолжится, верхние палубы будут разрушены. А если огненные капли поразят большие пузыри, то останется лишь сказать всему “прости-прощай.”

Глава 7

Вала со смехом приветствовала его в полумраке у круглого отсека. Ее веселье не являлось истеричкой, она испытывала истинное наслаждение поворотом событий. Вольф не сомневался, что будь здесь немного светлее, он разглядел бы в ее глазах радостный блеск.

— Рад, что ты находишь это смешным, — произнес он. Его качало от усталости, кровь ничидлоров покрывала его с головы до ног, одежда стала липкой от пота.

— Ты, Вала, всегда была со странностями. Даже ребенком обожала всех дразнить и жестоко подшучивать. А став женщиной, испытывала куда больше удовольствия при виде крови и страданий, чем от любви.

— Не забывай, я — богиня, — сказала она. — Дочь своего отца. И добавлю — сестра своего брата. Ты был точно таким же, дорогой Джэдавин, пока не превратился в сентиментального, человеколюбивого Вольфа — выроodka и полуземлянина. — Приблизившись и понизив голос, Вала продолжала: — У меня давно не было мужчины, Джэдавин. И ты не касался женщины с тех пор, как прошел через Врата. А ведь я знаю твою мужскую силу, брат: ты страдаешь, если не переспешь с женщиной хоть день. Отбрось свою непонятную ненависть ко мне! Пойдем! На

острове найдется сотня укромных местечек, где тепло и темно и где нам никто не помешает. Смотри, я поступаю своей гордостью, я прошу тебя.

Вала говорила правду. Как мужчина он был исключительно силен. И сейчас Вольф почувствовал, как им овладевает желание, которое он день за днем подавлял делами. А по ночам, укладываясь спать, он направлял мысли на составление планов борьбы с отцом, стараясь предвидеть тысячи случайностей и найти способы предостеречься от них.

— Сначала кровавый пир, а на десерт вождение и страсть,— произнес он.— Не я возбудил тебя, а удары клинков и вид крови.

— И то, и другое,— сказала Вала и протянула ему руку.— Пойдем со мной.

Вольф покачал головой.

— Нет. И давай больше не будем об этом говорить. Между нами все кончено раз и навсегда.

— Как скоро будет кончено и с тобой! — процедила она сквозь зубы.— Еще никто не смел...

Она резко повернулась и ушла. Когда он увидел ее некоторое время спустя, она о чем-то возбужденно беседовала с Паламброном. Потом оба удалились в полумрак переходов.

В первое мгновение он собирался вернуть их. Ведь они, в сущности, дезертировали со своих постов. Опасность нападения, похоже, миновала, но если ртутный ливень усилится, то капли могут серьезно повредить или даже разрушить остров. Но потом он пожал плечами и отвернулся. В конце концов его никто не уполномочивал распоряжаться здесь. Всевышние согласились сотрудничать лишь формально, а о мерах наказания вообще не было сказано ни слова. Кроме того, любую попытку остановить парочку с его стороны расценили бы как проявление ревности. И нельзя сказать, что такое обвинение было бы лишено оснований. Ему действительно было больно, когда

Вала ушла с другим мужчиной. Очевидно, она все еще нравилась ему. Получалось так, что чувства, которые он питал к ней более пятисот лет тому назад, все еще сохранились в его сердце, и даже предательство не стерло воспоминаний.

Вольф осведомился у Лугарна:

— Как долго длится такой ливень?

— Около получаса, — ответил вождь, — капли проносятся с черной кометой. Мы называем их Смахом Уризена. Только такой жестокий и кровожадный бог мог создать подобную напасть. Он наслаждается страданиями своего народа.

За многие тысячелетия, которые провели здесь потомки попавших в ловушку Всевышних, имя Уризена стало нарицательным для любого проявления зла.

Послышался грохот, и Вольф на мгновение испугался, решив, что лопнул газовый пузырь в дальнем конце острова. Однако вскоре выяснилось, что взорвалось еще одно гнездо ничидлоров. Оно попало под концентрированный поток капель: несущиеся пузыри стали один за другим выходить из строя. Наконец цепная реакция охватила весь сфероид, и он разлетелся на куски.

Вольф подошел к Теотормону, сидящему в углу на корточках, и попытался заговорить с ним. Брат бросил на него взгляд, полный ненависти и страданий, и несколько минут оба молчали. Наконец Теотормон беспокойно заерзал и произнес:

— Отец говорил мне, что его крепость находится на планете Аппирманзум. Вокруг нее вращаются еще четыре планеты, каждая из которых примерно таких же размеров, как эта, и все удалены от Аппирманзума не более чем на двадцать тысяч миль. Планеты не новые, отец создал их как серию примерно пятнадцать тысяч лет назад, но держал закрытыми. Их Врата действовали лишь тогда, когда сквозь них проходил отец, поэтому они и не поддавались обнаружению.

— Так вот почему я видел только три планеты, — сказал Вольф. — Они располагаются квадратом, и одна всегда скрыта Аппирманзумом.

Его не интересовало, каким образом столь большие небесные тела удерживаются в сравнительной близости и тем не менее остаются в стороне от исхоженных путей. (Наука Всевышних была вне его понимания — как, в сущности, и вне разума любого другого Всевышнего. Они унаследовали и использовали силы, принцип действия которых больше не понимали. Достаточно было того, что они ими владели.)

Недостаток знаний делал Всевышних уязвимыми. У каждого из них имелось множество машин и механизмов, но если что-нибудь ломалось, терялось или было украдено, Всевышнему не оставалось ничего другого, как похитить подобную вещь у соседа, если у того имелся аналог. Поэтому и оборонительные сооружения, какими бы неприступными они не казались, всегда имели бреши. Но обнаружить их можно было только непрерывно нападая. Так что, несмотря на всю беспомощность группы в данный момент, Вольф не терял надежды на победу.

Ожидая, пока прекратится ртутный ливень, он размышлял. Откуда-то всплыла мысль, уже давно беспокоившая его и, вроде бы, не имевшая отношения к происходящим событиям. Подсознательно он продолжал тревожиться о Хрисеиде, помочь которой в данный момент ничем не мог.

Имена его отца, братьев, сестер и кузенов не переставали удивлять Вольфа с тех пор, как он восстановил в памяти всю свою жизнь Джэдавина, Всевышнего Мира Тиерса.

Уризен, Вала, Лувах, Анана, Теотормон, Паламброн, Энион, Аристон, Тармас, Ринтрах — именно под этими именами упоминал Вильям Блейк в своих символических и дидактических произведениях властных и таинственных космогонов. Это не могло быть простым совпадением.

Вольф был убежден в этом. Но как прознал о них английский поэт-мистик? Встретил ли он какого-нибудь из изгнанных Всевышних, скитающихся по Земле, и тот по неизвестной причине поведал землянину о своих собратях? Может быть. И Блейк, вероятно, использовал некоторые эпизоды из жизни Всевышних как основу для своих апокалипсических стихов. Хотя, конечно, сильно искажил слышанные истории.

Когда-нибудь, если удастся выбраться из этой ловушки, надо будет поискать на Земле, а также поспрашивать тех собратьев, которые решатся побеседовать с ним.

Ртутный град прекратился. Выждав для большей уверенности еще полчаса, островитяне вернулись на главную палубу. Глазам их предстало печальное зрелище: настил был сожжен и исковеркан, стены испещрены пробоинами настолько, что корни и листья превратились в лохмотья. Особенно сильно пострадала гондола, от нее остались одни обломки. Всю палубу усеивали капли ртути.

Теотормон произнес:

— Ртутный ливень нельзя сравнить с метеоритным. Капли летят со скоростью всего лишь около сотни миль в час, и прежде чем достигнуть поверхности, еще больше снижают скорость и распадаются на брызги. И все же...

Он махнул ластом, указывая на причиненный ущерб.

...Вольф посмотрел вокруг над морем. Уцелевшие гнезда медленно удалялись. У крылатых людей хватало своих забот, им было не до атаки. Лишившиеся крова ничидлоры так перегрузили один из сфероидов, что он заметно терял высоту.

Лугарн был мрачен. Огромные потери в численности островитян сильно затруднят маневрирование островом и сделают невозможным его защиту в случае нового нападения. Племя останется беззащитным до тех пор, пока не подрастут дети. Однако не было никакой надежды, что

весь этот долгий срок им удастся благополучно уклоняться от столкновений.

— Мой народ обречен, — сказал Лугарн.

— Положение серьезное, — согласился Вольф. — Но, в конце концов, вам же не обязательно затевать бой с каждым встреченным островом. Вы как-то говорили, что единственной причиной конфликтов между племенами служит сближение их островов. Так избегайте этого! А ничидлоры встречаются редко. Ведь вы, если не ошибаюсь, последний раз наткнулись на такое же количество гнезд пятнадцать лет назад.

— Что?! Уклоняться от сражений? — воскликнул Лугарн. От удивления у него отвисла челюсть. — Ну, знаете... такое даже в голове не укладывается. Ведь мы прослышем трусами, и имена наши станут оскорбительными словами в устах врага.

— Вздор, — возразил Вольф, — как они разглядят вас, если вы не дадите им приблизиться? Впрочем, это ваше дело. Умирайте, коль вам так уж хочется, если не можете отказаться от своих предрассудков.

И Вольф вместе с другими принялся расчищать остров. Мертвых и раненых ничидлоров выбросили за борт. Павшим в сражении абуталам устроили похоронную церемонию — погребальный обряд свершил Лугарн, так как колдуну разбили в стычке голову. Затем тела погибших столкнули за борт, и их приняло море.

Днем и ночью остров медленно двигался по ветру. Долгими часами Вольф глядел на огромную коричневую сферу Аппирманзума. Планету отделяло от них двадцать тысяч миль — так близко и одновременно так недостижимо далеко. С таким же успехом она могла находиться и за миллион миль. Неужели нельзя отыскать способ попасть туда? В голове у Вольфа мелькнула идея — столь сумасшедшая, что он сам посмеялся над собой. И все же, будь под рукой необходимые материалы, план можно было бы претворить в жизнь.

Абута пролетела над полярной областью, поверхность которой не отличалась от других районов планеты. Дважды на горизонте появлялись вражеские острова. Но как только они меняли курс на сближение с Абутой, вождь печально приказывал экипажу спасаться бегством. Клапаны газовых пузырей по краям острова регулировались так, чтобы придать ему боковое ускорение и расстояние между островами сохранялось неизменным. Через некоторое время противник прекращал преследование, не рискуя больше тратить газ из пузырей.

Лугарн объяснил, что маневры абуталов при столкновении продолжают иногда до пяти дней.

— Никогда не встречал людей, которые бы так стремились умереть, — откровенно высказался Вольф.

Однажды, когда всем Всевышним уже казалось, что они вечно будут летать над однообразными водами океана, раздался крик впередсмотрящего. Все сбежались на шум.

— Мать-Всех-Островов! — кричал он. — Мать-Островов!

По сравнению с Матерью Островов ее “дети” выглядели действительно небольшими. С высоты трех тысяч футов Вольф мог окинуть плывущую массу от берега до берега одним взглядом. Остров был около двадцати миль в ширину и около тридцати в длину. Все на свете относительно, и Мать Островов была в этом мире почти континентом.

Побережье изрезали заливы и бухты, в низинах виднелись озера морской воды. Некий катаклизм — возможно, столкновение с другими островами — как бы сморщил часть острова, образовав горы. И именно на одной из вершин Вольф увидел Врата.

Шестиугольных сооружений из светящегося материала было два, и каждое по величине равнялось газовой камере дирижабля.

Вольф поспешил объявить новость Лугарну. Вождь уже знал о Вратах и выкрикивал приказы. Он давно пообещал Вольфу выполнить соглашение, когда найдутся Врата. Вольф с лучемером и его собратья смогут покинуть остров.

Следовало торопиться и снизить летающий остров так, чтобы он пролетел над М и т ц о й, Матерью Островов, на желаемой высоте, прежде чем отправиться дальше. Поэтому Всевышние, не мешкая, спустились на нижнюю палубу, где для них уже приготовили упряжки для спуска на пузырях. Они застегнули пояса вокруг плеч, груди и ног и прошли к отверстиям. Лугарн и абуталы, пришедшие проводить гостей, столпились вокруг. Прощались они только с Вольфом и Лувахом: расцеловали их и вручили по цветку молодого газового растения.

Крикнув “до свидания”, Вольф прыгнул в люк и устремился вниз со скоростью летящего к земле парашютиста; за ним последовали остальные. Вольф метил на небольшую полянку, но не принял в расчет направление ветра и врезался в верхушку дерева. Та спружинила, замедлив падение. Остальные также приземлились успешно, хотя и не без ушибов.

Теотормону, весившему четыреста пятьдесят фунтов, выделили дополнительную упряжь, но тем не менее он спустился гораздо быстрее других. Приняв удар на ноги, он упал, перекувырнулся и тут же с воплем подскочил, стукнувшись обо что-то головой.

Дождаясь пока все придут в себя, Вольф помахал рукой абуталам, выглядывавшим из донных отверстий. Летающий остров удалялся все дальше и дальше и вскоре исчез из виду.

Всевышние начали пробираться через джунгли к горе. Они держались настороже, так как видели с Абутой много туземных деревень. Однако на пути к Вратам никто им не встретился, и вскоре путешественники стояли перед возвышающимися гексагонами.

— Почему два? — осведомился Паламброн.

— Очередная загадка нашего отца, — пожала плечами Вала. — Одни Врата ведут, очевидно, в его дворец на Аппирманзуме. Другие — кто знает?

— Как же нам быть? — спросил Паламброн.

— Тупица! — не сдержалась Вала. — Конечно, придется идти на риск.

Вольф слегка улыбнулся. С тех пор как Вала развлекалась с Паламброном, она обращалась с ним еще с большим презрением и насмешкой, чем другие. Паламброн был сбит этим с толку. Очевидно, он ожидал своего рода благодарности.

Вольф сказал:

— Мы все должны пройти в одни Врата. Было бы неразумно разъединяться, несмотря на наши взаимоотношения.

— Ты прав, брат, — согласился Паламброн. — Кроме того, если мы разделимся и одна группа доберется до Крепости и убьет Уризена, то она захватит власть. И, несомненно, предаст тех, кто пошел во второй группе.

— Призывая держаться вместе, я не это имел в виду, — заметил Вольф. — Но мыслишь ты логично.

— Только неизвестно чем, — буркнула Вала, — из Паламброна такой же никудышный мыслитель, как и любовник.

Паламброн побагровел и схватился за рукоять меча.

— Мне надоело сносить твои оскорбления, мегера! — в гневе воскликнул он. — Еще одно слово и твоя голова покатится с плеч.

— Нам еще представится случай воспользоваться оружием, — вмешался Вольф. — Попридержите свой пыл для того, кто находится по ту сторону Врат.

Тут в сотне ярдов от них, в кустах, он заметил какое-то движение. За ними наблюдал туземец. Вольф не прочь был узнать, пытался ли кто-нибудь из местных жителей пройти через Врата. Если такие попытки предпринима-

лись, то исчезновение людей наверняка напугало аборигенов, и место, возможно, считалось запретным табу.

Он интересовался реакцией туземцев также и потому, что рассчитывал в будущем на их помощь. Однако теперь на расспросы не было времени, он просто не мог позволить себе терять ни одной секунды. Хriseида томилаcь в крепости Уризена, и каждое мгновение, проведенное в застенках, причиняло ей не только моральные, но и физические страдания.

Вольф вздрогнул и постарался выбросить из головы мрачную картину, нарисованную его воображением. Надо сосредоточиться на насущных делах.

Он окинул взглядом Всевышних, наблюдавших за ним. Ясно, что они считали его вожаком, хотя внешне старались этого не показывать. Вольф не был старшим, но когда наступал кризис, он действовал решительно и дальновидно. И у него был лучемер. Однако главная причина крылась в другом, все они бессознательно ощущали в нем некую внутреннюю силу, которой не обладали сами, хотя и это они бы отрицали, если бы их спросили. Его жизненный опыт землянина Роберта Вольфа развил в нем сноровку в делах, которую они считали для себя слишком низменной, чтобы мараить себе руки. Избавленные от тяжелого труда, от необходимости заниматься простыми или, на их взгляд, примитивными вещами, они чувствовали себя потерянными. Когда-то Всевышние создавали миры, теперь же стали не лучше дикарей, которых так презирали. Только Джэдавин, или Вольф, как его стали называть, был среди них единственным, знавшим этот варварский мир.

— Те Врата или эти... — пробормотал Вольф. — На все воля случая... — Он не заметил, что перешел на английский.

— Что это за тарабарщина? — поинтересовалась Вала.

— Один из земных языков. Поскольку Вала здесь единственная женщина...

— Но более мужчина, чем большинство из присутствующих, — съязвила она.

— ...Почему бы нам не позволить ей выбрать, в какие Врата войти? Думаю, что этот метод ничуть не хуже других.

— Эта сукина дочь в жизни не поступила правильно, — негодовал Паламброн. — Но, впрочем, пусть выбирает. Мы войдем не в те Врата, которые она укажет, а в другие, и тогда уж точно не ошибемся.

— Дело ваше, — пожала плечами Вала, — но я говорю: надо идти вон в те Врата. — Она указала на гексагон справа.

— Что ж, прекрасно, — сказал Вольф. — Поскольку у меня лучемер, я войду первым. Не знаю, что нас ждет по ту сторону. Скорее всего, там смерть, и трудно сказать, какую форму она примет. Однако на прощанье мне хотелось бы напомнить вам вот о чем. Было время, кузены и сестры, когда мы любили друг друга. Тогда еще была жива наша мать, и все были счастливы. Мы боялись отца, мрачного, далекого, страшного Уризена. Но не чувствовали к нему ненависти. Потом мать умерла. Как это случилось, никто не знает. Кое-кто — и я в том числе — уверены, что мать погибла от руки Уризена. Ведь не прошло и трех дней после кончины матери, как он взял в жены Арагу, властительницу соседнего мира, и таким образом объединил владения.

Но пусть убийца матери неизвестен, зато мы все знаем о том, что последовало за ее смертью. Уризен пожалел, что имеет детей. Он был одним из немногих, кто воспитывал своих отпрысков как Всевышних. Ведь наша раса вымирает. Мы владеем бессмертием, мы обладаем огромной властью, но род наш постепенно угасает. К тому же мы заплатили за свое могущество еще и тем, что утратили способность любить.

— Ах, любовь! — усмехнулась Вала.

Послышались смешки. Лувах тоже улыбнулся но сдержанно.

— Вы похожи на стаю гиен, — негодуяще продолжил Вольф. — Да, на гиен, на этих пожирателей падали — отвратительных и злобных животных, чье зловоние и мерзкие повадки вызывают к ним повсеместную ненависть и презрение. Но даже они выполняют полезную функцию, чего нельзя сказать о вас. Да, любовь, я не боюсь этого слова, хотя оно для вас пустой звук. Ведь прошли тысячелетия с тех пор, как вы в последний раз испытывали это чувство. Да и тогда ваши сердца вряд ли пылали страстью. Впрочем, хватит об этом. Как я уже говорил, мы узнали, что Уризен задумал погубить нас. Или, сохранив нам жизни, заставить отречься, а значит быть сосланными на захудалую планету в одной из своих Вселенных, лишенную Врат, чтобы мы вечно влачили там жалкое существование с аборигенами и никогда не смогли бы нанести ему ответный удар.

— Довольно разглагольствовать, брат, — сказала Ва-ла. — К чему ты клонишь?

Вольф вздохнул. Он понапрасну тратил время и силы.

— Я хотел сказать, что Уризен, сам не зная того, вполне мог оказать нам услугу. Возможно, теперь нам удастся как-то воскресить в себе детскую любовь, вновь вспомнить, что мы кровные братья. Жить, как и подобает...

Вольф запнулся. Лица, обращенные к нему, напоминали лики каменных идолов. Время разгладит их черты, любовь — никогда.

Он повернулся и шагнул в правые Врата.

Глава 8

Поскользнувшись, Вольф упал и покатился по гладкой стеклянной поверхности вниз с горы, на вершине которой находились Врата. Склон, по которому он мчался вниз, был сухим и скользким, хотя создавалось впечатление, что он смазан маслом.

Несмотря на все старания притормозить каблуками или ладонями, он продолжал катиться вниз. Это было похоже на спуск по ледяной горе.

Скорость все возрастала. Изогнувшись, он бросил взгляд вниз по ходу движения. Отлогий склон постепенно выравнивался, и падение несколько замедлялось. Но все же он спускался со скоростью, по меньшей мере, шестьдесят миль в час, не имея никакой возможности остановиться.

В пурпурном небе над краем горизонта показалась яркая луна — почему-то он решил, что это именно луна. Арка выделялась на фоне неба темно-багровым оттенком. Место не походило на дворец Всевышнего. Он попал на другую планету. Судя по расстоянию до горизонта, эта планета была примерно такого же размера, как и та, которую он только что покинул. И, собственно говоря, не

было никакой уверенности, что она — не одна из тех, которые он видел в небе с поверхности водного мира.

Уризен сыграл с ним злую шутку. Он устроил Врата, переместившие его лишь на другую планету, вращающуюся вокруг Аппирманзума. Другие Врата водного мира могли бы привести его в мир Уризена. Но могли доставить и сюда же. Теперь узнать об этом было невозможно.

Куда бы ни вел другой вход, слишком поздно что-либо изменить.

Он опять попался в западню отца. Практичную западню, если смерть можно считать практичной.

Вольф проскользил, пожалуй, около двух миль, прежде чем скат начал выравниваться. Еще через полмили скорость уменьшалась примерно до тридцати миль в час, хотя утверждать что-либо было сложновато, поскольку имелись лишь косвенные данные.

По правую сторону вдали виднелись причудливые деревья. Но не зная их высоты и расстояния до них, он не смог с точностью определить скорость скольжения.

Еще некоторое время спустя склон вдруг резко оборвался, и Вольф вылетел за край уступа, не сдержав крик. Он падал в пропасть. Под ним в сорока-пятидесяти футах катилась река. Противоположный берег, расположенный примерно в ста футах, образовывала отвесная стена из того же стекловидного материала, по которому он катился от самых Врат.

Вольф падал в каньон и дергал ногами, пытаясь сохранить вертикальное положение. До реки было не так далеко, как он думал, и нырнув, он оказался в холодной воде. По инерции он ушел на глубину, но вскоре всплыл. Течение быстро потащило его между стенами ущелья к изгибу. Перед тем как его вынесло за поворот реки, он успел заметить, что в воду упал еще один человек, а другой взмыл над краем обрыва. Вскоре стены ущелья расступились, и река расширилась. Начались пороги. К счастью, камни были ровные и гладкие — очевидно, из того же

стекловидного материала, — поэтому он отделался лишь несколькими ушибами. После порогов течение стало менее быстрым. Вольф поплыл к берегу, полого поднимавшемуся из воды, но выбраться из воды не смог, потому что все время соскальзывал по гладкой поверхности.

Ему не оставалось ничего другого, как плыть вдоль берега дальше в надежде, что рано или поздно объявится место, где удастся выбраться из воды. Одежда, лук, нож и лучемер очень мешали ему.

Вольф понимал, что необходимо избавиться от груза, но откладывал этот момент до последнего. Все же усталость брала свое, и он сбросил рук и колчан со стрелами, затем через некоторое время отстегнул пояс с кобурой и ножны, а лучемер и нож засунул в брюки. Еще немного спустя освободился и от ножа.

Время от времени он оглядывался, различая вверх по течению восемь голов, раскачивавшихся на волнах. Пока что все выжили, но если берега и дальше останутся неприступными, им конец. Утонут все, кроме, пожалуй, Теотормона, который мог продержаться в воде дольше любого из них, даже с одним полуотросшим ластом.

Именно тогда Вольфа и осенило. Он поплыл против течения, пока не оказался рядом с Лувахом, Валой и Тармасом. Приблизившись, он крикнул им, чтобы они тоже плыли против течения, если хотят спастись.

Наконец появилась огромная маслянистая сине-черная туша Теотормона. За ним следовали Аристон, Энион и Ринтрах. Последним, больше всех похвалявшимся, но вошедшим во Врата позже остальных, плыл Паламброн. Лицо его было бледным, он тяжело дышал.

— Спаси меня, брат! — крикнул он. — Я больше не могу. Я умираю.

— Побереги дыхание, — отозвался Вольф и обратился к Теотормону: — Ты нам нужен, брат. Именно ты, некогда презираемый, можешь теперь нам помочь. Без тебя мы утонем.

Теотормон ухмыльнулся, легко плывя против течения.

— Чего ради мне вам помогать? Ведь вам плевать на меня, вас “тошнит от одного моего вида”, разве не так?

— Ты никогда не был мне безразличен,— возразил Вольф.— И я никогда не говорил, что меня тошнит от твоего вида. Именно я настоял на том, чтобы ты отправился с нами. Потому что предвидел день, когда мы будем нуждаться в твоей помощи. Взгляни на свое тело: ты сможешь делать многое, что нам не под силу. По иронии судьбы, Уризен, устроивший эту ловушку, видно, не учел того, что сам превратил тебя в морское чудовище, способное выжить при таких обстоятельствах. Поступив неразумно, он предоставил нам в твоём лице средство к спасению.

Учитывая ситуацию, речь была длинновата, и Вольф задыхался. Тем не менее следовало похвалить Теотормона, ведь тому ничего не стоит бросить их умирать да еще посмеяться, когда они будут идти ко дну.

Теотормон задумчиво произнес:

— Ты хочешь сказать, что Уризен перехитрил сам себя?

Вольф кивнул.

— И как же я могу вам помочь? — поинтересовался Теотормон.

— В воде ты быстрый и сильный, как тюлень. Ты можешь разогнаться так, чтобы выскочить на берег. И можешь вытолкнуть на сушу нас — одного за другим. Я знаю, ты сможешь это сделать.

Теотормон хитро усмехнулся.

— Чего ради мне выталкивать вас в безопасное место?

— Если ты этого не сделаешь, то останешься один в этом странном мире,— сказал Вольф.— Может быть, ты и выживешь, но будешь одинок. Сомневаюсь, что здесь найдется хоть одна живая душа. Тебе не с кем будет перемолвиться словом. Кроме того, нужно будет разыскать Врата, которые выводят из этого мира. Сможешь ли ты

найти их один? Как только ты ступишь на землю, тебе понадобятся товарищи.

— К черту всех! — крикнул Теотормон и, не добавив ни слова, скрылся под водой.

— Теотормон! — воскликнул Вольф.

Братья принялись звать беглеца. Но тщетно приподнимались они над водой и оглядывали поверхность реки, с отчаянием кидая взгляды друг на друга. Тот не появлялся. На их лицах теперь не осталось и следа от бывшего высокомерия.

Неожиданно Вала вскрикнула и, всплеснув руками, исчезла под водой. Она скрылась так быстро, словно ее потащили вниз.

Прошло несколько секунд. Наконец над поверхностью показалась маслянистая темно-синяя голова Теотормона и мгновение спустя рыжие волосы Валу. Длинные пальцы брата запутались в ее волосах, голову сестры он поддерживал ногой.

— Скажи, что сожалеешь! Скажи, что я не отвратительная медуза! Скажи, что я красивый! Обещай любить меня, как ты любила на острове Паламброна!

Вала рванулась, оставив между пальцами Теотормона темно-рыжие пряди, и воскликнула:

— Я убью тебя, жалкий прыщ! Я еще далека от смерти. Но даже если бы я умирала, то уж лучше это, чем лебезить перед тобой!

Глаза Теотормона расширились. Шлепая по воде ластами, он отплыл от Валу и повернулся к Вольфу.

— Вот видишь! Так чего ради мне спасать ее или кого-нибудь из вас? Все равно вы будете ненавидеть меня, а я вас.

Паламброн завопил, яростно разбрызгивая воду:

— Спаси меня, Теотормон! Я больше не выдержу! У меня нет сил! Я умираю!

— Помни, что я говорил об одиночестве, — тяжело дыша произнес Вольф.

Теотормон усмехнулся и нырнул, а вскоре уже толкал перед собой Паламброна, упершись головой в ягодицы брата и загребая воду ластами. Паламброн выскользнул из воды на стекловидный берег на расстоянии примерно в два его роста. Там он и остался лежать, дыша, как загнанная лошадь; с одежды капала вода, изо рта стекала струйка слюны.

Одного за другим Теотормон вытолкнул на берег всех, где они и остались лежать чуть живые. Только Вала отказалась от его помощи. Собрав все свои силы, она продолжала плыть. Вольф только подивился ее мужеству. Приблизившись к берегу, она послала свое тело вперед и, медленно отталкиваясь локтями, поползла по покатоному склону. Достигнув, наконец, ровного места, она осторожно приняла сидячее положение. Затем окинула остальных презрительным взглядом.

— И это мои братья? Всемогущие властелины Вселенных? Кучка тонущих крыс, вот вы кто! Лизоблюды морского слизня, выклянчившие свои жалкие жизни!

Теотормон мощным толчком вытолкнул себя на берег и прошел мимо спасенных. На Валу он даже не взглянул. Постепенно сила возвращалась к ним, и дыхание становилось ровным. Вид у них был жалкий, так как почти все посбрасывали с себя в воде одежду и оружие. Только Вольф и Вала были одеты. Но и Вольф лишился всего оружия, кроме лучемета. Да еще у Валы сохранился меч. Если не считать мокрых волос, не верилось, что девушка побывала в реке: ее платье было сшито из водоотталкивающей ткани.

Лувах дважды пытался идти и оба раза шлепался на землю. Наконец он добрался до Вольфа ползком. Лицо его вновь порозовело, и веснушки уже не были так заметны.

Он сказал:

— Отец поймал нас как детей, играющих в прятки. Только из детей мы превратились в младенцев. Мы даже

не можем ходить, только ползать. Как ты думаешь, что он еще задумал?

— Не знаю, — пожал плечами Вольф. — Уверен я только в том, что Уризен долго вынашивал свой план. И теперь мне начинает казаться, что он создал все планеты, которые вращаются вокруг Аппирманзума только для того, чтобы мучить и испытывать нас.

Лувах безрадостно рассмеялся.

— И какая же награда ждет нас в конце всех мук и испытаний?

— Мы получим шанс пасть от руки отца или убить его.

— Неужели ты действительно веришь, что он поступит честно? Что он не сделает свою крепость абсолютно неприступной? Не думаю, что отец способен на такое.

— Честно? А что такое “честно”? Согласно неписаному закону предполагается, что каждый Всевышний оставляет в своей обороне лазейку, какой-либо дефект, которым может воспользоваться лишь исключительно искусный и умный противник. Не знаю, многие ли следуют этому правилу. Но Всевышних убивают и лишают собственности. Всевышних, убежденных в своей безопасности, уверенных в том, что их защитные сооружения оградят их от атак более могущественных и умных соперников. Не думаю, чтобы победителям везло из-за слабых мест в системах защиты. Оборона оказывается уязвимой по другой причине.

Причина эта заключается в том, что мы наследуем оружие. Больше его взять неоткуда: либо получить в наследство, либо отобрать у кого-нибудь другого. Наша раса растеряла древнюю мудрость. Мы стали лишь потребителями и расточителями. Поэтому каждый из нас вынужден пользоваться тем, что имеет, а если он не в состоянии предусмотреть все непредвиденные обстоятельства, то в любой обороне волей-неволей оказываются лазейки и тогда к нему действительно можно пробиться.

Следует учитывать еще одно. Мы сражаемся за свою жизнь и сражаемся, чтобы убить противника. Но большинство из нас живет слишком долго. И они устали от жизни. Они хотят умереть. Глубоко, в самом потаенном уголке разума, под пластами тысячелетнего могущества и недостатка любви — они ищут смерти. Вот что делает нас уязвимыми.

Лувах был удивлен.

— Ты и в самом деле веришь в эту галиматью, брат? Я, например, ничуть не устал от жизни. Я и сейчас люблю жизнь так же сильно, как и тогда, когда мне было сто лет. Другие стремятся к смерти ничуть не больше, они сражаются и будут сражаться за свои жизни.

Вольф пожал плечами.

— Это только теория. Такая мысль пришла мне в голову, когда я был Робертом Вольфом. Став им, я понял то, что не понимал раньше и что недоступно никому из вас.

Он подполз к Вале и попросил:

— Одолжи мне на минутку свой меч. Я хочу проделать один опыт.

— Как, например, легло ли отделится моя голова от шеи? — поинтересовалась она.

— Если бы я хотел убить тебя, то вполне мог бы воспользоваться лучеметом, — ответил Вольф.

Она вытащила короткий клинок из ножен и вручила Вольфу. Он легонько стукнул острием по стекловидной поверхности. Видя, что удар не оставил на материале никакой отметины, он ударил посильнее.

— Ты что делаешь? — возмутилась Вала. — Прекрати, испортишь лезвие.

Вольф указал на царапину, оставленную вторым ударом.

— Похоже на царапину, сделанную по льду. Это вещество гораздо более скользкое и твердое, но в остальном, по-моему, напоминает замерзшую воду.

Он отдал ей меч и вытащил лучемер, установив его на половинную мощность и направляя на поверхность. Стекловидное вещество покраснело, потом запузырилось и, наконец, потекло. Вольф выключил лучемер и вынул из выемки жидкость. Остальные подползли, заинтересовавшись происходящим.

— Станный ты человек, — заметила Вала. — Ну кому бы такое пришло в голову?

— Зачем он это делает? — поинтересовался Паламброн. — Глупость какая — вырезать дыры в земле.

К этому времени к нему вернулось былое высокомерие.

— Нет, это не глупости, — возразила Вала. — Вольф любознателен, вот и все. Впрочем, ты, наверное, подзабыл, что такое любознательность, а, Паламброн? Какой у тебя бледный вид... и движения вялые. А ведь еще недавно ты действовал куда оживленнее.

Паламброн вспыхнул, но ничего не ответил. Он наблюдал, как росла горка кристаллов на стенках выемки и вдоль царапины.

— Самовосстановление, — произнес Вольф. — Странно. Я прочитал все, что мог достать, о древней науке предков, но нигде не встречал упоминания ни о чем подобном. Уризен, видимо, владеет знаниями, которые другие давно утратили.

— Может быть, эти знания достались от Рыжего Орка, — высказалась Вала. — Говорят, что Рыжий Орк знает больше, чем все остальные Всевышние вместе взятые. Он последний из старшего поколения. Ходят слухи, что он родился свыше полумиллиона лет назад.

— Говорят, говорят, — скривился Вольф. — А ведь на самом деле никто не видел Орка сотни тысячелетий. Я лично считаю, что он давно умер и только легенда о нем продолжает жить. Но довольно об этом. Нам нужно найти следующую группу Врат, хотя трудно сказать, куда они нас приведут.

Он осторожно поднялся и сделал несколько шагов, медленно ступая. Стекловидная поверхность этой планеты не была бесплодной. В сотне ярдов виднелись редкие деревца, а между ними кусты в форме грибов. Тонкие спиральные стволы деревьев с красными и белыми полосами напоминали щипцы парикмахеров. Там, где начинался изгиб, росли ветви, походившие на горизонтальные девятки; их покрывали мягкие серые нити длиной около двух футов.

Обнаженный Ринтрах дрожал. Он произнес:

— Не холодно, но что-то тревожит меня так, что пробирает дрожь. Наверное, это тишина. Вы только вслушайтесь, как тихо.

Все замолкли. Слышался только отдаленный шелест — это ветер шуршал в кустах и мохнатых ветвях — да журчание реки. Больше — ничего. Ни пения птиц, ни рева животных, ни человеческих голосов. Только шум ветра и реки, да и он, казалось, звучал приглушенно, словно придавленный пурпурным небосводом.

Глянцево-белое поле вокруг них простиралось во все стороны до горизонта. Поодаль возвышалось еще несколько холмов: над ними выступала закругленная вершина горы, с которой они скатились. Им были отчетливо видны ее склоны и Врата — крошечный темный предмет на самой вершине.

“Как же нам выбраться? — думал Вольф. — Без ключа тут можно бродить вечно. Но и это нам вряд ли удастся, если мы не найдем пищу”.

Вслух он сказал:

— Я считаю, что нам нужно идти вдоль реки. Она течет вниз, следовательно, должна привести нас к какому-то большому водоему. И то, что Уризен бросил нас в реку, может означать, что она является нашим проводником до следующих Врат, одних или... нескольких.

— Звучит логично, — заметил Энион. — Но у твоего отца и моего дяди извращенный ум. Используя реку в

качестве указателя, он вполне мог иметь в виду, что нам следует продвигаться вверх по течению.

— Возможно, ты и прав, кузен,— согласился Вольф.— Однако имеется только один способ выяснить истину. Я предлагаю идти вниз по реке хотя бы потому, что так двигаться будет легче.— Он обратился к Вале.— А что ты думаешь?

Вала пожала плечами.

— Не знаю. Я ведь ошиблась, выбирая Врата. Почему ты спрашиваешь меня?

— Ну как же, ты ведь всегда была ближе всех к отцу. И лучше других должна знать его манеру думать.

Она слегка улыбнулась.

— Сомнительный комплимент! Но все же — благодаря. Как ни сильна во мне ненависть к Уризену, я не могу не восхищаться им. Ведь он выжил там, где большинство его современников погибло. Ладно, коль уж ты меня спрашиваешь, скажу: я за то, чтобы идти вниз по реке.

— Есть еще мнения? — спросил Вольф. Для себя он уже сделал выбор, но не хотел, чтобы другие жаловались, если путь окажется неверным. Пусть все разделят ответственность за принятое решение.

Паламброн заявил:

— Я говорю — нет, я настаиваю, чтобы...

Глава 9

Ветер донес странный рев, и Всевышние обернулись на этот звук. В нескольких сотнях ярдов вверх по течению реки из-за холма появилось высокое, как слон, животное. Оно стояло между двумя валунами, задрав верблюжью голову на длинной шее, украшенную оленьими рогами. Глаза у него были огромными, а зубы — длинными и острыми, как у плотоядных. Скошенное от плеч туловище, покрытое бурой шерстью, опиралось на тонкие, как у жирафа, ноги, оканчивающиеся растопыренными темно-синими чашами.

Увидев чашеподобные ступни, нетрудно было догадаться об их назначении. Они походили на присоски или вакуумные подушки и делали возможным передвижение по гладкой поверхности планеты.

— Стойте спокойно, — распорядился Вольф. — Мы не сможем убежать, а если бы даже и смогли, то бежать некуда.

Животное фыркнуло и неспеша направилось к ним, раскачивая шей и время от времени оглядываясь. Правая передняя и левая задняя ступни поднимались одновременно, и чашки издавали чмокающий звук; животное делало шаг, и присоски закреплялись на новом месте. Затем аналогичным образом передвигалась левая передняя и задняя правая ступни. Примерно в пятидесяти футах огром-

ная тварь остановилась и, задрав голову, испустила пронзительный стонущий вопль. Затем изогнула шсю и, упершись челюстью в землю, принялась скрести ею, скользя из стороны в сторону по глянцевиной поверхности.

Странные движения весьма напоминали поведение земного быка перед нападением. Вольф установил луче-мет на половинную мощность и стал ждать. Неожиданно тварь вновь задрала голову и, завизжав, как раненый кролик, галопом ринулась в атаку. Скакало чудовище сравнительно медленно, поскольку присоски мешали развить скорость. Но Всевышним его продвижение показалось даже излишне стремительным.

Вольф выждал некоторое время, дабы убедиться, что тварь не блефует. Когда же расстояние между ними сократилось до двадцати ярдов, он нацелил луче-мет в место соединения шеи с грудью. Бурый мех тотчас задымился и почернел. Тварь вновь завизжала, но атаку не прекратила. Еще через мгновение Вольф понял, что при такой скорости она все-таки успеет до них добраться, и переключил луче-мет на полную мощность.

Громадный зверь издал предсмертный вопль. Его тонкие ноги, продолжая присасываться ступнями к земле, подогнулись, и туловище осело. Шея ослабла, и голова вытянулась вперед; из клыкастой пасти вывалился нурпурный язык, светло-коричневые глаза остекленели.

Наступившую тишину прервал смех Вала:

— Вот и обед! Да, пожалуй, тут еще и на завтрак хватит. И, заметьте, бифштекс уже поджарен.

— Если только он съедобный, — буркнул Вольф, глядя как Вала с Теотормоном, зажавшим нож пальцами ноги, вышли из укрытия и отрезали кусок полузапеченного мяса.

Теотормон отказался пробовать его. Тогда вперед двинулся Вольф, однако, как он ни был осторожен, через пару шагов ноги его заскользили в разные стороны. Вала с Теотормоном, которые добрались до зверя, ни разу не упав, засмеялись. Вольф поднялся и продолжил свой путь, про-изнеся:

— Раз смелых нет, то попробую мясо я. Что толку стоять и спорить, можно его есть или нет.

— Я не боюсь...— сказала Вала.— Просто мне противно. Оно так отвратительно пахнет.

Все же она откусила кусочек, с безразличным видом пожевала и проглотила. Вольф решил, что ему теперь рисковать незачем. Вместе с другими он принялся ждать. Когда же прошло полчаса и Вала не почувствовала себя плохо, он начал есть. Остальные, кто ползком, кто по-стариковски шаркая, также добрались до туши убитого зверя и разделили трапезу. Съедобного мяса было не так уж много, так как большая часть либо обуглилась, либо осталась сырой.

Вольф одолжил у Теотормона нож и вырезал еще один кусок мяса. Затем с неохотой, жалея растратившийся заряд, пропек вырезку. Каждый взял по куску, и отряд зашагал вниз по реке.

Вольф задержался на некоторое время, считая возможным отделить присасывающиеся ступни и использовать их для передвижения. Но отбросил эту идею, почувствовав толщину и жесткость костей и крепость связок между ногами и присосками. Мечом Валы можно было бы перерубить кости и сухожилия, но лезвие наверняка затупилось бы так, что стало бы непригодным.

После двухмильного продвижения ползком отряд добрался до зарослей кустов на берегу реки. Крона кустарника простиралась во все стороны от трехфутового грибовидного ствола. Толстые винтообразные ветви, как и на деревьях, покрывали волоски, напоминающие вблизи иглы, с концов ветвей свисали кисти темно-красных ягод.

Вольф сорвал одну ягоду и понюхал: было похоже на запах ореха пекона. Кожура была влажной и гладкой. Пока он колебался, Вала вновь первой отведала незнакомый плод, причмокивая от удовольствия. За полчаса она съела еще шесть штук, потом к ней присоединились остальные. Паламброн, решившийся последним, пожаловался, что ему мало оставили.

— Кто же виноват, что ты такой трус,— хмыкнула Вала.

Паламброн промолчал и лишь свирепо глянул на нее.

Вала отошла, и за нанесенное ею оскорбление пострадал Теотормон. Решив, что тот не осмелится проявить негодование, Паламброн ударил Теотормона по лицу. Тот зарычал от ярости и прыгнул на обидчика, однако в последний момент поскользнулся и упал ему под ноги. Паламброн покатился, как сбитая кегля, еле увернувшись от молотящего плавника Теотормона. Оба в бешенстве предпринимали тщетные попытки вцепиться друг другу в горло.

Наконец Вольф, не разделявший общего веселья, приказал им прекратить драку.

— Пора, наконец, положить конец этим детским выходкам, которые только отнимают время. Предупреждаю, если еще раз повторится подобное, я сам займусь драчунами. И не лучемером — жаль тратить заряды. Тех, кто начнет ссору, просто бросят одних или отправят назад. Наша сила — в сплоченности, поэтому никаких раздоров быть не должно. Иначе Уризен порадуетсЯ, видя, как мы уничтожаем друг друга.

Теотормон и Паламброн обменялись плевками, однако драку прекратили.

Молча скользя в бледно-пурпурном свете луны, отряд продвигался вперед. С приходом ночи тишина нарушилась. Полумрак наполнился отдаленным блеянием, похожим на овечье, вроде бы коровьим мычанием и мощным, как будто львиным, рыком. Пройдя еще одни заросли кустарника, путники увидели небольших двуногих животных, поседающих ягоды. Тела их покрывал коричневый мех. Большие щелсвидные глаза поглядывали с мордочек лемуров, уши торчали, как у зайцев. Верхние конечности кончались лапами, нижние — присасывающимися дисками, сзади виднелись короткие кроличьи хвостики. Увидев пришельцев, они перестали есть и воззрились на Всевышних, подергивая носами. Убедившись, что незнакомцы не представляют опасности, звери вновь вернулись к ягодам.

Однако глаз с путников не спускали и время от времени по-собачьи на них лаяли.

В это время из-за холма вышло четырехное животное размером с норвежского рогатого лося. Покрытое желто-бурым мехом и лохматое, как овчарка, оно очертаниями напоминало лису. Ноги его заканчивались тонкими костяными копытами, и оно довольно быстро катило к двуногим. Те пролаяли тревогу, и все, как один, сорвались со всей скоростью, какую позволяли им присоски, но волк-копытобежец двигался быстрее. Вожак двуногих, видя, что стаду не спастись, замедлил ход и стал дожидаться последнего. Затем подтолкнул слабака, сбив его с ног, и побежал догонять остальных. Упавший завизжал и попытался встать на присоски, но тут же снова был сбит с ног рычащим волком-копытобежцем. Последовала короткая схватка, закончившаяся в тот момент, когда челюсти волка сомкнулись на шее двуногого.

— Вот вам объяснение царапин, которые мы время от времени замечали на поверхности, — произнес Вольф. — Некоторые представители местной фауны — копытобежцы.

Какое-то время он молчал, размышляя, насколько быстрее они смогли бы передвигаться, если бы у них были копыта. Эта проблема угнетала его.

Отряд миновал еще одно животное — длинношеее, с туловищем гиены и оленьими рогами. Оно спокойно вгрызалось в скалу, выдирая кусок стекловидной массы и мерно разжевывало. Тварь не сводила с них глаз, рыча от наслаждения, упиваясь вкусом скалы, и ее желудок урчал, как испорченный водопровод в старом доме.

Путники отправились дальше и вскоре подошли на расстояние трехсот ярдов к стаду местного подобия антилоп, пасущемуся на скалах. Молодые детеныши резвились, гоняясь друг за другом, или прижимались к матерям. Самцы предостерегающе заревели при виде незнакомцев, а один даже попытался последовать за отрядом. Белую шкуру антилоп покрывали ромбовидные узоры, на голове красо-

вались закрученные рога, ступни оканчивались коньками.

Вольф, уже подыскавший место для ночлега, повел отряд в изогнутую амфитеатром ложбинку, образованную четырьмя холмами.

— Первым на страже стану я, — распорядился он. — Затем будет сторожить Лувах, потом — Энион.

Энион запротестовал и поинтересовался, на каком основании Вольф выбрал именно его.

— Ты, конечно, можешь спать и отказаться выполнять свой долг, — холодно заявил Вольф. — Но, проснувшись, не удивляйся, оказавшись в челюстях вон того красавца.

Он указал на что-то за спиной Эниона, и тот повернулся так быстро, что не устоял на ногах. Остальные тоже посмотрели в том направлении, куда указывал палец Вольфа. С вершины одного из холмов на них глядело огромное гривастое животное. Кошачье туловище венчала голова коротконового крокодила, а ступни оканчивались большими чашками-присосками.

Вольф переключил лучемер на половинную мощность и выстрелил. Грива зверя окуталась дымом, а сам он взревел и скрылся за холмом.

— Настала пора сосредоточить власть в одних руках, — произнес Вольф. — До сих пор мы — а точнее, вы — уклонялись от решений, хотя и не возражали против того, что предлагал я. Главным образом, это случилось потому, что сами вы слишком ленивы и слишком заняты собственными делишками, чтобы набраться смелости и взять на себя ответственность. Больше откладывать нельзя. Без вождя, приказы которого будут незамедлительно и безоговорочно выполняться, мы все погибнем. Итак, какие будут мнения?

— Любимый брат, — сказала Вала, — думаю, ты уже доказал, что умеешь вести за собой. Я голосую за тебя. К тому же, у тебя есть лучемер, а это делает тебя сильнее всех. Конечно, если у кого-нибудь еще нет припрятанного оружия.

— Ты единственная, у кого достаточно одежды, чтобы спрятать оружие,— заметил Вольф.— Что касается лучемета, то он будет у стоящего на страже. Я не пытаюсь этим показать, что доверяю вам. Просто полагаюсь на ваш здравый смысл. Думаю, у вас хватит ума не использовать лучемет в корыстных целях. Утром же, надеюсь, мне вернут оружие.

Все согласились, за исключением Паламброна, заявившего, что он считает голосование бессмысленным, поскольку и так очевидно, что большинство за Вольфа.

— Брат, ты, конечно же, не собирался выставить свою кандидатуру,— съехидничала Вала.— Не верится, что подобное могло придти тебе в голову — даже несмотря на весь твой эгоизм.

— Почему меня не назначили на стражу? Разве ты не доверяешь мне?

— Завтра вечером ты первый будешь охранять нас,— ответил Вольф.— А теперь давайте все спать.

Всевышние улеглись на жесткой постели из белых скал, и Вольф остался на страже. Издалека доносились звуки ночной жизни: резкий вой, рев, писк, жалобное рыдание, свист. Однажды послышался звон и хлопанье крыльев над головой.

Время от времени он вставал и прохаживался, внимательно оглядывая холмы. По истечении получаса Вольф разбудил Эниона и передал ему лучемет. У него не было часов, но, как и все Всевышние, он мог определять время без них. Еще ребенком он подвергся своего рода гипнозу, позволившему ему чувствовать время с точностью хронометра.

Улегшись, Вольф некоторое время ворочался без сна. Он беспокоился о первой вахте следующей ночи, когда лучемет придется доверить Паламбруну. Он внашивал больше всего подозрений. Ведь Паламброн люто ненавидит Валу. Устоит ли он перед искушением убить ее во сне? Вольф решил непременно переговорить с ним утром. Брат должен понять, что смерть одного из них повлечет за собой гибель всех остальных. Конечно, он сможет пере-

бить их всех, но тогда останется одинок. Всевышние терпеть не могли друг друга, но, как ни странно, еще больше страшились одиночества. Если бы не чрезвычайные обстоятельства, они ни секунды не остались бы вместе, однако в данной ситуации их объединял страх перед отцом, да и каждый чувствовал себя спокойнее, имея товарищей по несчастью.

Вольф уже засыпал, когда ему пришла в голову идея. Он даже выругался. И почему его не осенило раньше? Ведь не было же никакой необходимости ползти на карачках по этой гладкой поверхности — они могли бы передвигаться гораздо быстрее на лодках. Да и находились бы в большей безопасности. Утром следует поразмыслить, что тут можно сделать.

На рассвете Вольфа разбудили крики и рев. Вскочив, он увидел, что Тармас стреляет в гривастое животное, похожее на того *л в а г а т о р а*, которого он отпугнул, опалив шерсть.

Зверь быстро спускался с холма, шлепая присосками. Позади него лежали три мертвые самки. Выживший хищник успел подойти на расстояние десяти футов, затем упал с перерезанной напополам мордой.

Тармас продолжал палить, уставившись на тушу. Вольф заорал, чтобы тот выключил лучемет — луч врезался в холм. Тармас очнулся от шока и выключил оружие, но к этому времени большая часть заряда была израсходована. Чертыхаясь, Вольф забрал лучемет. Теперь у него осталась последняя энергообойма.

Все принялись за работу. Ножам Теотормона и Валу они по очереди срезали с мертвого животного жесткую кожу. Дело шло медленно, работники из них были никудышные. То и дело они поскальзывались на стекловидной поверхности и не могли удержаться, чтобы не поспорить с Вольфом, раздраженно заявляя о бесполезности занятия. Ну где им достать остов для лодки, о которой он говорит? Да и не хватит этой шкуры на обтяжку.

Вольф велел им замолчать и продолжить работу. Он знает, что делает. С Лувахом, Валой и Теотормоном он

направился к ближайшим кустам. Здесь опять пришлось воспользоваться лучеметом, чтобы прикончить поедавшее ягоды животное. Подобие китайского дракона зашипело, стоило им приблизиться. Кожа его была вся в складках и толстой, как броня, так что пробить ее можно было только лучом полной мощности. Вольф нацелился и выстрелил по глазам, но заряд ударил в прозрачный костяной щиток перед мордой зверя и не причинил существенного вреда: дракон лишь замотал головой. В конце концов Вольфу удалось пробить броню с тыльной стороны черепа. Хищник задержался в агонии и замертво рухнул на землю, задрав в небо зубчатые пластинки и крошечные присасывающие диски, с помощью которых он передвигался.

— Если так будет продолжаться, то скоро у нас не останется ни одного заряда, — вздохнул Вольф. — Я с ужасом жду этого момента.

Осмотрев кору кустарника, Вольф убедился, что она достаточно крепка. Однако предстояло обрубить кусты, соответствующим образом срезать кору, смастерить остов — работа требовала массу усилий и времени, тем более что меч был один и в результате наверняка бы затупился. Именно тогда, взглянув на к а т е р д р а к о н а — как он назвал его, Вольф увидел готовое судно. Ну, не совсем готовое, однако для завершения его потребовалось бы приложить гораздо меньше усилий, чем на постройку лодки по первоначальному плану.

Твердо сжимая в руках меч, Вольф отделил двигательные пластинки катердракона от костяной брони. Затем, орудуя мечом и ножом, из туши удалили внутренности. К этому времени к убитому дракону подошли остальные, и все работали по очереди. Кровь забрызгала их с головы до ног, залила площадку и сделала поверхность еще более скользкой. Чуть поодаль появилось несколько львогаторов, привлеченных запахом крови: обезумев от кровавого аромата, они напали на кораблестроителей, так что Вольфу вновь пришлось прибегнуть к лучемету.

В результате всех трудов Всевышние получили в свое распоряжение довольно сносное каноэ шестидесяти фу-

тов длиной. Рот и ноздри оказались единственными отверстиями, доставившими беспокойство. Этот дефект устранили, выгнув полую переднюю часть лодки кверху и привязав к ней плащом Валы несколько валунов. Вес камней не давал носу распрямиться и таким образом удерживал над поверхностью воды, по крайней мере, они надеялись, что так будет. И вновь Вольфу пришлось потратить энергию лучемета, чтобы выжечь куски хрящей и кровавого мяса, прилипших к внутренним стенкам костяной брони. Затем, ползая на коленях, они подтянули сооружение к реке. Добравшись до берега, путешественники принялись забираться в лодку-дракон, переваливаясь через борта. Они делали это парами, по одному с каждой стороны, чтобы судно не перевернулось. Когда все, кроме Валы и Вольфа, были внутри, эти двое спустили лодку на воду. К счастью, склон был пологим. Как только каное заскользило к воде, Вольф с Валой ухватились за борта, и их втянули внутрь.

Луна, приносящая ночь, скрылась за горизонтом, и лодка поплыла по течению. Двос остались дежурить на веслах, в то время как другие попытались заснуть. Вскоре небо озарилось ярким пурпуром. Путешественники миновали каньон и вновь выплыли на широкое пространство между холмистыми берегами. День прошел без происшествий. Всевышние с трудом терпели вонь мяса и крови, от которых невозможно было избавиться, ворчали, что прошлой ночью почти не сомкнули глаз, подшучивали над тем, что им нечего есть, болтали о том, что их ждет, когда отыщутся Врата, ведущие к отцу.

Так минули день и ночь. Утром на вторые сутки каное пересекло широкий поворот, и путники увидели посреди реки белый купол скалы. Вершину ее венчала пара золотистых шестигранных Врат.

Глава 10

Сидя на берегу реки, куда они вытащили лодку-дракон, Вольф обдумывал, как добраться до Врат. Вскарabкаться по отвесной гладкой стене бесполезно и думать. Единственный способ, пожалуй, — забросить наверх веревку и зацепить ее за что-либо. Гексаконы слишком широки, чтобы накинуть на них петлю. Остается абордажный крюк — и то, если допустить, что по ту сторону Врат, то есть на другой планете, есть за что зацепиться.

Если нарезать шкуры животных полосами и связать, то выйдет веревка. Хотя сначала придется продубить кожу, чтобы сделать ее гибкой. Металл для крюка также представлял проблему.

Возможно, где-нибудь в этом мире и есть металл, но добраться до него было практически невозможно. Поэтому оставалось только одно, и он не очень рассчитывал, что к его плану отнесутся благосклонно. Так оно и вышло. Ни Вала, ни Теотормон не желали расставаться со своим оружием.

Вольф тщетно проспорил с ними несколько часов, убеждая в том, что если они сейчас не отдадут нож и меч, их всех со временем ждет медленная смерть.

Наконец, после решительного отказа Теотормона, Вольф заявил:

— Ну хорошо. Оставайтесь при своем упрямстве. Но если мы отыщем другой способ добраться до Врат, вас с собой не возьмем. Клянусь в этом! Вы навеки останетесь здесь, в этом тусклом мире ледяных камней и будете влачить жалкое существование до тех пор, пока вас не сожрет какой-нибудь зверь или вы не умрете от старости.

Оглядев сидящих рядом собратьев, Вала улыбнулась и сказала:

— Ладно. Можешь взять мой меч.

— Моего ножа ты все равно не получишь! — воскликнул Теотормон.

Всевышние, не вставая, заскользили к нему. Теотормон встал и хотел бежать — огромные ступни давали ему возможность передвигаться по стекловидной поверхности лучше, чем другим, но Вольф потянулся и схватил его за лодыжку. Теотормон упал, и все кучей навалились на него. Он сопротивлялся изо всех сил, но, в конце концов, расплакался и сдался. Потом, скуля и ругаясь, отошел в сторону и в одиночестве уселся на берегу реки.

Похожим на мел камнем Вольф расчертил меч Валы, поставил лучемер на полную мощность и быстро вырезал треугольники. Потом уложил три куса и положил поверх еще несколько круглых пластинок, вырезанных из лезвия. С помощью лучемета он сварил три зубца и кругляшки в единое целое. Затем охладил в воде, вновь разогрел зубцы и придал им слегка изогнутую форму. Наконец согнул еще одну полоску меча в петлю и приварил к концу зубца так, чтобы можно было привязать веревку.

Нож не понадобился, и Вольф вернул его Теотормону. Рукоять с остатком лезвия отдал Вале — там еще было что-то вроде короткого меча. Все лучше, чем вообще никакого оружия, заметил он.

Изготовление веревки заняло несколько дней. Убить и освежевать животных, а потом нарезать их шкуры полосами не составило труда, но вот с дублением было хуже. Несмотря на все поиски, отыскать дубильные вещества не удалось. Наконец, Вольф решил смазать самодельную ве-

ревку жиром убитых животных и таким образом добился успеха.

И вот на рассвете, когда зашла пурпурная луна, лодку-дракон подвели к скале с Вратами. Всевышние гребли против течения, удерживая каное на месте, а Вольф стоял на носу. Размахнувшись, он метнул крюк под арку.

Трехзубый крюк влетел во Врата и исчез. Вольф потянул за веревку, и лодка причалила к основанию скалы. Вольф уже решил было, что крюк зацепился, как тот выскочил из Врат и упал в воду. Неустойчивое равновесие лодки нарушилось, она перевернулась, и все попадали в реку. Всевышние ухватились за перевернутое каное. Вольф удерживал веревку и крюк.

Полчаса спустя они повторили маневр.

— Попытка — не пытка, — утешил товарищей Вольф. — Это старая земная поговорка.

— Одолжи мне свои поговорки, — буркнул Ринтрах. — Я промок, как тонущая крыса, и чувствую себя просто жалким. Думаешь, есть смысл еще попытаться?

— Разве у нас есть выбор? Но — к делу! Вспомним-ка хорошие старые университетские деньки.

Собратья непонимающе посмотрели на него, а затем неохотно вновь повели лодку. На этот раз Вольф попробовал более сложный бросок. Он направил крюк на самую верхушку гексагона высотой, по крайней мере, двенадцать футов, что вместе со скалой составляло сорок два фута над уровнем воды. Бросок удался, и зубцы зацепились на другой стороне сооружения.

— Попал! — крикнул он, обрадовавшись, и потянул веревку, выбирая свободный конец. В этот момент лодка скользнула вдоль правой стороны скалы. Вольф приказал грести против течения, что Всевышние и попытались сделать, но безуспешно. Лодка начала поворачиваться, влекомая течением вокруг скалы. Вольф, стоя на носу, знал, что если будет сносить лодку, то еще немного — и зубцы соскользнут.

Ухватившись за веревку покрепче, Вольф повис, и лодка ушла из-под него. Он попробовал упереться в скалу

ногами, но ноги соскальзывали с гладкой поверхности. Пришлось подтягиваться вверх, перебирая руками покрытые салом полоски кожи. Это было нелегко, так как скала изгибалась довольно отлого, и веревка плотно прилегала к ней, а наиболее сильное натяжение приходилось как раз над тем местом, где он держался. Ему приходилось с силой проталкивать руку между веревкой и скалой.

Хоть и медленно, он все же поднимался. Он уже проделал полпути, когда раздался треск, чуть слышный в шуме водоворота у основания скалы, натяжение веревки ослабло, и, вскрикнув от разочарования, Вольф плюхнулся в реку.

Когда Вала с Энионом вытащили его из воды, он обнаружил, что на крюке отломались два зубца. Теперь они валялись где-то на дне реки.

— И что же теперь делать! — застонал Паламброн. — Ты изломал все оружие, израсходовал большую часть энергии лучемета, а мы так и не приблизились к Вратам ни на шаг. Наоборот, мы еще дальше от них. Посмотри на меня. С меня течет, как со старой рыбы, вытященной из глубины, а как я устал! О, Лос, как я устал!

— Что делать? Зондировать почву, — сказал Вольф. — Еще одно выражение землян... — Он замолчал, глаза его расширились, и он пробормотал: — Интересно...

— Ну нет! — всплеснул руками Паламброн. — Довольно с меня твоих экзотических идей.

— Экзотические или нет, но это идеи, — отрезал Вольф. — И пока что я единственный, кто может что-либо предложить... а не только скулить, ныть и злословить.

Некоторое время он лежал на спине, устремив взгляд в пурпурное небо, и жевал кусок мяса, который дал ему Лувах.

Насколько фантастична мысль о воздушном змее? Даже если его удастся изготовить, выйдет ли что-либо из этого? Нет, вряд ли. Каким большим ни делай змея, он не перелетит с тяжелым крюком через шестигранник-гексагон.

— Погоди-ка,— сказал он себе,— а что если перелетит? — Вольф застонал.— Нет, ничего не получится.

Неожиданно он сел и воскликнул:

— И все-таки можно! Только потребуется не один, а два!

— Чего “два”?— осведомился Лувах, очнувшись от дремоты.

— Не змея, конечно.

— Кто говорил о змеях? — удивился Лувах.

— Два человека и две лодки — тогда можно будет забросить,— Вольф в возбуждении почти кричал.— Да, так сработает. Хо-хо! А я уже начинал думать, что иссяк. Ладно, все равно ясно, что от вас благодарности не дождешься. Ведь все эти тысячелетия ваши мозги работали только в одном направлении — как бы навредить друг другу! Ни на что другое вы не годитесь.

— Ты устал,— тихо сказала Вала.— Ляг и отдохни.

Она улыбнулась ему. Чему это она радуется, удивился Вольф. Ведь сама промокла до нитки, тело, наверное, ломит от усталости, да и случившимся расстроена, небось, не меньше других.

Неужели она все еще любит его, скрывая чувство под маской ненависти? Скорее, просто гордится тем, что он не опускает руки в унынии, как остальные, а продолжает бороться и искать выход.

Или же она делает вид, что испытывает к нему симпатию? Но если так, то что таится под напускным дружелюбием?

Ответа не было. Но Вольф знал, что ни в коем случае нельзя доверять любезным речам и кажущемуся благородству собратьев — и не без оснований.

К тому времени, как остов второй лодки наполовину закончили плести, Вольф изменил первоначальный план. Будет лучше, если к скале с Вратами подойдут не две, а три небольшие лодки.

Используя стволы, ветви деревьев и полосы шкур для крепления, Вольф изготовил подобие высоких козлов. Че-

четыре стойки сооружения укрепили на трех плетеных лодочках и большой лодке-драконе.

Тщательно растолковав собратьям, что им нужно делать, Вольф приступил к осуществлению плана. Лодки с гигантскими козлами со всеми предосторожностями спустили на воду. Образуя прямоугольник, они медленно двинулись от берега. Пока Всевышние подталкивали лодки, Вольф взобрался по одной из стоек на верхние мостки. Сооружение слегка покачнулось, но устояло.

Пловцы парами забрались в лодку, стараясь равномерно распределить вес, и принялись грести к скале с Вратами. Поначалу было нелегко согласовывать движения лодочек, больше похожих на плетеные корзины. Однако после нескольких неуклюжих попыток путешественники все же направили неуклюжие суденышки к скале.

Вольф раскачивался на перемычке, поглядывая на приближающийся белый купол с двумя золотистыми гексагонами. Перед самой скалой он крикнул вниз грести против течения, чтобы смягчить толчок при столкновении: козлы держались “на честном слове” и вполне могли рассыпаться от удара.

Предыдущий раз они выбрали правые Врата, поэтому теперь Вольф решил выбрать левые. Однако лодки снесло течением, и помост сместился к правому гексагону. Проверив, хорошо ли прикреплен к поясу лучемет, и поправив намотанную на плечах веревку, Вольф поднялся на корточки и, когда постройка с громким треском врезалась в скалу, прыгнул вперед и влетел во Врата.

Глава 11

У него не было ни малейшего представления о том, что ждет его по ту сторону. Он мог попасть на другую планету, а мог оказаться в крепости Уризена. Однако вряд ли отец достаточно позабавился с ними, поэтому наиболее вероятным представлялось, что Врата вели на третью планету, вращающуюся вокруг Аппирманзума. Другое дело, что он мог свалиться в яму с дикими зверями или в пропасть.

Каменистый склон холма оказался приятной неожиданностью. Вольф довольно удачно приземлился на вытянутые руки, чуть не врезавшись в гладкий валун. Оглядевшись, он понял, почему зубья крюка выскользнули из Врат при первой попытке. Основание гексагона на этой стороне изобиловало гладкими, но не скользкими камнями, так что зацепиться было не за что.

Вольф усмехнулся, поняв, что отец предвидел вариант с крючьями и весьма эффективно пресек всякую возможность их использования. Но сын обошелся и без них.

Мерцающая пустота арки гексагона отличалась от Врат, через которые они прошли в водный мир — этот ход не был однонаправленным. По той или иной причине Уризена не беспокоило, вернутся ли они на планету пурпурного неба. Скорее всего, он понимал, что вряд ли у них возникнет подобное желание.

Вольф немного спустился по склону холма и привязал конец веревки к деревцу, потом вернулся к Вратам и швырнул свободный конец сквозь них. Тот исчез. Вскоре веревка задержалась и под аркой показалась Вала. Вольф помог ей пройти, и они оба начали встречать братьев, взбирающихся по веревке.

Когда Ринтрах, последний из отряда, оказался в безопасности, Вольф просунул голову во Врата, чтобы бросить прощальный взгляд на покинутый мир. Глядел он одно мгновение, поскольку благоразумно опасался, зная, что его голова находится на расстоянии двадцати тысяч миль от туловища. А внезапно выключить Врата — такая штука вполне в духе отца.

Помост, соединяющий верх козлов, все еще находился в трех футах от Врат. Через некоторое время течение раскачает лодки и шаткое сооружение рухнет в воду.

Вольф убрал голову из-под арки с таким чувством, будто вытащил ее из-под гильотины.

По идее, Всевышним следовало ликовать, но уж слишком измотали их тяжкие труды, да и будущее вселяло тревогу. Теперь уже не было сомнений, что они находятся на другом спутнике Аппирманзума. Темно-желтое небо нависло над равниной, покрытой густой высокой травой и зарослями кустарника. Растительность походила на земную, хорошо знакомую Вольфу. Ветки были усыпаны ягодами самых разных форм, цветов и размеров.

Плоды, однако, имели одно общее свойство — неприятный запах. Неподалеку от Врат виднелся берег моря; широкая полоса желтого песка тянулась до самого горизонта. В противоположной стороне вздымались скалистые холмы, один из которых напоминал очертания человеческого лица. Чем дольше Вольф смотрел на него, тем более утверждался в мысли, что физиономия ему знакома.

— Похоже, отец подает нам знак, — заметил он спутникам. — Глядите-ка, какой указатель он поставил на дороге к следующим Вратам. Сомневаюсь, правда, что с нашей стороны было бы разумно следовать по предложенному пути.

И Всевышние направились по равнине к отдаленному горному краю. Вскоре они подошли к широкой реке и двинулись вверх по течению. Вода в реке оказалась чистой и приятной на вкус. Путешественники поели мяса и ягод, принесенных с собой из светло-пурпурного мира.

Вскоре из-за горизонта выплыла луна, принесшая ночь. Розовато-лиловое ночное светило, как и на других планетах, едва озаряло тусклым светом сгустившиеся сумерки.

Отдохнув ночь, Всевышние вновь отправились в путь и шли весь следующий день. Отряд продвигался в молчании: все устали, посбивали ноги и нервничали, потому что у них не было оружия. Их молчание сливалось с нависшей над местностью тишиной. Не кричал ни один зверь, не слышалось пения птиц, не видно было даже признаков животной жизни. Несколько раз путникам мерещились лесные существа, но, приблизившись, они ничего не находили.

Так прошло три дня. По мере продвижения черты лица на скале становились отчетливее. На второй день к вечеру они узнали лицо Уризена. Казалось, он глядел на них сверху вниз и усмехался. Всевышние стали еще молчаливее и нервнее, не в силах избежать пристального взгляда каменных глаз.

На четвертый день они подошли к подножью горы и остановились под крутым подбородком Уризена. Чуть поодаль в твердой скале телесного цвета виднелось отверстие — узкий каньон, протянувшийся до вершины горы, высотой, по меньшей мере, десять тысяч футов.

— Похоже, что кроме этого ущелья другого пути наверх нет, — произнес Вольф. — Конечно, можно обследовать гору со всех сторон, но, по-моему, мы впустую потратим время.

— Зачем нам делать то, к чему нас подталкивает отец? — спросил Паламброн.

— У нас нет выбора, — ответил Вольф.

— Считаешь, что мы должны плясать под его дудку? Чтобы попасть напрямик к нему на вертел? — возмутился

Паламброн.— Нет уж, хватит с меня походов! И так никаких сил.

— И где же ты обоснуешься на отдых? — осведомилась Вала.— Здесь? В этом раю? Ты, видимо, не только глуп, но и слеп: у нас почти не осталось припасов. Мясо кончается, и мы съели сегодня утром последние ягоды. До сих пор в этом мире мы не видели ничего съестного. Ты можешь попробовать местные плоды, но я думаю, что они ядовиты.

— О! Лос! Неужели ты хочешь сказать, что Уризен собирается заморить нас голодом? — воскликнул Паламброн.

— Если мы не отыщем пищу, то, безусловно, умрем с голоду. А ничего съестного нам найти не удастся, если мы будем стоять здесь.

Вольф повел отряд в каньон. Они шли по гладким голым камням, являвшимся некогда дном горного потока. Теперь река обмельчала и бежала на несколько футов ниже каменных берегов. По краям прохода росли кусты.

Путники весь день поднимались по извилистому ущелью. В тот вечер они доели остатки припасов. Когда наступил рассвет, они поднялись с пустыми желудками и мрачной уверенностью в том, что на этот раз удача покинула их. Вольф вел отряд вперед, без усталости подгоняя спутников. Он полагал, что чем скорее они выйдут из каньона, тем будет лучше. Отыскать что-либо пригодное в пищу по-прежнему не удавалось. Рыбы в реке не было. Не было заметно даже насекомых.

На второй день вынужденного голодания путники увидели первое живое существо. Они брели в молчании и, обогнув поворот с подветренной стороны, застали зверя врасплох. Двухфутовое травоядное стояло, как кенгуру, на мощных задних лапах и сжимало ветку передними лемуруподобными лапками. Увидев незнакомцев, оно застыло, судорожно оглянулось и бросилось наутек большими скачками, вытянув стрелой длинный хвост.

Вольф кинулся было в погоню, но остановился, увидев, с какой скоростью оно скачет. Отбежав на сотню ярдов,

животное вновь замерло и оглянулось. Шоколадного цвета голова вызывала в памяти мордочку чистокровного персидского кота, вот только красные уши торчали, как у северо-африканского зайца.

Вольф вновь двинулся вперед, но животное испуганно скакнуло и скрылось из виду. Он решил, что было бы неплохо обзавестись дубинками на тот случай, если прыгун вновь встретится им на пути. С этой целью он нарезал из кустарника тяжелых сучьев.

Паламброн поинтересовался, почему Вольф не убил животное лучеметом. Вольф объяснил, что сделал это в целях экономии энергии.

— И, кроме того, эта тварь так быстро поскакала, что я мог не попасть в нее.

Однако Вольф понимал, что в следующий раз придется позабыть про энергию и стрелять в любом случае: все нуждались в пище. Они продолжили путь. Прыгуны попадались еще несколько раз, но, видимо, предупрежденные первым, держались на недостижимом расстоянии. Два часа спустя путники подошли к широкой расщелине в стене ущелья. Вольф спустился по ней и обнаружил, что проход ведет к углублению. Оно располагалось на тридцать футов ниже каньона и было около трехсот ярдов шириной и четырехсот длиной. Дно его густо поросло кустарником, среди которого он заметил пасущегося прыгуна.

Вольф вернулся к оставшимся и тихо отдал распоряжение. Лувах с Теотормоном остались в узком проходе, остальные же, пройдя в каньон, разошлись широким полукругом и двинулись к животному.

Прыгун стоял на поляне, мотая головой и подергивая носом. Вольф велел загонщикам остановиться, а сам направился к зверю, держа дубину за спиной. Животное выждало, пока Вольф не оказался на расстоянии тридцати футов от него. Затем оно исчезло и приблизительно три секунды спустя появилось вновь — теперь уже в сорока футах. Стоило Вольфу шагнуть к нему, как оно снова исчезло.

Еще три секунды спустя на полянке было уже два прыгуна: один в десяти футах от Вальи, другой — в пятнадцати футах слева от Вольфа.

— Что за дьявольщина, — пробормотал Вольф.

Непонятные исчезновения удивили его, раздвоение же и вовсе сбilo с толку.

В это время прыгун, стоящий неподалеку от Вальи, исчез и остался только один. Вольф вскинул дубинку и с воплем бросился на него. Однако нанести удар он не мог — прыгун исчез. Чуть позже он вновь появился, на этот раз справа. И опять животных стало двое.

Всевышние начали смыкать кольцо. Животных вдруг стало пять.

С дружным криком все бросились на них, когда, к полному замешательству, вдруг увидели, что позади скачут еще несколько прыгунов. Часть загонщиков кинулись назад, и тут появились еще два существа, которых Вольф назвал “темпосфуджерами”. Эти двое мгновенно утроились, как только за ними началась погоня.

Потом животное вновь осталось в единственном числе.

Всевышние погнались за этим одним и неожиданно увидели перед собой двух. Три секунды спустя они последовали уже троих.

Потом опять оказалось одно.

Всевышние со всех ног бросились за ним, когда прыгун вновь раздвоился, причем появившийся двойник очутился перед самым носом несущегося во весь дух Паламброня. Тот отчаянно попытался уклониться от столкновения. Существо перепрыгнуло через него и, едва Ринтрах замахнулся дубиной, испарилось.

Мгновение спустя меж ловцами вновь скакали два прыгуна.

Три.

И в следующий миг вдруг не осталось ни одного.

Всевышние застыли, уставившись друг на друга. В низине слышался только шум ветра, да их тяжелое запыхавшееся дыхание.

И вдруг в середине круга появились три животных.

Погоню возобновили.

Появилось одно.

Пять.

Три.

Шесть.

В течение шести секунд — три.

Снова шесть.

Вольф приказал прекратить эту бессмысленную охоту. Он отвел Всевышних назад к узкому проходу, где все уселись, чтобы перевести дыхание. Придя через некоторое время в себя, они принялись обсуждать невероятные повадки прыгунов, однако никто не мог предложить виденному хоть мало-мальски вразумительное истолкование.

Вольф пристально разглядывал шестерых прыгунов, как ни в чем ни бывало пасшихся на поляне.

Охи и удивленные восклицания наконец стихли, и Всевышние воззрились на задумавшегося брата.

Вала осведомилась:

— Ну и что ты на это скажешь, Джэдавин?

— Я все вспоминаю, как исчезло первое животное, — произнес он. — И пытаюсь отыскать взаимосвязь между продолжительностью исчезновений и числом скакунов. — Он покачал головой. — Не знаю. Пусть это невозможно, но как еще истолковать происходящее? Ну-ка, скажите мне, кто-либо слышал о ком-то из наших, кому удавались опыты с перемещением во времени?

Паламброн рассмеялся, а Вала, бросив ему: “Болван”, обратилась к Вольфу:

— Ходят слухи, что над проблемой путешествия во времени не один год ломал голову Рыжий Орк. Но говорят также, что в конце концов он отказался от своей затеи. Он заявил якобы, что проблема времени столь же неразрешима, сколь и гипотезы, пытающиеся объяснить происхождение Вселенной.

— А почему ты спрашиваешь об этом? — поинтересовался Аристон.

— Видите ли, существует крошечная субатомная частица, которую ученые-земляне называют нейтрино, — от-

ветил Вольф.— Эта частица не несет заряда и обладает нулевой массой покоя. Вы понимаете, о чем я говорю?

Все покачали головами. Лувах попытался оправдаться:

— Мы действительно получили прекрасное образование. Но, как ты знаешь, Джэдавин, прошли тысячелетия с тех пор, как мы проявляли интерес к наукам. Нас интересует лишь та техника, которую мы имеем под рукой, и лишь в той степени, чтобы удовлетворить наши насущные потребности.

— Да-а, вот уж подобралась компания! — съязвил Вольф.— Самые могущественные существа космоса, можно сказать, Боги, на деле — просто неграмотные дикари!

— Какое это имеет отношение к создавшейся ситуации? — возмутился Энион.— И почему ты оскорбляешь нас? Сам ведь говорил, что надо покончить с оскорблениями, если мы хотим выжить.

— Извините,— вздохнул Вольф.— Меня просто иногда одолевают сомнения... не обращайтесь внимания. Так вот, нейтрино обладает рядом странных свойств. В частности, предполагается, что оно может перемещаться во времени...

— Не может быть! — удивился Паламброн.

— Я не настаиваю на этом утверждении. Но поведение нейтрино можно охарактеризовать термином “путешествие во времени”, независимо от того, входит ли частица в обратный хронологический механизм или нет. Я уверен, что данную гипотезу можно приложить и к прыгунам. Возможно, что они способны перемещаться во времени. Возможно также, что подобными качествами их наделил Уризен, но в этом я сомневаюсь. Скорее всего, он просто натолкнулся на этих животных в какой-то малоизвестной Вселенной и переместил их сюда. Но каково бы ни было их происхождение, я считаю, что прыгуны действительно обладают способностью перемещаться во времени, затрачивая на каждое такое перемещение около трех относительных секунд.

Вольф начертил палкой на земле кружок.

— Пусть это будет первое животное, которое мы увидели.

Затем он нарисовал второй кружок и соединил обе линии.

— Изобразим таким образом его отсутствие во времени или “исчезновение”. Предположим, что прыгун сместился во времени.

— Могу поклясться, что до его появления не прошло и трех секунд, — заметила Вала.

Вольф протянул от второго круга еще одну линию и пририсовал к ней третий кружок. Затем соединил второй и третий кружки добавочной линией.

— Скакун переместился вперед во времени, вот так это можно изобразить. Потом через уже проделанный во времени туннель он вернулся в положение, которое занимал, когда делал первый прыжок. Мы видели животное в течение шести секунд, но не поняли, что оно прошло назад и вперед по времени. Затем животное вновь переместилось вперед во времени и попало в момент, на который наложилось его... м-м-м... изображение из первого прыжка. Таким образом мы увидели двоих... скажем, темпосфуджеров. То есть, второе было тем же животным, но расщепленным во времени. Оно прыгнуло на три секунды вперед и на это время исчезло. Второе же осталось и начало бегать. Затем и оно прыгнуло, и тут появился темпосфуджер номер два. Причем в этот же момент прыгнул назад номер первый, и мы снова увидели обоих.

— Как же их стало пять? — спросил Ринтрах.

— Давайте проверим. У нас было два прыгуна. Вскоре сделал прыжок номер первый, он-то и был из пяти. Затем он еще раз прыгнул вперед, чтобы стать номером третьим из пяти, номер второй также прыгнул, когда был один темпосфуджер, чтобы стать номером вторым из пяти. Номера первый и второй тоже прыгнули вперед и стали номерами четвертым и пятым из пяти. Номера четвертый и пятый в свою очередь прыгнули вперед, когда их было только двое. Тем временем номер первый прыгнул через три секунды, номер четвертый не прыгнул, а номер пятый

прыгнул. Поэтому в тот момент было только двое. По сути дела получается, что одно животное как бы рассеялось, раздробилось во времени.

Вольф с усмешкой глянул на откровенно скучающие физиономии.

— Теперь понятно?

— Это невозможно, — высказался Тармас. — Путешествие во времени! Знаешь, я просто не могу себе представить!

— Я тоже. Но путешествие во времени — единственное возможное объяснение их исчезновения. И если хронологическая гипотеза поможет их поймать, почему бы не принять ее на веру?!

— Надо было тебе просто пальнуть из лучемета, — удрученно сказал Ринтрах. — Мы и так сколько уже голодаем. А теперь, после этой бессмысленной беготни за призраками, я и вовсе без сил.

Вольф пожал плечами, поднялся и пошел к темпосфуджеру. Животное продолжало пастись, но стоило ему приблизиться на расстояние тридцати ярдов, как они тотчас поскакали прочь. Он последовал за ними. Добравшись до глухой стены каньона, прыгуны разбрелись. Вольф настроил лучемет на половинную мощность и прицелился.

Вероятно, темпосфуджер испугался поднятого оружия. Он исчез как раз в тот момент, когда Вольф выстрелил, и энергия луча была поглощена валуном позади него.

Вольф выругался, повернулся и нацелился на другого. Этот резко отпрыгнул и избежал первого выстрела. Вольф, не выключая лучемета, повернул вдогонку луч. Животное снова прыгнуло, едва избежав луча. Вольф вновь сместил прицел, и тут прыгун исчез.

Вольф резко развернулся и направил луч на третьего темпосфуджера. Он исчез в тот самый миг, когда белый луч, казалось, коснулся его. Тут позади раздался возглас. Вольф повернулся и увидел, что его сородичи указывают на мертвое животное, лежащее в нескольких ярдах от него. Шкура прыгуна была подпалена.

Вольф заморгал от удивления. Вала, подбежав, объяснила:

— Он выпал из воздуха уже мертвый и поджаренный.

— Но я же не попал ни в одного, если не считать последнего, — сказал Вольф, — и тот, в которого я попал, еще не появился.

— Не знаю, но этот фуджер был уже мертв, когда упал на землю три секунды назад — за три секунды до того, как ты попал в другого, — Вала умолкла, усмехнулась и добавила: — Что я говорю... другого. Этот ведь тот самый, в которого ты попал. Он был убит прежде, чем ты выстрелил. Или ты только что поразил его; но он как раз прыгал назад.

Вольф медленно произнес:

— Ты говоришь, что сперва я его убил, а потом уже выстрелил?

— Ну уж ты скажешь! Конечно, нет. Вот только... Ну, не знаю. Но выглядело это так.

— Ладно, — буркнул он. — Как бы то ни было, еда у нас есть. Хотя и немного, но на всех хватит.

Вольф повернулся и провел лучом над землей. Луч чиркнул по скалам, затем приблизился к фуджеру и погас. Вольф продолжал нацеливать лучемет на фуджера, который, оцепенев, стоял на задних лапах, мигая широко раскрытыми глазами.

— Энергия израсходована, — сказал Вольф.

Он вытащил использованную энергообойму, и засунул лучемет за пояс. Теперь оружие бесполезно, но он не собирался его выбрасывать. Возможно, наступит время, когда удастся достать новые заряды.

Вольф уже собрался продолжить охоту с дубинками, но остальные запротестовали. Слабые и голодные, Всевышние требовали немедленно заняться приготовлением обеда. Хотя мясо полуобгорело, они с жадностью проглатывали его. Урчанье в желудках утихло. Все немного отдохнули, затем снова принялись гоняться за фуджерами.

План был таков: создать широкое кольцо, чтобы охватить всех животных, затем медленно смыкать его, приближаясь к прыгунам на расстояние взмаха дубинкой. Фуджеры начали отчаянно прыгать и метаться то в реальном мире, то в темпоральном потоке. Одно мгновение не было видно вообще ни одного животного: должно быть, все прыгнули либо вперед, либо назад во времени. На протяжении всей охоты никто толком не понимал, что происходит.

Сначала Вольфу нетрудно было вести счет животным. Было шесть, потом ни одного, потом снова шесть, потом три, потом шесть, потом один, потом семь.

Назад, вперед, туда, сюда метались прыгуны, в то время как Всевышние носились по лужайке, размахивая дубинками и издавая яростные вопли в надежде захватить фуджера в тот миг, когда тот выскочит из временного прыжка.

Неожиданно дубинка Тармаса ударила по голове одного из фуджеров, когда тот материализовался. Прыгун свалился, дернулся пару раз и затих.

Тут еще восемь выскочили из воздуха. Один оказался позади туши в то время, как другие вновь исчезли. В следующий миг их должно было быть семь, но их снова стало три. Еще через три секунды — девять. Ни одного. Девять. Два. Одиннадцать, семь, два.

Одиннадцать. Вольф метнул дубину и попал одному по хребту. Тот упал вперед мордой. Вала бросилась к нему и добила его прежде, чем он очнулся от шока.

Затем численность увеличилась до пятнадцати, но быстро сократилась до тринадцати, когда Ринтрах и Теотормон убили по одному. Потом опять ни одного.

В течение минуты казалось, что темпосфуджеры расшвирили. Страшно напуганные, они метались взад и вперед; их стало двадцать восемь, ни одного, двадцать девять, ни одного, пятьдесят шесть — или примерно столько по приблизительным подсчетам Вольфа. Конечно, подсчитать их точнее было невозможно. Еще немного позднее — полагаясь при определении численности

лишь на удвоение — Вольф был уверен, что их тысяча семьсот девяносто два.

Большое стадо не несло потерь. Всевышние не могли убить ни одного. Все возрастающее количество прыгунов, ударяясь об охотников, сбивали их с ног, на них неслись появляющиеся неведомо откуда животные, царапали, лягали, мелькали перед самым носом.

Неожиданно прыгуны обратились в паническое бегство и лавиной устремились к выходу из каньона. То один, то другой, кувyrкаясь, падали на землю, и стадо могло бы застрять в узком проходе, однако в последний момент животные каким-то образом восстановили порядок и скрылись.

Расстроенные и потрясенные, Всевышние медленно приходили в себя. Они посмотрели на четырех убитых животных и покачали головами. Из восемнадцатитысячного стада, крутившегося под самыми дубинками, остались только эти четыре маленькие тушки.

— По половинке фуджера каждому — неплохо, — заметил Вольф. — Лучше, чем ничего. Но что мы будем делать завтра?

Все промолчали и отправились собирать хворост для костра. Вольф одолжил у Теотормона нож и начал снимать шкуры.

Утром они позавтракали остатками вчерашнего пиршества, и Вольф повел отряд в путь. Безмолвие каньона, как и прежде, нарушало лишь журчание реки. Стены продолжали сходиться. Высоко в небе сияло желтое солнце. Ближе к полудню в отдалении появилось несколько фуджеров. Вольф бросил в одного из них камень, но лишь увидел, как тот исчез, будто скользнув за воздушный невидимый угол. Он снова появился три секунды спустя на двадцать футов дальше, стремительно прыгая, точно спешил на важное свидание.

Еще два дня спустя после того, как Всевышние отобедали прыгунами, они были готовы к тому, чтобы отведать ягод. Паламброн убеждал, что отталкивающий запах ягод вовсе не означает, что они несъедобны. И даже если вкус

у ягод отвратителен, то вряд ли они ядовиты. Раз уж им так или иначе грозит смерть, отчего бы не попробовать плоды.

— Ну что ж, давай, — сказала Вала. — Ты предложил, ты и попробуй.

Она как-то особенно улыбнулась ему, словно наслаждалась зрелищем противоборства страха и голода.

— Ну уж нет, — возмутился Паламброн, — не буду я подопытной свинкой. Почему именно я должен жертвовать собой? Я начну есть ягоды только вместе со всеми.

— Ты упускаешь возможность встретить смерть в хорошей компании, — заметил Вольф. — И вообще, назвался груздем, полезай в кузов, как говорят земляне. Так что или пробуй, или заткнись. Пустые споры только отнимают время.

Паламброн понюхал ягоду, скорчил гримасу и бросил на землю.

Вольф продолжил движение, и все последовали за ним. Примерно час спустя перед путниками открылся выход в еще один боковой каньон. Свернув в ответвление, Вольф подобрал круглый камень, по весу и размеру подходящий для броска. Только бы удалось подобраться к фуджеру достаточно близко.

Этот овраг был намного меньше первого. В его дальнем конце пасся один единственный темпосфуджер. Вольф лег на траву и пополз по-пластунски. Он пользовался как прикрытием каждой скалой, каждым кустом, и ему удалось покрыть половину расстояния, прежде чем животное неожиданно перестало двигать челюстями, село и настороженно огляделось. Нос у него подергивался, а уши вибрировали, как телевизионная антенна при сильном ветре. Вольф припал к земле и застыл. От нервного напряжения его прошиб пот. Вынужденная диета серьезно ослабила его могучий организм. Ему хотелось вскочить и побежать к фуджеру, наброситься на него, разорвать на куски и тут же проглотить. Он чувствовал, что готов сожрать прыгуна целиком, от кончиков ушей до самого хвоста. Но он заставил себя лежать неподвижно. Животное скоро успокои-

лось, и тогда он решил продолжить черепашие продвижение.

Но в этот момент из-за скалы, неподалеку от фуджера появилось еще одно животное. Зверь был серым, с длинной мордой, пушистым хвостом и величиной с лису или койота. Фуджер смотрел в другую сторону, и хищник прыгнул, намереваясь впиться жертве в шею. Его зубы лязгнули в воздухе: прыгун исчез.

Хищник тоже исчез, пропав раньше, чем коснулся земли.

Появилось трое животных: два фуджера и один хищник. Вольф, имевший склонность к классификации, тотчас же назвал его хроноволком. В первый раз видел он существо, волею природы или Уризена заселившее этот мир, дабы препятствовать чрезмерному размножению неумовимых прыгунов.

Устроившись поудобнее, Вольф с интересом наблюдал за ходом событий. Прыгунов было двое. Потом ни одного. Потом трое. Трое фуджеров и один волк. Таким образом, настоящий фуджер и хроноволк прыгнули вперед, но фуджер задержался в будущем лишь на мгновение и тут же вернулся назад. Так он воспроизвел себя и теперь волк охотился за двумя прыгунами. Затем животные вновь исчезли и вскоре появились, но уже вчетвером. Два фуджера и два хроноволка. Охота продолжалась не только в пространстве, но и в странных серых тоннелях прошлого и будущего.

Еще прыжок и волк скрылся в кустарнике у ближайшего валуна.

На этот раз он возник ниоткуда, прямо за спиной своей жертвы. Он бросился вперед, и его челюсти сомкнулись на шее фуджера. Послышался треск костей, и прыгун свалился замертво.

Семь живых и один мертвый фуджер. Прыгнув в сторону, волк исчез: очевидно он решил отложить трапезу на потом. Вновь на поляне запрыгало семь животных. Вот сцепились два волка, и один перегрыз другому горло.

На три секунды сцена опустела. Вольф мигом добрался до места схватки и бросился наземь. Он хотя и остался лежать на виду, но надеялся, что, оставаясь неподвижным, не привлечет к себе внимания, тем более, что фуджеры были охвачены ужасом, а волкам слепила глаза собственная кроважность.

Два волка вынырнули из временного пространства. Партеногенез хронопутешественников.

Они накинулись друг на друга. Третий, появившийся вслед за двумя, наблюдал за схваткой: фуджеры очумело метались вокруг сцепившихся хищников.

Вскоре третьему волку надоела роль зрителя, и он активно включился в игру, схватив за горло фуджера, належавшего на него в сплошной суматохе.

Уже валялись мертвыми фуджер и волк. Оставшиеся в живых исчезали. Когда животные вновь появились в поле зрения Вольфа, волк схватил ближайшего фуджера за шею и сломал ее.

Вольф медленно поднялся на ноги. В тот самый миг, когда один волк благополучно перегрыз горло другому, Вольф швырнул зажатый в руке камень в победителя. Тот, должно быть, заметил краем глаза угрозу, так как исчез раньше, чем камень коснулся его. Выскочив из туннеля времени, он со всех ног припустился к выходу из каньона.

— Не обессудь, что лишил тебя законной добычи, — крикнул ему вслед Вольф. — Удачи тебе в следующий раз!

Он позвал своих спутников и объявил, что удача вернулась к ним. Шестерых животных хватит, чтобы набить животы всем, да еще останется перекусить на следующий день.

Однако хорошие времена продлились недолго. Три дня спустя голод терзал их пуще прежнего. Они исхудали, щеки их ввалились, глаза казались темными и глубокими ямами, желудки прилипали к позвоночникам.

В тот день Вольф разбил их на пары и отправил охотиться. Сам он намеревался пойти один, но Вала настояла на том, чтобы он взял с собой Луваха, а охотиться в оди-

ночку вызвалась сама. На недоуменный вопрос Вольфа она ответила, что не хотела бы иметь сопровождающим мужчину, причем в единственном числе.

— Ты нас людоедами считаешь, так что ли? — осведомился Вольф.

— Вот именно, — отрезала она сухо. — Как будто ты сам не знаешь, что стоит нам поголодать еще немного, и мы наверняка набросимся друг на друга. Очень может быть, что Уризен на это и рассчитывает. Пиршество людоедов! Представляю, какое удовольствие получит он от этого зрелища!

— Ну, поступай, как знаешь, — буркнул Вольф.

И они с Лувахом отправились осматривать боковые каньоны. Вскоре они увидели несколько фуджеров, пасшихся в зарослях кустарника, и со всеми предосторожностями принялись подкрадываться к ним. За час они подползли к самым кустам и были близки к успеху. Но Вольф промахнулся, и камень пролетел в дюйме от головы назначенной жертвы. После этого все было потеряно. Фуджеры даже не стали уходить во время, они просто ускакали прочь и скрылись в соседнем каньоне.

Вольф с Лувахом продолжали поиски до тех пор, пока взошла луна и возвестила о наступлении еще одной голодной и бессонной ночи. Когда неудачливые охотники вернулись на место встречи, остальные Всевышние ждали их с обеспокоенным видом. Все были в сборе, кроме Паламброна с Энионом.

— Не знаю, как у других, — заявил Тармас, — но у меня совершенно нет сил идти искать этих проклятых дураков.

— Идти надо, — возразила Вала. — Возможно, им повезло и они сейчас набивают себя свежим мясом. Вряд ли их будет мучить угрызение совести из-за того, что они не поделятся с нами.

Тармас выругался, однако отказался участвовать в поисках.

— Если им повезло, — процедил он сквозь зубы угрожающе, — то мне достаточно будет взглянуть на их сияю-

шие физиономии. От меня не скроешь! Я убью этих эгоистичных жадин.

— Если они добыли что-нибудь, то поступят с добычей так же, как поступил бы на их месте ты, — сказал Вольф. — Так что не торопись с осуждением. И вообще, к чему весь этот шум? Мы же ничего толком не знаем. Нет никаких доказательств, одни только предположения Валы.

Всевышние поворчали, поругались, но вскоре усталость и сон сморили их.

Вольф тоже уснул, но среди ночи проснулся. Ему почудилось, что вдали кто-то кричит. Он сел и оглядел спящих. Все были на месте, за исключением Паламброна и Эниона.

Вала тоже проснулась.

— Ты тоже слышал? — спросила она. — Или то было урчание наших желудков?

— Кричали около реки, — сказал Вольф вставая. — Надо пойти посмотреть.

— Я с тобой, — сказала Вала. — Все равно мне больше не уснуть. Стоит только подумать, что они там, может быть, пируют себе, как меня всю трясет.

— Крошкой прыгуном не напируешься, — пробормотал Вольф.

— Неужели ты думаешь... — ахнула Вала.

— Не знаю. Ты ведь сама первая указала на такую возможность. И она кажется мне все более правдоподобной, по мере того, как мы слабеем от голода.

Вольф прихватил дубинку, и они отправились вдоль берега реки. Сумрачный свет луны освещал им дорогу и шагать было легко.

Так случилось, что они первые заметили Паламброна. Его голова мелькнула над стеной каньона и вновь исчезла. На цыпочках они подобрались к скале. Из-за нее доносились звуки, похожие на удары камня о камень.

— Он пытается разжечь огонь, — прошептала Вала.

Вольф не ответил. Ему стало дурно, так как он мог себе представить только одну причину, по которой Паламброн стал бы разводить костер.

Медленно, подавляя ужас и отвращение, внушаемые ему картиной, которую он ожидал увидеть, Вольф заставил себя обойти скалу.

Паламброн стоял на коленях спиной к ним перед кучей веток и листьев и ударял два куска кремня друг о друга.

У Вольфа отлегло от сердца: около Паламброна валялась тушка фуджера.

Но где же Энион?

Вольф бесшумно подошел и стал позади Паламброна. Вскинув дубину, он громко сказал:

— Ну, Паламброн?

Тот вскрикнул и бросился на кучку, приготовленную для костра. Затем вскочил и повернулся к ним лицом. В руке он держал грубо сделанный кремневый нож.

— Он мой! — прорычал Паламброн. — Я убил его и я голоден! Я умру, если не съем его!

— Так же, как и мы все, — заметил Вольф. — Где брат? Паламброн сплюнул.

— Скотина! Он мне не брат. Откуда мне знать, где он? Я ему что, нянька?

— Вы ушли вместе, — возразил Вольф.

— Не знаю я, где он. Мы охотились поодиночке.

— Тут кто-то кричал, кажется, — произнесла Вала.

— А-а, это я кричал, — пробормотал Паламброн. — Наткнулся тут на спящего фуджера и крикнул, когда пристукнул его.

— Странно, — с сомнением произнес Вольф.

Не спуская глаз с Паламброна, он отошел к реке и поднялся метров на сто вверх по течению, когда заметил выглядывающую из-под валуна человеческую руку. Он обошел валун и увидел труп Эниона. Затылок его был разбит, рядом валялся окровавленный камень.

Вольф вернулся, но Паламброна с тушей фуджера уже не было. Вала ждала его одна.

— Почему ты не остановила его? — спросил Вольф.

Она пожала плечами и улыбнулась.

— Я всего лишь женщина, как я могла задержать его?

— Могла бы, если захотела, — сказал Вольф. — Наверное, рассчитывала поохотиться на него? Боюсь, что вынужден буду огорчить тебя: никакой погони не будет. Я и не подумаю тратить свои силы на этого дурака. А если он еще успеет поесть, то тем более удержит от любого из нас.

— Ну и ладно, — согласилась Вала, — так что мы теперь будем делать?

— Пойдем завтра дальше и будем надеяться на лучшее.

— И умрем от голода. — Вала указала на валун, скрывший труп Эниона, и тихо прошептала: — Там достаточно пищи для всех.

С минуту Вольф не отвечал. Предложение Вальи заставило его внутренне содрогнуться, но обстоятельства складывались так, что не оставалось выбора.

Вала была права; как ни претила мысль о т а к о й е д е, без нее им не выжить. Так что Паламброн в известной степени оказал им любезность. Убив брата, он взял вину на себя. Теперь они могли есть, не считая себя убийцами. Не то, чтобы факт насильственной смерти сильно беспокоит его спутников, но сам он неизбежно мучился бы угрызениями совести, если бы был вынужден лишить другого человека жизни, чтобы не умереть самому от голода.

Что касается самой еды, то теперь он чувствовал лишь слабое отвращение. Голод притупил естественный ужас перед каннибализмом.

И Вольф отправился будить остальных Всевышних, в то время как Вала подобрала камни, оброненные Паламброном. Когда все собрались, она не только разожгла костер, но и успела разделать труп. На мгновение Вольф отшатнулся. Но затем подумал, что коль скоро он собирается разделить трапезу, ему следует и поработать. Он одолжил у Теотормона нож и принялся нарезать куски. Остальные предложили свои услуги, но он отогнал их. Казалось, он хотел наказать себя, выполняя самую ужасную работу.

Когда мясо было готово, он взял свою долю и ушел за скалу. Он знал, что не удержится и съест кусок, но знал,

также и то, что при виде спутников, пожирающих человечину, его непременно стошнит. Поэтому он решил есть в одиночестве.

Рассвет застал их все еще за трапезой. Лишь к полудню они снова тронулись в путь. Оставшееся мясо завернули в листья и взяли с собой.

— Если Уризен наблюдал за нами, — заметил Вольф, — он, должно быть, неплохо повеселился.

— Пусть себе веселится, — отозвалась Вала. — Придет и мой черед.

— Твой? Ты, наверное, имеешь в виду н а ш.

— Другие меня не волнуют. Меня интересует то, что сделаю я.

— Типично по-всевышнему, — заметил Вольф.

Некоторое время после этого он наблюдал за Валой. Ее жизнеспособность поражала. Походка ее оставалась легкой, щеки порозовели, движения были проворными и изящными. Возможно, на нее такое воздействие оказала еда.

“Но это не так, — думал Вольф, — даже когда мы голодали, она не страдала от недоедания и не выглядела усталой.

Если кому-то и удастся выжить и схватить отца за горло, — думал он, — это будет Вала.

Пусть и мне хватит сил, — молил он. — Я уже не так жажду отомстить Уризену, но я очень хочу спасти Хрисиду”.

Глава 12

Они голодали уже целые сутки. Наконец ущелье кончилось. Отлогий склон постепенно переходил в равнину, простирающуюся до самого горизонта. В четверти мили от подножия горы виднелся небольшой холм и на нем — два гигантских гексагона.

Всевышние остановились и тупо воззрились на них.

— Чем скорее мы пройдем через какие-либо Врата, тем будет лучше, — произнес Вольф. — Надеюсь, по ту сторону найдется пища.

— А если нет? — спросил Тармас,

— Лучше уж умереть, пробираясь сквозь оборону Ури-зена, чем подыхать голодной смертью. А наши дела обстоят так, что...

Вольф взглянул на унылые физиономии спутников и осекся.

Всевышние, еле переставляя ноги, последовали за ним к подножию золотистых, инкрустированных драгоценными камнями сооружений.

— Ну, что ж, сестра, — обратился Вольф к Вале, — предоставляем тебе право выбора. Поспешим, наши силы на исходе.

Вала подобрала камешек, повернулась спиной к Вратам и швырнула его через плечо. Камень пролетел через правые Врата, чуть не ударившись о перекладину арки.

— Так тому и быть, — объявил Вольф, — Он посмотрел на спутников и рассмеялся, — что, ждете команду? Вперед, brave Боги! Вперед, бродяги! Дубинки, поломанный меч, нож, мускулы, пустые желудки, ворчливо требующие мяса, — к бою! Ну, где вы еще видели столь забавный штурмовой отряд?!

Вала, рассмеявшись, заметила:

— У тебя, Джэдавин, хватит мужества на всех. Это что-нибудь да значит.

— Надеюсь, — отозвался Вольф и, разогнувшись, прыгнул в правые Врата.

Он приземлился на мягкой почве, чуть подавшись вперед, но удержал равновесие, оставшись на ногах. Над равнинной местностью светило синее небо. Кос-где возвышались крутые холмы такие каменистые и темные, что больше походили на наросты, чем на насыпи земли. Сомнения его усиливало и то, что поверхность, на которой он стоял, не походила на землю. Она была коричневой, гладкой и испещренной отверстиями, в каждом из которых рос тонкий стебель высотой примерно в фут.

“Похоже на кожу великана”, — подумал он.

Единственной растительностью — если это можно было так назвать — являлись редкие деревья высотой около сорока футов с тонкими стволами и остроконечными ветвями, выступавшими кверху от ствола под углом в сорок пять градусов. Ветви были темные; их покрывали двухфуртовые листья, похожие на лопасти.

Минуту спустя через Врата прошли остальные Всевышние.

Вольф повернулся и произнес:

— Я рад, что обошелся без вашей помощи.

— Они все были уверены, что на этот раз Врата приведут в крепость Уризена, — объяснила Вала.

— И ждали, пока я расчищу площадку от ловушек для их прибытия, — сказал он. — Решили пожертвовать мной и получить шанс прожить на несколько секунд дольше.

Все промолчали. Вольф укоризненно посмотрел на покрасневшего Луваха, затем принялся исследовать Врата. Они были либо уже отключены, либо однополярны по конструкции. Вдали виднелась длинная черная линия, которая могла быть берегом реки или моря. Этот мир, столь непохожий на тот, который они только что покинули, не давал никакого указания, в каком направлении им надлежало двигаться. Лишь с того склона, куда он ступил по выходу из Врат, Вольф увидел два темных холма, возвышавшихся неподалеку друг от друга. Возвышенности могли служить своеобразным знаком, поставленным Уризенном. Существовал только один способ проверить правильность догадки, и Вольф принял решение без колебания.

Он пошел по слегка пружинящей поверхности, остальные последовали за ним. Над головами путников мелькнула тень птицы, и все посмотрели вверх. Белая с красными лапками, птица была размером со стервятника: мордочка напоминала обезьянью с изогнутым клювом вместо носа. Птица летела так низко, что Лувах не удержался и бросил в нее дубинку, но промахнулся и лишь слегка задел по расширяющему хвосту. Птица негодующе крикнула и, быстро поднявшись вверх, исчезла из виду.

— На дереве, кажется, гнездо, — сказал Вольф. — Посмотрим, нет ли там яиц.

Лувах побежал было вперед, чтобы подобрать свою дубину, но на полпути застыл, как вкопанный.

Земля заколебалась. Поверхность вздыбилась дюймовыми волнами, покотившимися по направлению к упавшей дубине.

Лувах развернулся, собираясь убежать, но потом передумал и кинулся к своему единственному оружию. Поверхность позади него вспухла, вздыбилась еще выше и штормовой волной устремила вперед.

Вольф вскрикнул. Лувах оглянулся, увидел грозящую ему опасность и стремительно бросился в сторону, пытаясь обежать катящийся вал. Вольф помчался вслед за гребнем, не зная, чем помочь Луваху.

Внезапно волна опала. Вольф с Луваком остановились, и тут почва под ними вновь начала вспухать. Оба со всех ног бросились прочь, а земля — или то, что это было — двинулась за ними.

Они что было духу мчались к Вратам, надеясь, что они установлены в устойчивом месте, и рассчитывая обрести там твердую почву под ногами.

Они добрались до безопасной зоны как раз вовремя. Поверхность за ними внезапно вогнулась, образовав широкое углубление, затем впадина превратилась в узкий колодец. Стенки его сомкнулись, издав чавкающий звук. Еще несколько мгновений, и дыра исчезла. Вновь перед ними расстиралась ровная гладкая поверхность, испещренная редкими норами со стеблями, все еще продолжающими вибрировать.

— Ну и ну! — бормотал Лувах. — Клянусь Лосом!

Он был бледен, веснушки проступили на его лице, как Млечный Путь.

Вольфу тоже было не по себе, словно он попал в землетрясение. И его сильно тревожило смутное подозрение, что на самом деле все обстоит еще хуже.

Позади послышалось чье-то восклицание. Повернувшись, Вольф увидел Паламброна, попытавшегося вернуться через Врата, сквозь которые он только что вошел. Он, очевидно, следовал за ними и, выждав некоторое время, чтобы они успели отойти на приличное расстояние, рискнул шагнуть под арку. Теперь он тоже попал в ловушку.

Впрочем, его ждало нечто похуже. Приказав братьям, решившим растерзать убийцу на куски, оставить его в покое, Вольф приблизился и, не скрывая своего презрения, оглядел трясущегося и стучащего зубами брата.

— Паламброн, — объявил Вольф, — тебя приговорили к смерти, потому что ты нарушил перемирие и убил своего брата.

Увидев, что немедленная расправа ему не грозит, Паламброн обрел мужество и считая, что у него еще есть шанс, он выкрикнул:

— По крайней мере, я не ел собственного брата! И я не виноват! Мне пришлось убить его! Он первый напал на меня!

— Эниона ударили по затылку, — возразил Вольф.

— Я не виновен! — кричал Паламброн. — Он упал в драке, а когда начал подниматься, я схватил камень и ударил. Разве я виноват, что он подставил свой затылок? Неужели я должен был ждать, пока он повернется и бросится на меня?!

— Я вижу, говорить с тобой бесполезно, — сухо бросил Вольф. — Ты свободен. Никто не станет мारать о тебя руки. Но с нами ты не можешь остаться. Иначе никто не будет чувствовать себя в безопасности.

— Вы позволяете мне уйти? — удивился Паламброн. — Но почему?!

— Хватит болтать! — рявкнул Вольф. — Если через десять минут ты не скроешься с глаз, я больше никого не буду сдерживать. Тебе лучше уйти подобра-поздорову. Ну!

— Минуточку! — встревожился Паламброн. — Что-то тут не так. Нет, я никуда не пойду!

Вольф сделал знак остальным:

— Вперед! Убейте его!

Паламброн завопил и, повернувшись, со всех ног бросился бежать. Убедившись, что его никто не преследует, он перешел на шаг.

В этот момент почва за ним вспухла и вздыбилась в два человеческих роста. В миг, когда волна набрала максимальную высоту, Паламброн вновь оглянулся. При виде устремившегося к нему гигантского вала, он издал отчаянный вопль и кинулся прочь. Волна резко спала и сотрясение почвы опрокинуло беглеца, сбив с ног. Паламброн с трудом поднялся и, шатаясь, побежал дальше.

Тут почва перед ним ушла вниз. Он вскрикнул и круто свернул в сторону. Ужас, казалось, придал ему силы. Вновь на его пути разверзлась дыра и вновь Паламброну удалось увернуться. Но навстречу ему уже поднималась новая волна. Несчастный еще раз попытался свернуть, но

поскользнулся и упал. Вздрыгнувший вал скрыл его от глаз Всевышних. На минуту волна застыла, чуть заметно подергиваясь, затем осела, и поверхность снова стала гладкой — лишь слегка выпирал холмик длиной в шесть футов.

— Проглочен,— выдохнула Вала. Она была заметно возбуждена: широко раскрытые глаза сияли, рот приоткрыт. Она провела языком по губам.

— Похоже, что отец действительно создал для нас чудовище,— произнес Вольф.— Не удивлюсь, если вся планета покрыта шкурой этого ... в е л т и з и е р а.

— Что-что? — переспросил Теотормон. Его глаза все еще были полны ужаса. И хотя голод явно не пошел ему на пользу, но за последние три минуты он, казалось, похудел еще на пятьдесят фунтов. Кожа на нем висела складками.

— “Велтизиер”— это мир-животное. Из германской мифологии. Это на земном языке.

“Планета, покрытая шкурой,— думал он.— Или, возможно, не шкура, а амеба размером с континент. Амеба, завладевшая этим миром”. Жуткая картина наводила страх.

Оболочка амебы жила, и этого нельзя было отрицать, но как же эта чертова тварь не умирает с голоду? Миллионы тонн протоплазмы нужно ведь чем-то кормить. Конечно, она поедает животных, но вряд ли их здесь водится в достаточном количестве, чтобы поддерживать жизнь в этой разросшейся клетке.

Вольф решил выяснить этот момент, если, конечно, ему представится такая возможность. Он был любопытен, как обезьяна или сиамский кот, и всегда готов исследовать, размышлять и анализировать. Он не успокаивался, пока не разузнавал “почему” и “как”.

Он присел и погрузился в раздумья, как быть дальше. Братья, за исключением Вала, тоже расположились на отдых. Вала же, осторожно ступая, направилась прочь от “безопасной зоны”. Некоторое время Вольф с удивлением следил за ней, когда вдруг понял, в чем дело. И как он сам

не догадался? Вала шла, тщательно избегая касаться волосков, которые росли из пор. Пройдя круг радиусом около двадцати пяти ярдов, девушка благополучно вернулась в зону Врат. И ни разу поверхность не задрожала, ни разу не покрылась смертоносной рябью.

Вольф поднялся на ноги со словами одобрения:

— Молодец, Вала. Один-ноль в твою пользу. Животное — или что бы то ни было — пробуждается при прикосновении к волоскам или щупальцам. Если мы будем двигаться так же осторожно, как лавируют корабли в рифах, мы пересечем эту местность. Единственное, что внушает беспокойство, так это вон те горки.

Он указал на возвышающиеся вдали не то холмы, не то грубые наросты. Волоски густо покрывали их подножия, а за ними плотно усеивали всю землю.

Вала пожала плечами.

— Не знаю.

— Ладно, разберемся, когда дойдем до них, — буркнул Вольф и зашагал, внимательно глядя под ноги. Всевышние гуськом последовали за ним, Вала тоже пошла, но параллельно, держась от отряда на расстоянии пяти-шести ярдов.

— Трудновато будет охотиться в таких условиях, — произнес Вольф. — Придется одним глазом все время смотреть на волоски. Будь они неладны!

— Я бы на твоём месте не переживала, — заметила Вала. — Ещё неизвестно, есть ли на кого охотиться.

— Ну уж в существовании одного представителя местной фауны я уверен, — отозвался Вольф.

Он ничего больше к этому не добавил, и Вала осталась в недоумении.

Вольф тем временем направился к “дереву”, на ветвях которого виднелось гнездо. Кучка палок и листьев фута три в поперечнике, скрепленных, похоже, каким-то клейким составом, располагалась на стыке ствола и одной из ветвей.

Остановившись меж двух волосков, Вольф протянул дубинку и ударил по стволу.

Вдали, приблизительно на таком же расстоянии, какое они прошли, виднелись верхушки двух гексагонов. Дерево никак не отреагировало на удар, и Вольф, взобравшись по стволу, просунул руку в гнездо. Пошарив, он извлек оттуда два яйца с зелеными и черными пятнами размером вдвое больше индюшиных и передал их Вале.

В это время вернулась птица-мать. Тельце чуть больше лысого орла, покрывал белый с голубыми полосами мех. Обезьянью мордочку украшал клыкастый орлиный клюв и волчьи уши; еще более странно выглядели крылья летучей мыши, хвост археоптерикса и лапы хищника.

Сложив крылья, птица камнем рассекла воздух и со свистом рухнула на Вольфа. Перед самым ударом она завизжала, словно пилили железо. Визг, вероятно, предназначался для запугивания жертвы. Если так, то все ее старания пропали впустую: едва заметив угрозу, Вольф просто опустил ствол и упал. Над ним послышался треск и повторное взвизгивание — на этот раз от боли и паники, так как разъяренный стервятник, не рассчитав скорости, со всего лету врезался в дерево.

Свалившись на землю, Вольф покатился. Он чувствовал, что задевает волоски, но не в силах был избежать этого. Наконец он поднялся, отряхивая листья и ветки, осыпавшиеся из полуразрушенного гнезда, и едва успел уклониться от оглушенной птицы. Та, однако, падая, все же инстинктивно расправила крылья.

К этому времени земля-шкура отреагировала на прикосновение к щупальцам, которые затронул не только Вольф, но и остальные всевышние, отскочившие, когда тот падал с дерева.

— Назад, на дерево! — крикнул им Вольф.

Вала сориентировалась раньше и уже карабкалась по стволу. Он полез за ней и почувствовал, как острые когти, словно раскаленные добела крюки, впились ему в спину: летающий хищник пришел в себя и вновь напал на обидчика.

Вольф опять рухнул наземь, подминая животное под себя.

Хищник надсадно дышал. Менее пострадавший Вольф скатился и, вскочив, ударил зверя по ребрам. Пасть животного под коричневым клювом раскрылась, обнажив два саблезубых клыка, покрытых слюной и кровью. Вольф еще раз ударил его и вернулся к дереву. Но Всевышние, неистово стремящиеся добраться до безопасного места на ветвях, совсем обезумели.

Тармас наступил Вольфу на голову и, воспользовавшись ею как ступенькой, устремился наверх. Ринтрах потащил его вниз, отпихнул и полез по стволу. Слетев вниз, Тармас рухнул на стоявшего на четвереньках Вольфа.

Сидя на ветке недалеко от верхушки дерева, Вала истерично смеялась, хлопая себя по бедрам. Но вдруг она пронзительно вскрикнула. Ветка обломилась и она, не удержавшись, рухнула вниз. Удар был сильный и она, видимо лишившись чувств, осталась лежать неподвижно.

Теотормон перепугался больше всех. Он сильно похудел за последние дни, но все еще весил немало, да и ласты здорово мешали, так что взбираться на дерево ему было трудно. Он все время скатывался вниз и то и дело оглядывался через плечо, что-то бормоча.

Вольфу наконец удалось встать на ноги. Вокруг него — а точнее, вокруг дерева — “шкура” сходила с ума. Поверхность вздыбилась огромными валами, охотившимися за Лувахом и Аристоном. Эти двое с невероятной скоростью мчались по кругу — ужас придавал новые силы их измученным и истощенным телам. Земляная плоть гналась за ними по пятам. Впереди уже появлялись новые волны, под ногами разверзались ямы.

Лувах и Аристон резко свернули, и движущиеся навстречу друг другу опухоли и впадины, упустив близкую добычу, столкнулись. Вольф в ошеломлении следил, как протоплазма хаотично колыхалась, вспучивалась и опала, издавая чавкающие звуки. Больше всего эта сцена напоминала скопление водоворотов.

Прежде чем “шкура” смогла получить новые сигналы об Аристоне и Лувахе и перестроиться, им удалось добраться до дерева, но они мешали друг другу подняться.

Пока двое обезумевших беглецов цеплялись друг за друга, Вольф схватил тело летающего зверя и изо всех сил швырнул его. Труп птицы упал на приближающую опухоль, и в тот же миг, она начала затихать. В месте соприкосновения тут же образовалась впадина. Она быстро углубилась, потом края колодца сомкнулись, и на поверхности остались только выпуклость и рубец, указывающий на то, что было внутри.

Вольф хотел употребить птицу в пищу, но она превратилась в жертву. Поверхность вокруг дерева разгладилась и, совершив несколько пульсаций, вновь стала инертной, будто и в самом деле была обычной земляной твердью. Вольф подошел к Вале. Та сидела, тяжело дыша, с искаженным от боли лицом. Поскольку поверхность "шкуры" была пружинящей, удар оказался не таким сильным, как если бы она упала на твердую землю, но все же лицо и плечи ее покрывали синяки и некоторое время она не могла пошевелить рукой.

Больше всего, казалось, пострадало ее оскорбленное чувство собственного достоинства. Пылая негодованием, она обзывала их всех кучкой трусливых глупцов, годных лишь на то, чтобы быть рабами. Всевышние, смущенные оскорблениями, держались угрюмо. Они чувствовали ее правоту и им было стыдно. Но, разумеется, никто из них не собирался в этом признаваться.

Вольф к этому времени счел все происшедшее весьма забавным. Он даже рассмеялся, но потом со стоном выпрямился — рана, нанесенная когтями летающего зверя, все еще болела. Лувах осмотрел его спину и запричитал. Сочившаяся кровь, по его мнению, скоро остановится, но следует опасаться заражения, так как лекарств у них нет.

— Да, весело, — пробормотал Вольф. Он поискал глазами яйца. Одно, разбившись, растеклось у корней дерева. Другого не было видно — вероятно, его поглотила шкура.

— О, Лос! — простонал Аристон. — Что нам теперь делать? Мы умираем от голода и не можем шагу ступить от этого дерева, иначе чудовище проглотит нас живьем. Отец убил нас, а мы даже не приблизились к его крепости.

— Эх, вы, боги и Создатели Миров! Да вы просто жалкие человечешки без своих крепостей и оружия, — возмутился Вольф. — Напомню вам еще одну присказку землян: “Есть не один способ содрать шкуру с кота...”

— Какого кота? Где? — оживился Теотормон. — Я сейчас мог бы съесть дюжину котов.

Вольф только поднял глаза к небу, но ничего не ответил. Он велел всем забраться на дерево, а сам взял у Теотормона нож и отошел на несколько футов в сторону. Присев на корточки, он изо всех сил всадил клинок в шкуру: если она достаточно податлива, чтобы образовывать псевдовпадины и дыры, то наверняка поддастся металлу.

Вольф вырвал нож из раны, поднялся и отступил на несколько шагов. Шкура раздалась, превратилась в дыру, затем вокруг раны образовался конус и начал сжиматься в кратер, заполняя сам себя. Вольф терпеливо ждал. Вскоре кратер расправился, и рана затянулась. Вместо крови, которой он ожидал, из нее просочилась бледная сукровица.

Вольф приблизился к шраму, стараясь не касаться волосков. Затем быстро вырезал из шкуры кусок, вытащил трепещущую массу и стремглав побежал назад к дереву. Снова протоплазма вздыбилась бурей хаоса: волны, кратеры, гребни и короткие водовороты. Затем плоть осела.

— “Шкура” вокруг дерева, кажется, гораздо крепче и менее податливой, чем на некотором расстоянии, — заметил Вольф. — Думаю, что мы находимся в безопасности, пока стоим на ней, хотя “шкура”, может быть, способна... приливная волна может смыть нас. Так или иначе, но нам надо поесть.

Всевышние поделили между собой кусок плоти. Свежевырезанное мясо было упругим, скользким от сукровицы и неприятно пахло, но его можно было жевать и глотать. Набив желудки, путешественники почувствовали себя бодрее и смотрели на все уже более оптимистично. Некоторые завалились спать. Вольф отправился на берег протекавшей поблизости реки. Вала и Теотормон после-

довали за ним. Лувах, глядя на них, также решил пройтись. Земляная местность резко обрывалась. Волосков над обрывом было мало, так что исследователи могли расслабиться.

Вольф стоял на самом краю и смотрел на воду. Солнца не было, но вода была прозрачной и позволяла видеть далеко в глубину.

У самого берега плавало множество рыб самых различных размеров, форм и расцветок. Наблюдая за ними, Вольф увидел, как длинные тонкие щупальцы высунулись из-под обрыва и схватили большую рыбину. Та сопротивлялась, но ее быстро утащили под обрыв. Вольф опустил на колени и перегнулся через край, чтобы посмотреть, кому досталась добыча. Обрыв, на котором он стоял, выдавался довольно далеко. Но основания выступа Вольф так и не увидел: крутой склон усеивали тысячи копошащихся щупалец, многие из которых тянулись за рыбинами. Щупальцы виднелись в воде насколько хватало взгляда. Вскоре еще одно из них свернулось, вытянув из глубин гигантскую рыбину.

Вольф поспешил убрать голову, так как в этот момент одно из ближайших щупалец поползло в его направлении. Он сказал:

— Я недоумевал, как такое чудовище добывает себе пищу. Теперь понятно, что оно питается, главным образом, морской живностью. И я готов поспорить, что животное, на котором мы стоим — это огромное плавающее чудовище. Подобно островам водного мира, оно свободно и ни к чему не прикреплено.

— Приятно знать это, — заметил Лувах, — но как это может нам помочь?

— Пожалуй, нам пора еще разок поесть, — продолжал Вольф. — Теотормон, ты среди нас самый лучший пловец. Прыгни в воду и поплавай немного. Держись поближе к берегу и будь готов выскочить оттуда.

— Почему я? — запричитал Теотормон. — Ты только посмотри, как эти щупальца хватают рыбу!

— По-моему, они движутся вслепую. Может быть, чувствуют вибрацию воды. А ты двигаешься достаточно быстро, чтобы ускользнуть. Кроме того, под этим краем щупальца короткие.

— Нет, я не буду рисковать своей жизнью, — сказал Теотормон, покачав головой.

— Ты умрешь с голоду, если не поймаешь рыбу, — настаивал Вольф. — Нельзя больше трогать “шкуру”, она становится чересчур раздражительной.

Он указал на рыбу, скользившую под водой — жирную и медлительную рыбу с головой, похожей на голову сфинкса.

— Как по-твоему, хороша будет она на вкус?

У Теотормона потекли слюнки и в желудке заурчало, но он не пошевелился.

— Ладно, давай свой нож, — сказал Вольф.

Он выхватил у Теотормона нож, прежде чем тот успел перехватить его и, разбежавшись, как можно дальше бросился в воду. Рыба тотчас бросилась от него прочь. Она плыла медленно, но все же не настолько, чтобы он мог догнать ее. Впрочем, он и не собирался ее ловить. Он даже и не думал об этом. Гораздо больше Вольфа интересовала реакция щупалец на его появление в воде.

Одно из щупалец действительно отделилось от толстого основания и поползло к нему. Вольф погрузился в воду, понаблюдал за ним, и поплыл к берегу. Заметив, что псевдоподия увеличила скорость и приблизилась, он протянул руку и ухватился за конец отростка. До сей минуты у него не было уверенности, что щупальца не ядовиты, как у медузы. Успокаивал лишь тот факт, что рыба, которую схватили, отчаянно боролась, не подавая признаков отравления.

Отросток сложился кольцом и обвил его кисть. Вольф резко высвободился и довольно легко отсек ножом футов двенадцать плоти. Приблизившись к берегу, Вольф положил добычу на край обрыва и начал подтягиваться сам, как вдруг почувствовал, как что-то обхватило его ступню. Он глянул вниз и увидел у основания щупальца пасть.

Пасть была беззубой, но смыкалась достаточно сильно, чтобы удержать его ногу. Вольф вцепился руками за обрыв и выдохнул:

— Помогите мне!

Теотормон сделал к нему несколько шагов подпрыгивающей походкой и остановился. Вала стояла в стороне, глядела на щупальце и улыбалась. Лувах выхватил из ножен поломанный меч и прыгнул в воду. Вала засмеялась и нырнула следом. Потом вернулась, взяла у Вольфа кинжал и вместе с Лувахом принялась трудиться над щупальцем в нескольких футах от пасти. Наконец они отрезали отросток и Вольф выбрался на сушу, волоча за собой вцепившуюся в ногу пасть с куском щупальца.

Отрезанную плоть можно было есть, лишь поколотив о ствол дерева для размягчения, но даже после этого мясо на вкус напоминало жесткую резину. Как бы то ни было, желудки их заполнялись.

Некоторое время спустя они вновь тронулись в путь по равнине, соблюдая при продвижении все меры предосторожности.

Достигнув первого холма, подножие которого обросло пучками волос, путники остановились. Теперь они уже ясно видели свою цель. На вершине холма, в полумиле от них, возвышалась пара золотых гексагонов.

Вольф размахнулся и швырнул ветку, обломанную Валой при падении с дерева, в самое скопление волосков. Все пространство мгновенно пришло в движение, причем поверхность колыхалась гораздо более энергично, чем в тех местах, где волоски покрывали равнину не так густо.

— О, Лос! — воскликнул Аристон. — Мы погибли! Нам никогда не добраться до Врат! — Он погрозил кулаком небу и прокричал: — Отец, я ненавижу тебя! И ненавижу тот день, когда ты меня заманил сюда! Ты думаешь, что остановил нас там, где тебе угодно, но, клянусь Лосом и Хромым Энитерманом — мы еще доберемся до тебя!

— Вот это характер! — заметил Вольф. — Я уже на мгновение решил, что ты собираешься заскулить, как

больная собака. Выскажись, братец, выскажись, возможно этот старый ублюдок и услышит тебя!

Тяжело дыша и все еще сжимая кулаки, Аристон заявил:

— На проклятия у меня смелости хватит. Но все-таки хотел я бы знать, что же нам делать?

— Есть какие-нибудь идеи? — поинтересовался Вольф, оглядывая спутников.

Всевышние покачали головами.

— Где же вся та дьявольская одаренность и ум, который полагается иметь детям Уризсна? — осведомился Вольф, — или лгут истории, воспевающие ловкость каждого из вас, когда вы хитростью и силой захватывали неприятельские крепости? В чем же дело теперь?

— Все они храбрецы и умники, — заметила Вала, — когда вооружены до зубов. А теперь, я думаю, они все еще не оправились от шока, что так легко попались в ловушку отца, да еще лишились своих аппаратов. А без них они утратили то, что делало их Богами. Теперь это просто людишки, да притом жалкие.

— Мы так устали! — воскликнул Ринтрах. — Мои мускулы гудят и ноют от напряжения. Я так ослаб, словно нахожусь на планете с двойной силой тяжести.

— Мускулы, как же, — буркнул Вольф.

Развернувшись, он повел отряд назад к дереву.

Он работал, не покладая рук, несмотря на жгучую боль в спине, пронзающую его всякий раз, как он обламывал ветку — раны от когтей при каждом движении причиняли мучительные страдания. Другие дружно помогали ему, и вскоре у каждого в руке набралось по пучку веток.

Путешественники вернулись к краю густо поросшего волосами пространства и принялись бросать ветки в скопления волосков. Они кидали не одновременно, а соблюдая строгую очередность. Поверхность-шкура зарокотала, как море во время урагана. Волны, кратеры, рябь искривили ровное пространство.

Однако, по мере того, как продолжали раздражать волоски, буря стихала. И к тому времени, как запас веток подошел к концу, поверхность почти не реагировала на

них. Последняя палка вызвала лишь мелкие углубления и быстро опавшую дрожь.

— Похоже, она устала, — объявил Вольф. — Однако поверхность может ожить довольно скоро. Поэтому предлагаю идти немедленно.

И он быстро зашагал вперед. Шкура заколыхалась и сгорбилась, отвечая на раздражение волосков: в поверхности появились широкие углубления, вогнутые до трех футов.

Вольф обошел их, затем побежал и не останавливался, пока не достиг подножия холма. Этот холм, подобно первому, который они прошли, казался наростом, огромной бородавкой на шкуре. Хотя склоны его вздымались почти отвесно, все же они были достаточно сморщенными, чтобы можно было цепляться за складки руками и ставить ноги. Все добрались до вершины без неприятностей.

— Честь выбора снова предоставим тебе, Вала. Какие Врата? — спросил Вольф.

— До сих пор она не слишком-то преуспевала в этом вопросе, — заметил Аристон. — Почему все время выбирает Вала?

Вала, как тигрица, повернулась к нему.

— Если ты думаешь, брат, что можешь сделать выбор лучше — выбирай! Но в доказательство своей правоты тебе придется первым пройти Врата.

Аристон тотчас отступил, пробурчав:

— Ладно, ладно. Не стоит нарушать обычай.

— Ах, уже обычай! — воскликнула Вала: — Так вот, я выбираю левые Врата!

Вольф не колебался. Он был слаб и безоружен и знал, что на этот раз может попасть прямоком в крепость Ури-зена, но все же решительно шагнул под арку.

В течение минуты он не мог понять где он очутился и что происходит. Голова его закружилась. В воздухе мелькало нечто странное.

Глава 13

Он стоял на огромном вращающемся цилиндре. В поле зрения wpłyвали все новые и новые цилиндры, крутящиеся над ним со всех сторон на фоне бледно-розового неба.

Над каждым из цилиндров сияли по три розовато-лиловых луча, начинавшихся футах в двенадцати над центром основания. Время от времени лучи освещались красными, оранжевыми, черными, белыми, пурпурными огоньками, вспыхивавшими, как сигнальные ракеты. Огоньки подскакивали по лучам, словно их дергали за невидимые веревочки, и, доходя до точки, расположенной, примерно, в двенадцати футах от основания другого цилиндра, взрывались яркими вспышками и гасли.

Вольф закрыл глаза, чтобы побороть головокружение и боль. Когда он снова открыл их, остальные уже прошли сквозь Врата.

Аристон и Тармас упали на металлическую поверхность, изо всех сил прижимаясь к ней. Теотормон сел, будто боясь, что вращением его потащит прочь и вытолкнет в пространство между цилиндрами. Только Вала, казалось, ничуть не удивилась. Она спокойно улыбалась,

хотя мужество ее, быть может, было показным. Но даже если и так, она была достойна восхищения.

Вольф, насколько возможно, изучал окружающую обстановку. Все цилиндры были размером с небоскреб. Он не понимал, почему его сразу же не сорвало центробежной силой. Для этого тело должно было обладать изрядной силой тяжести.

Как ни странно, так оно и было.

Возможно... нет, нельзя поверить, что Уризену удалось установить равновесие сил так, чтобы тела со столь большой силой тяжести удерживались от падения друг на друга. Вероятно, разноцветные огоньки, бегающие вдоль лучей, и являлись проявлением постоянного восстановления равновесия, какая бы статика и динамика не использовались, чтобы удерживать небольшие, но всеящие как и на Земле предметы.

Вольф понятия не имел, как это делалось, но он очень хорошо знал, что наука, унаследованная Всевышними, далеко опередила известную землянам.

Вокруг виднелись тысячи таких цилиндров, а может быть и сотни тысяч. Расположенные примерно в миле друг от друга, они вращались вокруг своих осей и медленно перемещались относительно друг друга, словно в сложном танце.

“Издаലെка тела выглядели бы как одна цельная масса,— подумал Вольф.— Это, должно быть, одна из планет, которые я видел с водного мира”.

Было одно преимущество в их затруднительном положении. На таком крошечном пространстве им не придется далеко идти до следующих Врат. Хотя вряд ли Уризен сделал этот краткий путь легким.

Вольф вернулся к Вратам и попытался выйти. Он легко шагнул через раму, но, как и ожидал, оказался снова на цилиндре. Развернувшись, он предпринял попытку пройти с другой стороны, однако и она оказалась бесплодной. Тогда Вольф принялся искать другие Врата, обходя ци-

линдр по окружности. Он не прошел и половины, когда увидел два гексагона.

Врата располагались в нескольких дюймах от поверхности, и между рамами и поверхностью цилиндра розовела полоска неба.

Отряд двинулся к Вратам. Вольф не отрывал глаз от шестиугольников, стараясь не отвлекаться на окружающие и перемещающиеся со всех сторон цилиндры.

Он шел впереди, и поэтому первый заметил неожиданное поведение гексагонов-близнецов. Когда путешественники приблизились к ним на пятьдесят футов, Врата начали отодвигаться. Вольф пошел быстрее, но те сохраняли постоянное расстояние между ними и собой. Когда он побежал, они двинулись быстрее, но он все-таки выиграл несколько дюймов. Он рванулся к ним и увидел, что те движутся так же быстро. Увеличив скорость, он увидел, что выиграл еще несколько дюймов.

Остальные бежали за ним. Они топали по металлической конструкции, и в воздухе слышалось их тяжелое дыхание. Вольф снова остановился, Врата — тоже. Все, кроме Валы, собрались вокруг него. Раздались возгласы:

— О, Лос! Сперва он морит нас голодом до полусмерти... потом до смерти загоняет бегом.

Вольф подождал, пока у него восстановится дыхание, затем сказал:

— По-моему, их можно поймать. Как только я бросался бежать, они увеличивали скорость. Это пропорциональное уменьшение. Но я не смогу бежать достаточно быстро и долго, чтобы ухватиться за них. Кто здесь самый быстрый?

— Я всегда мог побить всех в беге, — сказал Лувах. — Но сейчас я очень устал, и у меня совершенно нет сил...

— Попробуй, — распорядился Вольф.

Лувах неопределенно улыбнулся и осторожно двинулся к Вратам. Они отодвинулись. Он бросился бежать и вскоре исчез за закруглением цилиндра.

Вольф повернулся и побежал в противоположном направлении. Вала двинулась за ним. Головокружительный горизонт метнулся навстречу: он побежал дальше и тотчас увидел Лувах и Врата, разделенные десятью футами. Но Лувах уже выдыхался: дыхание с хрипом вырывалось из его легких, ноги чуть двигались. Наконец он остановился и тут же застыли Врата.

Вольф приближался к гексагонам с противоположной стороны и, когда он оказался на таком же расстоянии от них, как и Лувах, Врата скользнули в сторону, как мыло из рук. Вала направилась к ним под углом, но они вновь изменили направление. Наконец запыхавшиеся Всевышние остановились. Образовался как бы квадрат: в трех углах стояли люди, в четвертом — Врата.

— Где остальные? — спросил Вольф.

Лувах ткнул пальцем. Вольф, оглянувшись, увидел, как оставшиеся из отряда идут вразброд вокруг закругления этого крошечного мира. Он позвал их, и голос его прозвучал жутко в этой странной атмосфере. Лувах пошел было вперед, но Вольф скомандовал ему остановиться.

Следуя его указаниям, Аристон, Тармас, Ринтрах и Теотормон образовали восьмигранник с Вратами в центре. Потом все начали сходиться, сохраняя одинаковое расстояние между собой и двигаясь с равной скоростью. Врата раскачивались из стороны в сторону, но стояли на месте.

После двух минут медленного и терпеливого сближения Всевышние ухватились за гексагоны. На этот раз Вольф не спросил у Вала, в каком направлении идти. Он вошел в левые.

Остальные последовали за ним, и физиономии у них тотчас вытянулись. Они стояли на другом цилиндре и на противоположном конце его виднелась еще пара Врат.

Вновь последовала утомительная погоня и сближение. И вновь Всевышние прошли через Врата, на этот раз правые. И вновь оказались на другом цилиндре.

Так повторялось пять раз. Всевышние смотрели друг на друга красными от усталости глазами. Ноги их дрожали от усталости и изнеможения, грудь болела. Они покрылись потом, горло у них пересохло, как при самуме в Сахаре, и они едва держались за гексагон.

— Так продолжаться больше не может, — заявил Ринтрах.

— Спасибо за откровение, — заметила Вала. — Мог бы для разнообразия высказать что-нибудь пооригинальнее.

— Очень хорошо. Мне ужасно хочется пить, так хочется, что я не против глотнуть чей-либо крови. Твоей, например.

Вала рассмеялась:

— Только подойди, и я тотчас проткну тебя вот этим мечом. Твоя кровь жидковата и дурно пахнет, но не беспокойся, я заткну нос.

— Почему-то мы всегда выбираем Врата, которые ведут нас куда угодно, но только не к Уризену, — сказал Вольф. — Пожалуй, на этот раз нам следует разделиться. По крайней мере, хоть кто-нибудь попадет к отцу.

Все заспорили, Вала и Лувах молчали. Наконец Вольф объявил:

— Мы с Валой и Лувахом пройдем в одни Врата, остальные пойдут в другие. Так-то вот.

— Почему с Валой и Лувахом? — спросил Теотормон. Он подозрительно прищурился, и в его голосе послышались злобные нотки. — Почему с ними? Вы трое знаете что-то, чего не знаем мы? Вы собираетесь покинуть нас?!

— Я беру Луваха, потому что он единственный, кому я хоть сколько-нибудь доверяю, — объяснил Вольф. — А Валу — потому что она среди вас лучший мужчина.

Он оставил их пререкаться, а сам вместе с сестрой и Лувахом прошел в левые Врата. Несколько минут спустя

туда же прошли и остальные. Увидев Вольфа, Луваха и Валу, они смутились.

— Но мы прошли в правые Врата!— заявил Ринтрах. Вала рассмеялась.

— Похоже отец сыграл с нами еще одну жестокую шутку. И те и другие Врата ведут на один и тот же цилиндр. Подозреваю, что все такие.

— Он играет нечестно,— возмутился Аристон.

При этом Вольф с Лувахом расхохотались, минутой позже и остальные, за исключением Аристона, присоединились к их веселью. Когда смех, в котором, правда, слышалась нотка отчаяния, замер, Вольф сказал:

— Может быть, я и ошибаюсь, но, по-моему, каждый из цилиндров в этом... этом кружащемся мире имеет Врата и если мы будем продолжать действовать так же, то в конце концов пройдем через все, сколько их есть. Только в этом случае, мы умрем раньше, чем отыщем хотя бы намек на истинный путь. Нам следует придумать что-нибудь новенькое.

Наступила тишина. Всевышние сидели и лежали на твердом сером металле, а над ними в беззвучной сарабанде вертелись цилиндры. Близнецы-гексагоны над основаниями цилиндров, казалось, насмехались над ними.

Наконец Вала произнесла:

— Я не верю, что ситуация безвыходная. Это не похоже на отца. Он не прекратит игру, пока у нас останется хотя бы крупница дыхания и силы для борьбы. Он хочет довести нас до агонии и сломить. И он рассчитывает — я уверена в этом,— что в конце концов мы найдем Врата, которые приведут нас в его крепость. Он, должно быть, делает ставку на то, что мы догадаемся, в чем дело, и примем правильное решение, и будет разочарован, если мы спасуем. Поэтому я считаю, что нам следует хорошенько подумать. Очевидно, что Врата на всех цилиндрах замкнуты между собой. То есть, они переходят друг в друга, если проникать в них обычным путем — через сторону, которая

украшена драгоценностями. Но что, если Врата двуполярны? Что если другая сторона приведет нас к цели?

— Я пробовал другую сторону, — сказал Вольф, — как только мы попали сюда.

— Да ты опробовал входные Врата. Но проверял ли ты какие-нибудь из двойных Врат на цилиндрах?

Вольф покачал головой.

— Усталость и жажда лишили меня разума. Я должен был подумать об этом. В конце концов это — единственное, что нам остается попробовать.

— Тогда поднимайтесь и пошли, — скомандовала Вала. — Соберитесь с силами, возможно, это и окажется выходом из проклятого крутящегося мира.

Снова Всевышние загнали в тупик близнецов-гексагонов и ухватились за них. Вала первая вошла через сторону, противоположную украшенной драгоценностями. Она исчезла и Вольф последовал за ней. Пройдя через Врата и опять очутившись на цилиндре, он почувствовал, что его воодушевление рассеивается, как вино в вакууме. Потом он увидел над основанием Врата и понял, что они пошли верным путем.

В нескольких дюймах над поверхностью нависал только один золотой гексагон. Но он вращался вокруг собственной оси, совершая полный оборот каждые полторы секунды.

К этому времени на цилиндре собрались остальные Всевышние, раздраженные тем, что все еще находятся на крутящейся планете. Но когда они увидели вращающиеся золотые Врата, то взбодрились и одновременно пали духом при мысли о выходе и связанной с ним опасностью.

— Почему они вращаются? — слабым голосом спросил Аристон.

— Понятия не имею, братец, — ответила Вала. — Но, зная отца, я подозреваю, что Врата имеют только одну безопасную сторону. То есть, если мы выберем правильную сторону, то пройдем невредимыми. Но если ошибем-

ся... Как видите, ни одна из сторон не инкрустирована драгоценностями, обе выглядят совершенно одинаково и ничем не отличаются друг от друга.

— Я так измучен, что мне все равно, — заявил Аристон. — Пусть даже смерть — лишь бы избавиться от всех этих страданий, уснуть навсегда.

— Так не стоит противиться душевным порывам, — сейчас же отозвалась Вала. — Ты можешь первым испытать Врата.

Вольф ничего не сказал, но другие присоединили свои голоса к предложению Валу. Однако Аристону, похоже, уже расхотелось умирать. Он запротестовал, говоря, что не настолько глуп, чтобы рисковать собой ради них.

— А ты, братец, оказывается не только слабоволен, но и труслив, — заметила Вала. — Ладно, я пойду первой.

Уязвленный Аристон шагнул все же к вращающимся Вратам, однако подойдя на несколько футов, остановился. Так он и стоял, глядя на гексагон, несмотря на насмешки Валу. Наконец она не выдержала и оттолкнула его, так что он свалился на корточки перед золотым гексагоном и несколько минут пристально разглядывала его. Неожиданно она бросилась вперед и прошла под аркой. Врата продолжали вращаться.

Аристон поднялся и, ни на кого не глядя и не отвечая на насмешки, подошел к Вратам, на секунду приостановился и бросился в них.

В то же мгновение он выскочил с другой стороны и упал на серую поверхность. Вольф подбежал к нему и перевернул тело на спину. Рот Аристона был широко раскрыт, глаза остекленели, кожа приняла серый оттенок.

— Он прошел не с той стороны, — произнес Вольф, обернувшись к остальным. — Что ж, теперь мы знаем, что это за Врата.

— Ну и везет чертовой ведьме! — воскликнул Тармас. — Ты заметил, через какую сторону она прошла?

Вольф покачал головой и в сумрачном розовом свете еще раз осмотрел Врата. Стороны были совершенно одинаковые, никакой разницы. Он подозвал Луваха. Вдвоем они подняли труп Аристана, раскачали и по команде Вольфа швырнули под арку. Труп вылетел с другой стороны.

Вольф с Лувахом зашли с другой стороны, снова раскачали тело и бросили в отверстие. На этот раз труп исчез. Вольф повернулся к Ринтраху:

— Ну, что?

Ринтрах кивнул.

— Подними палец, — распорядился Вольф. — Когда повернется нужная сторона укажешь. Только не тяни.

Ринтрах выждал пару оборотов и ткнул пальцем. Вольф бросился под арку уповая, что Ринтрах не ошибся, и упал на труп Аристана.

Слышался шум моря, освещенного багровым небом. Чуть поодаль, посмеиваясь, стояла Вала, явно забавляясь шутке отца.

Они вновь находились на острове водного мира.

Глава 14

Один за другим появлялись остальные. Как ни странно, никто не выглядел удрученным. Наконец-то они были на знакомой земле, почти дома, так сказать. И, по словам Теотормона, наконец-то могли отъехать. “Врата, через которые они прошли, были правыми гексагонами в огромной паре, установленной на невысоком холме. Окрестности выглядели знакомыми. Всевышние тотчас напились в ближайшем ручье и отобедали рыбой, которую наловил Теотормон. Выставив охрану, все уснули. И лишь на следующий день обследовали местность.

Через полчаса не осталось и капли сомнения, что они вернулись на громадный остров, которые местные жители называли Мать-Всех-Островов.

— Да, это те самые Врата, с которых начались наши злоключения, — сказал Вольф. — Тогда мы прошли через правые гексагоны. Так что левый может вести в мир Уризена.

— Ну и что? — отозвался Тармас. — Не сказал бы, что это самый желанный из островов. Не лучше ли наслаждаться жизнью здесь, чем отправиться навстречу верной гибели или плену и провести остаток дней в застенках Уризена? Почему бы нам просто не забыть о Вратах? Здесь

есть и пища, и вода, и женщины-аборигенки. Пусть Уризен сидит на своем троне и ждет нас, пока не сгниет.

— Не забывай, что без соответствующих лекарств ты скоро состаришься и умрешь. Тебе этого хочется? Кроме того, нет никакой гарантии, что Уризен не заявится к нам, если мы не пойдем к нему. Нет, вы можете прохладиться здесь сколько угодно, но я намерен продолжить борьбу.

— Видишь ли, Тармас, у Джэдавина есть всякая причина действовать, — криво усмехнулась Вала. — Его любовница, между прочим, не богиня, а просто баба с Земли, захваченная в плен Уризенем. Так что, пока она в руках отца, нашему брату не сидится.

— Вы вольны поступать, как вам вздумается, — сказал Вольф. — Но я сам себе хозяин. — Он поглядел на багровое небо, две громадные планеты, виднеющиеся в этот момент, на чуть заметную полоску, похожую на черную комету и добавил: — Кстати, для чего нас непременно поджидает Уризен? Почему бы не воспользоваться черным ходом или, если угодно, форточкой?

И в ответ на последовавшие недоуменные вопросы Вольф изложил мысль, осенившую его, когда он смотрел на другие планеты и на комету. Всевышние решили, что он сошел с ума, а идея его просто безумна.

— Почему бы и нет? — настаивал Вольф, — все необходимое мы вполне можем достать, даже если для этого придется вновь пройти через Врата. А до Аппирманзума всего лишь двадцать пять тысяч миль. Почему бы не отправить-ся туда на ракете?

— Построить аэростатный космический корабль?! — воскликнул Ринтрах. — Джэдавин, жизнь на Земле повредила твой рассудок.

— Мне, конечно, потребуется ваша помощь, — продолжал Вольф как ни в чем ни бывало. — Осуществление задуманного представляет задачу невероятной сложности. Понадобится не только время, но и колоссальные усилия. Однако задача осуществима, уверяю вас!

— Допустим, что так, — заметила Вала, — но что помещает отцу обнаружить и уничтожить корабль, когда мы будем в космосе?

— Тут придется рискнуть. Будем надеяться, что он не установил между планетами детекторов. В конце концов, зачем они нужны? Ведь единственный вход в его мир — через Врата, которые сделаны им самим.

— А что если один из нас предатель? — спросила Вала. — Ты не подумал, что кое-кто из нас может быть доносчиком и обо всем информировать Уризена?

— Такая мысль приходила мне в голову, как, наверное, и всем остальным. Однако мне не верится, чтобы предатель согласился подвергаться всем опасностям наравне с нами.

— А откуда нам знать, что Уризен не видит и не слышит нас прямо сейчас? — спросил Теотормон.

— Ты прав, конечно, такая возможность не исключена. Значит, придется и здесь рискнуть.

— Предложение Вольфа в любом случае лучше, чем сидеть сложа руки.

Последовавшая дискуссия закончилась тем, что все согласились помогать Вольфу. Даже самые ярые его оппоненты сознавали, что если план удастся, бездельников оставят на острове. И при мысли, что у кого-то вновь появится шанс стать богом, а кому-то придется разделить жалкое существование аборигенов, последние возражения рухнули.

Первым делом Вольф наладил отношения с местными жителями. К его удивлению, аборигены ни в чем не проявили враждебности. Они видели, как Всевышние исчезали во Вратах, а затем вновь выходили из них. Такое было под силу только богам или почти богам. Вот почему их сочли особыми... и опасными существами. Туземцы были более чем счастливы сотрудничать с Вольфом, и решение это было предопределено их религиозными верованиями, представлявшими искаженную версию мистических воззрений землян. Они почитали Лоса добрым богом, а Уризена — злым, своего рода Сатаной. Местные предсказате-

ли и знахари утверждали, что наступит день, когда злого бога Уризена низвергнут и тогда всех их ждет Алулос, рай.

Вольф не пытался разъяснить им факты. Пусть верят, во что хотят, лишь бы помогали.

Собрав, какие имелись в этом мире материалы, он загрузил всех посильной работой, а сам вместе с Лувахом прошел Врата в поисках необходимых материалов. Они уже знали, что их ожидает и каких опасностей следует остерегаться. И все же приключений на их долю хватило бы еще не на одну книгу.

Одного похода оказалось недостаточно, и в следующий раз их сопровождали Вала и Ринтрах. Из мира животных, катающихся на ороговевших подобиях коньков и передвигающихся с помощью присосок, они несли куски стекловидной массы. Из Велтизиера — кучи птичьего помета, который совместно с испражнениями их и туземцев шел на изготовление натриевой соли.

Ртуть добыли у туземцев, в больших количествах собиравших ее во время ливней, приносимых черными кометами. Капли ртути служили религиозными реликвиями и их передали Вольфу только после того, как он объяснил, что она пойдет на свержение Уризена. Выяснилось, что одно из растений на острове является источником древесного спирта. Сжигая прочие деревья, заготовили древесный уголь. Планета темпосфуджеров обеспечила строителей серой.

Когда Вольфу понадобились платиновые катализаторы для получения азотной кислоты, он вспомнил о цилиндрах вертящегося мира. Платина имеет точку плавления 1773,5 градусов по Цельсию и обладает высокой прочностью. Ни выплавить, ни отрезать кусок от цилиндра не было никакой возможности. Однако Вольф решил задачу, воспользовавшись собственными устройствами Уризена.

Он взял с собой всех Всевышних, хотя Теотормон и Тармас сильно возражали. Окружив подвижные гексагоны-близнецы, их подвели к краю цилиндра. Здесь-то Теотормон понял, зачем ему было необходимо совершить это путешествие. Его вес потребовался для того, чтобы заста-

вить Врата опуститься к изгибающемуся краю цилиндра. Силы, удерживающие Врата над поверхностью, были громадны, но не могли сопротивляться весу и мускулам Всевышних.

Часть дуги прошла в один гексагон. Если бы Врата оставались неподвижными, кусок цилиндра просто выступил бы через парные Врата на другом цилиндре. Но Врата перемещались и, действуя как своего рода ножницы, отрезали ту часть, которая прошла через арку.

Установив Врата на место, Всевышние прошли через них на следующий цилиндр и нашли кусок платины. Затем они воспользовались имеющимися там Вратами, чтобы расщепить кусок на более мелкие части.

Перенесшись на цилиндр с вертящимися смертоносными Вратами, Вольф, кидая камни и следя за их исчезновениями, пометил безопасную сторону мазком желтой краски, принесенной с водного мира. Больше эти Врата не доставляли им затруднений.

Постепенно Вольф определил точную направленность каждого гексагона и мог попадать в нужную точку кратчайшим путем.

Остров водной планеты к этому времени превратился в гигантскую кузницу, полную дыма и зловония. Выслушивая жалобы туземцев, Вольф то насмехался, то грозил — соответственно. Он без усталости подгонял всех. И так минуло шестьдесят темных лун. Работа продвигалась медленно, то и дело принося разочарования: часто отдельные операции бывали опасны для жизни. Вольф с Луваком продолжали совершать походы по мирам, доставляя необходимые материалы.

Аэростатный космический корабль был уже наполовину построен. Еще немного, и он с Всевышними на борту покинет атмосферу планеты. В стратосфере поле псевдопритяжения быстро ослабнет (в чем Теотормон сильно сомневался), и корабль использует притяжение темной луны, чтобы набрать большую скорость. Затем пороховые ракеты придадут ему ускорение. Изменять направле-

ние движения можно будет с помощью небольших взрывов пороха или газовыми струями из пузырей.

Вольф еще не решил всех проблем, связанных с регенерацией и циркуляцией воздуха в герметичной гондоле и с трудностями обеспечения жизнедеятельности в невесомости. Впрочем, сила тяжести на корабле частично останется. До верхних слоев атмосферы они поднимутся за счет расширения газа в пузырях, но затем попадут в зависимость от поля притяжения луны. И лишь пороховые ракеты должны придать кораблю достаточное ускорение, чтобы преодолеть притяжение водного мира. Если же тяготение планеты преодолеть не удастся, они могут оказаться пленниками лунной орбиты.

— Никакие математические расчеты не подскажут, как избавиться от притяжения и выбрать необходимое направление,— заметил Вольф Луваху.— Придется действовать по наитию.

— Будем надеяться, что у нас неплохой нюх,— ответил Лувах.— Скажи, ты и вправду считаешь, что у нас есть шанс?

— Надеюсь,— ответил Вольф.— Но сейчас стоит подумывать о другом. Например, о космических костюмах, в которых мы будем работать. Нам придется носить скафандры, когда мы будем в гондоле, так как нельзя полагаться на ее полную герметичность.

Уже приготовили гремучую ртуть для взрывных головок. Это была темно-коричневая смесь, полученная взаимодействием ртути, спирта и концентрированной азотной кислоты.

Азотную кислоту, окислившую серу до серной кислоты, получили путем нескольких химических превращений. Соль натрия, выкристаллизованную из птичьего помета и человеческих экскрементов, нагрели с серной кислотой (последнюю получили, сжигая серу с селитрой, то есть с калием или солью натрия).

Свободный азот, выделенный из воздуха, смешали с водородом (из газовых пузырей) и получили аммоний. Аммоний при соответствующей температуре смешали с

кислородом (из пузырей, вырабатывающих кислород). Смесь пропустили через тонкий проволочный смеситель, выполненный в виде контактной пластины, чтобы одновременно подвергнуть катализу.

Полученные в результате кислотные окислы смешали с водой и путем перегонки получили концентрированную кислоту. Материалом для тиглей, контейнеров и труб послужило стекловидное вещество с планеты конькобежцев.

Черный порох приготовили из древесного угля, серы и селитры.

Вольфу также удалось получить из солей азота взрывчатый порох.

Однажды Вала сказала:

— Не кажется ли тебе, что мы делаем чересчур много пороха? Мы ведь все равно не сможем взять с собой так много, иначе корабль просто не оторвется от земли.

— Верно, — ответил Вольф. — Но, может быть, ты также поинтересуешься, почему я размещаю взрывчатку в разных местах? А потому, что порох самовозгорается. Храня же запасы по отдельности, я сохраню большую их часть, если какой-то склад взорвется.

Всевышние побледнели, а Ринтрах осведомился:

— Ты имеешь в виду, что взрывчатка, которую мы возьмем на корабль, может в любую минуту взорваться?

— Именно так. И боюсь, что это еще один неизбежный риск. Шансы на успех малы. Но не следует отчаиваться. Разве вы не чувствуете иронии в том, что Уризен сам снабдил нас материалами для собственной гибели? Он сам вложил в наши руки оружие, которым мы разрушим его сверхтехнику — если повезет, конечно.

— Если мы останемся живы, то непременно посмеемся, — пробормотал Ринтрах. — Однако мне почему-то кажется, что смеяться будет Уризен.

— Старая русская пословица гласит: "Когда деньги уплатил, веселись что хватит сил". И еще: "Хорошо смеется тот, кто смеется последним".

В ту ночь Вольф пошел в хижину Луваха. Почувствовав на плече руку, Лувах моментально проснулся. Он уже

схватился за нож, сделанный из куска кремня с планеты темпосфуджеров, но Вольф сказал:

— Я пришел поговорить с тобой, а не убивать. Лувах, ты единственный, кому я могу довериться. Мне нужна помощь.

— Спасибо, брат. Ты лучший из нас. Я знаю, ты не способен на предательство.

— Часть того, что я собираюсь сделать, поначалу может показаться предательством. Но это необходимо. Слушай внимательно, младший брат.

Час спустя, нагруженные лопатами и топорами, они вышли из хижины и направились к холму, на котором стояла пара Врат. Здесь их уже ждали двадцать туземцев, пользующихся доверием Вольфа. Они принялись копать, обрубая сплетения гниющей растительности и корни пузырей, образовывавших остров. Все работали слаженно и быстро, так что к тому времени, когда луна зашла и увела с собою ночь, канава вокруг холма была закончена. Все продолжали работать до тех пор, пока лишь несколько футов корней не отделяли дно раскопок от уровня моря. Затем в канаву заложили азотную селитру и взрывчатые капсулы и старательно забросали их нарезанными корнями и грязью, стараясь замаскировать все следы земляных работ.

— Стоит только взглянуть и любой догадается, что здесь копали,— сказал Вольф.— Но будем надеяться, что сюда никто не придет. Я ведь объявил день отдыха, так что все будут отсыпаться.— Он поглядел на Врата.— Теперь нам предстоит обойти все планеты и сделать это мы должны быстро.

Добравшись до планеты темпосфуджеров, Вольф дал Луваху одно из своих духовых ружей. Оно было сделано из полого, похожего на бамбук растения, входившего в флору Матери Островов. Аборигены пользовались ими, чтобы стрелять дротиками с наконечниками из костей особого вида рыб. С этим оружием они охотились на птиц и крыс, живущих на острове.

Вольф с Лувахом вошли в каньон и сбили там пять фуджеров. Вольф подбирал их, когда нашел вход в нору, в которой жили хроноволки. Он засунул конец духового ружья в нору и выпустил дротик. Выждав минуту, он просунул внутрь руку и вытащил спящего волка.

Животных, все еще находящихся в бессознательном состоянии, бросили во Врата которые вели, по всей вероятности, в мир Уризена. Возможно, что и те и другие Врата вели лишь на следующий второстепенный мир, как Врата на планете кружащихся цилиндров.

— Я надеюсь, что маленькие животные заденут сигналы тревоги Уризена,— сказал Вольф.— Эти сигналы на некоторое время отвлекут его. Возможно также, что способность фуджеров удваиваться, а волков прыгать во времени даст им шанс выжить некоторое время. Может быть, им даже удастся размножиться, попасть во дворец и разрушить какое-то количество ловушек и сигнальных устройств. Пока Уризен будет ломать голову над тем, что происходит, он отвлечется от Врат, через которые ожидает нашего прихода.

— Хорошо, если так,— отозвался Лувах.— Боюсь только, что гексагоны-близнецы здесь и на водном мире просто ведут на другую второстепенную планету.

— Нет ничего надежного в этих многочисленных мирах,— заметил Вольф.— И даже бессмертных небожителей за каждым углом ожидает смерть. Так что давай-ка завернем за угол.

Они прошли Врата Велтизиера. Не обнаружив никаких признаков хроноживотных, Вольф очень обрадовался, так как считал весьма вероятным, что они попали в крепость Уризена.

Спутники вернулись в водный мир, и Вольф отправил Луваха с заданием, провожая его задумчивым взглядом. Возможно, он и ошибается, подозревая Валу в тайном сговоре с отцом. Но уж слишком ей везло. При малейшей опасности она почему-то оказывалась в безопасном месте. А как уверенно она держалась, когда они скатились в реку в мире ледяных скал! Даже Теотормон тогда устал до

полусмерти, хотя вода, можно сказать, его родная стихия; она же плыла без усталости.

Вольф подозревал, что в ее поясе скрывалось устройство, дающее ей с такой легкостью держаться на поверхности воды. А гексагоны? Каждый раз выбранные ею Врата вели на второстепенную планету. Неужели действительно ни один из них не вели в крепость Уризена? Нет, слишком уже самоуверенно она держалась, это на нее не похоже. Она явно вела двойную игру.

Вала ненавидела отца, но могла сговориться с ним, чтобы погубить своих братьев и кузенов. Ведь их она ненавидела не меньше. Она вполне могла носить при себе ловко припрятанный передатчик. Таким образом Уризен мог слышать, а, возможно, и видеть все, что она делает. Она же наслаждалась этой игрой, совмещая роль беспристрастной наблюдательницы и участницы, подверженной всем опасностям.

Уризену же зрелище смертельно опасных приключений тем более доставляло удовольствие, напоминая своеобразные спортивные состязания.

Вернувшись к холму, Вольф принялся претворять в жизнь последний этап плана.

Аборигены почти закончили грузить корабль черным порохом, селитрой и гремучей ртутью. Полувывстроенный корабль состоял из двух каркасов, сделанных из полого бамбука с газовыми ячейками. Каркасы представляли собой верхнюю и нижнюю палубы, и соединить их должны позднее.

С самого начала Вольф знал, что использовать этот корабль для космического путешествия невозможно. Он сомневался даже, что корабль вообще взлетит, а если и взлетит, то вряд ли сможет преодолеть притяжение планеты. Шансов на успех практически не было.

Но он делал вид, что уверен в успехе, и поэтому работы продолжались. Так что любой шпион, будь таковой среди Всевышних или же посторонний наблюдатель, был бы одурочен.

Возможно, Уризен наблюдает за ними и сейчас, недоумевая, что они собираются предпринять. Если так, то когда он это узнает, будет уже слишком поздно.

Аборигены отпустили канаты, которыми держали обе половинки корабля, и те, поднявшись на несколько футов в воздух, остановились — тонны загруженной взрывчатки не дали им взлететь выше. Высота была именно той, какая требовалась Вольфу. Он подал сигнал, и туземцы начали толкать обе части корабля в сторону холма до тех пор, пока не подвели их к самым Вратам. Каждая половинка была как раз таких размеров, чтобы пройти в шестиугольную арку. Собственно говоря, именно для этой цели Вольф и приказал строить корабль двумя отдельными частями — целый корабль никак не смог бы протиснуться в узкое пространство. Даже сейчас каркасы проходили в отверстие гексагона буквально впритирку.

Вольф поджег фитили на обеих парящих в воздухе половинках корабля и дал сигнал своим людям. С дружными возгласами туземцы принялись подталкивать каркасы. Стоя чуть поодаль, Вольф смотрел сквозь шестиугольную арку на ландшафт острова. Но вот нос одной из половинок вошел во Врата и исчез, как бы обрубленный. Следом исчезла и корма.

Из зарослей вышел Лувах с бесчувственной Валой на плечах. За ним, встревоженные и озадаченные, шагали остальные Всевышние. Вольф объяснил им, что собирается сделать.

— Я не мог доверить свои планы никому, кроме Луваха, — сказал он. — Я подозреваю Валу в том, что она шпионит для отца. Может быть, она и невиновна, но рисковать я не мог. Поэтому и попросил Луваха позаботиться о ней. Надеюсь, он ударил ее не слишком сильно. Мы возьмем ее с собой и к тому времени, как она придет в себя, — оправданы ли подозрения или нет — она уже ничем не сможет нам помешать. Теперь одевайте скафандры. Они будут действовать в воде так же хорошо, как и в космосе. Даже, пожалуй, лучше, поскольку их делали специально для погружения в воду.

Лувах посмотрел на Врата.

— Ты думаешь, что взрывчатка сработала?

Вольф пожал плечами.

— Трудно сказать. “Врата эти односторонние, так что с этой стороны взрыва мы, конечно, не услышим. Но будем надеяться, что запал сработал и часть ловушек уничтожена. И если так, то Уризен должно быть, весьма расстроился и удивился.

Лувах облачил Валу в защитный костюм, затем оделся сам. Вольф смотрел, как бежит огонь по фитилям, укрытым в пустотелые бамбуковые трубки. Фитили подходили непосредственно к взрывчатке — пороху, аммониевой селитре и гремучей ртути — уложенным по дну траншеи вокруг холма с Вратами.

Глава 15

Раздался грохот, и земля содрогнулась. В воздухе поднялось облако черного дыма, полетели в стороны обгорелые ветки и корни. Как только дым рассеялся, Вольф повел Всевышних к холму, быстро погружающемуся в воду. Взрыв как бы вырубил кусок острова и под тяжестью золотых гексагонов тот уходил вниз.

Вольф бросил пару бомб к основанию Врат, чтобы ускорить их погружение и подождал, пока их верхняя часть не сравняется с поверхностью острова. Как только Врата скользнули в воду, он повел отряд вперед. Лицо его закрывала кислородная маска, на спине крепились баллоны со сжатым воздухом; в одной руке Вольф держал копье с кремневым наконечником, в другой — нож, за пояс был заткнут топор.

Верхушка Врат скрылась в море как раз тогда, когда он вынырнул на поверхность, чтобы осмотреться. Вода, взбаламученная обломками корней и перегноем, была мутной, в ней ничего нельзя было разглядеть. Он ухватился за арку гексагона, давая увлечь себя на дно моря.

Лувах погружался следом, одной рукой ухватившись за его лодыжку, а другой держа бесчувственную Валу. Остальные, должно быть, в свою очередь держались за

Луваха. Лишь Теотормон плыл сам по себе, пока отряд не прошел Врата.

Убедившись, что он находится у левого гексагона, Вольф вплыл в шестиугольную арку — точнее, его затащило туда напором воды.

Мощное течение стремительно пронесло его по длинному холму. В свете люминесцентных стен взору Вольфа предстала живописная картина. Чудовищной силы взрыв вырвал часть плит, которыми был выложен проход: массивные двери из белого металла в конце холла сорвало с петель и покорежило. Корабль-бомба сделал свое дело. Даже если бы взрыв не сорвал двери, отделяющие холл от остальных помещений дворца, они в конце концов были бы сметены под напором воды; правда, к этому времени Всевышних расплющило бы давлением.

Вольфа вынесло в проход и увлекло вниз по другому коридору. Чуть впереди бурлящий поток с ревом ударялся в стену и сворачивал в сторону. В свете ламп Вольф разглядел, что дно коридора усеяно рядом длинных металлических костылей. Несомненно, они предназначались для детей Уризена, которые теперь проплывали над ними. Приблизившись к повороту, Вольф развернулся и, оттолкнувшись ногами, последовал за течением.

Наклон коридора внезапно увеличился и поток устремился вниз под углом в пятьдесят градусов. Вольф едва успел заметить, что проход разветвляется надвое. Его неотвратимо влекло к водопаду, срывающемуся с большого окна в конце спуска.

Водоворот крутил и кидал его, как щепку, мимо стремительно пронеслись стены. Наконец, ревущий поток вышвырнул его в окно и, уже падая, он увидел перед собой вышедший из берегов пруд.

Удар оглушил его. Но, почти без сознания, он все же вынырнул и кое-как добрался до берега. “Нам определенно повезло, — подумал Вольф, разглядывая пруд. — Иначе

мы бы неминуемо разбились насмерть". Все еще сжимая копье, он выбрался на камни.

Вскоре на поверхность один за другим вынырнули Всевышние. Первым показался Теотормон, за ним — Лувах с пришедшей в себя и перепуганной Валою. Еще через несколько секунд выплыл Ринтрах. Тармас безжизненно покачивался на воде, лежа лицом вниз с распростертыми руками. Его, должно быть, ударило об окно перед тем, как увлечь с водопадом: около колена виднелся кровоподтек, лицо покрывали синяки.

Вала набросилась было на Вольфа с упреками, но он велел ей замолчать — на разговоры не было времени. В нескольких словах он коротко объяснил ей, что он сделал и почему.

Вала быстро овладела собой. Она улыбнулась, хотя все еще была бледна, и сказала:

— Опять ты добился своего, Джэдавин! Обратил механизмы Уризена против него самого!

— Вот что, Вала,— перебил ее Вольф,— по-мосму, ты в сговоре с отцом. Может быть, я чересчур мнителен — хотя такое трудно представить, когда имеешь дело с Всевышними. В общем, если ты окажешься невиновна, я попрошу прощения. Если же нет, то отец наверняка решит, что ты предала его и переметнулась на нашу сторону. Вряд ли он станет выслушивать твои объяснения, он просто убьет тебя при первой же возможности. У тебя нет выбора.

— Да-а, братец, ты всегда отличался коварством! Что ж, твоя взяла. Но с отцом я и сама справлюсь. Кто знает, может быть, у меня и будет такой шанс! Несколько часов назад я бы поклялась, что мы попадем в западню, как только вступим в его владения. Но вот мы здесь, и отцу тоже грозит смертельная опасность.— Она указала на окно, из которого мощным водопадом низвергалась морская вода.— Очевидно, Врата находятся на верхних этажах дворца. А вода бежит вниз. Если Уризен не предпримет самых решительных мер в ближайшее время, он

утонет, как крыса, захлебнувшаяся в собственной норе. — Оглядев окрестности дворца, Вала продолжила: — Как видишь, дворец со всех сторон окружен горами, он находится в долине. Через некоторое время все море водного мира вольется через Врата, если только они не затонули на мелководье. Долину затопит, а потом вода хлынет через горы и зальет остальную часть планеты.

— Предлагаю забраться на горы и полюбоваться, как утонет отец, — предложил Ринтрах.

Вольф покачал головой.

— Нет. Во дворце Хрисеида.

— А нам-то что? — пожал плечами Ринтрах.

— Не забывай, у Уризена есть самолет, — сказал Вольф. — Так что он наверняка спасется и непременно отыщет нас. Но даже если удастся спрятаться, мы все равно обречены: довольно скоро этот мир затопит. Уризен может просто бросить нас здесь на произвол судьбы, и мы окажемся в западне и неизбежно умрем с голоду. Нет, если уж вы хотите выбраться отсюда и вернуться в свои Вселенные, вам придется помочь мне разделаться с Уризенем, — Вольф повернулся к Теотормону и сказал: — Ты должен знать какие-нибудь ходы, ведь отец держал тебя здесь пленником. Есть ли возможность пробраться внутрь так, чтобы не нарваться на ловушки?

— В саду, который теперь залила вода, был ход, — сказал Теотормон. — Пожалуй, это лучший вариант. Так мы сможем проплыть к этажам, которые еще не затоплены. Достаточно не притрагиваться к полу и стенам, и ловушки не сработают.

Всевышние снова погрузились в воду и, держась стен пруда, чтобы не попасть под водопад, опустились на глубину. Найти вход оказалось нетрудно — их туда буквально затащило течением. Они поплыли с влившимся в отверстие потоком и вскоре добрались до широкой лестницы, выложенной из черного и красного камня. Подняв-

шись над ней и проплутав некоторое время в коридорах, путники очутились на втором этаже.

Он тоже был затоплен, и они продолжили подъем. Пол следующего этажа вода покрывала лишь на несколько дюймов, но уровень ее быстро повышался. Скинув маски, они взбежали по лестнице на четвертый этаж.

Дворец Уризена, как и обиталища прочих Всевышних, был великолепен. В другое время Вольф непременно бы задержался, чтобы полюбоваться картинами, драпировками, скульптурами и прочими бесценными сокровищами, награбленными в десятках миров. Но теперь же лишь две мысли владели его сознанием: убить Уризена и спасти свою жену, большеглазую Хрисиду.

Перед тем как идти вперед, Вольф оглядел отряд и спросил:

— Где Вала?

— Минуту назад шла за мной следом, — отозвался Ринтрах.

— Значит жива-здорова, — заметил Вольф. — Но как же быть, если она ускользнула к Уризену?

— Лучше бы нам опередить ее, — поторопил Лувах.

Вольф отправился вперед, каждую секунду ожидая, что вот-вот сработает смертоносная ловушка. Любые двери наверняка защищались заградительными устройствами, хотя коридор — был такой шанс — мог оставаться свободным для прохода. Вполне вероятно также, что Уризен считал себя здесь в безопасности. Возможно также, что залившая здание вода могла разрушить накопители энергии. К каким бы случайностям Уризен не готовился, вряд ли ему приходило на ум, что море другой планеты может залить его владения.

— Комната, где меня держали, на следующем этаже. Личные апартаменты Уризена там же.

Вольф поднялся на первый пролет лестницы. Он шел медленно, внимательно разыскивая признаки ловушек. Все было в порядке. Всевышние без неприятностей подня-

лись на следующий этаж и на минуту остановились. Чем ближе они подходили к Уризену, тем больше нервничали. Ненависть отступила перед былым трепетом, наполнявшим их сердца в детстве.

Они находились в огромном зале, стены которого, выложенные плитами белого мрамора, украшало множество барельефов, изображавших разнообразные сцены из жизни Всевышних. Вот восседает на троне Уризен. Вот он стоит на лугу, окруженный резвящимися детьми. Вольф узнал себя, братьев, сестер и кузенов. То была счастливая пора, хотя время от времени их и терзали смутные предчувствия грядущих ненависти и тревог.

— Слышите грохот воды? — тихо спросил Теотормон.— Еще немного, и этот этаж тоже затопит.

— Хрисеиду, наверное, держат в той же камере, в которой сидел и ты, — сказал Вольф.— Теотормон, веди нас.

Теотормон, отталкиваясь мощными ногами, пружинистой походкой отправился вперед. Он, не колеблясь, находил дорогу в путанице комнат и переходов, казавшихся постороннему взгляду запутанным лабиринтом.

Наконец он остановился перед высоким овальным входом из красного камня, украшенным пурпурными шероховатыми барельефами крылатых созданий. За ним виднелся огромный зал, залитый тусклым красным светом.

— Вот здесь меня и держали, — сказал Теотормон.— Но я боюсь туда входить.

Вольф сунул копье в сводчатый проход.

— Подожди минуту, — посоветовал Теотормон.— Реле ловушки может сработать с опозданием, чтобы вошедший не мог спастись.

Вольф продолжал держать копье, считая секунды и прикидывая, как далеко удастся войти в помещение. Неожиданно в зале что-то ослепительно вспыхнуло и Вольфа отбросило назад.

Когда зрение вернулось, Вольф увидел, что половины копья как не бывало. В проходе веяло жаром, воздух наполнился запахом гари.

— Твое счастье, что пламя локализовано и направлено вверх, — заметил Теотормон.

Ловушка занимала около двадцати ярдов. Дальше помещение могло быть безопасным, но как миновать смертельную преграду?

Вольф отступил на несколько шагов, швырнул в зал остаток копья и повернулся к входу спиной. Снова последовала вспышка, откинувшая на пол коридора тени Всевышних: из зала хлынула волна жара. Вольф повернулся и метнул в комнату стрелу, считая секунды. Ровно через три секунды стрела вспыхнула в пламени. Вольф объяснил все спутникам, и Всевышние, спустившись этажом ниже, окунулись в воду. Затем, мокрые, бегом вернулись к сводчатому проходу. Вольф метнул стрелу. Последовала вспышка, и как только жар чуть-чуть спал, он опрометью кинулся в помещение. За ним помчались Теотормон и Лувах.

У них было три секунды, чтобы преодолеть двадцать ярдов — времени немного, но достаточно. Пламя подсушило намокшие одежды и слегка опалило волосы. Но преграда оказалась позади.

У дверей остались Ринтрах и Тармас. Ринтрах метнул стрелу и кинулся в раскаленный воздух. Вольф, наблюдавший за ним, заметил, что Тармас заколебался и предупреждая крикнул, советуя подождать и попытаться еще раз. Но Тармас не обратил на его слова внимания, а, может быть, просто не расслышал. Он несся изо всех сил, и глаза его были широко раскрыты за кислородной маской.

Вольф приказал всем отвернуться. Вновь последовала ослепительная вспышка и одновременно раздался пронзительный крик. Горячий воздух полыхнул в лица Всевышних, неся запах горелой плоти и сожженной рыбьей шкуры, из которой были сделаны их одежды.

Останки Тармаса темной грудой лежали на полу, пальцы его руки и ног обуглились.

Всевышние молча отвернулись и, не говоря ни слова, двинулись через зал. Подойдя к следующему проходу, Теотормон, после соответствующей проверки, провел их в узкую дверь.

Отряд вошел в полукруглую комнату длиной около ста ярдов. Вдоль стен стояло множество клеток и все они, за исключением одной, были пусты.

Вольф увидел обитателя единственной заполненной клетки первым.

— Уризен! — воскликнул он.

Глава 16

В клетке размером десять на десять футов имелось только тонкое одеяло, кран с питьевой водой, дыра в полу, заменявшая парашу, да автоматический раздатчик пищи.

Человек в ней был очень высоким и худым. Лицо его еще странным образом сохраняло соколиное выражение, но борода отросла ниже колен, а грязные спутанные волосы спадали по спине до икр. Увидев клочья седины, Вольф понял, что отца держали в клетке очень долго: даже прекратив принимать так называемое средство бессмертия, Всевышние еще очень долго испытывают положительное воздействие лекарственного препарата.

Уризен подошел к решетке, но держался осторожно и не прикасался к стальным прутьям. Вольф тихо приказал всем отступить, а сам приблизился к клетке. Остановившись в нескольких дюймах от нее, он спросил:

— Ты все еще ненавидишь нас так сильно, отец, что жаждешь нашей смерти?

Вольф поскреб прутья кончиками стрелы; по металлу тотчас же побежали блики света.

Уризен печально улыбнулся и заговорил глухим, наполненным болью голосом:

— Прикосновение к решетке болезненно, но не смертельно. Ах, Джэдавин, ты всегда был самым хитрым! Кому бы еще удалось пройти так далеко? Никому, кроме Валы да, возможно, Рыжего Орка.

— Так значит моей сестрице удалось пробраться сквозь все твои ловушки, да еще поймать того, кто их расставлял! — произнес Вольф. — Да, она, действительно, выдающаяся личность.

— Где она? — спросил Уризен. — Неужели умерла? Я знаю, что она должна быть с вами, она говорила мне о своих планах.

— Вала во дворце и ее все еще следует остерегаться, — ответил Вольф. — Она непрестанно убеждала нас, что ты по-прежнему властвуешь на троне. Она забавлялась, деля наши невзгоды, и изображала из себя союзницу. Я подозревал, что она действует в сговоре с тобой, но чтобы она... нет, такое мне и в голову не приходило.

— Я обречен, — сказал Уризен. — Мне не выбраться отсюда, и ты не сможешь открыть клетку. Не сможешь, если бы даже захотел помочь мне. Да и все равно, я скоро умру. Вала ввела мне медленнodelствующую и болезнетворную культуру рака. Собственно говоря, она делала это уже трижды и каждый раз, когда я был уже при смерти, вылечивала меня, возвращая здоровье.

— Сказал бы, что мне жаль, но не хочу лгать, — заметил Вольф. — Ты получил по заслугам.

— Выслушивать нотации от тебя?! — воскликнул Уризен и глаза его вспыхнули прежним огнем.

Внутри у Вольфа что-то дрогнуло — былой страх перед отцом еще не угас.

— Я слышал, Джэдавин, что ты сильно изменился с тех пор, как пожил на Земле, но я не мог этому поверить. Теперь вижу, что это правда.

— Я пришел сюда не для того, чтобы спорить с тобой, — оборвал Вольф излишние старика. — Да и времени для этого нет. Скажи, отец, как нам добраться до комнаты

управления? Скажи, если хочешь отомстить. Вала снова свободна и, возможно, находится там.

— Зачем мне помогать вам? — возразил Уризен, — пусть я умру, но, по крайней мере, буду знать, что ты, Ринтрах, Лувах и Теотормон погибнете вместе со мной.

— Разве тебе приятна мысль о торжестве Вала? Разве ты получишь удовольствие от того, что Вала будет жить? Что она сделает из твоего тела мумию и выставит ее напоказ среди других трофеев?

Уризен горько улыбнулся.

— Если я сообщу тебе сведения, которые тебя интересуют, тогда Вала, может быть, и умрет, но вы-то будете жить. Это отвратительный выбор. Как ни поверни, а в проигрыше я.

— Ты можешь ненавидеть нас, но мы ведь никогда не делали тебе ничего плохого, — настаивал Вольф. — Вала же...

— Море скоро наводнит и этот этаж, тогда мы все погибнем, — вмешался Теотормон. — Вот уж посмеется Вала, сидя в безопасности перед контрольной панелью. И над Хрисейдой она потешится, как захочет.

Чувство беспомощности овладело Вольфом. Какими угрозами заставить Уризена говорить? Он сделал все, что было в его силах — что же еще? Вольф сказал:

— Пошли, больше нельзя терять ни секунды, — и добавил, обратившись к Уризену:

— Прощай отец. Твоя смерть близка. Я знаю, твое сердце жаждет отмщения. Несколько слов, и справедливая кара настигла бы Валу. Но ненависть слепит тебя. Ты сам лишаешь себя возможности свершить возмездие.

— Подожди! — крикнул ему вслед Уризен.

Вольф быстро вернулся к клетке. Уризен облизал пересохшие губы.

— Если я помогу тебе, выполнишь ли ты одно условие?

— Я не могу освободить тебя, отец, — ответил Вольф. — Тут надо подумать, а ты сам видишь, что у нас нет ни

минуты. А если бы и смог, я все равно убил бы тебя, как только открыл бы клетку.

— Я предлагаю услугу за услугу, — произнес Уризен. — Я прошу тебя об одном — о смерти. Я бесконечно страдаю, сын мой. Гордость мешала мне сознаться. Но каждая минута такой жизни кажется мне тысячелетиями. Будь на моем месте кто-нибудь другой, он бы уже давно пал перед тобой на колени, умоляя положить конец его мукам. Уризен же никогда не унижается до просьб. Обмен — другое дело.

— Согласен, — сказал Вольф. — Стрела избавит тебя от мук.

Уризен склонился к решетке и прошептал несколько слов. Не успел он закончить, как в дальнем помещении послышался смех. Вольф резко повернулся и увидел идущую навстречу Валу. Он мигом положил стрелу на тетиву лука, хотя и знал, что Вала ни за что не решилась бы войти, не будучи надежно защищена.

Однако в следующий момент он заметил, что тело Валы просвечивает, и даже разглядел сквозь нее противоположную стену. Тотчас же стало понятно, что перед ними проекция изображения. “Лишь бы она не подслушала то, о чем сказал Уризен, — молился про себя Вольф. — Иначе все пропало”.

— Отлично! Лучшего я и желать не могла, — заявило изображение. — Все в сборе — меня это полностью устраивает. Счастливое семейство снова вместе! Советую хорошенько поразвлечься, перегрызая друг другу глотки. Надеюсь, это будет достойное зрелище! Мне, к сожалению, некогда: я покидаю планету и отправляюсь на охоту за еще живущими братьями и любимой сестричкой Ананой. Правда, перед отлетом я немного отдохну... с твоей Хрисеидой.

— Тебе еще ни разу не удавалось и не удастся взять верх, — воскликнул Вольф в ярости. — Даже если ты убьешь нас, то недолго будешь упиваться своей победой. Слы-

шала ли ты о яде эстафго туземцев водного мира? Он не имеет ни вкуса, ни запаха, и его очень легко подсыпать в пищу. Яд этот проникает в кровь и долгое время остается там, никак не проявляясь. И лишь через несколько дней ужасная боль скрючивает жертву, и несчастный долгие часы бьется в предсмертных судорогах. Знаешь ли ты, что от него нет противоядия? Так вот, Вала, я подозревал тебя в предательстве. Поэтому вчера вечером и подсыпал эстафго тебе в ужин. Скоро яд начнет действовать, вот тогда можешь посмеяться.

Ничего подобного Вольф, конечно, не делал и до последнего момента даже не думал об этом. Но он рассчитывал, что если он умрет, то Вала заплатит хоть несколькими часами ожидания смерти.

Вала вскрикнула от ярости и отчаяния.

— Ты лжешь, Джэдавин! Ты никогда не решился бы на такое! Ты просто пытаешься напугать меня!

— Подожди немного и увидишь, правду я сказал или нет, — отпарировал Вольф.

Он повернулся и с луком наготове двинулся к клетке, намереваясь выполнить данное Уризену обещание.

Изображение Валу вспыхнуло и исчезло. Тотчас же из скрытых в потолке труб забили струи зеленой пены. Жидкость залила весь пол и поднялась до колен. Едкие испарения вызвали у Всевышних приступ кашля. Глаза у Вольфа заслезились. Он нагнулся за луком, который случайно выронил и закашлялся еще сильнее.

Пена уже поднялась до уровня груди. Вольф с трудом шагал в вязкой массе, пробираясь к противоположной двери — хотя там его вполне могла ждать очередная ловушка. Когда пена начала захлестывать голову, он задержал дыхание и надел кислородную маску. Затем немного отодвинув ее от лица, выдул собравшийся внутри состав, надеясь, что и другие сохранили присутствие духа и вспомнили о масках.

За несколько шагов до выхода Вольф почувствовал, что пена начинает твердеть. Он протискивался, насколько хватало сил, но сопротивление вязкой массы все росло. Еще движение, и пена превратилась в твердое желе. Он был схвачен, как муха в янтаре.

Вольф не мог видеть идущих следом за ним Всевышних, стоя лицом к сводчатому проходу, к которому так стремился. Он попробовал шевельнуться и обнаружил, что может немного двигать руками и ногами. Прилагая неимоверные усилия, он протиснулся еще на полдюйма, но желе, как бы пружиня, вернуло его назад и вновь сжало, как в тисках. Ему не оставалось ничего другого, как ждать, пока не кончится запас воздуха. Система циркуляции кислорода была замкнутой и перерабатывала выдыхаемую двуокись углерода. Будь она открытой, он бы уже давно умер. Желе охватывало его так плотно, что выдыхать воздух было некуда. Ему оставалось жить, возможно, часа два. Похоже, что Вала будет смеяться последней. А Хрисеида, большеглазая красавица Хрисеида — что с ней? Неужели ее заставили смотреть, как он умирает? Или же Вала развлекается, описывая ей предстоящие пытки?

Так прошло минут пятнадцать, и все его мысли были направлены на поиски выхода, но спасения не было. Близился конец более чем двадцати пяти тысяч лет жизни и власти бога. Годы прошли напрасно, не стоило и рождаться. Он умрет, и Хрисеида тоже умрет, и обоих их мумифицируют и выставят в трофейном зале среди прочих экспонатов.

Нет уж, такого не будет — во всяком случае Вале придется покинуть это место. Вода, врывающаяся через Врата на верхнем этаже дворца, лишит ее удовольствия. Мертвые тела — его и Хрисеиды — останутся под водой, в темноте и холоде, пока плоть не сгниет и кости не разнесет течением.

Вода! Он совсем забыл про мощный поток, стремительно заполняющий этаж за этажом. Если бы только...

Первая волна, прокатившись по коридору, устремилась под арку и вымыла кусок желеобразной массы. Коридор быстро наполнялся водой, и желе начало разжижаться. Однако время шло. И с каждой минутой вода все приближалась к нему, пожирая пространство и превращая желе в зеленую пену. Так минуло полчаса и воздуха у него оставалось примерно на тридцать минут. Он сдерживал дыхание, экономил каждый глоток кислорода.

Желе вокруг него уже опало зеленой пеной. Вот густая масса растаяла и он был свободен. Однако опасность не миновала. Ведь оставаясь под водой, он неминуемо утонет, как только кончится воздух.

Проплыв к спутникам, которых Вольф разглядел сквозь зеленую завесу, он рывком освободил их из смертельной хватки желеобразного вещества. Все были живы, кроме Ринтраха — хоть он и вовремя надел кислородную маску, но что-то в ней не работало.

Махнув Теотормону и Луваху, Вольф поплыл к выходу, ведущему к единственной надежде. Но проникнуть в двери, сквозь которые в зал врывался поток воды, оказалось невозможно. Их неизбежно сносило к другой арке.

На минуту Вольф застрял в желе, закупорившем проход. Наконец вода размыла преграду и их вынесло в соседнюю комнату. Течение столкнуло их у противоположной стены. Кое-как им удалось выкарабкаться из потока и встать на ноги. Вольф выключил подачу воздуха и сбросил маску. Не было нужды говорить братьям, что через пару минут и это помещение затопит, и что им следует беречь тот небольшой запас воздуха, который оставался в баллонах.

— Уризен сказал мне, что во дворце есть еще один командный зал и объяснил, как до него добраться. Он установил запасную контрольную панель на тот случай, если кому-то удастся завладеть главным пультом. Но потайная дверь находится за залом с ловушкой испепеляющих лучей. У него не хватило времени сказать, как отклю-

чаются лучи. Поэтому нам придется подождать, пока уровень воды поднимется, потом надеть маску и попробовать миновать ловушку в воде. Надеюсь, она ослабит лазеры!

Всевышние надели кислородные маски и пробрались в угол около входа, чтобы иметь какую-то защиту от сильного течения. Ударяясь о стену напротив арки, поток мчался по полу к противоположной двери. Видя, что вода не вызывает действия лучей, Вольф метнул в проход свой каменный топор. Тотчас же последовала ослепительная вспышка, от воды столбом пошел пар.

Уровень воды быстро поднимался и Всевышние постепенно всплывали к потолку. Когда между поверхностью воды и потолком остался только фут воздуха, они опять надели маски.

Вольф нырнул к полу и поплыл. Вдруг воздух кончился. Он задержал дыхание и продолжал плыть. Вспышка света ослепила его, и вода, моментально превратившаяся в кипяток, ошпарила незащищенные руки и шею. Потом его швырнуло о стойку двери и вынесло в соседнее помещение. Здесь Вольф оттолкнулся ногами от пола и стремительно всплыл к потолку, вытянув перед собой руки, чтобы не удариться.

Коснувшись камня, он скинул маску и вздохнул. Легкие заполнились воздухом, но тут же рот захлестнуло водой и он закашлялся.

Теотормон и Лувах держались рядом. Вольф поднял руку и указал вниз:

— Следуйте за мной!

Он вновь нырнул, держа глаза открытыми и скользя рукой по стене, и через мгновение добрался до ниши. В ней стояла нефритовая статуя сидящего на корточках идола — божество Бог знает какого племени. Вольф повернул голову и часть стены отошла внутрь. Троиخ Всевышних тотчас втянуло в большую комнату. Обретя под ногами твердый пол, Вольф подбежал к кронштейну и потянул рычаг с красной ручкой. Дверь медленно закрылась под напором воды и в помещении воды оставалось где-то на

фут. О том, как найти нужный кронштейн (а их тут было, по крайней мере, штук тридцать) ему успел сказать Уризен.

Вольф нажал еще прямоугольную пластинку с идеограммой на древнем языке Всевышних. Потом отступил назад и впервые за долгое время улыбнулся.

— Вала больше не сможет пользоваться своим пультом, более того — она в ловушке, — сказал он. — Все Врата спасения в контрольной комнате отключены, действуют только долговременные Врата дворца, поддерживающие связь с водным миром.

Вольф протянул руку к кнопке, приводящей в действие обзорный экран. Но отдернул руку и с минуту стоял в раздумье.

— Чем меньше сестра будет знать о действительном положении, тем лучше, — решил он наконец. — Теотормон, иди сюда и слушай внимательно.

Вольф с Лувахом укрылись за кронштейном и смотрели на экран через узкую щель. Теотормон прижал ластом кнопку.

Вала уставилась на него с экрана; волосы ее стали темно-рыжими от влаги, лицо было искажено яростью.

— Ты!? — воскликнула она.

— Приветствую тебя, сестра, — произнес Теотормон. — Как видишь, я еще жив. Ты удивлена? Я вот думаю, как ты почувствуешь себя, узнав, что я отрезал тебе все пути к спасению. Ты в моих руках.

— А где же братцы? Где твои любимые родственники? — поинтересовалась Вала, стараясь заглянуть мимо него в помещение.

— Погибли. У них кончился запас воздуха. У меня тоже, но тело, которое дал мне отец, позволило мне задерживать дыхание, пока вода не смыла твое желе.

— Неужели Джэдавин наконец-то мертв? Прямо не верится. Или ты разыгрываешь меня, а, глупый слизняк?

— Ты не в том положении, чтобы ругаться.

— Покажи-ка мне его труп, — потребовала она.

Теотормон пожал плечами.

— Это невозможно. Он плавает где-то во дворце. Я сам едва добрался сюда. И не могу сходить за ним — комната наполнится водой.

Вала глянула на тонкий слой воды, покрывающий пол, и улыбнулась.

— А, так ты тоже в ловушке! Ах ты, воняющий рыбой идиот. У рыб и то больше мозгов — ты сам признался, что так же беспомощен, как и я.

Теотормон зевнул.

— М-м...

— Ты ведь думаешь, что я в твоей власти, — продолжала Вала. — Пожалуй, ты даже уверен в этом. Но твое положение на самом деле ничуть не лучше моего. Я знаю, где находится космический корабль. Он может доставить нас на другую планету, где есть Врата, через которые мы сможем покинуть эту систему Вселенной. Ну и что ты собираешься делать в своем безвыходном положении?

Теотормон почесал мех на голове концом лапы.

— Не знаю.

— М-да, ты не знаешь! Ты глуп, но не настолько же! Слушай, давай заключим сделку. Ты выпустишь меня, а я позволю тебе улететь со мной на корабле. Другого пути нет ни для одного из нас.

Вольфу не видно было лицо Теотормона; но тон его выражал хитрость и подозрение.

— Откуда мне знать, что я могу доверять тебе?

— А разве я могу доверять тебе? Нам нужно устроить все так, чтобы никто не мог заманить другого в ловушку. Согласен?

— Ну-у, я не знаю...

— Моя контрольная комната не пострадала и не пострадает, даже если море затопит весь дворец и поднимется еще на милю. У меня тут пищи на целый год. Я просто могу сидеть здесь и ждать, пока ты умрешь. А потом отыскать

какой-нибудь способ выбраться отсюда. Уж поверь, я что-нибудь придумаю.

— Если ты такая умная, что же ты не выходишь? — съязвил Теотормон.

— Мне тут просто нравится. И дел у меня хватит на год, не меньше.

— Ладно. Но как насчет Хрисеиды?

— Я ее захвачу с собой, я кое-что задумала, — ответила Вала, но голос ее стал более подозрительным. — А почему это она тебя беспокоит?

— Никто меня не беспокоит. Мне просто интересно. Может быть... может быть, ты отдашь ее мне? Судя по словам Джэдавина, она должна быть очень красивой.

Вала засмеялась.

— О такой попытке для нее я не подумала. Но нет братец. Ты не получишь ее.

— Тогда никакой сделки, — сказал Теотормон. — Хоть подавись ею! Посмотрим, чем вы будете развлекаться целый год. Да и не думаю, что тебе удастся доплыть до космического корабля. Давление воды будет слишком большим.

— Ах ты, глупая, эгоистичная, скользкая кишка! Да ты скорее сдохнешь, чем хоть чем-нибудь поделишься! Ладно, бери ее.

Вольф улыбнулся. Он велел Теотормону выторговать Хрисеиду и таким образом отвести от себя подозрения Валу. Желание обладать Хрисеидой было настолько неуместным и эгоистичным, что Вала только утвердилась в искренности Теотормона.

Теотормон от радости хлопнул ластами. Вольф хоть и надеялся, что столь бурное выражение восторга было приговорным, но не удержался от мысли о возможном предательстве со стороны брата. Теотормон продолжил:

— Ладно. Ну, а как мы доберемся до космического корабля?

— Сначала выпусти меня. Я все равно ничего не скажу тебе, а то ты улетишь один.

— Но если я открою дверь, ты сможешь выйти раньше меня.

— Неужели ты не можешь установить рычаги так, чтобы моя дверь открылась только после того, как выйдешь ты?

Теотормон заворчал, как будто эта мысль была для него новой.

— Ладно. Только из комнаты ты выйдешь полностью раздетой. Мы оба выйдем голыми и с пустыми руками. Без оружия. Выйдем одновременно и встретимся в коридоре, который соединяет обе комнаты.

— А я-то думала!..— вздохнула Вала,— ты хочешь сказать, что все время знал, как попасть сюда... так вот где запасной контрольный пульт! А я была уверена, что коридор упирается в глухую стену.

— Все равно это тебе уже не поможет,— буркнул Теотормон.— Тебе не выйти, пока я тебя не выпущу. Да, вот еще что: раздень Хрисеиду тоже, я не хочу, чтобы ты припрятала оружие на ней.

— Работаешь без риска, а? Да ты, похоже, умней, чем я думала.

Что же Вала задумала? Если она действительно встретит его в середине коридора, то окажется совершенно беспомощной против огромной силищи Теотормона. А он нападет на нее в тот миг, как она раскроет ему местонахождение космического корабля, и Вала не может не догадываться об этом.

Дело еще в том, что Вольф, Лувах и Теотормон на самом деле знали, где находится космический корабль. Теотормон только притворялся незнающим для того, чтобы дать ей мнимое преимущество. Надо было как-то выманить ее из комнаты, иначе она бы ни за что не вышла. Вольф знал сестру. Она скорее умрет, прикончив при этом Хрисеиду, чем сдастся. А мысль, что Всевышний действи-

тельно может сдержать данное слово, даже не приходила ей в голову. И для этого у нее были веские причины.

Так что же она все-таки задумала?

Теотормон вновь стал спорить с Валой, прикидываясь дурачком и во всем сомневаясь. Наконец он выключил экран и повернулся к Вольфу и Луваху.

Вольф открыл дверь, как сказал Теотормон, коридор соединял обе контрольные комнаты. Помещения и холл между ними образовывали единый блок и защищались металлической оболочкой четырнадцатифутовой толщины, способной выдержать любое давление воды и даже противостоять прямому попаданию водородной бомбы. Внутреннюю поверхность стен покрывал слой специального вещества, отражавшего проникающую радиацию нейтронной бомбы. Именно поэтому Уризен расположил запасную контрольную комнату в непосредственной близости от основной. Кто бы не завладел главным пультом, он даже не подумает, что из помещения существует выход в коридор до тех пор, пока не откроется часть стены, кажущейся монолитной.

Сам коридор был обставлен так роскошно, что в нем вполне можно было устраивать приемы. Даже у всех земных миллиардеров вместе взятых, не хватило бы состояния, чтобы купить собранные там картины, мебель и скульптуры. На огромной цепи из золотого сплава висела полутонная люстра, высеченная из цельного алмаза. И она была далеко не самым ценным предметом в коридоре.

Вольф спрятался за тахтой, покрытой шелковистой шоколадно-лазурной шкурой. Лувах укрылся за статуей. Убедившись, что его спутники готовы, Теотормон вернулся в контрольную комнату и сообщил Вале, что она может выходить. Потом нажал кнопку, освобождавшую ее двери от запора.

Стена на противоположной стороне коридора скользнула вверх. И Вала осторожно высунула наружу голову. Теотормон столь же осторожно выглянул из своей комна-

ты и шагнул вперед, готовый сразу же отскочить, если только у нее окажется оружие.

Вала коротко рассмеялась и вышла, разведя руки, чтобы показать, что в них ничего нет. Она выглядела великолепно в своей наготе.

Вольф глянул на нее лишь мельком — он смотрел на женщину, которая шла вслед за ней.

Это была Хрисеида, прекрасная большеглазая нимфа с тигриной походкой и распущенными волосами. Она тоже была нагой.

— Горы Шамбаримена! — воскликнул Теотормон. — Я чуть не забыл. Где он?

— В контрольной комнате, — ответила Вала. — Я не захватила его только потому, что ты велел мне выйти с пустыми руками.

— Пойди и принеси его, Хрисеида, — распорядился Теотормон. — Но когда будешь нести, держи высоко над головой, на всю длину рук и не нацеливай на меня. Любое неожиданное движение, и я убью тебя.

Смех Вала заполнил коридор.

— Ты так мнителен, что подозреваешь даже ее? Она не причинит тебе вреда! Она определенно не собирается наступать на моей стороне.

Теотормон не ответил. Соответствующим образом проинструктированный Вольфом, он играл роль чрезвычайно настороженного человека, чтобы Вала не заподозрила его в предательстве. Будь Теотормон подговоривее, она бы сразу заподозрила неладное.

Затем Вала и Теотормон двинулись навстречу друг другу, шагая медленно и не сводя друг с друга пристального взгляда. Все выглядело так, как будто они играли или были партнерами в церемониальном танце — так величаво и ритмично они двигались.

Вольф согнул колени в ожидании. Он заранее скинул костюм, чтобы тот не стеснял его движения. От напряжения тело покрылось потом. Ни он, ни Лувах не были воо-

ружены. Оба растеряли свое оружие, пока добирались до потайного контрольного пункта. А в контрольной комнате, к его разочарованию, не было никакого оружия. Очевидно, там Уризен считал его ненужным. Или, более вероятно, оружие было спрятано так, что найти его мог только человек, знающий секрет. А сообщить его Уризену не хватило времени... а, может быть, у него и не было такого желания. Весь их план заключался в том, чтобы дождаться, пока она пройдет мимо спрятавшихся Луваха и Вольфа, а затем все трое прыгнули бы на нее.

В нескольких футах от бриллиантовой люстры Вала остановилась. Теотормон тоже замер. Вала сказала:

— Ну, мой любезный братец, похоже ты выполнил свою часть сделки.

Он кивнул.

— Итак, где же находится космический корабль?

Теотормон еще шагнул вперед, надеясь, что Вала тоже сделает шаг. Однако она стояла неподвижно.

— Выход как раз в другом конце коридора, в розовой оправе зеркала. Ты мог бы войти в него и оставить меня умирать... если бы знал! Ты, безмозглая мерзость!

Теотормон зарычал и прыгнул на нее. Лувах выскочил из-за укрытия и бросился было вперед, но столкнулся с Хрисеидой. Вольф кинулся прямо к Вале.

Она пронзительно вскрикнула и вытянула правую руку вперед, отведя ладонь под прямым углом к руке и, направив жестко отведенные пальцы к потолку. Из ладони сверкнул интенсивный белый луч не толще иглы. Вала повела рукой. Луч скользнул по шее Теотормона и его голова свалилась. Какое-то время тело еще стояло, из шеи фонтаном била кровь. Потом труп рухнул на пол.

Почему Вала не убила Вольфа крошечным лучеметом, имплантированным в ладонь, так и осталось тайной. Возможно, она хотела сохранить кого-нибудь в качестве будущей жертвы, которую можно поистязать, такое решение оправдывалось психологией Всевышних.

Вольф был беспомощен — в этом Вала была уверена. Она шагнула к нему.

— Теперь я убью тебя, — сказала она. — Ты так опасен, что нельзя оставлять тебя в живых даже на секунду дольше, чем необходимо.

— Я еще не мертв, — процедил сквозь зубы Вольф.

Пальцы его сжались на голове Теотормона, и он метнул ее в Валу. Затем вскочил на ноги и кинулся к ней, зная, что у него нет ни одного шанса, но надеясь, что случится чудо и хоть на мгновение ее внимание отвлечется.

Вала подняла руку, чтобы отразить вызывающий ужас снаряд. Луч рассек голову, но половинки все еще продолжали лететь к ней.

Однако луч был направлен к потолку и моментально перерезал золотую цепь. Полутонная люстра рухнула на богиню. Вольф все еще был в прыжке, когда все это произошло. Он бросился на пол, спасаясь от луча — на тот случай, если она еще была жива. Вала пристально смотрела на него, глаза ее еще сверкали яростью. Но тело и руки ее были придавлены тяжестью алмазов, по полу растекалась кровь.

— Ты... победил... брат, — выдохнула она.

Хрисеида вышла из-за статуи и бросилась к Вольфу. Зарыдав, она прильнула к нему. Он постарался освободиться из ее объятий, так как сейчас нужно было действовать.

— Нам нужно выбраться отсюда, пока это возможно, — сказал он. — Нажми на третий завиток с левой стороны на верхнем украшении зеркала.

Она нажала, и зеркало повернулось, открыв проход. Вольф вскинул на плечо потерявшего сознание брата и двинулся к потайному ходу.

— Роберт! — позвала Хрисеида. — А как же она?

Он остановился.

— Что значит “как”?

— Неужели ты собираешься бросить ее здесь? Ведь она при смерти! Она же страдает!

— Ну и что? — ответил он. — Она это заслужила.

— Роберт!

Вольф вздохнул. Похоже, он снова стал настоящим Всевышним, прежним Джэдавином.

Он положил Луваха на пол и подошел к Вале. Она повернулась, и ее рука освободилась, причем кусок отколотого алмаза упал на пол. Вольф прыжком подскочил к ней и схватил ее руку в тот момент, когда из ладони сверкнул луч.

Он выкрутил ей руку так сильно, что затрещали кости. Она вскрикнула от боли и умерла.

Направленный на Вольфа лазерный луч рассек ее надвое.

Вольф, Хрисеида и Лувах вошли в космический корабль. Звездолет поднялся по стволу пусковой шахты на самую вершину дворца.

Стартовав, Вольф повел корабль к Вратам, укрытым в горах планеты темпосфуджеров. Только после этого у него нашлось время узнать, как Вале удалось выманить Хрисеиду из постели и похитить из его мира.

— Меня разбудил “гексакулум”, — объяснила Хрисеида. — Ты спал. Она — Вала — предупредила меня, что, если я попытаюсь разбудить тебя, то ты умрешь страшной смертью. Вала сказала, что только неукоснительно выполняя ее указания, я спасу тебя.

— Тебе следовало бы знать ее получше, — заметил Вольф. — Если бы она могла причинить мне вред, она бы давно это сделала. Но только тогда ты слишком испуга-

лась за меня, я понимаю. Ты не осмелилась даже подумать, что она блефует.

— Да. Мне хотелось закричать, но я боялась, что она осуществит свои угрозы. Я так боялась за тебя, что не могла даже думать. Поэтому я прошла через указанные ею Врата — те, которые ведут в нижние этажи нашей Вселенной. Перед тем как выйти, я, по ее приказу, отключила сигнализацию. Вала ждала меня в пещере у Врат, чтобы перенести меня в этот мир. Остальное ты знаешь, Роберт.

Вольф передал рычаги управления Луваху, чтобы обнять и поцеловать Хрисеиду. Она заплакала, и его глаза тоже наполнились слезами. То были не только слезы облегчения оттого, что он вернул Хрисеиду целой и невредимой и освободился от неимоверного напряжения, в котором пребывал последнее время, скитаясь по этому жестокому миру.

Он оплакивал также Валу и братьев, но не тех, которые погибли только что, не взрослых, а детей, какими они были когда-то; и любовь, которую они испытывали в то время друг к другу. Он горевал об утрате тех, кем они могли бы стать.

ФИЛИПП Ж. ФАРМЕР
МНОГОЯРУСНЫЙ МИР

О Г Л А В Л Е Н И Е

СОЗДАТЕЛЬ ВСЕЛЕННОЙ	3
ВРАТА МИРОЗДАНИЯ	195

Филипп Ж. Фармер
Ф24 Многоярусный мир. Пер. с англ. — М.: КРИМ-ПРЕСС, Асмадей, 1992. — 384 с. с ил. (Фантастические романы).

ISBN 5-86558-006-X

«Многоярусный мир» — сериал увлекательных фантастических романов популярного американского фантаста Ф. Ж. Фармера. Его герой, внешне заурядный житель Земли, внезапно оказывается в необычном мире, порожденном буйной фантазией всеильной расы Всевышних.

Романы Фармера отличают невероятные коллизии сюжета, яркие, запоминающиеся образы, захватывающие приключения героев.

Ф ~~4703040100~~ Без объявл.
86558-92

ББК 84.7 США

Подписано в печать 19.03.92. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Физ. п. л. 12.
Усл. п. л. 20,16. Тираж 100 000 экз. Заказ 1058.
Цена договорная. «С»—4

Издательство КРИМ-ПРЕСС, «Асмадей»
103009, Москва, Тверской бульвар, 10-12

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии АО
«Молодая гвардия». Адрес АО: Москва, 103030, Суцневская, 21.

АССОЦИАЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВ “КРИМ-ПРЕСС”, “АСМАДЕЙ” И “ГРЭГОРИ”

готовит к выпуску в 1992 г. следующие книги:

В серии “Золотая корона”

Сериал исторических романов Мишеля Зевако “Парадайяны”.

Сборники детективов “Нетерпеливый палач”, “Ключ от морга”, “Преступная любовь”.

Сборник авантюрно-исторических повестей “Рыцарь таверны”; Сборник вестернов “Пограничный легион”.

В серии “Библиотека Асмадея”

Фантастические романы:

Джек Вэнс “Звездный король”.

Филипп Фармер “Многоярусный мир”.

Пол Андерсон “Крестоносцы космоса”.

Сборник волшебной фантастики.

Гордон Диксон “Дикий волк”.

Кейт Лаумер “Космическая дипломатия”.

А также в этом году Ассоциация издательств “Асмадей”, “Грэгори” и “Крим-Пресс” откроет для Вас новую серию, которая явится приятным сюрпризом для искушенного читателя.

Первые две книги серии - это:

Брайан Стэблфорд “Империя страха”

Рекс Миллер “Слоб”.

УЖАС, МИСТИКА, ЧЕРНАЯ ФЭНТЭЗИ

Все это ждет Вас в 1992 году!

